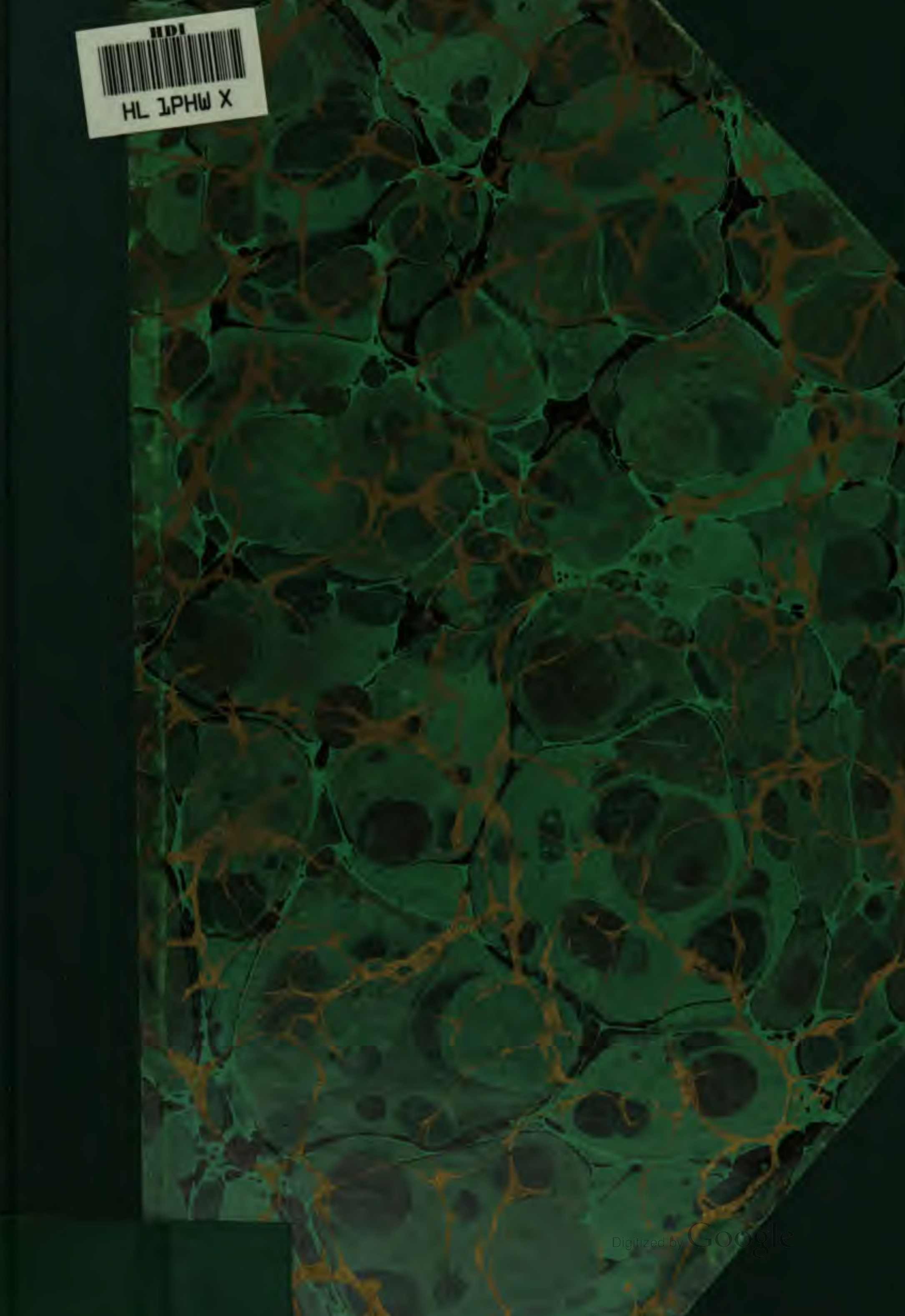
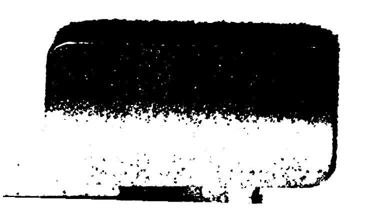

HDI
HL 1PHW X

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV. ANG.
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TS



V. V. Kirʹi...

В. В. Кирьяковъ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ

ВЪ СИБИРЬ

(ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ЗАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ).

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ только что повѣетъ весной, начнетъ таять снѣгъ, зачернѣютъ поля и запахнетъ талой землей, снимаются съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и,—наши „перелетныя птицы“,—крестьяне-переселенцы и тянутся въ далекую Сибирь на поиски за „свободной“ землей, за „вольнымъ“ хлѣбомъ.

Ежегодно эта живая волна въ десятки тысячъ рабочихъ людей, разбившись на массу ручейковъ, медленно катится изъ Европейской Россіи къ Уральскимъ горамъ и, переваливши черезъ нихъ, вливается въ необъятный сибирскій просторъ.

Вотъ уже почти цѣлое тысячелѣтіе льются туда людскія волны, становясь годъ отъ году все выше и выше, а обширная Сибирь все еще и теперь кажется громадной пустыней: лишь кое-гдѣ еще вкраплены въ нее, какъ оазисы, человѣческія гнѣзда—поселенія.

Густой стѣной стоятъ тамъ вѣковые дѣвственные лѣса, не слыхавшіе еще голоса человѣческаго; широко

раскинулись степи, въ которыя не вонзался еще плугъ земледѣльца; гордо высятся горы, храня въ себѣ много сокровищъ, до которыхъ еще не дотрогивалась рука человѣческая; спокойно еще кишатъ рыбой громадныя моря, омывающія берега Сибири, и многоводныя длинныя рѣки, прорѣзывающія ее въ разныхъ направленіяхъ.

Все это еще ждетъ человѣка, ждетъ его неутомимаго труда и энергіи.

Чрезвычайно интересно прослѣдить исторію постепеннаго заселенія этого щедро надѣленнаго природою края, своими естественными богатствами издавна привлекавшаго къ себѣ русскихъ людей.

Интересъ этотъ увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что исторія заселенія Сибири почти совпадаетъ съ другой, не менѣе интересною исторіей, исторіей, собственно, крестьянскихъ переселеній въ нее, принявшихъ за послѣднее время, какъ мы знаемъ, довольно широкіе размѣры.

Въ очеркахъ, предлагаемыхъ ниже вниманію читателей, мы и намѣрены познакомить ихъ съ тѣмъ, какъ постепенно заселялась Сибирь, какъ и почему изъ года въ годъ развивалось крестьянское переселенческое движеніе въ неё и какимъ образомъ это движеніе отразилось на культурной жизни Сибири вообще и на хозяйственномъ бытѣ самихъ переселенцевъ въ частности.

Однако считаемъ не лишнимъ впередъ оговориться, что въ наши задачи совсѣмъ не входитъ дать *полную*

исторію какъ заселенія Сибири, такъ и крестьянскихъ переселеній въ нее.

Наша задача много скромнѣе. Мы попытаемся лишь въ общихъ чертахъ обрисовать главные моменты этой двойной исторіи, повозможности не задерживая вниманія читателей на утомительныхъ, не характерныхъ для нея деталяхъ.

Для удобства обозрѣнія мы подраздѣляемъ всю исторію заселенія Сибири и связаннаго съ нимъ переселенія на три періода, именно: I-й—отъ покоренія Сибири до начала только что минувшаго XIX вѣка, II-й—отъ начала XIX вѣка до 1861 года, года освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и III-й—отъ 1861 г. по настоящее время.

Исторія этихъ трехъ періодовъ и дастъ содержаніе тремъ нашимъ очеркамъ, которыми, собственно, мы и предполагаемъ исчерпать нашу задачу.

Въ четвертомъ очеркѣ мы намѣрены обрисовать,—разумѣется, опять-таки лишь въ общихъ чертахъ,—хозяйственный бытъ сибирскихъ переселенцевъ и вообще культурныя условія жизни сибирскаго населенія въ пореформенный періодъ нашей исторіи.

При этомъ мы намѣрены остановить нѣсколько дольше вниманіе читателей именно на послѣднемъ, пореформенномъ, періодѣ излагаемой нами исторіи, какъ потому, что періодъ этотъ ближе къ намъ, а стало быть, и интереснѣе, такъ и потому, что именно въ теченіе этого періода переселенческое движеніе въ Сибирь по-

степенно утрачиваетъ свой чисто стихійный, неорганизованный характеръ, и становится все болѣе и болѣе сознательнымъ *).

---

*) Чтобы излишне не пестрить своихъ очерковъ постоянными ссылками на источники, которыми мы пользовались при своей работѣ, мы укажемъ на нихъ теперь же. Основнымъ матеріаломъ, — не считая многихъ изданій чисто справочнаго характера,—намъ послужили слѣдующія книги: Андріевичъ. „Исторія Сибири", Буцинскій. „Заселеніе Сибири", Голубевъ. „Алтай", Григорьевъ Н. В. „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи". М. 1885 г. Гурвичъ. „Переселенія крестьянъ въ Сибирь", Исаевъ. „Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ", Кауфманъ. „Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губ. Спб. 95 г., „Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ". Изд. канцел. комит. министр. С.-Петербургъ, 1900 г., Литвиновъ. „Исторія крѣпостного права въ Россіи", Максимовъ. „Сибирь и каторга". Изд. 1891 г. „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Ялуторовскаго округа Тобольской губ. Т. I. М. 1897 г. Изд. мин. земледѣлія и госуд. имуществъ. Изслѣдованіе, произведенное подъ руководствомъ Н. К. Кушъ", Станкевичъ А. „Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ" 2 т. М. 1895—1897 гг. „Матеріалы комиссіи статсъ-секретаря Куломзина", Милюковъ, П. „Очерки по исторіи русской культуры", Орфановъ. „Вдали", М. 1883 г. „Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ". Изд. мин. земл. и госуд. им., „Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету статсъ-секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь въ 1896 г. для ознакомленія съ переселенческимъ дѣломъ", „Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1861 г. по 1 іюля 1900 г. Вып. I. Изд. Полтав. губ. зем. Полтава, 1900 г.", Романовъ. „О переселеніяхъ крестьянъ въ Вятской губерніи". Изд. Вят. губ. зем., „Сибирь". Справочное изданіе пересел. упр. Спб. 1897 г. „Сибирь и сибирская жел. дорога". Изд. мин. фин. Спб. 1893 г., Словцовъ. „Историческое обозрѣніе Сибири", „Статистическія данныя по переселенческому дѣлу за 1897 и 1898 гг." Изд. канц. ком. мин., „Цифровой матерьялъ для изученія переселеній въ Сибирь, составленный подъ руководствомъ Г. А. Пріймака. Изд. пересел. управ. 1898 и 1899 г., Чеховъ А. П. „Островъ Сахалинъ", Ядринцевъ. „Сибирь, какъ колонія", Ядринцевъ „Переселенцы на Алтаѣ" и др. и кромѣ того рядъ статей въ повременныхъ изданіяхъ (гг. Воропанова, Карышева, Качуровскаго, Остафьева, С. Ф., Успенскаго, Ходскаго, Южакова, Ядринцева, и др.).

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Заселеніе Сибири отъ покоренія Сибирскаго царства до начала XIX вѣка.

I.

Географическое положеніе Сибири. Площадь, занимаемая Сибирью. Численность и составъ сибирскаго населенія.

Собственно Сибирь, какъ извѣстно, составляетъ значительную часть Азіатской Россіи, отдѣленной отъ Европейской Россіи довольно высокими Уральскими горами, идущими въ направленіи отъ Ледовитаго океана до Каспійскаго моря. Съ запада на востокъ, отъ Уральскихъ горъ до Великаго или Тихаго океана, Сибирь тянется на 8.652 версты, а съ сѣвера на югъ, отъ Ледовитаго океана до границъ съ Китаемъ, — на 4.383 вер. Площадь Сибири занимаетъ огромное пространство въ $13.939.107_{,9}$ квадр. верстъ. Верхняя, сѣверная, часть этой площади представляетъ собою „тундру“, средняя— „тайгу“ и нижняя, южная, попреимуществу,—степь. Площадь Сибири прорѣзана въ разныхъ направленіяхъ большими многоводными рѣками; наиболѣе крупныя изъ нихъ: Обь съ Иртышомъ, Енисей, Лена и Амуръ. Отъ верховья Иртыша къ Сѣверному Ледовитому океану, въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, тянется цѣлая цѣпь горныхъ хребтовъ; назовемъ изъ нихъ хоть три только,—Алтайскій, Байкальскій и Яблоновый,—

наиболѣе богатыхъ золотомъ, серебромъ и другими металлами.

Климатъ и почва Сибири чрезвычайно разнообразны. На самомъ сѣверѣ — длинная, страшно холодная зима (морозы доходятъ иногда до 40—45$^{\circ}/_{0}$ R.) и промерзшая, никогда какъ слѣдуетъ неоттаивающая почва, „тундра“, на которой можетъ произрастать только клюква да морошка; на югѣ же, напротивъ, есть мѣста, гдѣ зимы почти совсѣмъ не бываетъ (лѣтнія жары достигаютъ 40—45$^{\circ}/_{0}$ R.) и гдѣ свободно вызрѣваютъ, напр., такія растенія жаркихъ и теплыхъ странъ, какъ хлопчатникъ и табакъ.Средняя часть Сибири имѣетъ умѣренный климатъ, близко подходящій кь климату Европейской Россіи. Почти все пространство средней Сибири покрыто громаднымъ, преимущественно хвойнымъ лѣсомъ—„тайгой“, но не мало здѣсь и земель, вполнѣ пригодныхъ для хлѣбопашества.

Собственно Сибирь раздѣляется на двѣ неравныя части—Западную и Восточную. Въ Западной Сибири всего двѣ губерніи,—Тобольская и Томская. Тобольская занимаетъ почти 1.300.000 кв. вер., а Томская—750.000 кв. вер. Въ одной Тобольской губерніи помѣстились бы Германская и Австрійская имперіи, обѣ вмѣстѣ, а такихъ губерній, какъ Московская, въ ней умѣстилось бы 42. Томская губернія меньше почти вдвое Тобольской: въ ней помѣстилось бы всего 25 такихъ губерній, какъ Московская. Восточная Сибирь вчетверо больше Западной. Она включаетъ въ себя губерніи—Енисейскую и Иркутскую, область Приморскую (съ островомъ Сахалиномъ) и округа—Якутскій и Забайкальскій.

Однако Западная Сибирь населеннѣе Восточной,—въ первой около $3^1/_2$ милліоновъ жителей, а во второй—около $2^1/_2$ милліоновъ, т.-е. столько, сколько въ одной Московской губерніи; а такихъ губерній, какъ Москов-

ская, въ Восточной Сибири умѣстилось бы болѣе 300. Изъ этого разсчета видно, какъ не плотно заселена Сибирь, въ особенности восточная ея часть.

Кромѣ губерній, областей и округовъ, входящихъ въ составъ Западной и Восточной Сибири, Россіи принадлежитъ и юго-восточная часть Сибири (такъ называемыя средне-азіатскія владѣнія). Владѣнія эти подраздѣлены на 9 областей (Уральская, Тургайская, Закаспійская, Самаркандская, Ферганская, Сыръ-Дарьинская, Семирѣченская, Семипалатинская и Акмолинская), занимающихъ пространство болѣе 3.000.000 кв. вер. и заселенныхъ почти 8-ю милліонами жителей.

Итакъ, на всемъ этомъ громадномъ земельномъ просторѣ, превосходящемъ величиною въ три раза территорію Европейской Россіи, живетъ всего - навсего 13.448.774 человѣка обоего пола, т.-е. въ 8 разъ меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи. Населеніе Сибири состоитъ главнымъ образомъ изъ переселившихся туда въ разное время русскихъ и различныхъ инородцевъ: якутовъ, самоѣдовъ, остяковъ, вогуловъ, бурятъ, тунгузовъ, башкиръ, калмыковъ, киргизъ, татаръ, чукчей, камчадаловъ и др.

Такое несоотвѣтствіе численности сибирскаго населенія по сравненію съ площадью, которую она занимаетъ, объясняется, въ ряду другихъ причинъ, между прочимъ и слишкомъ быстрымъ ростомъ территоріи русскихъ завоеваній въ Сибири. При рѣдкости коренного населенія, ростъ пришлаго населенія всегда отставалъ отъ роста самой территоріи.

Остановимся теперь немного на завоевательномъ періодѣ сибирской исторіи.

II.

Первое знакомство русскихъ съ Сибирью. Походы новгородцевъ въ XI—XIV вв. Положеніе дѣла завоеванія Сибири въ первую половину XVI вѣка.

Названіе свое Сибирь получила отъ Сибирскаго татарскаго царства, существовавшаго на берегахъ рѣки Иртыша, въ XIV—XVI столѣтіяхъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ впервые встрѣчается названіе Сибирской земли въ 1407 г. по случаю убійства въ этомъ году татарскаго хана Тохтамыша ханомъ Шадибекомъ „въ Сибирской землѣ“.

Однако различныя части Сибири были знакомы русскимъ еще задолго до этого времени.

Такъ, напримѣръ, южную ея часть впервые посѣтили русскіе князья въ XII в., при своихъ поѣздкахъ на поклонъ къ великому хану въ Орду, а западная часть Сибири, ближайшая къ Уральскому хребту, была извѣстна русскимъ еще въ XI в.

Честь перваго знакомства съ сибирскими обитателями принадлежитъ предпріимчивымъ новгородцамъ, которые въ XI в. уже имѣли съ ними торговыя сношенія. Всѣ народы, жившіе у Уральскаго хребта, по обѣимъ сторонамъ сѣверной части его, были извѣстны новгородцамъ подъ именемъ—югровъ или угровъ (предки нынѣшнихъ остяковъ и вогуловъ). Югры еще въ XI в. жили по эту сторону Урала, въ нынѣшней Европейской Россіи, по берегамъ р. Печоры, но затѣмъ, рядомъ походовъ новгородскихъ „удальцовъ“, облагавшихъ ихъ данью, югры были оттѣснены за хребетъ, въ нынѣшнюю Сибирь.

Новгородскихъ купцовъ Югрія привлекала богатствомъ „пушнины“, т.-е. дорогого пушного звѣря, водившагося во множествѣ въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ,—

соболя, куницы, бобра, бѣлки, горностая, чернобурой лисицы и т. п.

Югры главнымъ образомъ промышляли звѣроловствомъ, и на добытыя шкурки вымѣнивали необходимые имъ въ домашнемъ обиходѣ предметы, напримѣръ,— хлѣбъ и, главнымъ образомъ, желѣзное оружіе — сѣкиры и ножи. Торговля была, конечно, очень прибыльна для новгородскихъ купцовъ, такъ какъ Югры не знали настоящей цѣны своему богатству, а новгородскіе купцы охулки на руки не клали: за какой-нибудь желѣзный грошевой ножъ новгородецъ получалъ отъ югорина „противу", т.-е. въ обмѣнъ, десятки драгоцѣнныхъ собольихъ, куньихъ, бобровыхъ и др. шкурокъ, не мало моржеваго клыка, или „узорочья" (украшеній изъ финифти, мозаики и хрусталя, а особенно изъ бисера).

Обиліе привозимой новгородскими торговцами изъ Югоріи „пушнины" питало и поддерживало массу ходившихъ баснословныхъ разсказовъ о богатствахъ Югоріи. Разсказывалось, напр., „очевидцами", что въ Югоріи съ неба спадали цѣлыя тучи звѣриныхъ дѣтенышей, моментально, на ихъ глазахъ, вырастали и расходились по землѣ. Басни эти возбуждали воображеніе полудикихъ новгородцевъ, ихъ охватывала жажда легкой наживы, — и „удальцы-повольники" шли въ Югорію, но ужъ, конечно, не для торговаго обмѣна, какъ купцы, а просто для грабежа, какъ разбойники.

Безпорядочныя, плохо вооруженныя толпы югровъ-звѣролововъ не въ силахъ были дать надлежащій отпоръ воинственнымъ, хорошо вооруженнымъ новгородцамъ, и платились за это своими пушными богатствами, попадая въ постоянные данники къ „господину великому Новгороду", именемъ котораго „объясачивали" югровъ новгородскіе удальцы. Не спасло югровъ и

отступленіе за Уральскій хребетъ; удальцы разыскали ихъ и тамъ и продолжали собирать съ нихъ „дани многія". Разумѣется, доставалось подчасъ и „удальцамъ". Такъ, по свидѣтельству древнихъ лѣтописцевъ, новгородцы были побѣждены юграми въ 1032, 1187 и 1193 гг.

Но все же съ половивы XIII в., если нельзя установить этого для болѣе ранняго времени, Югрія была уже въ числѣ Новгородскихъ волостей, что видно изъ договорныхъ грамотъ новгородцевъ съ своими князьями, древнѣйшая изъ которыхъ относится къ 1264 г.

Но вотъ скоро съ юго-востока Сибири появляются болѣе грозные враги, наводнившіе всю Сибирь и часть Европы,—татары.

Въ пограничномъ Китаѣ, въ теченіе почти цѣлаго тысячелѣтія послѣ Рождества Христова, происходила ожесточенная борьба между различными народностями, его населявщими, за политическое преобладаніе въ странѣ. Въ результатѣ этой борьбы изъ Китая выливались въ Сибирь,—а изъ нея, черезъ ворота между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, проникали и въ Европу,—грозные потоки дикихъ кочевыхъ народовъ, разрушавшихъ все, что ни попадалось на ихъ пути, сметавшихъ съ лица земли цѣлыя народности. Такъ оттуда появились гунны (IV в.), булгары, авары (VI в.), хозары (VII—X вв.), печенѣги (IX—XI вв.), половцы (XI—XIII вв.) и, наконецъ, самые опасные и дольше другихъ державшіеся—татары.

Непрестанную борьбу съ этими кочевниками вело и наше государство. Борьба эта обнимаетъ довольно большой періодъ времени, именно—почти съ самаго основанія государства и вплоть до XVI столѣтія. Борьба съ татарами кончилась, какъ извѣстно, покореніемъ Россіи, сильно ослабленной въ то время княжескими спорами

за первокняженіе. И Россіи пришлось нести татарское иго цѣлые 250 лѣтъ.

Татарское владычество задержало нѣсколько движеніе русскихъ въ Сибирь. Правда, новгородцы, меньше другихъ пострадавшіе отъ татарскаго нашествія, предпринимали и въ это время походы въ Югрію, но большая часть изъ этихъ походовъ оканчивалась неудачею.

Между тѣмъ время шло. Русь объединилась вокругъ Московскаго княжества и силы ея окрѣпли. Татарская же Орда, напротивъ, постепенно ослаблялась внутренними смутами. Изъ нея выдѣлилось нѣсколько самостоятельныхъ царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское. Часть Киргизъ-Кайсацкой орды осѣла въ Сибири на рѣкѣ Оби, по сосѣдству съ Югріей.

Къ половинѣ XV в. уже окончательно окрѣпшая Русь фактически почти освободилась отъ татарскаго ига; не сдѣланъ былъ только послѣдній шагъ. Великій князь Московскій Іоаннъ III сдѣлалъ этотъ послѣдній шагъ,—и въ 1480 г. Русь окончательно была освобождена отъ татарскаго владычества.

Еще раньше Іоаннъ III покорилъ подъ свою власть Великій Новгородъ, а съ нимъ присоединилъ къ Москвѣ и всѣ его земли, завоеванныя новгородской „вольницей“ или удальцами. Такимъ образомъ и Югрія вошла въ составъ владѣній Московскаго княжества. Однако югры не спѣшили оказывать повиновеніе своему новому повелителю, и въ 1465 г. Іоаннъ III, по разсказу Архангелогородскаго лѣтописца, велѣлъ „устюжанину Василію Скрябѣ Югорскую землю воевати, а шли съ нимъ хотячіе люди... съ Вымичи и Вычегжаны. Они же шедше за Югорскую землю воевали и полону много вывели, и землю за великаго князя привели“. Но въ 1467, 1481 и 1483 гг. княжескіе воеводы опять приводили къ покорности вогуличей и югровъ,

очевидно, не охотно мирившихся съ своимъ зависимымъ положеніемъ. Послѣдній походъ окончился бѣгствомъ Сибирскаго князя, а также плѣненіемъ вогульскихъ и югорскихъ князей, которые въ слѣдующемъ, 1484 г., и присягали на вѣрность великому князю.

Такимъ образомъ Іоаннъ III уже съ 1488 г. получаетъ право титуловаться „княземъ Югорскимъ". Въ 1496 г. умираетъ Сибирскій татарскій ханъ Махметъ, успѣвшій опять уже въ этотъ промежутокъ времени возвратить южную Югрію подъ власть сибирскихъ хановъ и перенести свою столицу изъ Тюмени въ Сибирь или Искеръ.

Послѣ смерти Махмета опять начинаются въ Югоріи волненія, вызвавшія въ 1499 г. большой походъ за Уралъ. Во главѣ пятитысячнаго войска, состоявшаго изъ устюжанъ, двинянъ и вятчанъ, стали князья Семенъ Курбскій и Петръ Ушатый и окончательно покорили Югорскую землю.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ для удобства управленія обширная Югорія раздѣлена была на Обдрію, мѣста по обѣимъ сторонамъ Оби, и Кондію, по р. Кондѣ, лѣвому притоку Иртыша. И поэтому въ 1514 г. въ титулъ великаго князя вносится уже названіе „князя Кондинскаго и Обдорскаго".

III.

Положеніе дѣла завоеванія Сибири въ первую четверть второй половины XVI в. Походы Ермака и окончательное покореніе Сибири. Общій ходъ покоренія Сибири въ XVII и XVIII вв.

Съ покореніемъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ татарскихъ царствъ Казанскаго, а затѣмъ и Астра-

ханскаго, русскимъ открывается широкій путь въ Сибирь. И Сибирскій царь Едигеръ какъ будто почувствовалъ это. Въ январѣ 1555 г. пришли отъ него въ Москву послы поздравить царя съ покореніемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и бить челомъ отъ имени всей сибирской земли, чтобы царь взялъ ихъ „въ свою волю и подъ свою высокую руку“. Послы говорили при этомъ, что „черныхъ людей“ (простолюдиновъ) въ Сибирской землѣ 30.700 человѣкъ.

Царь милостиво согласился принять ихъ подъ свою „высокую руку“ и наложилъ на нихъ за это дань: въ годъ по 1000 соболей, да посланному царскому за данью—1000 бѣлокъ. Въ слѣдующемъ, 1556 г., была уже собрана, хотя и неполная, дань съ Сибирской земли; въ 1557 г. дань была собрана уже полностью, а Сибирскій царь получилъ отъ московскаго царя грамоту о подданствѣ.

Такимъ образомъ Иванъ IV Грозный въ 1557 г. фактически становится „повелителемъ Сибири“. Впрочемъ, Грозный еще въ 1554 г. въ грамотѣ къ англійскому королю Эдуарду VI именуетъ себя такимъ титуломъ, а въ 1563 году въ грамотѣ къ польскому королю Сигизмунду онъ прибавляетъ къ этому титулу еще „и всея Сибири“.

Но однако въ томъ же 1563 году ханъ Кучумъ взялъ городъ Сибирь, убилъ князя Едигера и брата его Бекъ-Булата, самъ назвался царемъ Сибирскимъ и прекратилъ дань Москвѣ. Онъ подчинилъ себѣ также, въ 1569 г., югровъ, остяковъ и вогуличей, бывшихъ данниковъ Московскихъ.

Тогда, въ мартѣ 1569 г., Грозный посылаетъ къ Кучуму сибирскаго татарина Аису съ грамотой, въ которой было сказано: „прежъ сего Сибирскій Едигеръ князь на насъ смотрѣлъ и съ Сибирскія земли со всее на всякъ годъ дань къ намъ присылалъ“. Кучумъ счелъ за лучшее жить въ мирѣ съ Грознымъ царемъ и въ 1571—1572 г.

прислалъ ему первую дань съ просьбой принять подъ свое подданство. Грозный послалъ въ Сибирь для приведенія къ присягѣ Кучума боярскаго сына Третьякова-Чабукова; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, вѣроятно, крѣпче была присяга, приказалъ князю Лыченицыну идти воевать царя Кучума. Князь ходилъ, но потерпѣлъ неудачу; онъ потерялъ много народу, пушекъ и пороха.

Племянникъ Кучума Маметкулъ побилъ остяковъ и Третьяка-Чабукова.

Такимъ образомъ Сибирь начала было опять ускользать изъ подъ „высокой руки“ Грознаго царя. Но на выручку къ нему совершенно неожиданно явился знаменитый Ермакъ Тимофеевичъ, которому и принадлежитъ честь окончательнаго покоренія Сибири.

Настоящее имя Ермака было Василій Тимофеевичъ, Аленинъ-Повольскій. Дѣдъ Ермака былъ посадскій человѣкъ г. Суздаля, Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, переселившійся во Владиміръ и бѣжавшій затѣмъ изъ тюрьмы,—гдѣ онъ сидѣлъ за сношенія съ муромскими разбойниками и сбытъ награбленныхъ ими вещей,—въ Юрьевецъ-Повольскій уѣздъ. Сынъ Аѳанасія, Тимофей, отецъ Ермака, переселился къ промышленникамъ Строгоновымъ на р. Каму и получилъ прозвище Повольскаго. Самъ Василій Тимофеевичъ ходилъ въ молодости на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, былъ артельнымъ кашеваромъ, за что и получилъ прозвище Ермака (ермакомъ называется артельный котелъ).

Жизнь, полная опасностей и приключеній, развила въ Ермакѣ воинственный духъ и предпріимчивый характеръ. Чужая собственность въ тѣ воинственныя времена не пользовалась большимъ уваженіемъ. На нее былъ такой взглядъ: нынче—твое, а завтра—мое, если я оказался сильнѣе тебя. Поэтому весьма естественно, что по тѣмъ временамъ трудно было провести рѣзкую

грань между воиномъ-завоевателемъ и обыкновеннымъ разбойникомъ. Чаще всего эти два ремесла соединялись въ одномъ лицѣ, и перейти грань, отдѣляющую воина отъ разбойника было тѣмъ легче, что ихъ, собственно, объединяло одно и то же стремленіе, стремленіе къ возможно быстрой и легкой наживѣ.

Эта грань была перейдена и воинственнымъ Ермакомъ. Изъ служилаго человѣка промышленниковъ Строгоновыхъ, обязавшагося оберегать ихъ торговые караваны по Волгѣ и Камѣ, Ермакъ сдѣлался атаманомъ поволжскихъ разбойниковъ, не щадившихъ не только „басурманскихъ", но и русскихъ купцовъ. Разбойничьи подвиги Ермака получили настолько громкую славу, что вѣсть о нихъ дошла и до слуха Грознаго царя. Въ цѣляхъ охраненія торговли, Грозный послалъ противъ Ермака свои войска, издавши указъ о преданіи „Ермака со товарищи лютой и позорной смерти".

Тогда Ермакъ, въ 1575 г., съ 6000 товарищей и 4 другими атаманами: Иваномъ Кольцо, Яковомъ Михайловымъ, Никитою Паномъ и Матвѣемъ Мещерякомъ, спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ войскъ, убѣжалъ съ Волги къ верховьямъ Камы, къ тѣмъ же Строгоновымъ. Строгоновымъ это было на руку: Ермакъ явился какъ разъ во-время. Дѣло въ томъ, что въ это время инородцы осадили городки по р. Чусовой, угрожая и владѣніямъ Строгоновыхъ, расположеннымъ по обѣмъ сторонамъ Камы до р. Чусовой. Строгоновы обратились было къ царю за помощью, но тотъ, занятый въ это время борьбой съ Польшей, не могъ оказать имъ поддержки. Тогда Строгоновы, обезпечивъ дружину Ермака, какъ пищевыми продуктами, такъ и боевыми припасами, направили ее противъ инородцевъ.

Въ сентябрѣ 1578 г. Ермакъ выступилъ въ первый свой походъ въ Сибирь, на стругахъ, вверхъ по р. Чу-

совой. Однако зазимовать пришлось на рѣкѣ Сильвѣ, куда, по незнакомству съ мѣстностью, свернули участники похода. Построивши на мѣстѣ стоянки на р. Сылвѣ (на мѣстѣ, именуемомъ теперь Ермаково городище) часовню во имя св. Николая и оставивши тамъ часть дружины, Ермакъ вернулся къ Строгоновымъ, съ цѣлью подновить пищевые и боевые запасы и увеличить численность своего войска, твердо рѣшивши предпринять второй походъ въ Сибирь. Строгоновы вновь снабдили Ермака запасами, дали ему „пушечныя и скорострѣльныя пищали семипядныя“ и даже „вожевъ (проводниковъ), вѣдущихъ той Сибирскій путь“ и „толмачевъ (переводчиковъ) басурменскаго языка“.

И вотъ 12 іюня 1579 г. съ 5000-ю дружиною Ермакъ выступаетъ во второй походъ въ Сибирь; онъ идетъ также по р. Чусовой, но съ нея повертываетъ въ р. Серебрянку. На притокѣ этой рѣки Кокуѣ Ермакъ вновь зазимовалъ, оградившись землянымъ укрѣпленіемъ.

1-го мая 1580 г. дружина Ермака перешла волокъ (пространство между двухъ рѣкъ, гдѣ приходилось на себѣ тащить, „волочь“ лодки) къ р. Жаровкѣ, спустилась плотами по р. Баранчѣ до р. Тагила, а отсюда уже на стругахъ вышла въ р. Туру. Здѣсь дружина Ермака разбила татарскаго князька Епанчу, устрашеннаго пищальными выстрѣлами, и овладѣла его городищемъ (на мѣстѣ нынѣшняго города Туринска). 1-го августа Ермакъ подошелъ къ татарскому городу Намли или Чинги-Тура (нынѣ Тюмень) и безъ труда овладѣлъ имъ.

Начиная съ 9-го мая 1581 г. дружина Ермака все двигалась впередъ, внутрь страны, побивая татаръ и забирая ихъ города, лежавшіе по рр. Турѣ, Тоболу и Иртышу. 1-го и 23-го октября произошли двѣ битвы

дружинниковъ съ войсками Кучума подъ Чувашскою горою. Вторая изъ этихъ двухъ битвъ и рѣшила господство русскихъ за Ураломъ. Кучумъ, захвативши свои богатства и родныхъ, бѣжалъ въ Ишимскую степь.

26-го октября 1581 г. Ермакъ свободно вступилъ въ столицу Сибирскаго царства—Искеръ или Сибирь. Этотъ день и можетъ считаться днемъ, въ который произошло окончательное покореніе Сибири.

Уже на третій день послѣ занятія казаками Искера къ Ермаку явились остяцкіе и вогульскіе князьки съ просьбой о принятіи ихъ въ подданство, — настолько сильное вліяніе на умы инородцевъ оказало пораженіе татаръ.

Весною слѣдующаго года полсотня казаковъ, по порученію Ермака, спускалась внизъ по р. Иртышу—приводить мѣстное населеніе въ русское подданство. Опять было взято множество татарскихъ городковъ, вплоть до нынѣшняго Самарова, и управленіе ими поручено остяцкому князю Алачѣ.

Побѣдивши Кучума, Ермакъ тотчасъ же отправилъ въ Москву посольство, состоявшее изъ 50 казаковъ во главѣ съ атаманомъ Иваномъ Кольцо, „бить челомъ Грозному царю Сибирской землей“ и просить отъ него поддержки войскомъ.

Но вѣсть о покореніи Сибири Ермакомъ дошла до Грознаго еще раньше, чѣмъ явился „предъ свѣтлыя очи Грознаго царя“ атаманъ Иванъ Кольцо.

1-го сентября 1582 г. Пелымскіе вогуличи напали на г. Чердынь, мстя за разореніе ихъ жилищъ проходившей здѣсь дружиною Ермака. Чердынскій воевода донесъ о нападеніи вогуличей Грозному царю, упомянувъ при этомъ и о походѣ Ермака въ Сибирь. При чемъ воевода представилъ все дѣло такъ, что какъ

будто бы Ермакъ дѣйствовалъ лишь въ интересахъ Строгоновыхъ, по ихъ наущенію и при ихъ пособіи.

Грозный, предположивъ, на основаніи письма чердынскаго воеводы, что Строгоновы затѣяли самовольно расширить свои владѣнія, присоединивъ къ нимъ и покоренное Ермакомъ Сибирское царство, сильно разгнѣвался и прислалъ 16-го ноября 1582 г. Строгоновымъ опальную царскую грамоту. Въ грамотѣ царь приказывалъ Строгоновымъ немедленно воротить изъ Сибири отрядъ Ермака, „для обереганія Пермскихъ земель“; въ случаѣ же ослушанія грозилъ именитымъ людямъ большою опалою. „А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати“, добавлялось въ грамотѣ.

Но въ это время какъ разъ подоспѣло посольство во главѣ съ Иваномъ Кольцо, вручившее Грозному грамоту Ермака о покореніи Сибири и передачѣ ее „подъ высокую царскую руку“. Привезенъ былъ, какъ доказательство подданства и первый ясакъ, состоявшій изъ 60 сороковъ черныхъ соболей, 20—черныхъ лисицъ и 50—бобровъ.

Тогда царскій гнѣвъ былъ положенъ на милость. Грозный, обласкавъ посланцевъ, даровалъ полное прощеніе Ермаку съ товарищами и пожаловалъ всѣхъ соратниковъ Ермака „своимъ государевымъ великимъ жалованіемъ“. Ермаку же было послано отъ царя: дорогая съ царскихъ плечъ шуба, серебряный подъ золотомъ ковшъ, два дорогихъ панцыря и 100 руб. денегъ. Такъ награждены были вмѣсто обѣщанной висѣлицы покорители Сибири „за ихъ государеву службу и за пролитіе крови на службѣ государевой“.

Весною 1583 г. отправились изъ Москвы первые, назначенные царемъ начальники Сибирскаго края—воевода князь Болховскій, „письменный голова“ стольникъ

Иванъ Глуховъ и стрѣлецкій голова съ 500 стрѣльцами.

Большого войска Грозный не могъ послать въ Сибирь, такъ какъ занятъ былъ въ это время борьбой съ Польшей, о чемъ мы упоминали выше.

Лѣтомъ 1584 г. Ермакъ предпринялъ свой послѣдній, предсмертный походъ, для преслѣдованія бывшаго мурзы Кучумова, Карача, истребившаго отрядъ атамана Кольцо.

Въ этотъ разъ Ермакъ поднимался вверхъ по Иртышу и дошелъ до рѣчки Шиши. Въ ночь съ 5-ое на 6-ое августа, застигнутый врасплохъ татарами, покоритель Сибири погибъ; по одному сказанію онъ былъ убитъ, а по другому—утонулъ.

Съ Ермакомъ исчезъ авторитетный покоритель новаго края. Сибирскіе инородцы: татары, остяки и вогуличи воспрянули было духомъ, подступили къ Искеру и заставили воеводу бѣжать съ остаткомъ русскихъ обратно въ Россію. Искеромъ овладѣлъ Кучумовъ сынъ, Алей, котораго вытѣснилъ сынъ сверженнаго Кучумомъ Бекъ-Булата, Сейдякъ.

Но правительство московское твердо рѣшило взять въ свои руки дѣло покоренія края.

Чтобы закрѣпить край за собою, съ 1586 г. правительство начинаетъ строить въ Сибири свои городки. Такъ появились городки: Тюмень (1586 г.), Тобольскъ (1587 г.), Пелымь, Березовъ, Сургутъ (1592 г.), Верхотурье (1598 г.) и т. д.

Городки снабжались гарнизонами и провіантомъ, и отсюда предпринимались новые походы внутрь страны. Главною цѣлью этихъ походовъ являлось, конечно, стремленіе увеличить поступленіе ясака въ государеву казну и мошну самихъ сборщиковъ.

Объясачиваніе инородцевъ, приносившее значительную прибыль взимавшимъ подать лицамъ и воеводамъ,

приводило нерѣдко къ столкновенію между самими же русскими, вышедшими изъ разныхъ городовъ на поискъ „ясачныхъ людей“. Партіи казаковъ перебивали другъ у друга ясакъ, пока извѣстная область сбора не закрѣплялась за какимъ-нибудь городкомъ. Нерѣдко впереди казаковъ шли „промышленные люди“, именемъ царя собиравшіе ясакъ въ свою пользу. Промышленники старались, конечно, во избѣжаніе столкновеній съ военными отрядами, проходить еще незакрѣпленными за городками мѣстами, и такимъ образомъ открывали новые пути для движенія вглубь страны; такъ, между прочимъ, открыта была и р. Амуръ.

Конечно, подчиненіе покоряемыхъ инородцевъ, въ виду малочисленности русскихъ въ краю, нельзя было считать прочнымъ. И дѣйствительно, возмущенія и отказы вносить ясякъ со стороны инородцевъ бывали явленіемъ весьма частымъ.

Но все же въ общемъ русскіе легко, съ весьма небольшими силами, справлялись съ плохо вооруженными и безпорядочными толпами инородцевъ и смотрѣли поэтому на себя, какъ на хозяевъ страны.

Въ теченіе первыхъ 18 лѣтъ XVII столѣтія совершается переходъ русскихъ на р. Енисей, и здѣсь появляются города Томскъ (1604 г.), Красноярскъ (1628 г.) и др.

Къ 30-мъ годамъ XVII в. русскіе проникаютъ дальше, на р. Лену, гдѣ въ 1630 г. основывается Якутскъ и другіе городки.

Въ 1637—1640 г. былъ открытъ путь отъ Якутска къ Охотскому морю вверхъ по рр. Алдану, Маіѣ и Ньюдомѣ, и отсюда волокомъ въ р. Улью, впадающую въ море.

При движеніи по р. Енисею и Ледовитому океану промышленники проникаютъ въ устья рр. Яны, Индигирки, Колымы и Анадыра. Закрѣпленіе Ленскаго (Якутскаго) края за русскими завершено было постройкой

Олекминскаго острога (1635 г.), Нижне-Колымска (1644 г.) и Охотска (1648 г.)

Въ 1649—50 г. казацкій атаманъ Ерофей Хабаровъ достигъ Амура. Здѣсь, ниже устья р. Уссури, Хабаровъ овладѣлъ Ачанскимъ острогомъ (1652 г.), гдѣ и произошло впервые столкновеніе русскихъ съ китайцами и манчжурами. Въ 1655 г. амурскія земли были подчинены Москвѣ, а къ 60-мъ годамъ XVII в. весь этотъ край до озера Байкала, а отчасти и за нимъ, былъ уже фактически занятъ русскими.

На правый берегъ Амура русскіе, однако, еще не переходятъ изъ боязни столкновенія съ Китаемъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теченіе XVII столѣтія русскіе заняли уже почти всю нынѣшнюю Западную и Восточную Сибирь, отъ верхняго и средняго Урала до Великаго океана.

Въ Западной Сибири русскіе дошли до степныхъ мѣстностей, завоеваніе которыхъ, въ виду кочевого характера обитавшаго здѣсь населенія, представило значительныя трудности.

Вообще въ теченіе всего XVII столѣтія русскимъ приходится постоянно отражать набѣги дикихъ кочевниковъ по всей южной линіи, отъ Волги до Алтая. Борьба съ степными хищниками становится систематическою только въ XVIII столѣтіи и производится путемъ движенія въ мѣста кочевокъ калмыковъ, киргизовъ и башкиръ укрѣпленій съ двухъ сторонъ—съ сибирской отъ Алтая и со стороны Европы отъ Волги.

Къ 1747 г. постепенно выростаетъ здѣсь уже цѣлый рядъ укрѣпленій, образовавшихъ такъ называемую Иртышскую линію. Въ 1754 г. отстраивается еще новая линія укрѣпленій—Ишимская. Въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія возникаетъ Оренбургская линія, упирающаяся однимъ концомъ въ Каспійское море, а другимъ въ

Уральскій хребетъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, эта линія, отдѣляя съ востока башкиръ отъ киргизовъ, смыкается съ линіей крѣпостей, тянущейся по р. Ую до впаденія въ р. Тоболъ.

Такимъ образомъ появляются опорные пункты между Оренбургомъ и Омскомъ.

Окончательное упроченіе русскихъ въ Южной Сибири произошло уже во второй половинѣ только что истекшаго столѣтія, когда, съ подчиненіемъ вліянію Россіи Кокансваго ханства, удалось занять все пространство между крайними пунктами Оренбургской и Сибирской линій—укрѣпленіями Джулекомъ и Вѣрнымъ. Въ царствованіе Александра III мирнымъ путемъ былъ присоединенъ къ Россіи Мервъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, исторія, собственно, завоевательнаго періода Сибири.

Трудно сказать, закончился ли уже теперь этотъ періодъ Сибирской исторіи. Соглашеніе, состоявшееся 15-го марта 1898 г., между Россіей и Китаемъ объ уступкѣ Россіи въ пользованіе на 25-ти лѣтній срокъ Ляо-Дунъ-Квантунскаго полуострова съ портами Таліенванъ и Портъ-Артуръ фактически расширило владѣнія Россіи и усилило ея вліяніе на Востокѣ. Заканчивающаяся въ скоромъ времени постройкой Великая Сибирская желѣзная дорога,—съ вѣтвью на Портъ-Артуръ, прорѣзывающею Манчжурію,—призвана еще болѣе упрочить за Россіей это вліяніе.

Съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго пути Россія, можно сказать, станетъ твердою ногою въ Сибири, что и доказали уже послѣднія событія въ Китаѣ. Вопросъ теперь въ томъ, пойдетъ ли Россія въ своемъ завоеваніи дальше или остановится и займется культурой громаднаго сибирскаго края, — это вопросъ будущаго и можетъ быть недалекаго будущаго.

Мы не станемъ теперь гадать о томъ, каково можетъ быть это будущее, а перейдетъ къ исторіи заселенія Сибири.

IV.

Заселеніе Сибири „служилыми людьми". Заселеніе Сибири по вызову и указу „пашенными людьми" (**крестьянами-земледѣльцами**). **Добровольные засельщики Сибири „гулящіе люди"** (**бѣглые**). **Положеніе крестьянъ-засельщиковъ въ Сибири. Засельщики „посадскіе люди". Подневольные засельщики Сибири—ссыльные.**

Заселеніе Сибири, какъ вообще и другихъ странъ Россіи, шло двоякимъ путемъ—правительственнымъ и народнымъ.

Правительство съ самаго начала появленія русскихъ завоевателей въ Сибири стало переводить сюда разныхъ людей и набирать охотниковъ. Первыми засельщиками края явились тѣ *служилые люди*, которые совершили его завоеваніе. Обыкновенно воеводы и другіе военачальники, по порученію правительства, дѣлали „приборъ", т.-е. сформировывали отряды частью изъ лицъ служилаго сословія, частью изъ охотниковъ—„вольныхъ людей"; при отрядахъ обыкновенно находились также шедшіе по указу или по своей волѣ духовенство, крестьяне и посадскіе люди.

По совершеніи похода и отстройкѣ новыхъ городковъ, бывшія во главѣ отрядовъ лица обыкновенно возвращались въ Россію или въ главный городъ, откуда вывели свою партію, за помощью или для предпринятія новыхъ походовъ, остальные же водворялись на вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ и здѣсь заводили поселенія.

Кромѣ „прибора", правительство отправляло нерѣдко казаковъ и стрѣльцовъ просто по „государеву указу".

Передвиженіе служилыхъ людей часто сопровождалось грабежали и безчинствами. Двигались эти партіи на подводахъ, которыя, какъ и прокормъ, обязано было доставлять имъ мѣстное населеніе.

Служилые люди обыкновенно получали отъ казны жалованье деньгами и хлѣбомъ; но жалованья было недостаточно, и потому они обзаводились пашнями близъ мѣстъ своего поселенія или занимались торговлею.

Главное значеніе „служилыхъ людей“ въ Сибири, конечно, заключалось не въ заселеніи этого края, а въ закрѣпленіи отдѣльныхъ его пунктовъ за Россіей, въ подчиненіи мѣстныхъ инородцевъ и открытіи такимъ образомъ новыхъ мѣстъ для мирной колонизаціи страны земледѣльцами.

Это была первая группа засельщиковъ, — такъ сказать, „бѣлая“, командующая.

Вторую группу засельщиковъ, „черную“,—особенно важную для колонизаціи края,—составляли крестьяне-земледѣльцы, или *пашенные люди*, какъ ихъ называли тогда.

„Пашенныхъ людей“ правительство переводило въ Сибирь также по вызову и указу. Вербовались они главнымъ образомъ въ поморскихъ городахъ (изъ нынѣшнихъ—Вятской, Володской, Архангельской и Пермской губерній). Для нѣкоторыхъ мѣстностей поставка опредѣленнаго числа переселенцевъ была вмѣнена даже въ обязательную повинность.

Желавшимъ переселиться на „государеву пашню“ давалась льгота въ платежѣ податей до трехъ и болѣе лѣтъ и оказывалась правительственная помощь на дорогу и обзаведеніе на мѣстѣ,—конечно, за счетъ самого мѣстнаго населенія, обязаннаго поставлять переселенцевъ. Въ какихъ размѣрахъ была оказываема помощь переселенцамъ, можно видѣть изъ царскаго наказа о

переселеніи въ Сибирь изъ Сольвычегодска 30 хлѣбопашенныхъ семей. „Чтобы у каждаго хозяина-новосела,—говорится въ наказѣ,—было по три мерина добрыхъ, по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по два гуся, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха совсѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь".

Сольвычегодцы исполнили царскій наказъ и кромѣ того собрали еще на подъемъ отправляемыхъ въ Сибирь переселенцевъ по 110 р. на семью. Но эта сумма показалась правительству уже роскошью; оно выдало лишь по 25 руб. на семью, а остальныя опредѣлило на нужды будущихъ переселеній.

Но, очевидно, охотниковъ идти въ далекую Сибирь находилось немного, такъ что правительству приходилось переводить туда крестьянъ „по указу" изъ дворцовыхъ селъ (принадлежащихъ царскому двору) или за разныя преступленія изъ другихъ мѣстъ. Такимъ переселенцамъ также оказывалась правительственная помощь.

Рядомъ съ появившимися въ Сибири крестьянами по вызову и указу, сюда поступало въ крестьянское званіе много такъ называемыхъ *гулящихъ людей.* Часть этихъ „гулящихъ", и при томъ весьма незначительная, была свободнаго состоянія, большую же часть составляли разные бѣглые крестьяне и холопы; въ числѣ ихъ было не мало разбойниковъ и разныхъ преступниковъ. Крестьянъ гнали изъ Европейской Россіи въ Сибирь тягости сложившагося къ этому времени окончательно крѣпостного состоянія. Крестьянинъ, имѣвшій прежде право свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, по своему желанію,—съ одной стороны, рядомъ правительственныхъ мѣръ, съ другой, помѣ-

щичьихъ уловокъ, — къ половинѣ XVII столѣтія былъ окончательно закрѣпощенъ.

Уже въ концѣ XVII столѣтія,—по словамъ историка Милюкова, — помѣщики стали полными господами закрѣпленныхъ за ними крестьянъ. Они отрывали ихъ отъ земли, переводили въ дворовую прислугу, перевозили въ другія имѣнія, продавали на сторону, вмѣстѣ съ семьей и поодиночкѣ. Помѣщикъ сталъ и судьей своихъ крѣпостныхъ, и судьей по большей части грознымъ и немилостивымъ. Въ помѣщичьемъ дворѣ зачастую можно было найти тюрьму, кандалы и колодки; право пытать и наказывать не ограничивалось никакими предѣлами и даже за убійство крѣпостного владѣлецъ не несъ опредѣленной закономъ отвѣтственности. При этихъ условіяхъ между свободнымъ когда-то крестьяниномъ и изстари несвободнымъ холопомъ оставалась только формальная разница; но и эта послѣдняя разница была уничтожена, когда Петръ I положилъ и тѣхъ и другихъ, крестьянъ и холоповъ, въ одинаковый подушный окладъ.

Естественно поэтому, что крестьянинъ, еще недавно свободный въ выборѣ мѣста и землевладѣльца, а теперь прочно закрѣпощенный, не могъ мириться съ новымъ своимъ положеніемъ подневольнаго раба—и бѣжалъ въ Сибирь на „вольныя земли“ и „свободную жизнь“. Побѣги изъ Россіи на окраины настолько сильно развились въ послѣднюю четверть XVII в., что общее уменьшеніе податного населенія центральной Россіи въ это время вычисляется историками въ 20%, т.-е. оно уменьшилось въ 5 разъ. Насколько сильно было движеніе переселенцевъ изъ поморскихъ городовъ въ Сибирь можно судить по тому, что къ 1708 г. въ поморскихъ городахъ число дворовъ уменьшилось на двѣ трети противъ 71000, переписанныхъ тамъ въ 1686 г.

Правительство, конечно, противилось этимъ побѣгамъ, держа руку своихъ „служилыхъ людей"—помѣщиковъ, и дѣлало строгія предписанія о возвращеніи бѣглецовъ. Въ 1683 г. были устроены даже заставы, преграждающія пути самовольнымъ бѣглецамъ. Но стремленіе къ свободѣ, разъ оно сильно, не могутъ задержать никакія преграды. Къ тому же бѣглецамъ потворствовали отчасти и сибирскія власти, которымъ вмѣнено было почти въ обязанность привлекать побольше рабочей силы на богатую, но пустынную окраину; но главнымъ благодѣтелемъ бѣглецовъ былъ необъятный сибирскій просторъ, радушно скрывавшій ихъ отъ „недреманнаго" начальническаго ока.

Отсюда возникло вольное положеніе бѣглаго въ Сибири. Въ XVIII столѣтіи положеніе бѣглыхъ измѣняется. Бѣгство начинаетъ считаться наказуемымъ преступленіемъ, и бѣглые крестьяне начинаютъ тогда селиться въ глухихъ мѣстахъ безъ предварительнаго заявленія о себѣ начальству края.

Впослѣдствіи многіе изъ такихъ поселенцевъ, при случайномъ ихъ обнаруженіи, обыкновенно, получали прощеніе и оставались въ мѣстахъ ихъ поселенія.

Въ первое время, почти до конца первой четверти XVII в., всѣ крестьяне въ Сибири были „пашенные" т.-е. пахали „государеву пашню", и за эту повинность получали право пахать на себя опредѣленное количество земли (приблизительно разъ въ 5 больше противъ государственной запашки).

Съ увеличеніемъ числа пашенныхъ крестьянъ рѣшено было, во второй четверти XVII ст., принимать „гулящихъ людей" на оброкъ, состоявшій въ томъ, что, взамѣнъ обработки государевой пашни, ими вносилось въ казну опредѣленное количество хлѣба, соотвѣтственно величинѣ участка, предоставлявшагося для обработки.

Натуральная повинность пахотой, а также и оброкъ, нельзя было бы считать особенно отяготительными для первыхъ крестьянъ-переселенцевъ, если бы на нихъ не падало много другихъ повинностей, извѣстныхъ подъ названіемъ „государевыхъ издѣлій“. Всѣ этого рода повинности перечислить нѣтъ никакой возможности; назовемъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Сюда относились, напр., разныя постройки казенныхъ зданій и сооруженій, рубка и доставка для нихъ лѣса, постройка судовъ и сплавъ казеннаго хлѣба, починка и содержаніе дорогъ, выставка подводъ и т. д. Исполненіе всѣхъ повинностей, при обычной среди переселенцевъ, благодаря общимъ условіямъ ухода въ Сибирь, малосемейности, было довольно обременительно. Такъ что „свобода труда на себя“ и въ Сибири для первыхъ засельщиковъ ея была, въ сущности, призрачной.

Кромѣ „государевыхъ крестьянъ“ въ Сибири существовали еще крестьяне монастырскіе и архіерейскіе. Положеніе этихъ крестьянъ, въ виду меньшаго обремененія ихъ повинностями, было значительно лучше.

Люди безсемейные, не могущіе заводить въ одиночку хозяйство, обыкновенно становились „половниками“, т.-е. законтрактовывали себя на извѣстный срокъ въ земледѣльческіе работники къ служилымъ людямъ или богатымъ крестьянамъ, заводили при ихъ помощи самостоятельное хозяйство, на „половину“ котораго и получали право по истеченіи контрактнаго срока. Особенно много было половниковъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ „холоповъ“ (дворовыхъ, обезземеленныхъ помѣщиками крестьянъ), переселившихся въ Сибирь вмѣстѣ съ своими господами, служилыми людьми. Мѣстныя условія настолько способствовали побѣгамъ, что побуждали владѣльцевъ отпускать холоповъ при переселеніи въ Сибирь на волю и привязывать ихъ къ себѣ потомъ въ качествѣ „половниковъ“,

Сравнительно много половниковъ имѣли монастыри. Духовенство охотно обмѣнивало доставшуюся имъ даромъ землю на крестьянскій трудъ, благодаря чему и получало возможность жить припѣваючи.

Однако, недобросовѣстность владѣльцевъ при расчетахъ съ „своими половниками“ по окончаніи срока контракта, заставляла часто этихъ послѣднихъ воздерживаться отъ „половничества“ и предпочитать ему простое „наймитство“ или батрачество.

Помимо чисто земледѣльческаго населенія, каковымъ являлись крестьяне, въ Сибири существовала еще особая группа засельщиковъ *„людей посадскихъ“*, главнымъ образомъ занимавшихся торговлею и промыслами и потому „садившихся“ въ городахъ и близъ нихъ.

„Посадскіе люди“ занимались и хлѣбопашествомъ, но конечно, главнымъ образомъ въ торговыхъ цѣляхъ. „Посадскіе люди“ по отношенію къ повинностямъ были сначала, такъ сказать, на особомъ положеніи. До 20-хъ годовъ XVII в. они не платили никакихъ пошлинъ и оброковъ, а только несли разныя „государевы службы“— на таможняхъ, при хлѣбныхъ складахъ, при ясачной казнѣ, въ цѣловальникахъ, при разныхъ государственныхъ учрежденіяхъ: баняхъ, тюрьмахъ, кабакахъ и пр. Въ 20-хъ годахъ они были обложены денежными оброками: съ торговли и промысловъ стали платить пошлины, а съ пашенъ—пятый снопъ съ урожая. Не привыкши къ податямъ, „посадскіе“ тяготились государевой службой и массами убѣгали на волю или „закладывались“ въ монастыри въ крестьяне-половники. Разумѣется, монастыри отъ этого только богатѣли и число ихъ стало быстро увеличиваться. Такой быстрый ростъ монастырей въ Сибири обратилъ на себя даже вниманіе правительства.

Въ 1698 г. царской грамотой запрещено было вновь строить монастыри, такъ какъ „въ Сибири мужскихъ

и женскихъ монастырей,—сказано было въ грамотѣ,— гдѣ всякаго чина православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольное число есть“.

А въ 1764 г., манифестомъ отъ 26-го февраля, въ Сибири болѣе 13000 монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ были отобраны отъ владѣльцевъ и обращены въ такъ называемые экономическіе.

Третью, численно, значительную группу заселыщиковъ Сибири, составляли подневольные ея заселыщики,—„люди отверженные“, *ссыльные.*

Начало ссылки въ Сибирь относится къ 1593 г. Пелымь былъ первымъ ссыльнымъ сибирскимъ городомъ: сюда сосланы были жители г. Углича, свидѣтели убіенія царевича Димитрія, а также и главный виновникъ возмущенія угличанъ—Углицкій мѣдный колоколъ (съ усѣченіемъ уха), вѣсившій 19 п. 20 ф. На немъ была сдѣлана впослѣдствіи слѣдующая надпись: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ, при убіеніи царевича Димитрія, въ 1593 г. присланъ изъ города Углича въ Сибирь, въ ссылку во градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а послѣ на Софійской колокольнѣ былъ часобительный“. „Этотъ первый и неумирающій,—по выраженію Словцова,—ссыльный сталъ предтечею и прообразомъ будущей судьбы Сибири“.

Ссылка, какъ наказаніе, впервые появляется въ русскомъ законодательствѣ съ изданіемъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, именно съ 1648—49 гг. Но ссылка въ это время пока еще неноситъ характера самостоятельнаго наказанія, а лишь сопровождаетъ другія. Въ 1669 г. за цѣлый рядъ преступленій тюремное заключеніе замѣнено было ссылкой въ Сибирь на житье. При Петрѣ Великомъ ссылка на житье въ Сибирь въ виду практической необходимости,—недостатка въ мѣстахъ заключенія и въ людяхъ для заселенія окраинъ,—по

отдѣльнымъ указамъ, пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени значительное развитіе. Петровскій „Воинскій Уставъ“ вмѣсто ссылки на житье вводитъ каторгу двоякаго рода, а именно: ссылку на галеры и на работы (послѣднюю какъ дополненіе къ „члено-вредительнымъ наказаніямъ“).

Направляя каторжныхъ во всѣ мѣста, гдѣ требовались рабочія руки для большихъ казенныхъ сооруженій, правительство пользовалось трудомъ каторжныхъ сначала въ Европейской Россіи (при постройкѣ Балтійскаго порта—до 1767 г.), затѣмъ для постройки крѣпостей по Оренбургской линіи и, наконецъ, для развитія горнаго дѣла въ Сибири.

Съ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія Сибирь уже дѣлается по преимуществу мѣстомъ стеченія каторжныхъ (Екатеринбургская каторга до 1800 г., а также и Нерчинская), а въ концѣ XIX столѣтія вся каторга сосредоточивается въ Нерчинскомъ краѣ при тамошнихъ сребро-плавильныхъ заводахъ. Число ссыльныхъ въ Сибирь значительно увеличивается съ замѣной при императрицѣ Елизаветѣ смертной казни за общегражданскія преступленія ссылкой въ Сибирь навѣчно.

Ссылка съ этого времени становится постоянною и раздѣляется на два вида: въ работу и на поселеніе, а соотвѣтственно этому и ссыльные начинаютъ дѣлиться на два разряда: „ссыльно-каторжные“ и „ссыльно-поселенцы“. „Ссыльно-каторжные“ подвергались по суду торговой казни, ссылались въ казенные Нерчинскіе заводы и рудники, или же солеваренные и винокуренные заводы, а иногда даже и на частныя фабрики. „Ссыльно-поселенцы“ же дѣлились на 4 разряда: 1) назначенныхъ къ заселенію отдаленныхъ и малообитаемыхъ мѣстъ (главнымъ образомъ по Туруханскому тракту, на Кемчугахъ, Каргатскомъ волокѣ); такіе селились съ пособіемъ отъ

казны, 2) распредѣлявшихся по селеніямъ старожиловъ, 3) поступавшихъ на пополненіе заводскихъ рабочихъ и, наконецъ, 4) неспособныхъ къ поселенію по старости или болѣзнямъ. Ссыльно-поселенцы послѣдней категоріи распредѣлялись по селеніямъ для снисканія себѣ пропитанія посильными трудами, и извѣстны были подъ названіемъ „пропитанныхъ".

Въ 1797 г. Екатериною II изданъ былъ указъ о направленіи всѣхъ осужденныхъ на смертную казнь въ каторгу на Нерчинскіе заводы, а осужденныхъ въ вѣчную ссылку—въ Иркутскъ.

Составъ ссыльныхъ былъ чрезвычайно разнороденъ. Кромѣ уголовныхъ преступниковъ въ Сибирь ссылались также въ большомъ числѣ раскольники различныхъ толковъ, бунтовавшіе стрѣльцы, казаки и плѣнные иностранцы. Въ 1739 г. предписано было даже ссылать въ Сибирь заводскихъ мастеровыхъ и вообще рабочихъ людей за пьянство и игру въ кости и карты. Послѣднее распоряженіе, очевидно, имѣло въ виду преимущественно поддержку только что начинавшаго тогда развиваться въ Сибири горнаго дѣла (въ это время кромѣ сереброплавильныхъ заводовъ въ Нерчинскомъ краѣ, возникли на Алтаѣ мѣдноплавильные заводы, а въ 1744 г. тамъ были найдены и богатѣйшіе серебряные рудники). Вообще потребность горныхъ заводовъ въ рабочихъ рукахъ имѣла огромное значеніе въ направленіи ссыльныхъ въ Сибирь; эта потребность вызываетъ, напримѣръ, въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія цѣлый рядъ указовъ о направленіи преступниковъ въ Сибирь.

Особенно же усилилась ссылка въ Сибирь съ изданіемъ закона 1760 г. о пріемѣ въ Сибирь на поселеніе помѣщичьихъ, дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, купеческихъ и государственныхъ

крестьянъ, съ зачетомъ ихъ за рекрутъ и съ платой отъ казны за отправляемыхъ при названныхъ крестьянахъ женъ и дѣтей обоего пола по опредѣленной таксѣ. Этотъ видъ поселенцевъ получилъ особое названіе сосланныхъ „за продерзости“.

Такимъ образомъ указъ 1760 г.,—предоставивъ право всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, владѣвшимъ крестьянами, удалять въ Сибирь тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались для владѣльцевъ въ какомъ-нибудь отношеніи неудобными,—сдѣлался источникомъ разнаго рода злоупотребленій и насилій надъ личностью крестьянина. Во многихъ случаяхъ законъ этотъ для владѣльцевъ явился средствомъ избавляться отъ правильной рекрутчины, отнимавшей лучшихъ работниковъ, т.-е., проще говоря, однимъ изъ способовъ обмана казны, путемъ сдачи неспособныхъ къ труду лицъ въ зачетъ рекрутъ и продажи ихъ семействъ. Безчеловѣчный указъ этотъ дѣйствовалъ до 1807 года.

Произвести хотя бы приблизительный подсчетъ того количества населенія, которому Сибирь обязана ссылкѣ въ XVIII столѣтіи, не представляется никакой возможности какъ въ виду крайней неаккуратности, которая господствовала въ теченіе всего этого времени по отношенію къ учету поступавшихъ въ Сибирь ссыльныхъ, такъ и вслѣдствіе гибели большинства архивовъ, гдѣ хранились необходимыя для этого данныя. При томъ дѣло передвиженія ссыльныхъ было поставлено такъ плохо, что въ пути партіи пересылаемыхъ часто значительно сокращались.

Ссылка большихъ партій, точно такъ же, какъ препровожденіе служилыхъ, шедшихъ въ Сибирь по вызову и указу, сопровождалась обыкновенно по пути слѣдованія значительными грабежами, чему часто способствовали и сами сопровождавшіе партію конвойные.

Грабежи, впрочемъ, вызывались почти необходимостью. Такъ какъ хотя пересылка вообще производилась на казенный счетъ, и идущимъ въ ссылку въ дорогѣ полагались отъ казны кормовыя деньги, но этихъ „кормовыхъ“ назначалось отъ казны такъ мало, а охотниковъ до казеннаго „корма“ изъ мелкаго начальства было такъ много, что партіямъ приходилось буквально голодать по цѣлымъ днямъ и устилать путь свой трупами мертвыхъ. Кромѣ того по дорогѣ между конвойными и ссыльными возникали часто ссоры, драки и даже кровопролитныя схватки; побѣгъ ссыльныхъ въ пути былъ явленіемъ самымъ обыкновеннымъ.

Но по пути своего поистинѣ скорбнаго шествія партіи ссыльныхъ таяли и отъ другихъ причинъ. По свидѣтельству графа Сперанскаго, бывшаго въ 20-хъ годахъ XIX ст. сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, не было почти ни одного начальственнаго лица, которое не считало бы себя въ правѣ оставлять у себя ссыльныхъ изъ проходящихъ партій въ качествѣ прислуги или домашнихъ мастеровыхъ. Случалось также, что партіи ссыльныхъ, не дойдя до мѣста своего назначенія, получали въ пути новое назначеніе, и тогда учетъ ихъ уже являлся положительно невозможнымъ.

V.

Общій порядокъ заселенія Сибири. Передвиженіе сибирскаго населенія внутрь страны. Численность сибирскаго населенія въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Ознакомившись съ составомъ первыхъ засельщиковъ Сибири изъ русскихъ, мы посмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ совершалось самое заселеніе.

Порядокъ этотъ въ общемъ былъ таковъ. Сначала въ занятой вновь мѣстности строился острогъ, т.-е. стѣны и башня, а затѣмъ внутри ихъ церковь, дворъ для воеводы, дворъ для служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворы для духовенства и нѣсколько другихъ дворовъ. Острогъ съ теченіемъ времени расширялся. Около него возникали монастыри, гостинный дворъ (торговые ряды) для мѣстныхъ торговцевъ, „гостинный“ дворъ для пріѣзда инородцевъ, и дворы стрѣлецкіе, посадскіе и крестьянскіе.

Подъ защиту городка стекались посадскіе люди, крестьяне и массы „гулящихъ людей“, изъ которыхъ сформировывались потомъ военные отряды и переводились на службу въ другіе возникавшіе городки.

Какъ правительство, такъ и монастыри и частные люди—духовенство, служилые, посадскіе и сами сибирскіе крестьяне—были крайне заинтересованы въ развитіи мѣстнаго земледѣлія. Благодаря отсутствію достаточнаго количества собственной запашки первое время приходилось жить главнымъ образомъ присыльнымъ хлѣбомъ изъ мѣстностей, гдѣ уже привилось хлѣбопашество. Этотъ хлѣбъ доставлялся крайне неаккуратно, обходился дорого, и повинность по отпуску хлѣба, вначалѣ лежавшая на приуральскомъ населеніи, отзывалась на послѣднемъ крайне тяжело. Въ первое время существованія новыхъ остроговъ, въ виду несвоевременной присылки хлѣба, случались нерѣдко голодовки. Вообще жители сибирскихъ острожковъ, зимовей, станицъ и крѣпостей очень часто сидѣли безъ хлѣба, безъ одежды, питались разной падалью, кореньями, поджареными ремнями, глиной, и въ лѣтніе походы на инородцевъ они ходили нерѣдко совершенно нагими и босыми. „Едва стѣнь свою носятъ, какъ бы всѣ не померли, чего Боже избави“—постоянно доно-

сили начальству командиры этихъ полуголодныхъ защитниковъ своего новаго отечества.

Затрудненія въ доставкѣ провіанта были настолько постоянны, что одинъ изобрѣтательный генералъ-майоръ, по фамиліи Киндерманъ, изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, придумалъ—„во избѣжаніе казнѣ ея императорскаго величества ущерба",—продовольствовать войска сѣверо-восточной Сибири, вмѣсто хлѣба, *березовою истолченною корою.* Но это остроумное нѣмецкое изобрѣтеніе не привилось у насъ на Руси. Къ нему прибѣгаютъ теперь только наши крестьяне во время голодовокъ, да и то поневолѣ.

Чтобы обезпечить населеніе необходимымъ количествомъ хлѣба, по возможности, на мѣстѣ, правительство поступало слѣдующимъ образомъ. По мѣрѣ развитія хлѣбопашества въ извѣстной сибирской мѣстности, къ ней, обыкновенно, сначала прекращался подвозъ казеннаго хлѣба, а затѣмъ эта мѣстность становилась въ свою очередь житницей для вновь занятыхъ областей.

Но ростъ территоріи русскихъ завоеваній происходилъ такъ быстро, что заселеніе, а съ нимъ и развитіе земледѣлія въ самой Сибири, не могло поспѣть за нимъ; поэтому хлѣбъ все же доставлялся часто изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Нужда въ мѣстномъ хлѣбѣ заставляла такимъ образомъ и монастыри, и частныхъ лицъ, поселившихся въ сибирскихъ городахъ, заводить пашни, устраивать на нихъ хутора, изъ которыхъ и развивались съ теченіемъ времени деревни и села.

Такимъ образомъ помимо крестьянскихъ поселеній вокругъ сибирскихъ городковъ возникали деревни служилыхъ людей, посадскихъ, духовенства и монастырей. Обитатели этихъ деревень, какъ мы видѣли раньше, находились обыкновенно на положеніи „половниковъ" или просто „наймитовъ".

Убыль сибирскаго населенія происходила отчасти отъ бѣгства, отчасти вслѣдствіе распоряженій правительства о переводѣ людей въ другіе города, главнымъ же образомъ отъ рекрутчины, введенной Петромъ I. Рекрутчина въ началѣ XVIII стол. лишила Сибирь навсегда около 28000 душъ. Впослѣдствіи рекрутскіе наборы стали обращаться для пополненія мѣстныхъ войскъ, и такимъ образомъ Сибирь перестала испытывать уменьшеніе населенія искусственнымъ путемъ.

Передвиженіе въ самой Сибири мѣстнаго населенія съ запада къ востоку, въ глубь страны, начало совершаться отчасти само собой, по собственному почину, отчасти по распоряженію правительства, часто при этомъ совсѣмъ не сообразовывшагося съ хозяйственными интересами населенія и оставлявшаго такимъ образомъ мѣстное населеніе безъ достаточнаго количества рабочихъ рукъ. Кромѣ того переселеніе въ глубь Сибири практиковалось правительствомъ какъ мѣра наказаній за преступленія, совершонныя въ самой Сибири.

Итакъ, мы видимъ, что въ теченіе всего XVII стол. заселеніе Сибири опять таки является результатомъ дѣйствія двухъ силъ: правительственной власти и самого народа, устремлявшагося по разнымъ причинамъ изъ центра на окраину; при чемъ главное значеніе въ дѣлѣ заселенія въ этотъ періодъ времени нельзя не признать за послѣднею силой. И правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ широко пользовалось тѣмъ матеріаломъ, который ему поставлялъ бѣжавшій въ Сибирь народъ, подъ личиной „гулящаго человѣка" скрывавшій свое происхожденіе.

Въ XVIII в. вольное заселеніе Сибири, какъ будто сильно сокращается, а новое населеніе въ краѣ является почти исключительно, какъ послѣдствіе ссылки. Заселеніе новыхъ сибирскихъ мѣстностей, кромѣ какъ ссыль-

ными, производится въ это время также и путемъ разрѣженія сибирскаго же населенія, при чемъ здѣсь большую роль сыграли переписи. Переписи открыли массу лицъ, незаписанныхъ ни въ одно изъ податныхъ состояній; и такимито „прописными“ людьми правительство попреимуществу и стало заселять пустующія мѣстности Сибири. Такимъ образомъ, „гулящій человѣкъ“ замѣняется „прописнымъ“, т.-е. уклоняющимся отъ несенія податей. И нѣтъ сомнѣнія, что значительная доля этого „прописного“ населенія явилась въ результатѣ вольнаго народнаго переселенія, т-е., попросту говоря, бѣгства крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и отъ рекрутчины.

Но несмотря на массовое бѣгство крестьянъ, населеніе Сибири къ 1710 г., вычисленное на основаніи сопоставленія числа рекрутъ съ общею численностью дворовъ, выставлявшихъ одного рекрута, даетъ, по Андріевичу, цифру всего лишь около 143.000 мужчинъ податного состоянія.

Количество населенія Сибири къ концу XVIII столѣтія, по даннымъ Гагемейстера, составленнымъ согласно итогамъ шестой ревизіи, производившейся въ 1796—97 гг., и другимъ свѣдѣніямъ, въ за-Енисейской Сибири всего, вмѣстѣ съ инородцами, считалось 707.185 душъ обоего пола, изъ нихъ русскихъ 575.756 душъ, мужскихъ же душъ русскихъ всего—289.861. Въ этотъ счетъ, впрочемъ, не вошло городское населеніе.

Распредѣленіе сельскаго населенія по мѣстностямъ въ до-Енисейской Сибири было крайне неравномѣрно: оно уменьшалось по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и востоку. По даннымъ Щеглова, населеніе въ обѣихъ частяхъ края опредѣлялось въ 553.766 чел., изъ которыхъ 443.544 чел. приходилось на до-Енисейскую Сибирь, а остальные 110.222 чел. на Иркутскую губернію

(съ нынѣшнимъ Забайкальемъ). Большую часть этого населенія слѣдуетъ, разумѣется, отнести на счетъ пришлыхъ людей.

VI.

Жизнь и нравы первыхъ засельщиковъ Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Въ заключеніе своего перваго очерка сообщимъ нѣкоторыя дошедшія до насъ данныя о томъ, каково жилось въ это время засельщикамъ Сибири, закинутымъ по своей или чужой волѣ въ этотъ отдаленный край.

Появившись въ странѣ въ качествѣ завоевателей, русскіе, какъ выше мы уже и упоминали, считали себя полными господами края и въ первое время держали себя тамъ, въ особенности съ инородцами—„басурманами", какъ полные и безконтрольные хозяева. Непосильные поборы, вымогательства и просто грабежи доводили несчастныхъ инородцевъ до отчаянія и часто заставляли ихъ браться за оружіе и возставать противъ своихъ притѣснителей. Но возстанія эти подавлялись сравнительно легко и быстро,—и инородцы попадали въ еще худшее положеніе.

Первое историческое свидѣтельство о лихоимствѣ сибирскихъ служилыхъ людей относится къ 1601 г. Въ этомъ году царскимъ указомъ Сибирскому воеводѣ предписывалось „ясакъ соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и бѣлки, и горностаи сбирати по ясачнымъ книгамъ сполна, а мелочи худые лоскутишекъ собольихъ и куньихъ и бѣльихъ не имати, и корысти себѣ ни въ чемъ не чинити и нашему ясаку не отмѣнити, лутчихъ соболей, и куницъ, и лисицъ, и бобровъ, и горностаевъ себѣ не имати, а своихъ худыхъ соболей и всякія мелкія рухляди не класти".

Изъ этого указа мы видимъ, что служилые люди не стѣснялись грабить не только инородцевъ, но и казну не досылая ей ясакъ или подмѣняя его негодными мѣхами.

Указовъ о „нечиненіи обидъ ясачнымъ людямъ“ было присылаемо центральнымъ правительствомъ множество, и самое обиліе такихъ указовъ уже говоритъ о томъ, что указы эти сибирскимъ начальствомъ не исполнялись.

Вымогательства съ инородцевъ производились, очевидно, съ „пристрастіемъ“ т.-е. сопровождались пытками и обращеніемъ въ рабство, что видно изъ тѣхъ же указовъ, предписывавшихъ не обращать „ясачныхъ людей“ въ рабство и о „нечиненіи имъ казней и пытокъ ни по какимъ дѣламъ безъ доклада государю; объ охраненіи ихъ отъ обидъ, налоговъ, притѣсненій и грабежей“ (1684—1695 гг.).

Разореніе „Сибирскому народу“ творилось, впрочемъ, не только мелкими служилыми людьми, но и главными начальниками края.

Такъ, въ 1719 г. Сенату было донесено: „о взяткахъ и о прочемъ Сибирскому народу разореніи, учиненныхъ Сибирскими комендантами, майорами, комиссарами, дьяками и самимъ губернаторомъ княземъ Гагаринымъ и его служителями“. Обвиненія эти подтвердились, и въ 1721 г., послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, князь Гагаринъ приговоренъ былъ судомъ къ смертной казни и дѣйствительно казненъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1722 г. былъ казненъ, также за злоупотребленія, иркутскій воевода Ракитинъ, а въ 1736 г., опять же за злоупотребленія по службѣ, въ С.-Петербургѣ казненъ былъ черезъ отсѣченіе головы бывшій Иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ.

Взятки вымогались различнымъ способомъ. Такъ,

напр., въ 1665 г. Енисейскій воевода Голохвастовъ сталъ отдавать на откупъ помѣсячно „зерни и корчмы и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того бралъ себѣ откупу рублевъ по 100 и больше и тѣмъ блуднымъ женкамъ велѣлъ наговаривать на торговыхъ и проѣзжихъ и промышленныхъ людей напрасно, для взятки“.

Ревизіи края, назначаемыя центральнымъ правительствомъ, часто вели не къ выясненію и уменьшенію злоупотребленій, а напротивъ къ ихъ увеличенію.

Такъ, въ 1738 г. прибылъ въ Иркутскъ слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ, повѣренный откупщика тайнаго совѣтника Глѣбова, нѣкто Крыловъ. Забравъ дѣла съ 1709 г., онъ завелъ безконечное слѣдствіе, запутавъ въ него множество купцовъ и посадскихъ и, при посредствѣ пытки, плети и кнута, ограбилъ ихъ на сумму до 150,000 рублей. По отзыву современниковъ, онъ творилъ въ Иркутскѣ „неслыханно безнравственныя пакости и противоестественные поступки, оставивъ по себѣ постыдную память“. Память о варварствахъ Крылова, дѣйствительно, и до сихъ поръ жива еще въ Иркутскихъ преданіяхъ.

Но, разумѣется, далеко не все изъ того, что продѣлывалось въ то время въ Сибири, доходило до глазъ и ушей центральнаго правительства и попало въ исторію. Воеводскія злоупотребленія были такъ обычны, что вошли въ пословицу.

Воеводы, впрочемъ, не стѣснялись прижимать и служилыхъ людей, лишь бы отъ этого предвидѣлась выгода. Такъ, въ 1637 г. томскій воевода Иванъ Ромодановскій, дѣйствуя „по государеву указу и своему высмотру“, объявилъ служилымъ людямъ, что въ сентябрѣ 1637 г. тѣ изъ нихъ, у кого есть „не малыя пашни“, совсѣмъ не будутъ получать „хлѣбнаго жалованья“ (оно выдавалось, какъ сказано выше, натурою—рожью и овсомъ),

а владѣющіе „малыми пашнями“ станутъ получать это жалованье въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ. Это распоряженіе вызвало бунтъ служилыхъ людей, поддержанный посадскими людьми города и ясачными людьми уѣзда. Во главѣ движенія сталъ казачій пятидесятникъ Андрей Губа. Несмотря на все пристрастіе слѣдствія, произведеннаго новоприсланнымъ воеводою, московское правительство не рѣшилось наказать весь „міръ“, т.-е. всю совокупность взбунтовавшихся служилыхъ, посадскихъ и ясачныхъ людей, и даже сдѣлало уступку его требованіямъ: именно, ближайшіе пособники воеводы были удалены изъ Томска, а все дѣло предано было „волѣ Божіей“, т.-е. оставлено безъ послѣдствій.

По доходамъ у воеводъ были и расходы. Вообще воеводы и губернаторы Сибири жили царьками, окружали себя пышными дворами и вели безумно роскошную жизнь.

Особенно въ этомъ отношеніи прославился губернаторъ Чичеринъ (1763 г.). Разсказываютъ, что за его столомъ обѣдало ежедневно до 30 человѣкъ. Роскошные обѣды, обыкновенно, сопровождались музыкой, громомъ пушекъ и неумолкаемой ружейной стрѣльбой. На масляницѣ Чичеринъ, говорятъ, спаивалъ буквально весь Тобольскъ. Въ числѣ его дворни было 150 человѣкъ гайдуковъ, скороходовъ и конюховъ.

Начальникъ нерчинскихъ заводовъ (съ 1775 г.) Нарышкинъ, по выраженію Иркутскаго лѣтописца „занимался какими-то странными дѣйствіями“, именно: устраивалъ на казенный счетъ великолѣпныя игры, спаивалъ весь народъ, разбрасывалъ въ него деньги, произвелъ въ офицерскіе чины, вмѣсто исключенныхъ имъ прежнихъ чиновниковъ, новыхъ, изъ каторжныхъ, цѣлыхъ 120 человѣкъ. Просидѣвъ, по пріѣздѣ, ровно 11 мѣсяцевъ дома съ закрытыми ставнями и нигдѣ не показы-

ваясь, онъ рѣшилъ, наконецъ, въ Свѣтлое Воскресенье выйти къ людямъ, при чемъ сумасбродствамъ его не было конца: приказавъ служить обѣдню на Пасхѣ раньше заутрени, онъ пошелъ въ церковь, поддерживаемый двумя толстыми бабами, приплясывая и напѣвая любимую пѣсенку: „Батюшка богатъ, черевички купилъ". Принявшись за дѣло, онъ приблизилъ къ себѣ пять секретныхъ арестантовъ, изъ нихъ двухъ сдѣлалъ секретарями. Безъ объясненія причинъ билъ кого попало батожьемъ, растрачивалъ казенныя деньги и никакого отчета въ Петербургъ не посылалъ. Когда казенныя деньги изсякли, онъ обратился за ними къ арендатору заводовъ, богачу Серебрякову. Когда Серебряковъ ему отказалъ, то Нарышкинъ явился передъ его домомъ съ пушками и грозилъ стрѣлять при упорствѣ. Серебрякову пришлось уступить. Онъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ и поднесъ Нарышкину потребованные тѣмъ 5.000 рублей. Въ довершеніе всего, набравъ войско изъ тунгузовъ и крестьянъ, Нарышкинъ двинулся въ походъ противъ Иркутскаго губернатора, но на дорогѣ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

О жизни сибирскаго духовенства за это время въ исторіи имѣется немного свѣдѣній. Но надо думать, что хорошо обезпеченному даровымъ крестьянскимъ трудомъ духовенству жилось также не плохо. Вотъ нѣкоторыя изъ данныхъ, дошедшихъ до насъ.

Въ царскомъ указѣ отъ 21-го мая 1733 г., о „нечиненіи обидъ и притѣсненій ясачнымъ людямъ", указывается, между прочимъ, и на корыстолюбіе сибирскихъ священниковъ.

Въ 1734 г. указано было: „вслѣдствіе непотребныхъ поступковъ обрѣтающагося въ Китаѣ Россійскаго духовенства, съ немалымъ для тамошнихъ жителей соблаз-

номъ,—безчинственнаго и пьянственнаго житія... дракъ, непослушанія начальнику и чинимому оному духовенству отъ китайскихъ министровъ озлобленія и уничиженія,—взять оттуда въ Россію архимандрита Антонія Платковскаго съ причтомъ и привезти его въ Св. Синодъ подъ стражею на его коштѣ"—что и было исполнено.

Но пріемникъ Платковскаго въ Пекинѣ архимандритъ Илларіонъ Трусовъ также „впалъ въ пьянство и кощунство, надѣвалъ на себя женское китайское платье, въ которомъ приходилъ иногда и въ церковь; не исправлялъ службы даже въ высокоторжественные дни, подавая тѣмъ поводъ китайцамъ для поруганія православнаго духовенства".

Къ своимъ прямымъ обязанностямъ,—обращенію инородцевъ въ православіе и просвѣщенію своей духовной паствы,—духовенство относилось болѣе чѣмъ равнодушно. Были, впрочемъ, и счастливыя исключенія. Такъ, митрополитъ тобольскій Филофей Лещинскій, назначенный въ Сибирь въ 1702 г., явился истиннымъ просвѣтителемъ Сибири. Онъ построилъ до 37 церквей и окрестилъ до 40,000 инородцевъ. Извѣстенъ также своею просвѣтительною дѣятельностью Иннокентій Кульчицкій, первый епископъ Иркутскій (съ 1727 г.), причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ.

Однако по смерти Лещинскаго, по словамъ Фалька, „прекратилось и рвеніе къ обращенію въ христіанство, и съ 1720 по 1744 г. не было крещено ни язычниковъ, ни магометанъ". Между тѣмъ въ цѣляхъ облегченія обращенія инородцевъ въ православную вѣру были предприняты правительствомъ особыя мѣры. Такъ, въ 1720 г., по ходатайству Лещинскаго, перешедшимъ въ христіанство инородцамъ были предоставлены на 3 года льготы отъ всѣхъ государственныхъ сборовъ; а съ 1751 г. новокрещеннымъ стали выдавать платья на 8 р.,

а остячкамъ на 4 р. 50 к.; крестящимся китайцамъ выдавалось съ 1735 г. жалованье на покупку имъ крестовъ и образовъ.

Дѣло просвѣщенія народа путемъ школы также шло плохо. Школы въ первое время обыкновенно заводились при монастыряхъ и доступны были главнымъ образомъ для дѣтей духовенства и служилыхъ людей. Но и въ эти школы ученики шли, съ „понужденіемъ“. Такъ, во вновь открытую въ Томскѣ въ 1744 г. школу для обученія дѣтей духовнаго званія въ первый разъ „съ понужденіемъ“ было собрано 80 „дѣтей“; при чемъ особенно любопытны свѣдѣнія о возрастѣ „дѣтей“; одному было 73 г., четыремъ—свыше 40 лѣтъ, четыремъ—свыше 30 лѣтъ, пяти—по 20 слишкомъ, остальнымъ отъ 16 до 7 лѣтъ.

Только въ концѣ XVIII столѣтія начинають мало-помалу возникать въ Сибири школы,—главнымъ образомъ, конечно, въ городахъ.

Такъ жили сибирскіе „верхи“. Жизнь сибирскихъ „низовъ“, такъ называемаго „чернаго народа“, была очень тяжела.

„Басурманы“—инородцы не считались даже за настоящихъ людей; съ ними продѣлывали все, что только могла подсказать самая разнузданная фантазія людей одержимыхъ необузданной жаждой наживы. Женщинъ-инородокъ насиловали и составляли изъ нихъ цѣлые гаремы; дѣтей, особенно дѣвочекъ, отбирали или покупали; мужчинъ обращали въ рабство. Имущество инородцевъ, состоявшее главнымъ образомъ изъ дорогихъ мѣховъ, отбиралось или подъ предлогомъ сбора ясака или въ обмѣнъ на какія-нибудь грошевыя бездѣлушки, чаще же всего на водку. Водка, съ которой познакомили инородцевъ русскіе, сыграла въ жизни этихъ „пасынковъ природы“ трагическую роль. „Огненная во-

да“,—какъ называютъ инородцы водку,—пришлась имъ сильно по вкусу, и за нее они готовы были продавать въ рабство и себя и своихъ женъ и дѣтей. Разумѣется, русскіе всегда пользовались,—да и до сихъ поръ еще пользуются,—этой слабостью инородцевъ, и ни одна торговая сдѣлка съ ними не обходится безъ водки. Поэтому инородцы живутъ, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно грязно и бѣдно. Цѣлыя тысячи ихъ вымирали и вымираютъ отъ разнаго рода заразительныхъ болѣзней—оспы, сифилиса и т. п.

Такъ, въ 1769 г. оспа погубила около 20.000 камчадаловъ.

Тяжесть положенія не разъ вынуждала инородцевъ къ возмущенію. Такъ называемые инородческіе бунты были самымъ обычнымъ явленіемъ. Въ 1730 г., напримѣръ, вся Камчатка была охвачена бунтомъ; камчадалы взбунтовались вслѣдствіе крайне грубаго обращенія съ ними казаковъ и излишнихъ поборовъ и грабежей сборщиковъ ясака. Съ 1735 по 1740 г., т.-е. цѣлые пять лѣтъ, продолжался башкирскій бунтъ, стоившій жизни болѣе 10,000 башкиръ.

Выше мы видѣли, что крестьяне-земледѣльцы, переводившіеся въ Сибирь по распоряженію правительства или селившіеся по собственному почину, терпѣли вообще большую нужду. Своей нуждой они обязаны были съ одной стороны страшному произволу сибирскихъ властей, а съ другой—податнымъ тягостямъ, лежавшимъ на нихъ. Однако среди сибирскихъ крестьянъ,—какъ пашенныхъ, такъ и оброчныхъ,—встрѣчались иногда и зажиточныя семейства, владѣвшія до 70 десятинъ земли, дѣлавшія большіе собственные посѣвы, косившія по 300 копенъ сѣна и т. п. Но такіе крестьяне составляли лишь счастливое исключеніе; обыкновеннно это были или многосемейные или имѣли у себя половниковъ и наймитовъ. Большинству же крестьянъ жилось очень плохо.

О жизни ссыльныхъ болѣе подробно мы поговоримъ въ четвертомъ нашемъ очеркѣ. Теперь же скажемъ только, что слово „каторга" не даромъ сдѣлалось въ народѣ ходячимъ словомъ при обозначеніи самой невозможной людской жизни.

Разумѣется, ссылка не для всѣхъ была тяжелымъ наказаніемъ. Ссыльные изъ знатныхъ и богатыхъ людей, особенно въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, умѣли и въ Сибири устраиваться „по хорошему". „Опальные" бояре переѣзжали сюда на жительство обыкновенно со всѣми своими чадами и домочадцами, со всѣмъ домашнимъ „скарбомъ", перевозившимся часто на нѣсколькихъ десяткахъ и сотняхъ подводъ и охранявшимся цѣлою арміей холоповъ. Такъ, наприм., извѣстный въ исторіи, временщикъ Биронъ жилъ въ ссылкѣ съ служителями, придворными поварами, лѣкаремъ и пасторемъ и получалъ содержанія 5985 рублей ежегодно, что было по тогдашнимъ временамъ громадной суммой.

Для характеристики сибирскихъ нравовъ того времени приведемъ въ заключеніе своего очерка интересный историческій документъ. Документъ этотъ — грамота патріарха Филарета отъ 11-го февраля 1622 г. къ архіепископу Сибирскому и Тобольскому Кипріану. Основаніемъ къ описаннымъ въ ней „безпутствамъ" казаковъ послужила какая-то грамота, за подписью дьяка Андреева, данная Сибири,—вѣроятно, на радостяхъ,—при возвращеніи атамана Козлова изъ Москвы. Этою грамотою позволялось казакамъ увозить изъ городовъ женъ и дѣвицъ, чѣмъ казаки широко и пользовались. Патріархъ приказалъ архіепископу,—сообщивъ о своемъ приказаніи и Тобольскому воеводству,—выслать въ Москву обратно дарованную грамоту, какъ „неумѣстную"; причемъ духовенству поставлено было на видъ: а) „что въ Сибири не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постныхъ дней,

живутъ съ некрещеными женами, кумами и сестрами своихъ женъ, при отъѣздѣ же закладываютъ ихъ на срокъ, и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ, б) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашеній, постригаютъ въ иноки и въ инокини такихъ, которые уходятъ изъ монастырей и опять живутъ въ мірѣ; что сами духовные потворствуютъ воеводамъ, которые краденныхъ въ Россіи дѣвицъ продаютъ изъ корысти въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать."

Описанныя въ грамотѣ казачьи „безпутства" объясняются отчасти тѣмъ, что въ Сибири все время чувствовался большой недостатокъ въ женщинахъ, несмотря на то, что правительство постоянно заботилось, путемъ изданія цѣлаго ряда указовъ о переселеніи въ Сибирь женщинъ, восполнить этотъ недостатокъ.

На этомъ мы и закончимъ свой первый очеркъ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Заселеніе Сибири съ начала XIX в. по 1861 г.

I.

Указъ 1799 г. о заселеніи Забайкалья. „Положеніе“ 1806 г. о заселеніи Сибирн. Указъ 1822 г. о разрѣшеніи добровольныхъ переселеній въ Сибирь изъ малоземельныхъ губерній. Принятіе мѣръ къ выясненію количества земель, годныхъ для поселеній.

Заселеніе Сибири въ первую половину XIX в.,—такъ же, какъ и въ предшествующій періодъ,—происходитъ двоякимъ путемъ—правительственнымъ и народнымъ. Правительственными засельщиками являются теперь главнымъ образомъ государственные крестьяне и ссыльные разныхъ категорій. Слѣдовательно, въ разсматриваемый нами теперь періодъ, заселеніе Сибири получаетъ ясно выраженный принудительный характеръ, и исторія заселенія края за это время почти совпадаетъ съ исторіей ссылки въ него.

Однако во взглядахъ правительства на заселеніе Сибири все же происходитъ къ этому времени значительная перемѣна. Правительство начинаетъ, наконецъ, сосредоточивать свое вниманіе на мысли о томъ вліяніи, которое должны оказывать засельщики Сибири на развитіе и поднятіе экономическаго благосостоянія этого богатаго, но отдаленнаго и пустыннаго края.

Такимъ образомъ исключительныя прежде заботы о закрѣпленіи края осложняются теперь еще заботами о правильномъ, планомѣрномъ и доброкачественномъ заселеніи его въ цѣляхъ поднятія его культуры. Впослѣдствіи взглядъ этотъ разовьется шире и повлечетъ за собою сначала сокращеніе, а потомъ и окончательную отмѣну ссылки въ Сибирь, но въ это время онъ только что еще зарождается.

Указъ 1799 г. о заселеніи Забайкалья долженъ быть отнесенъ къ узаконеніямъ переходнаго времени. Издавая этотъ указъ, правительство имѣло въ виду уже не только заселеніе края, но и развитіе въ Забайкальѣ земледѣлія и скотоводства, а также заведеніе здѣсь впослѣдствіи суконныхъ и юфтовыхъ фабрикъ, принимая во вниманіе главнымъ образомъ торговлю съ Китаемъ. Согласно этому указу, общее число поселенцевъ должно было быть доведено до 10.000 чел., при чемъ на первое время предположено было переселить лишь 2000 чел. Поселенцы должны были состоять изъ добровольно поселяющихся отставныхъ солдатъ, — получавшихъ названіе „государственныхъ поселянъ“,—ссылаемыхъ преступниковъ и крѣпостныхъ, отдаваемыхъ помѣщиками въ зачетъ рекрутъ.

Указомъ предусмотрѣнъ былъ и самый планъ поселенія. На мѣстѣ водворенія имѣли быть образованы селенія, въ составѣ не свыше 100 дворовъ каждое, при чемъ государственныхъ поселянъ повелѣвалось разселять ближе къ границѣ, а ссыльныхъ—внутри края. Ссыльнымъ предоставлялось право, по истеченіи 10-тилѣтняго срока „порядочной“ жизни, переходить въ разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Норма душевого надѣла была опредѣлена въ 30 десятинъ. Поселенцевъ предполагалось снабжать также сельскохозяйственными орудіями, сѣменами, домашнимъ ско-

томъ, запасомъ хлѣба на 1—2 года и даже казенными домами; при всемъ томъ они освобождались отъ всякихъ податей на 10 лѣтъ. На расходы по устройству первыхъ поселеній на 2000 душъ было ассигновано около 100.000 руб.

Какъ видите, на бумагѣ все выглядѣло стройно и хорошо; но далеко не такъ вышло на дѣлѣ. По причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, вся эта бумажная шумиха свелась къ тому, что въ Забайкальѣ къ 1805 г., т.-.е черезъ 5 лѣтъ по изданіи указа, было водворено, вмѣсто предполагавшихся 2000, всего лишь 610 душъ: большая часть направленныхъ сюда переселенцевъ не дошла до Забайкалья и осѣла на пути къ нему—въ губерніяхъ: Тобольской, Томской и Иркутской (даже на порогѣ самаго Забайкалья, въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ).

Но къ пріему этихъ нежданныхъ и незванныхъ гостей начальство упомянутыхъ губерній приготовлено, конечно, не было, и поэтому застрявшимъ здѣсь переселенцамъ приходилось не мало блуждать безъ всякихъ указаній по обширнымъ пространствамъ Сибири для выбора себѣ мѣста поселеній.

Это положеніе вещей вызвало изданіе въ 1806 г. новаго закона, извѣстнаго подъ названіемъ „Положенія для поселеній въ Сибири“.

Въ силу этого новаго закона, забота о водвореніи поселенцевъ поручена была всецѣло начальникамъ сибирскихъ губерній. Имъ была предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода дѣйствій; отчетностью въ своихъ дѣйствіяхъ они обязаны были лишь одному Сибирскому генералъ-губернатору.

Положеніе 1806 г. предусматривало распредѣленіе поселенцевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ сибирскихъ губерній, а также заключало въ себѣ первую попытку

разбить переселенцевъ на группы, въ зависимости отъ ихъ занятій на родинѣ и вѣроисповѣдныхъ различій.

Къ поселенію на свободныхъ земляхъ были предназначены преимущественно люди „къ хлѣбопашеству способные"; ремесленниковъ предписывалось „селить"—по возможности въ городахъ", съ оказаніемъ имъ пособій по усмотрѣнію губернатора, а евреевъ и цыганъ, какъ „нигдѣ прочно не водворяющихся", рѣшено было причислять въ городахъ въ разрядъ мѣщанъ. Поселенцы католическаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій должны были быть распредѣляемы въ селеніяхъ, „по возможности обособленныхъ для каждаго вѣроисповѣданія". Кромѣ того, Положеніе 1806 г. содержало нѣкоторыя правила, касавшіяся урегулированія добровольнаго переселенія въ Сибирь государственныхъ крестьянъ. Такъ, добровольнымъ выходцамъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній была дана возможность водворенія на пустопорожнихъ удобныхъ земляхъ въ Томской губерніи съ предоставленіемъ имъ права на денежныя пособія и пятилѣтнюю льготу отъ всѣхъ податей и повинностей, кромѣ рекрутской.

Однако и Положеніе 1806 г. не оказало существеннаго вліянія на правильное заселеніе Сибири. Ревизія М. М. Сперанскаго въ 1819 г. вскрыла цѣлый рядъ злоупотребленій со стороны высшихъ и низшихъ сибирскихъ начальниковъ, которые, какъ оказалось, главнымъ образомъ и препятствовали правильному заселенію и поднятію благосостоянія засельщиковъ.

Въ 1821 г. былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ Сибирскій Комитетъ для разсмотрѣнія отчета по ревизіи Сперанскаго. Въ своей докладной запискѣ Сперанскій указывалъ на двоякую выгоду для государства отъ добровольныхъ переселеній крестьянъ въ Сибирь, заключающуюся, по его мнѣнію, во-первыхъ,—въ возможно-

сти „заселить этотъ пустынный и малолюдный край“, и во-вторыхъ — въ возможности „доставить крестьянамъ, обитающимъ въ губерніяхъ, скудныхъ землями, потребнаго изобилія“.

Соображенія Сперанскаго, изложенныя имъ въ своей докладной запискѣ, и легли въ основу новаго указа 1822 г. Указъ 1822 г. разрѣшилъ переселенія въ Сибирь казеннымъ крестьянамъ изъ всѣхъ малоземельныхъ губерній Европейской Россіи, а также даровалъ право на переселенія, — собственно въ предѣлахъ сибирскихъ губерній, — и сибирскимъ старожиламъ.

Однако переселеніе добровольцевъ изъ Европейской Россіи обставлено было нѣкоторыми довольно стѣснительными формальностями. Такъ, согласно п. п. 2—5 названнаго указа, крестьяне, желавшіе переселиться въ Сибирь, предварительно обязаны были представлять въ казенную палату, которой они были подвѣдомственны, *удостовѣренія объ увольненіи ихъ отъ мірскихъ обществъ*; причемъ разрѣшенія на переселенія, и въ случаѣ представленія такихъ удостовѣреній, могли быть выдаваемы палатою *лишь по уплатѣ крестьянами всѣхъ причитающихся съ нихъ недоимокъ*. Кромѣ того, мірскимъ обществамъ, было предлагаемо предварительно переселенія, отправлять въ сибирскія губерніи своихъ „повѣренныхъ“ (ходоковъ) для выбора удобныхъ земель для поселенія.

По прибытіи въ Сибирь переселенцы, согласно указу 1822 г., могли или причисляться къ деревнямъ старожиловъ (опять таки по полученіи письменнаго согласія послѣднихъ), или же основывать, съ надлежащаго разрѣшенія, новыя поселенія на свободныхъ земляхъ (за исключеніемъ земель, находящихся въ пользованіи кочевыхъ инородцевъ).

Слѣдовательно указъ 1822 г. имѣлъ существенное значеніе въ исторіи заселенія Сибири. Онъ явился вы-

разителемъ зарождавшагося у правительства новаго взгляда на переселенія, —взгляда, характеризовавшагося стремленіемъ предоставить большій земельный просторъ малоземельному крестьянству. Такимъ образомъ указъ 1822 г. получилъ принципіальное значеніе, хотя и касался только части малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній, именно государственнымъ крестьянамъ. Съ этого момента ссылка начинаетъ понемногу утрачивать свое колонизаціонное значеніе.

Вмѣстѣ съ этимъ на первый планъ естественно начинаютъ выдвигаться и заботы о выясненіи размѣровъ земельной площади въ Сибири, пригодной для заселенія.

Работы по размежеванію земель въ Сибири начались собственно еще въ XVIII столѣтіи; но по многимъ причинамъ онѣ не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Результатовъ межевыхъ работъ, произведенныхъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не представлялось возможнымъ выяснить даже въ концѣ этого столѣтія. Съ учрежденіемъ въ Сибири губерній, межевая работа въ краѣ была возложена на губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, которые и приступили къ измѣренію отдѣльныхъ участковъ—въ Тобольской губерніи съ 1793 г., а въ Иркутской—съ 1783 г. Однако оказалось, что представленные землемѣрамъ чертежи и вѣдомости „оказались несоотвѣтствующими той цѣли, которая начально была предположена“. Въ 1806 г. повелѣно было вновь привести въ извѣстность земли, могущія быть предназначенными: 1) для поселенія казенныхъ крестьянъ, 2) для казенныхъ заведеній, 3) для кочующихъ народовъ и ихъ звѣриной ловли и 4) для раздачи частнымъ лицамъ подъ хозяйственныя заведенія. Въ 1810 г. данныя по межеванію были представлены, но они не могли имѣть никакого практическаго значенія уже потому, что въ число свободныхъ земель по большей части были

включаемы необитаемыя и совершенно неизслѣдованныя мѣстности.

Въ 1823 г. предписано было казеннымъ палатамъ четырехъ сибирскихъ губерній доставить свѣдѣнія о количествѣ свободныхъ и пригодныхъ къ хлѣбопашеству земель; этотъ запросъ былъ повторенъ въ 1828 г. Но доставленныя палатами свѣдѣнія и на этотъ разъ были такъ не точны, что даже самъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири сообщилъ правительству, что „при всемъ пространствѣ Сибири нѣтъ возможности съ достовѣрностью указать такихъ участковъ, на которыхъ можно было бы безъ предварительнаго осмотра оныхъ поселить крестьянъ“. Въ 1831 г. вопросъ о необходимости общаго размежеванія земель былъ разрѣшенъ вновь образованнымъ Сибирскимъ Комитетомъ въ положительномъ смыслѣ, при чемъ на журналѣ Комитета Императоромъ Николаемъ I была сдѣлана такая приписка: „при семъ поставить на отвѣтственность генералъ-губернатора бдительно наблюдать за ходомъ сего дѣла, дабы не могло возникнуть жалобъ на притѣсненіе“. Дѣло обмежеванія земель возложено было опять на мѣстныхъ землемѣровъ, которые обыкновенно не дѣлали точныхъ съемокъ земель и вычисленій ихъ площади, а опредѣляли ихъ на „глазомѣръ“, по самому приблизительному расчету.

Естественно, что при такой постановкѣ столь важнаго дѣла выясненія и обмежеванія свободныхъ, удобныхъ для поселенія земель, общій ходъ заселенія Сибири стоялъ внѣ всякой связи съ этими работами. Переселенцы селились или тамъ, гдѣ имъ больше нравилось, или чаще просто тамъ, гдѣ заставало ихъ истощеніе средствъ, полагавшее конецъ ихъ безконечнымъ блужданіямъ по громаднымъ сибирскимъ пространствамъ.

Правительство, конечно, понимало, что правильная постановка дѣла обмежеванія земель необходима для упорядоченія самаго переселенія, и такъ или иначе старалось подвинуть это дѣло впередъ.

Такъ, въ концѣ 1835 г. въ Сибирь былъ командированъ особый чиновникъ для личнаго осмотра пустопорожнихъ земель въ Западной Сибири (со включеніемъ и Енисейской губерніи) и образованія изъ нихъ переселенческихъ участковъ, вмѣстимостью въ среднемъ по 3000 дес. (при надѣлѣ 30 дес. на душу). Въ январѣ 1837 г. чиновникъ уже доносилъ, что земли имъ осмотрѣны, межеваніе ихъ начато и что, по его мнѣнію, на свободныхъ земляхъ Западной Сибири можно размѣстить до 712.000 переселенцевъ, а въ Енисейской губерніи до 237.000, изъ числа которыхъ на первое время слѣдовало бы ограничиться водвореніемъ 57.000 душъ въ Западной Сибири и 18.000 душъ въ Енисейской губерніи.

Но всѣ эти предположенія сдѣланы были чиновникомъ тоже, очевидно, на „глазомѣръ“, такъ какъ планъ его о переселеніи столь значительнаго для того времени числа крестьянъ изъ Европейской Россіи былъ признанъ со стороны сибирскихъ губернскихъ властей неудобовыполнимымъ. Отказалось отъ выполненія этого плана и правительство, рѣшивъ руководствоваться попрежнему исключительно правилами указа 1822 г. о переселеніяхъ.

Однако, чтобы подвинуть это дѣло хоть сколько-нибудь впередъ, правительство въ томъ же 1837 г. образовываетъ особое учрежденіе, подъ названіемъ „Сибирскаго межеванія“. На обязанность этого учрежденія и было возложено приведеніе въ извѣстность земель, находившихся въ пользованіи старожилаго населенія, и образованіе переселенческихъ участковъ. Послѣдніе

рѣшено было отрѣзывать отъ тѣхъ селеній государственныхъ крестьянъ, въ которыхъ имѣлся излишекъ земли противъ пятнадцатидесятинной нормы душевого надѣла; при этомъ приселеніе новоселовъ къ старожиламъ было сильно ограничено.

II.

Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ и мѣры, предпринятыя имъ по переселенію государственныхъ крестьянъ въ Сибирь. Заселеніе киргизской степи и Приамурскаго края.

Дѣло переселенія государственныхъ крестьянъ начинаетъ нѣсколько упорядочиваться лишь съ 1838 г., когда для завѣдыванія государственными крестьянами образовано было особое министерство государственныхъ имуществъ. Во главѣ этого министерства былъ поставленъ извѣстный государственный дѣятель графъ Киселевъ.

Положеніе государственныхъ крестьянъ до Киселева было въ высшей степени печальное: такъ, болѣе 00.000 крестьянъ и бобылей были безземельные, около пятой части крестьянъ не имѣло совершенно скота. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на государственныхъ крестьянахъ накопилось громадное количество недоимокъ. Многія казенныя земли были заарендованы кулаками и сдавались ими крестьянамъ по тройной цѣнѣ. А между тѣмъ въ то же время казенныхъ земель, не приносившихъ никакого дохода, было громадное количество.

Киселевымъ при надѣлѣ государственныхъ крестьянъ были приняты двѣ нормы—въ 8 десятинъ на душу для малоземельныхъ губерній (т. е. гдѣ было мало казенныхъ земель) и 15 десятинъ для многоземельныхъ; кромѣ того были образованы особые такъ называемые крестьь-

янскіе семейные участки (отъ 15 до 60 десятинъ) съ правомъ наслѣдственнаго пользованія за извѣстную плату (подать). Въ теченіе 20 лѣтъ при содѣйствіи графа Киселева надѣлено было землей болѣе 200.000 душъ крестьянъ и выдано имъ всего болѣе 3 милліоновъ пособія; кромѣ того было прирѣзано еще около $3^1/_2$ милліоновъ десятинъ въ дополнительный надѣлъ малоземельнымъ крестьянамъ. Такимъ образомъ почти 10 милліоновъ государственныхъ крестьянъ получили 53 милліона десятинъ, т.-е. въ среднемъ около $5^1/_2$ десятины на душу, за самые умѣренные платежи.

Киселевъ также обратилъ серьезное вниманіе и на упорядоченіе крестьянскихъ переселеній. Въ 1842 г., по его инициативѣ, были распространены на Сибирь правила „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ", правила, касающіяся общаго порядка переселеній государственныхъ крестьянъ. Уставъ этотъ, составленный изъ правилъ, изданныхъ въ 1824 и 1831 г. г., первоначально относился лишь къ переселеніямъ въ губерніяхъ Европейской Россіи.

Уставъ 1842 года, дополненый правилами 1843 года, содержалъ подробныя указанія какъ на условія, которымъ должны были удовлетворять крестьяне, изъявившіе желаніе переселиться, такъ равно и на порядокъ самаго переселенія и водворенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Согласно этому уставу, переселеніе въ сибирскія губерніи было разрѣшено государственнымъ крестьянамъ всѣхъ губерній, однако при условіи,—„если въ пожелавшемъ переселиться сельскомъ обществѣ земли приходилось менѣе 5 десятинъ на душу". Къ переселенію не допускались крестьяне, или состоявшіе на рекрутской очереди, или находившіеся подъ судомъ или слѣдствіемъ, а равно также и обязавшіеся какими-либо договорами (до окончанія срока ихъ). Кромѣ того при пере-

селеніяхъ старались избѣгать раздробленія крестьянскихъ семействъ.

Крестьяне, остававшіеся на прежнихъ мѣстахъ, обязывались или уплачивать за своихъ выселившихся односельчанъ всѣ подати и исправлять повинности въ продолженіе 3 лѣтъ, или же заплатить за нихъ всѣ причитавшіяся съ нихъ недоимки по земскимъ сборамъ.

При выходѣ съ родины, переселенцевъ предписывалось снабжать пропускными видами и маршрутами. Кромѣ того переселенческимъ партіямъ давались особые проводники, а окружнымъ начальникамъ тѣхъ губерній, черезъ которыя переселенцы проходили, было вмѣнено въ обязанность отводить имъ безплатныя квартиры и „склонять обывателей къ безденежному ихъ прокормленію“; заболѣвающихъ же въ пути предписывалось доставлять въ ближайшіе города для лѣченія на счетъ казны.

По прибытіи на мѣсто новаго водворенія, всѣмъ крестьянамъ, переселившимся добровольно и съ разрѣшенія правительства, предоставлялось право на безвозвратное пособіе въ 35 р. на семью (въ 20 р.—въ случаѣ отпуска лѣса, по 100 деревъ на дворъ), а также на отпускъ земледѣльческихъ орудій, съ „потребнымъ числомъ рогатаго скота“, на сумму до 20 руб.; кромѣ того на дворъ выдавались заимообразно сѣмена на посѣвъ съ условіемъ возвращенія ихъ черезъ три года. Сверхъ этихъ пособій, переселенцамъ предоставлялась 8-милѣтняя льгота въ податяхъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ (съ уплатою въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ половины оброчной подати), льгота отъ рекрутской повинности на три набора и отъ воинскаго постоя на 6 лѣтъ; наконецъ, съ переселенцевъ слагались недоимки по прежнему жительству ихъ.

На пособіе сибирскимъ переселенцамъ ежегодно (съ 1839 по 1865 г.) отпускалось изъ Государственнаго

казначейства около 142.000 р.; въ 1853 г. размѣръ этой суммы подвергся сокращенію, что объяснялось начатіемъ въ этомъ году военныхъ дѣйствій Крымской кампаніи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что правительство въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія относилось довольно покровительственно къ переселеніямъ крестьянъ и вообще стремилось къ упорядоченію переселенческаго движенія.

Дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ по переселенію государственныхъ крестьянъ охватила въ теченіе 50-хъ годовъ три сибирскія губерніи:—Тобольскую, Томскую и Енисейскую.

Въ Тобольской губерніи къ 1851 г., по отчету начальника межеванія земель въ Западной Сибири, число переселенцевъ, водворенныхъ на участкахъ, достигло 19.503 душъ мужского пола.

Въ 1851 г. правительствомъ,—съ цѣлью разрѣженія населенія малоземельныхъ губерній, преимущественно черноземной полосы,—былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ переселиться въ Сибирь изъ государственныхъ крестьянъ, при чемъ изъ каждой губерніи (вызовъ былъ сдѣланъ въ 12 губерніяхъ) предназначалось къ выселенію 300—400 семействъ. На основаніи этого предписанія, казенными палатами было переселено въ Западную Сибирь въ теченіе 1852—1854 гг. 38.255 душъ мужского пола, изъ которыхъ приблизительно 24990 чел. было водворено въ Тобольской губ., а остальные въ Томской губерніи.

Переходъ крестьянъ въ Енисейскую губернію, по вызову правительства, начался съ 1852 г. и общее число крестьянъ, водворенныхъ въ этой губерніи, къ 1858 г. достигло 5.982 душъ обоего пола.

Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сдѣлана была также попытка заселенія и восточной окраины

Сибири, но сибирскими же крестьянами старожилами. Въ 1852 г. съ этой цѣлью были изданы особыя правила о переселеніи изъ Енисейской губерніи въ Камчатку крестьянъ, изъявившихъ желаніе на такого рода переселеніе. При этомъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ содѣйствіе развитію земледѣлія на этой отдаленной окраинѣ. Правила 1852 г. предоставляли переселенцамъ такія же льготы и пособія, какъ и выходцамъ изъ Европейской Россіи, обезпечивая имъ, сверхъ того, еще и освобожденіе отъ рекрутства навсегда.

На основаніи этихъ правилъ, въ 1852—53 гг. было переселено въ Камчатку до 25 семействъ енисейскихъ крестьянъ, но въ слѣдующемъ же году дальнѣйшее переселеніе въ этотъ край признано было невозможнымъ въ виду восточной войны, и болѣе 50-ти семействъ, направлявшихся въ Камчатку, были водворены лѣтомъ 1855 г. на р. Амурѣ.

Одновременно съ заселеніемъ Западной и Восточной Сибири шло заселеніе и юго-западной ея части, а также и окончательно закрѣпленнаго за Россіей въ это время Приамурскаго края.

Въ первомъ своемъ очеркѣ мы уже упоминали, что въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія возникла Оренбургская линія укрѣпленій, именно между Оренбургомъ и Омскомъ, служившая опорными пунктами въ борьбѣ съ кочевымъ населеніемъ Киргизской степи. Съ теченіемъ времени число укрѣпленій все увеличивалось, продвигаясь все дальше и дальше къ югу, въ глубь Киргизской степи. Съ увеличеніемъ числа укрѣпленій увеличивался и численный составъ Сибирскаго казачьяго войска, расположеннаго гарнизонами въ укрѣпленіяхъ.

Однако правительство понимало, что окончательное замиреніе этого края можетъ наступить только тогда, когда дикое кочевое населеніе смѣшается съ русскимъ

и сдѣлается осѣдлымъ, занявшись земледѣліемъ. Съ этой цѣлью еще въ 1808 г. предположено было привлечь зарѣчныхъ кочевыхъ киргизовъ на внутреннюю сторону казачьихъ линій, съ тѣмъ, чтобы перечислить желающихъ изъ нихъ въ казачье сословіе для образованія осѣдлыхъ населенныхъ пунктовъ и для развитія между кочевниками земледѣлія. Окончательная же выработка плана занятія Киргизской степи относится ко времени изданія „Устава о Сибирскихъ киргизахъ“ въ 1822 г. Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Вся степь, вошедшая въ составъ вновь образованной Омской области, была раздѣлена на внутренніе и внѣшніе округа, причемъ первые охватили собой поселки казаковъ и крестьянъ, расположенные въ сѣверной части Киргизской степи; образованіе же вторыхъ внѣшнихъ округовъ, было поставлено въ зависимость отъ поступательнаго движенія казачьихъ отрядовъ вглубь степи. Это поступательное движеніе и началось тотчасъ же почти послѣ изданія упомянутаго устава.

Киргизы, понятно, старались препятствовать проникновенію русскихъ въ глубь ихъ владѣній. Глухое недовольство перешло въ концѣ 30-хъ годовъ въ открытый мятежъ, длившійся около 10 лѣтъ. Тогда правительство, съ цѣлью увеличенія численности русскаго населенія въ Киргизской степи, издаетъ въ 1848 г. указъ о переселеніи сюда 3.600 душъ крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній, а также и малороссійскихъ казаковъ, зачисливъ ихъ въ сибирскіе казаки. Въ 1857 г. было предложено переселиться сюда желающимъ изъ крестьянъ западно-сибирскихъ губерній въ числѣ 300 семей; но охотниковъ, однако, нашлось всего не болѣе 50 семей. Для пополненія недостающаго числа переселенцевъ въ 1858 и 1859 гг. было опредѣлено переселять въ Киргизскую степь, съ обращеніемъ въ казаки,

всѣхъ крестьянъ, самовольно водворяющихся въ Западной Сибири, а также и тѣхъ крестьянъ западно-сибирскихъ губерній, на которыхъ числилось податныхъ недоимокъ болѣе годового оклада.

Всѣмъ этимъ лицамъ, при водвореніи въ Киргизской степи, предназначалось оказывать льготы по службѣ и полученію провіанта и предоставлять денежныя пособія на первое обзаведеніе. Эти льготы и пособія въ 1863 г. были распространены и на добровольныхъ переселенцевъ въ этотъ край.

Вслѣдъ за окончательнымъ присоединеніемъ Амурскаго края къ Россіи въ 1858 г. началось и его заселеніе выходцами изъ внутреннихъ губерній и изъ Забайкалья. Переселеніе забайкальскихъ казаковъ въ долины рр. Амура и Уссури продолжалось до 1862 г., когда общее число водворенныхъ достигло 13.899 душъ обоего пола.

Для привлеченія добровольныхъ выходцевъ изъ Европейской Россіи и Сибири, въ 1858 г. были изданы особыя правила о переселеніи въ Приамурскій край. Правилами этими переселенцамъ предоставлялись разныя льготы— въ видѣ безвозмезднаго пользованія землей въ теченіе 20-тилѣтняго срока, освобожденія на всегда отъ податей и повинностей, коими переселенцы были обложены въ мѣстахъ прежняго жительства, выдачи имъ ссудъ на обзаведеніе хозяйствомъ и, наконецъ, сокращенія нѣкоторыхъ формальностей при представленіи ходатайствъ о переселеніи. Предположено было также разрѣшить селиться въ краѣ, кромѣ лицъ русскаго происхожденія, и „иностраннымъ переселенцамъ, преимущественно нѣмцамъ, извѣстнымъ своимъ трудолюбіемъ".

Въ 1859 г. предположено было переселить изъ Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской губерній до 500 семействъ. Но за недостаткомъ ассигнованныхъ

5

суммъ и вслѣдствіе затрудненій, встрѣтившихся при продовольствіи и размѣщеніи на зимовку такого большого количества людей, признано было возможнымъ отправить въ этомъ году на Амуръ всего 250 семей (изъ нихъ достигло Амура всего лишь 240 душъ обоего пола); остальныхъ же переселенцевъ рѣшено было зачислить въ 1860 г. въ казаки сибирскаго линейнаго войска. Въ 1860 г. прибыло на Амуръ уже 524 человѣка, а въ 1861 г.—еще 249 душъ.

Въ 1858 г. на нужды переселенія въ этотъ край ассигновано было 100.000 р. изъ государственнаго казначейства и 50.000 р. изъ „хозяйственнаго капитала“ Восточной Сибири.

III.

Результаты примѣненія правительственныхъ мѣръ по заселенію Сибири крестьянами въ первой половинѣ XIX вѣка.

Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ дѣйствія правительства по заселенію Сибири крестьянами въ первую половину XIX столѣтія, мы посмотримъ теперь, какъ выполнялись на самомъ дѣлѣ благія пожеланія правительства.

Трудность исполненія указа 1799 г. о заселеніи Забайкалья стала ощущаться мѣстными губернскими властями непосредственно же послѣ изданія этого указа. Переселенцы изъ крѣпостныхъ крестьянъ, высылаемыхъ помѣщиками „за продерзости“, чаще всего представляли изъ себя безпорядочныя толпы нищихъ, одѣтыхъ въ рубища и питавшихся подаяніемъ, такъ какъ помѣщики, вопреки требованіямъ указа, въ большинствѣ случаевъ не снабжали ссылаемыхъ ни кормовыми средствами, ни одеждой въ достаточномъ количествѣ.

На мѣстѣ водворенія, по словамъ тогдашняго сибирскаго генералъ-губернатора, переселенцы также не получали „ни малѣйшаго со стороны правительства призрѣнія“, такъ что „предпріятіе о заселеніи полуденнаго края Сибири, вмѣсто чаемой отъ него пользы, обращалось въ сущую пагубу посылаемыхъ туда людей“. Столь же неудовлетворительно производилась пересылка и другихъ группъ переселенцевъ, о которыхъ упоминалъ указъ 1799 г.,—преступниковъ и отставныхъ солдатъ. Изъ донесенія чиновника Лабы, посланнаго въ 1802 г. Сенатомъ „для удостовѣренія въ способахъ пересылки и обзаведенія переселенцевъ“, видно, что вслѣдствіе безпорядковъ въ пересылкѣ „невозможно вести счетъ ни людямъ, ни затрачиваемымъ на это дѣло денежнымъ суммамъ“. Крайняя небрежность въ обращеніи съ переселенческими партіями со стороны сопровождавшихъ ихъ воинскихъ командъ приводила къ развитію среди переселенцевъ значительной смертности и распространенію среди нихъ различныхъ болѣзней, чему не мало способствовало также и чрезмѣрное изнуреніе пересылаемыхъ вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи. По прибытіи же на мѣсто многіе изъ переселенцевъ получали участки, совершенно непригодные для заселенія.

Всѣ эти неурядицы вели къ тому, что большая часть поселенцевъ не доходила до Забайкалья и самовольно осѣдала по пути въ губерніяхъ Тобольской, Томской и Иркутской.

Выше мы видѣли, что въ теченіе 5 лѣтъ со времени изданія указа 1799 г. за Байкаломъ было водворено всего лишь 610 душъ; для остальныхъ же поселенцевъ не было заготовлено ни помѣщеній, ни провіанта.

Многимъ изъ правилъ „Положенія 1806 г.“ такъ же суждено было оставаться неисполненными, какъ и предписаніямъ указа 1799 г. Мѣстныя губернскія власти

встрѣчались съ весьма серьезными затрудненіями при водвореніи переселенцевъ въ виду какъ вообще хаотическаго состоянія землевладѣнія старожилаго населенія, такъ и вслѣдствіе полнаго отсутствія свѣдѣній объ естественныхъ свойствахъ тѣхъ земель, которыя могли быть отводимы переселенцамъ.

Въ частности, поднятію благосостоянія поселенцевъ, несмотря на дарованныя имъ льготы, препятствовали недобросовѣстныя дѣйствія мѣстнаго начальства. Особую извѣстность въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ завѣдывавшій „казенными поселеніями“ нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ. Этотъ не въ мѣру распорядительный исправникъ завелъ въ своемъ уѣздѣ такіе порядки, что безъ его дозволенія поселенцы не могли, что называется, двинуть пальцемъ, не рискуя подпасть подъ жестокія наказанія. Поселенцы, конечно, обращались въ бѣгство отъ такого образцоваго порядка; такъ въ 62 казенныхъ поселеніяхъ Иркутской губерніи было сначала водворено 10.074 чел. мужского пола, а уже въ 1817 г. налицо состояло всего лишь 7.572 чел.

Примѣненіе губернскими властями послѣдующихъ указовъ о переселеніяхъ, 1822 г. и 1842 г., также не было успѣшно. Межеваніе земель, связанное съ нарѣзкой переселенческихъ участковъ, обыкновенно отставало отъ переселенческаго движенія, и поэтому на сравнительно небольшомъ пространствѣ отмежеванныхъ земель часто скоплялось значительное число переселенцевъ. Это обстоятельство повело за собой самовольные уходы новоселовъ съ отведенныхъ имъ участковъ, что сильно затрудняло какъ учетъ новоприбывшихъ лицъ, такъ и самыя землеустроительныя работы. Поэтому въ 1846 г. самовольныя переселенія на новыя мѣста были запрещены подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Однако и это запрещеніе оказалось мало дѣйствительнымъ, такъ какъ

самовольные уходы обыкновенно вызывались не „злой волей“ переселенцевъ, а „независящими“ отъ нихъ обстоятельствами. Одной изъ обычныхъ, чаще другихъ повторявшихся, причинъ было то, что предназначенныя къ заселенію земли совершенно не соотвѣтствовали характеру занятій переселенцевъ у себя на родинѣ. Тогда правительство прибѣгнуло къ принудительному водворенію нѣкоторыхъ переселенцевъ, а въ концѣ 1852 г. было даже установлено, какъ правило, что выборъ земель долженъ зависѣть *исключительно* отъ мѣстнаго генералъ-губернатора.

Между тѣмъ за недостаткомъ обмежеванныхъ земель переселенцевъ часто размѣщали на участкахъ, даже не приведенныхъ въ извѣстность съемкою, не говоря уже о томъ, что чиновники, завѣдывавшіе устройствомъ переселенцевъ, совершенно не входили въ оцѣнку отводимыхъ угодій и не соображались съ условіями сельскаго хозяйства въ данной мѣстности. Это обстоятельство приводило часто къ разоренію переселенцевъ и побуждало ихъ или къ самовольному уходу съ мѣстъ поселенія на поиски за „подходящей“ землей или же къ обратнымъ переселеніямъ въ Европейскую Россію, случаи которыхъ были довольно часты и въ этомъ періодѣ переселенческой исторіи.

IV.

Стремленіе правительства къ упорядоченію ссылки въ 20-хъ годахъ XIX ст. Уставы о ссыльныхъ 1822 г. Устройство сибирской ссылки въ первую половину XIX в. Результаты примѣненія правительственныхъ мѣръ по заселенію Сибири ссыльными.

Вторая группа засельщиковъ Сибири — *ссыльные* — также привлекала вниманіе правительства въ первую половину XIX столѣтія.

Правительство старалось придать ссылкѣ такой характеръ, чтобы она съ одной стороны служила исправительной мѣрой, а съ другой—помогала бы и колонизаціи края.

Это стремленіе особенно сказалось въ „Уставѣ о ссыльныхъ", изданномъ въ 1822 г. по почину извѣстнаго Сперанскаго. Уставъ этотъ узаконилъ двойственность сибирской ссылки: отправленія на каторжныя работы и на поселеніе. Ссыльно-поселенцы были подраздѣлены уставомъ на нѣсколько разрядовъ, а именно: 1) временныхъ заводскихъ рабочихъ, 2) дорожныхъ работниковъ, 3) ремесленныхъ работниковъ и 4) собственно поселенцевъ. Собственно поселенцы въ свою очередь подраздѣлялись на двѣ группы: на лицъ поступающихъ въ казенныя поселенія,—устраиваемыя въ малонаселенныхъ мѣстахъ для удобства сношеній,—и на лицъ, разселяемыхъ по деревнямъ старожиловъ.

Ссыльные, поступающіе въ казенныя поселенія, обязаны были заниматься земледѣльческими работами. Съ этой цѣлью они должны были получать отъ казны земельные надѣлы, дома, земледѣльческія орудія, а также и денежные ссуды; по истеченіи трехлѣтняго срока ссыльные этой категоріи зачислялись въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Ссыльные, предназначенные къ разселенію по деревнямъ старожиловъ, распредѣлялись по волостямъ и имъ предоставлялось „собственными трудами" водворяться въ теченіе пятилѣтняго срока; по истеченіи же пяти лѣтъ съ нихъ снимался надзоръ и они также переводились въ разрядъ государственныхъ крестьянъ съ правомъ на трехлѣтнюю льготу отъ рекрутской повинности.

Однако и „Уставъ о ссыльныхъ" раздѣлилъ общую участь правительственныхъ указовъ: онъ нисколько не подвинулъ дѣла колонизаціи Сибири впередъ; благо-

даря этому указу упорядочилось только нѣсколько передвиженіе ссыльныхъ въ Сибирь.

Казенныя поселенія, образованныя изъ ссыльныхъ, не привились въ Сибири. Въ 1829 г. въ Енисейской губерніи была начата постройка казенныхъ поселеній,— ихъ предполагалось выстроить здѣсь 22 для 6.000 ссыльныхъ,—на что и была ассигнована почтенная сумма въ 479.000 руб. Въ построенныхъ селеніяхъ водворены были бродяги, бѣглые крѣпостные и штрафные солдаты. Однако, несмотря на то, что поселенія были образованы въ мѣстности вполнѣ пригодной для земледѣлія, заселеніе подвигалось весьма медленно и многіе изъ ссыльныхъ, принудительно обращаемые въ земледѣльцевъ, убѣгали изъ поселеній. Такую же судьбу имѣли и казенныя поселенія, основанныя въ Иркутской губерніи.

Одной изъ главныхъ причинъ, затруднявшихъ устройство ссыльныхъ, являлась безсемейность ихъ. Дѣло въ томъ, что до 1826 г. выходить замужъ за ссыльныхъ имѣли право только ссыльныя же женщины, а онѣ составляли лишь десятую часть общаго числа ссыльныхъ; слѣдовательно, по крайней мѣрѣ девять десятыхъ ссыльныхъ мужчинъ обречены были на холостую жизнь за недостаткомъ женщинъ. Мѣстное же населеніе систематически уклонялось отъ сближенія съ ссыльными и заключенія съ ними браковъ. Правительство стремилось придти въ этомъ отношеніи на помощь ссыльнымъ. Такъ оно, наприм., въ 1812 г. издало указъ объ отправленіи къ сосланнымъ на поселеніе ихъ женъ и дѣтей,— впрочемъ, не иначе какъ по дозволенію мірскихъ обществъ. Въ 1825 г. въ Сибири разрѣшено было покупать или вымѣнивать дѣтей женскаго пола отъ инородцевъ. Въ теченіе 30-хъ годовъ практиковалась даже выдача денежныхъ пособій семьямъ старожиловъ за согласіе ихъ принимать къ себѣ въ домъ ссыльныхъ

мужчинъ. Такъ, старожиламъ, отдавшимъ за ссыльнаго свою дочь или родственницу выдавалось 150 р., а самимъ женщинамъ, соглашавшимся вступать въ бракъ съ ссыльными—50 р. Но всѣ эти мѣропріятія не привели ни къ чему. „Отверженные“ на родинѣ оставались „отверженными“ и въ Сибири. Они лишены были возможности имѣть то, что имѣетъ даже каждое дикое животное—семью. По указанію Фойницкаго, въ 40-хъ гг. въ Тобольской губерніи на 400 сосланныхъ лицъ приходился лишь одинъ ссыльный, обзаводившійся семействомъ.

Жизнь ссыльныхъ, распредѣленныхъ по деревнямъ старожиловъ, также была не красна. Обыкновенно старожилы приселяемымъ къ нимъ ссыльнымъ отводили самыя негодныя къ обработкѣ земли и всѣми силами старались уклоняться отъ общенія съ „отверженными“.

Кромѣ того, неудача мѣропріятій Сперанскаго зависѣла еще и отъ того, что имъ въ расчетъ принималось незначительное число ссыльныхъ. Такъ, по соображеніямъ Сперанскаго, ежегодный притокъ ссыльныхъ не долженъ былъ превышать 1.000 человѣкъ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ указа 1823 г., запрещавшаго принимать въ военную службу бродягъ, число ежегодно ссылаемыхъ въ Сибирь возросло въ три раза противъ обычнаго, достигнувъ въ 1834 г. даже 11.500 человѣкъ. Общее число ссыльныхъ съ 1823 по 1863 г. превысило 356.000 человѣкъ.

Кромѣ лицъ ссылаемыхъ по суду, въ Сибирь были направляемы и ссыльные „безсудные“, такъ называемые административные. Ихъ было двѣ группы: 1) помѣщичьи крестьяне, отправляемые въ Сибирь за „продерзости“ (къ „продерзостямъ“ отнесены были въ 1814 г. и самовольныя порубки лѣсовъ въ частныхъ и казенныхъ владѣніяхъ) и 2) мѣщане и государственные

крестьяне, удаляемые изъ обществъ по общественнымъ приговорамъ за различные проступки.

Группы эти однако не были многочисленны. За десятилѣтіе съ 1823—1833 г. число крѣпостныхъ, сосланныхъ помѣщиками, составило 1.283 человѣка обоего пола; въ 1831—1851 гг. помѣщиками было сослано всего до 6.886 человѣкъ. Число крестьянъ, высланныхъ по приговорамъ мірскихъ обществъ, опредѣлялось въ 30-хъ и 40-хъ годахъ свыше 6.000 человѣкъ.

Разумѣется, съ такой массой ссыльнаго матеріала сибирское начальство, неподготовленное къ колонизаторской дѣятельности, справиться не могло и не умѣло.

Всѣ эти неудачные опыты имѣли лишь одну хорошую сторону: они послужили къ окончательному выясненію существовавшаго противорѣчія между развитіемъ ссылки и интересами свободнаго населенія края. Съ этого времени ссылка, какъ колонизаціонная мѣра, теряетъ окончательно свой кредитъ, и вопросъ о колонизаціи Сибири становится въ тѣсную связь съ общимъ переселенческимъ вопросомъ.

V.

Развитіе самовольныхъ переходовъ государственныхъ крестьянъ въ Сибирь и запрещеніе таковыхъ указомъ 1830 г. Самовольные переселенцы въ 40-хъ годахъ.

Посмотримъ теперь, насколько сильно проявлялось въ этотъ періодъ стремленіе самого народа къ передвиженію въ Сибирь.

Указъ 1822 г. о разрѣшеніи добровольныхъ переселеній крестьянъ былъ вызванъ, между прочимъ, замѣченнымъ Сперанскимъ стремленіемъ среди крестьянъ нѣкоторыхъ губерній Европейской Россіи къ переселенію

въ Сибирь, гдѣ они ожидали найти большій земельный просторъ, чѣмъ у себя на родинѣ. Подобное стремленіе замѣчалось даже въ предѣлахъ сибирскихъ губерній: такъ, напримѣръ, крестьяне Тобольской губерніи проявляли склонность къ передвиженію въ Томскую губернію. До 1812 г. въ Томскую губернію было перечислено болѣе 700 душъ изъ губерній Пермской и Тобольской; кромѣ того въ Томскую казенную палату были представлены прошенія отъ 1156 человѣкъ, оставшіяся, впрочемъ, неудовлетворенными вслѣдствіе послѣдовавшаго въ 1812 г. запрещенія крестьянскихъ переселеній.

Указъ 1822 г., разрѣшивши переселенія государственнымъ крестьянамъ, однако обставилъ это разрѣшеніе такими условіями, въ силу которыхъ не только не могло развиться народившееся въ народѣ добровольное стремленіе къ переселенію, но даже не могло быть и удовлетворено въ достаточной мѣрѣ.

Особенно отяготительны были для желающихъ переселиться въ Сибирь крестьянъ тѣ пункты этого указа, которые ставили непремѣннымъ условіемъ переселенія предварительную высылку „ходоковъ" и уплату, передъ уходомъ въ Сибирь, причитающихся съ переселяющихся недоимокъ. Посылка „ходоковъ" стоила очень дорого и притомъ имъ не оказывалось никакого правительственнаго содѣйствія; уплата же недоимокъ равносильна была запрещенію переселенія, такъ какъ недоимокъ всего больше накапливалось, конечно, за тѣми, кто хотѣлъ бѣжать отъ малоземелья и отъ связаннаго съ нимъ полуголоднаго существованія.

Это обстоятельство и повело къ развитію самовольныхъ переселеній. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ точныхъ данныхъ о размѣрахъ такого рода переселеній, но о частомъ повтореніи ихъ мы уже можемъ судить потому, что въ 1830 г. сенатскимъ указомъ было подтверж-

дено казеннымъ палатамъ Западной Сибири точно придерживаться правилъ указа 1822 г., допуская водвореніе переселенцевъ лишь при условіи, „если повѣренные, присланные ими для выбора земель съ именными списками всѣхъ желающихъ переселиться, пріискавъ земли, испросятъ на приселеніе къ деревнямъ согласіе на то старожилъ, а для водворенія на пустопорожнихъ земляхъ дозволеніе сибирскихъ казенныхъ палатъ, а объ ономъ сіи палаты увѣдомятъ таковыя же внутреннихъ россійскихъ губерній“.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія не прекращались случаи самовольныхъ переселеній изъ внутреннихъ губерній, хотя въ 1846 г. и повелѣно было еще разъ строго преслѣдовать такого рода переселенія. Извѣстно, что переселенцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляли свою родину цѣлыми десятками семействъ, не дожидаясь законнаго на то разрѣшенія.

Но несмотря на то, что, по „Уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“, всѣ семьи переселенцевъ, подлежавшихъ отбытію рекрутской повинности, равно какъ и не уплатившихъ недоимки, надлежало „удерживать на прежнихъ мѣстахъ“, т. е. высылать обратно на мѣста приписки, правительствомъ однако принято было во вниманіе, что возвращеніе на родину самовольныхъ переселенцевъ, уже прибывшихъ въ Сибирь, „привело бы ихъ къ совершенному разоренію, не принося при этомъ никакой пользы казнѣ“. И поэтому рядомъ правительственныхъ указовъ предписывается отводить и самовольнымъ переселенцамъ земельные участки, однако же не предоставляя имъ никакихъ льготъ и пособій, установленныхъ для переселенцевъ, пришедшихъ съ надлежащаго разрѣшенія. Переселенцевъ же самовольно водворившихся въ Сибири разрѣшено было оставлять на мѣстахъ новаго жительства, но обязавъ ихъ уплатить

всѣ числившіяся на нихъ недоимки и отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ. Причисленіе самовольныхъ переселенцевъ къ деревнямъ старожиловъ или къ вновь возникшимъ прееселенческимъ поселкамъ продолжалось и въ послѣдующіе года.

Однако были и такого рода самовольные переселенцы, о существованіи которыхъ начальство не знало цѣлые десятки лѣтъ. Иногда такіе переселенцы основывали цѣлые поселки и жили себѣ безъ всякихъ „податныхъ тягостей“ до тѣхъ поръ, пока начальство случайно, — чаще всего при межевыхъ работахъ, — не натыкалось на нихъ. Тогда они приписывались казенными палатами, попадали въ окладъ и „вольное“ житье ихъ прекращалось.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ срединѣ XIX столѣтія волна переселенческаго движенія продолжаетъ распространяться по Западной Сибири, постепенно ослабѣвая по мѣрѣ удаленія къ востоку и почти не проникая въ Иркутскую губернію и въ Забайкалье. Въ эти отдаленные углы Сибири попадали, кромѣ ссыльныхъ, лишь отдѣльные и какъ бы случайные переселенцы. Переселенческая волна эта къ самому концу 60-хъ годовъ только что истекшаго столѣтія состояла почти уже изъ однихъ самовольныхъ выходцевъ, такъ какъ правительственныя распоряженія о вызовѣ желающихъ переселиться въ Западную Сибирь почти совершенно прекратились еще въ концѣ 50-хъ годовъ.

VI.

Условія жизни заселыщиковъ Сибири въ первой половинѣ XIX вѣка. Условія культурнаго развитія края въ этотъ періодъ времени.

Условія культурной жизни сибирскаго населенія за описываемой нами періодъ времени мало измѣнились

къ лучшему. Тотъ же произволъ, злоупотребленія и неумѣлое веденіе дѣла заселенія—„вверху“ и та же темнота, безпомощность и прозябаніе—„внизу“.

Въ 1803 г. было возстановлено сибирское генералъ-губернаторство, съ назначеніемъ на эту должность тайнаго совѣтника Селифонтова. При этомъ новому Тобольскому и Иркутскому генералъ-губернатору были предоставлены права большія, чѣмъ его предшественникамъ; такъ, напримѣръ, ему предоставлялось не только удалять отъ должности и предавать суду чиновниковъ, но и ссылать ихъ въ отдаленныя мѣста. Особенное же вниманіе генералъ-губернатору велѣно было обратить на то, чтобы искоренить господствующій въ сибирскомъ населеніи—„духъ ябеды“. Но Селифонтовъ не оправдалъ довѣрія правительства. Оказалось, что „самъ онъ областью не правилъ, а всѣ дѣла... своей фавориткѣ оставилъ“.

Сибирью фактически заправляли г-жа Бойе (фаворитка Селифонтова), ея дочь (фаворитка сына Селифонтова) и правитель канцеляріи Вакулинъ. Въ ихъ правленіе порядки остались тѣ же, что и прежде, взяточничество же развилось въ высшей степени. Въ 1806 г. Селифонтовъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора, но порядки отъ этого не улучшились, а, пожалуй, еще ухудшились.

Вмѣсто Селифонтова генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ тайный совѣтникъ Пестель, а Иркутскимъ губернаторомъ—Трескинъ. Вся система управленія Пестеля сводилась къ тому, чтобы въ Сибири предоставить своему губернатору Трескину распоряжаться огромною властью по своему усмотрѣнію, а доносящіяся до Петербурга жалобы самому перехватывать и перерѣшать. Пестель всѣ 14 лѣтъ своего генералъ-губернаторства жилъ въ Петербургѣ, устроивъ строгій надзоръ

Указами 1808 и 1825 гг. рабство въ Сибири было нѣсколько ограничено. Согласно указу 1808 г., „Россійскимъ подданнымъсвободнаго состоянія“ хотя и дозволено было покупать и вымѣнивать киргизскихъ дѣтей, но по достиженіи ими 25-тилѣтняго возраста ихъ велѣно было дѣлать свободными. Указомъ же 1825 г. воспрещено было на будущее время пріобрѣтать невольниковъ изъ киргизъ-кайсаковъ, калмыковъ и др. азіятцевъ „мѣною и куплею“.

Нравы инородцевъ, несмотря на обиліе монастырей и церквей въ Сибири, были донельзя грубы и дики.

Такъ въ 1810—11 и 1815—16 гг. въ Туруханскомъ краѣ (Тобольской губерніи), вслѣдствіе монополій и злоупотребленій по продовольственной части, былъ голодъ, во время котораго обнаружилось нѣсколько ужасныхъ случаевъ убійства и даже людоѣдства. Въ 1814 г., напримѣръ, крещеный якутъ Налтановъ удавилъ двухъ своихъ дочерей 12 и 8 лѣтъ, изрубилъ ихъ тѣла и вареными съѣлъ; при чемъ въ употребленіи человѣческаго мяса участвовала и крещеная якутка, Сотникова, съ дочерью. По поводу этого случая туруханскому духовенству строжайше было подтверждено, „чтобы оно всевозможно старалось кроткими и снисходительными поученіями внушать въ дикарей духъ христіанства, ибо поступокъ Налтанова ясно показываетъ, что обращенные въ христіанство инородцы донынѣ пребываютъ въ древнихъ своихъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ, получая воспитаніе подобно хищнымъ звѣрямъ“.

Въ 1816 г. тамъ же имѣлъ мѣсто другой особенно поразительный случай. Семейство крещеныхъ тунгузовъ, Тымской волости, въ 6 человѣкъ, ушло за тундру; изъ нихъ одна дѣвица, ходившая съ матерью за хлѣбомъ, не возвратилась, и мать сказала, что она умерла; затѣмъ умеръ еще одинъ изъ братьевъ. Оказалось, что мать и

прочіе братья съѣли его, а потомъ убили и съѣли другого брата; затѣмъ убили и съѣли мать; потомъ дорогой нашли мертваго остяка—и его съѣли.

Но предписаніе туруханскому духовенству „внушать въ дикаряхъ духъ христіанства“, очевидно, такъ и осталось предписаніемъ. Спустя почти полвѣка послѣ описанныхъ случаевъ людоѣдства, въ томъ же Туруханскомъ краѣ принесена была въ 1861 г. *человѣческая жертва* однимъ русскимъ крестьяниномъ, съ работникомъ юракомъ. Крестьянинъ этотъ, при совершеніи обряда шаманства, пришелъ къ убѣжденію, что для спасенія его и его семейства отъ повальной болѣзни и смерти остается одно средство—принести въ жертву „богамъ“ одну изъ своихъ родственницъ, вслѣдствіе чего избранная съ этой цѣлью дѣвочка и была погребена живою.

Подобные невѣроятные случаи человѣческой дикости, жестокости и невѣжества встрѣчаются въ Туруханскомъ краѣ до самаго послѣдняго времени. Такъ, напримѣръ, въ 1883 г. здѣсь былъ случай людоѣдства, офиціально засвидѣтельствованный въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ газетѣ „Сибирь“ 1883 г., № 49, вотъ что читаемъ объ этомъ случаѣ: „Въ Туруханскомъ краѣ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года остякъ Тымско-Козюкольской остяцкой управы Кипріанъ Чекоровъ, доведенный голодомъ до крайности, съѣлъ умершихъ тоже отъ голода двоихъ сыновей“.

Бороться съ народнымъ невѣжествомъ и дикостью слѣдуетъ, конечно не предписаніями, а развитіемъ народнаго образованія и мѣрами, служащими къ подъему экономическаго благосостоянія населенія.

Но на эти вѣрныя средства, ведущія къ уничтоженію народнаго невѣжества и дикости, правительствомъ обращалось въ то время слишкомъ мало вниманія.

Правда, въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Сибири начали устраиваться разныя училища, низшія и среднія (приходскія, уѣздныя, духовныя училища, инородческія школы, семинаріи, гимназіи, институты и др.), но всѣ такія училища обыкновено открывались въ городахъ и въ такомъ недостаточномъ количествѣ, что не могли обслуживать даже городского населенія, не говоря уже о деревенской массѣ, которая оставалась поголовно безграмотною.

Въ 1828 г. изданъ былъ уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, при чемъ повелѣвалось: 1) въ Сибирскихъ губерніяхъ имѣть въ каждой по одной гимназіи, 2) подчинить сибирскія учебныя заведенія начальству тамощнихъ губернаторовъ и 3) учителямъ, сюда опредѣляемымъ, сократить пятью годами вообще сроки для полученія пенсій, и сверхъ того выдавать имъ при отправленіи, кромѣ прогоновъ, годовое жалованье не въ зачетъ.

Однако томская гимназіи на самомъ дѣлѣ открылась только черезъ 10 лѣтъ послѣ указа, именно въ 1838 г., а красноярская—въ 1868 г., т.-е. черезъ 40 лѣтъ. Старѣйшая въ Сибири иркутская гимназія открыта въ 1805 г. Охотниковъ идти въ учителя также, очевидно, находилось мало, потому что уже въ 1835 г., вслѣдствіе недостатка учителей въ Сибири, повелѣно было въ гимназіяхъ и казанскомъ университетѣ воспитывать на казенный счетъ молодыхъ людей, которые бы дали обязательство служить въ сибирскихъ учебныхъ заведеніяхъ; при этомъ такихъ молодыхъ людей предлагалось набирать главнымъ образомъ „изъ людей, родившихся въ Сибири, привыкшихъ къ тамошнему климату, неожидающихъ съ нетерпѣніемъ окончанія положеннаго для казеннокоштныхъ воспитанниковъ срока, чтобы оставить столь отдаленный край и возвратиться въ Европейскую

Россію, но любящихъ Сибирь какъ свою родину, гдѣ они въ кругу семейномъ и гдѣ служба для нихъ пріятна".

Мысль о собственномъ сибирскомъ университетѣ возникаетъ въ 1803 г. Въ этомъ году извѣстнымъ благотворителемъ Демидовымъ былъ пожертвованъ на учрежденіе сибирскаго университета капиталъ въ 50.000 руб. Опредѣленное ходатайство объ открытіи сибирскаго университета было возбуждено лишь въ 1823 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Капцевичемъ. Онъ ходатайствовалъ объ открытіи университета, на первое время хотя бы изъ 2-хъ факультетовъ: юридическаго и медицинскаго, чтобы имѣть на мѣстѣ образованныхъ чиновниковъ и врачей. Но ходатайству этому не суждено было быть удовлетвореннымъ еще долгое, долгое время.

Другая цивилизующая общественная сила—печать или пресса, какъ ее принято называть, также слабо развивалась въ Сибири.

Появленіе перваго періодическаго изданія въ Сибири относится къ 1790 г. Это былъ журналъ, издававшійся въ Тобольскѣ; онъ носилъ длинное названіе: „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену". Въ 1818 г. началъ издаваться „Сибирскій Вѣстникъ", выходившій по 1824 г. и помѣстившій на своихъ страницахъ богатый матеріалъ по разнымъ отраслямъ сибиревѣдѣнія, исторіи, географіи, археологіи и статистикѣ. Въ 1857 г. начали издаваться официальные органы Сибири—Тобольскія, Томскія, Енисейскія и Иркутскія губернскія вѣдомости. Въ 1860 г. въ Иркутскѣ начала издаваться газета „Амуръ".

Городская библіотека въ Иркутскѣ была открыта лишь въ 1833 г. Въ 1839 г. тамъ же была открыта первая частная публичная библіотека.

Въ этотъ же періодъ времени возникла мысль почтить память покорителя Сибири Ермака памятникомъ. Въ

1830 г. разрѣшена была подписка на сооруженіе памятника, а въ 1839 г. въ Тобольскѣ уже состоялось и открытіе памятника. Памятникъ сдѣланъ изъ гранита и имѣетъ форму продолговатой пирамиды, съ надписями: на одной сторонѣ „—Покорителю Сибири Ермаку", на другой—„воздвигнутъ въ 1839 г.", а на остальныхъ двухъ—годы: 1581, годъ покоренія Сибири, и 1584, годъ смерти Ермака.

Такъ черезъ 255 лѣтъ почтена была память знаменитаго разбойника-завоевателя.

На этомъ мы и закончимъ свой второй очеркъ, а въ слѣдующемъ поговоримъ о томъ, какъ заселялась Сибирь въ пореформенную эпоху вплоть до нашего времени.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Заселеніе Сибири въ пореформенный періодъ нашей исторіи (съ 1861 г. и по 1900 г. включительно).

I.

Общій взглядъ на переселенія въ пореформенную эпоху. Формы крестьянскаго землепользованія въ крѣпостное время.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы уже говорили, что съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія вопросъ о колонизаціи Сибири становится въ тѣсную связь съ переселенческимъ вопросомъ. Мы упоминали также о дѣятельности въ этомъ направленіи образованнаго въ 1838 г. Министерства Государственныхъ Имуществъ, во главѣ котораго поставленъ былъ графъ Киселевъ, такъ много сдѣлавшій для упроченія благосостоянія государственныхъ крестьянъ. Мы видѣли также, что судебная и административная ссылка начинаетъ понемногу утрачивать свое колонизаціонное значеніе и сохраняетъ лишь характеръ карательной мѣры. Такой характеръ ссылка сохраняетъ и во вторую половину только что истекшаго XIX столѣтія, когда вредное ея вліяніе на развитіе культурной жизни Сибири выясняется еще съ большей опредѣленностью. Бѣдственное и безпомощное положеніе, въ которомъ оказывались поселенцы изъ „отверженныхъ“, постоянное ихъ стремленіе бѣжать съ

мѣста поселенія, крайнее развитіе бродяжества и отсутствіе вслѣдствіе этого безопасности для мѣстнаго постояннаго населенія—неоднократно вызывали предположенія правительства о полной отмѣнѣ, — или ограниченіи, по крайней мѣрѣ, — сибирской ссылки. Но только въ 1899 г. было приступлено къ окончательному разрѣшенію этого, поистинѣ больного для Сибири, вопроса и, наконецъ, въ 1900 г., на рубежѣ новаго столѣтія, вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ столь давно желанномъ направленіи. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ мы оставимъ ссылку въ сторонѣ и займемся разсмотрѣніемъ исторіи заселенія Сибири за истекшее сорокалѣтіе добровольными ея колонизаторами—переселенцами изъ Европейской Россіи.

Такимъ образомъ, за послѣднее сорокалѣтіе, исторія заселенія Сибири окончательно сливается съ исторіей крестьянскихъ переселеній въ нее.

За предшествующій промежутокъ времени, какъ мы уже указывали выше, заселеніе Сибири шло двоякимъ путемъ — правительственнымъ и народнымъ, при чемъ въ послѣднее время правительство играло въ этомъ дѣлѣ болѣе активную роль, нежели самъ народъ. Въ первую половину XIX столѣтія переселенческая политика правительства, какъ мы видѣли, носитъ характеръ даже какъ бы покровительственный, тогда какъ народная иниціатива въ дѣлѣ переселенія начинаетъ проявляться только лишь въ концѣ указаннаго нами періода.

Въ пореформенную эпоху, наоборотъ, правительство и народъ какъ бы обмѣниваются своими ролями: первое относится къ переселеніямъ сначала безусловно отрицательно, потомъ недовѣрчиво и осторожно; народъ же, напротивъ, все энергичнѣе начинаетъ проявлять свою иниціативу, и стихійностью своего движенія заставляетъ правительство поневолѣ идти себѣ навстрѣчу.

Каковы же были причины такой перемѣны?

Одной изъ главныхъ причинъ явились недостатки земельной реформы, сопровождавшей освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Попытаемся же выяснить въ общихъ чертахъ то значеніе, какое оказала земельная реформа 1861 г. на общій ходъ переселенческаго движенія.

Въ крѣпостное время земля и живущіе на ней крестьяне считались собственностью — или помѣщиковъ (помѣщичьи крестьяне), или государства, „казны", (государственные или казенные крестьяне) или членовъ царской фамиліи (удѣльные крестьяне). Крестьянинъ каждой изъ этихъ группъ, за право обрабатывать на себя кусочекъ земли, обязанъ былъ или отбывать барщину или платить оброкъ, т.-е. или обрабатывать господскую землю или откупаться отъ обработки ежегоднымъ взносомъ опредѣленной суммы. При этомъ, конечно, со стороны владѣльцевъ прилагались всѣ старанія чтобы выжать изъ мужика какъ можно больше его труда. Если обработка земли, по условіямъ почвы и сбыта хлѣба, была невыгодна, то крестьяне, обыкновенно, отпускались на оброкъ, который они и добывали на сторонѣ отхожими промыслами; если же, напротивъ, земля была плодородна, то крестьяне отбывали самую каторжную барщину. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля была особенно цѣнна, помѣщики часто даже совсѣмъ обезземеливали крестьянъ, т.-е. данную имъ для обработки на себя землю присоединяли къ барской пашнѣ, а самихъ ихъ дѣлали „дворовыми", попрежнему „холопами". Извѣстно, что къ послѣдней четверти XVIII в., *въ нечерноземныхъ* губерніяхъ на оброкѣ было болѣе половины всего крѣпостного населенія, *въ черноземныхъ* же губерніяхъ число оброчныхъ едва превышало четверть; остальныя три четверти были на барщинѣ. Эта

разница ко времени освобожденія крестьянъ сдѣлалась еще рѣзче: въ 8 нечерноземныхъ губерніяхъ (въ которыхъ при Екатеринѣ II было 54% оброчныхъ), ко времени освобожденія оброчныхъ было уже 63,8%, тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ крестьянъ почти не увеличилось; число же барщинныхъ во многихъ губерніяхъ этой полосы, наоборотъ стало значительно больше. Число „дворовыхъ", т.-е. обезземеленныхъ крестьянъ, также сильно возросло въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ передъ освобожденіемъ. Въ 1829 г. ихъ было всего около 397.000, а къ концу 50-хъ годовъ ихъ уже насчитывалось 1.467.000, что составляло 7% всего числа крѣпостныхъ.

Вообще съ развитіемъ экономической жизни Россіи въ первой половинѣ XIX столѣтія, съ расширеніемъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ внутри и внѣ страны, съ улучшеніемъ путей сообщенія — цѣны на земледѣльческіе продукты быстро росли; вмѣстѣ съ этимъ возрастала выгодность хозяйства, поднимались и цѣны на годныя для обработки земли. Крѣпостной трудъ поэтому становился теперь часто не такъ выгоднымъ, какъ прежде; стоимость земли, которую волей-неволей приходилось помѣщику выдѣлять своимъ крѣпостнымъ, чтобы они не умерли съ голоду, часто превышала стоимость ихъ подневольнаго труда. Поэтому иногда создавалось такое положеніе, что помѣщику выгоднѣе бы было отдѣлаться отъ своихъ крѣпостныхъ и обрабатывать принадлежащую ему по закону землю наемнымъ трудомъ.

Конечно, только что сказанное относится главнымъ образомъ къ помѣстьямъ черноземной полосы.

Помѣщики нечерноземной полосы натуральную повинность своихъ крѣпостныхъ давно обмѣняли на денежную, на „оброкъ", и имъ было положительно все равно, будетъ или не будетъ сохранено крѣпостное право —

лишь бы платили нужный имъ „оброкъ“. Возьмись платить помѣщикамъ этотъ оброкъ за крестьянъ кто-нибудь другой, напр., правительство, и они ничего бы не имѣли противъ освобожденія крестьянъ. Такой порядокъ былъ даже выгоднѣе для нихъ, такъ какъ и деньги были болѣе вѣрныя и платить ихъ стали бы не по копейкамъ. А деньги широко жившимъ помѣщикамъ были всегда нужны, и они добывали ихъ, обыкновенно закладывая и перезакладывая свои имѣнія. Это послѣднее обстоятельство можетъ быть подтверждено слѣдующей цифровой справкою. По офиціальнымъ даннымъ, крѣпостные обоего пола, число которыхъ превосходило въ концѣ 50-хъ годовъ 23 милліона, принадлежали 103.194 помѣщикамъ. Въ то же время 44.166 помѣстій съ 7.107.184 душами, составлявшими $^2/_3$ крѣпостныхъ мужескаго пола, были заложены въ государственномъ банкѣ за 445.503.061 руб. серебромъ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, т.-е. вздорожаніе земли въ черноземныхъ губерніяхъ, невыгодность хозяйства въ нечерноземныхъ и задолженность дворянскаго землевладѣнія — значительно облегчили развязку проклятой „мертвой петли“, крѣпко затянутой на мужицкой шеѣ.

Однако къ развязкѣ этой позорной петли правительство приступило лишь подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, — именно, неудачной крымской войны, окончательно разсѣявшей призракъ военнаго могущества Россіи. Эта война обнаружила не только внѣшнюю, но и внутреннюю слабость государства; она вскрыла наши общественныя язвы, разлагавшія въ самомъ корнѣ жизнь страны. Николай I, желавшій оставить въ наслѣдство своему сыну, Александру II, могучую Россію, умирая, оставилъ расшатанное въ своихъ основахъ полуварварское государство.

Тогда дѣло коренного реформированія всей русской жизни представилось, наконецъ, правительству не только неизбѣжнымъ, но и не терпящимъ отлагательства.

Конечно, дѣло реформъ нужно было начинать съ корня, т.-е. опять-таки все съ того же проклятаго крѣпостного права. Неотложность уничтоженія крѣпостного права была ясно сознана теперь всѣми слоями русскаго народа, и слухи объ отмѣнѣ этого позорнаго права быстро распространились въ средѣ общества и народа. Въ обществѣ говорили, что „въ секретномъ договорѣ съ Франціей" государь обязался освободить крестьянъ; а сами крестьяне отвѣтили на распространившіеся среди нихъ слухи о близкой свободѣ серьезными волненіями, выражавшимися, главнымъ образомъ, въ неповиновеніи своимъ помѣщикамъ. Все это побуждало правительство не мѣшкать съ реформой. Самъ Императоръ Александръ II въ рѣчи, произнесенной къ депутатамъ, отъ московскаго дворянства, сказалъ: „Конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе".

Однако не безъ колебаній начало правительство рубить гнилое дерево крѣпостного права. Ярые охранители его,—„крѣпостники",—тоже не дремали и всѣми силами старались противодѣйствовать вырубкѣ столь любезнаго имъ дерева, подъ сѣнію котораго они такъ сладко жили и прохлаждались въ теченіе почти трехъ вѣковъ. Крѣпостники старались запугать правительство, увѣряя его, что вырубленное дерево при паденіи зацѣпитъ не только ихъ, помѣщиковъ, но и само правительство, даже все государство.

Но въ то же время и друзья реформы спѣшили ковать желѣзо, пока оно было горячо,—и дѣло реформы, хотя и медленно, но все же двигалось впередъ.

Тогда крѣпостники, убѣдившись въ твердости намѣренія правительства провести реформу освобожденія, перемѣнили тактику и, прикинувшись сторонниками реформы, постарались разными уловками свести ее на нѣтъ. Они предлагали сначала освободить крестьянъ совсѣмъ безъ земли, т.-е. пустить ихъ на бѣлый свѣтъ нищими, а потомъ,—когда это не удалось,—предложили освободить крестьянъ только съ усадебной землей, безъ полевой. Но когда все таки рѣшено было освободить крестьянъ съ землей, крѣпостники ухитрились и при такомъ оборотѣ дѣла устроить такъ, что въ концѣ концовъ въ выгодѣ остались все же помѣщики, а не крестьяне. И вотъ, наконецъ,—только черезъ 6 лѣтъ послѣ упомянутой нами рѣчи государя къ депутатамъ московскаго дворянства,—былъ подписанъ знаменитый манифестъ 19-го февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

„Порвалась цѣпь великая,—сказалъ Некрасовъ по поводу этого важнаго историческаго событія,—порвалась и ударила—однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Баринъ, однако, постарался устроить такъ, чтобы конецъ цѣпи, ударившій по мужику, былъ потяжелѣе его, барскаго, конца.

Дѣло въ томъ, что въ самый послѣдній моментъ осуществленія реформы крѣпостникамъ удалось свести къ минимуму всѣ необходимыя при этомъ жертвы и переложить эти жертвы на безотвѣтное крестьянство.

II.

Условія надѣленія освобожденныхъ крестьянъ землей. Отношеніе крестьянъ къ поземельной реформѣ. Реформа 1861 г. по отношенію къ Сибири.

Посмотримъ же теперь, что дала эта знаменитая реформа крестьянамъ, удовлетворила ли она ихъ ожиданія отъ нея.

Къ концу 60-хъ годовъ все населеніе Европейской Россіи достигало 60.909.309 чел. Изъ этого числа на долю сельскихъ классовъ приходилось 49.486.665 душъ, которыя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: помѣщичьихъ крестьянъ было—23.022.390 чел., казенныхъ — 23.138.191 чел. и удѣльныхъ — 3.326.084 человѣка.

Всѣ эти категоріи крестьянъ получили личную свободу и надѣлены были землей.

Согласно Положенію 1861 г., въ надѣлъ крестьянамъ поступило только около $^2/_3$ удобныхъ помѣщичьихъ земель. При опредѣленіи размѣровъ каждаго отдѣльнаго надѣла по мѣстностямъ (надѣлы были не вездѣ одинаковы) принимались въ соображеніе размѣры существовавшихъ въ крѣпостное время надѣловъ земли; но такъ какъ, въ общемъ, земли въ надѣлъ, какъ мы сказали сейчасъ, поступило меньше, нежели ея имѣлось у помѣщиковъ, то, разумѣется, и надѣльные участки должны были соотвѣтственно этому уменьшиться.

Въ черноземной полосѣ, гдѣ населеніе было плотнѣе и надѣльные участки, слѣдовательно, мельче, крестьяне получили самый меньшій земельный надѣлъ. Высшій земельный надѣлъ для каждаго лица мужского пола опредѣленъ былъ здѣсь въ $2^3/_4$ десятины, а низшій въ $^{11}/_{12}$ десятины. Излишекъ земли (по сравненію съ высшимъ, указнымъ надѣломъ), находившійся въ поль-

зованіи крестьянъ въ крѣпостное время, обыкновенно отрѣзался въ пользу помѣщика или отдавался въ пользованіе крестьянамъ за отдѣльный оброкъ (нѣчто вродѣ обязательной аренды). Въ степной полосѣ крестьяне получили болѣе всего земли—до 12 десятинъ (высшій надѣлъ) для каждаго лица мужского пола.

Вообще же почти $^3/_4$ помѣщичьихъ крестьянъ (73%) получили надѣлы отъ десятины и менѣе до 4-хъ десятинъ. При этомъ въ части черноземной полосы,—именно, въ губерніяхъ: Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской, занимающихъ по плотности земледѣльческаго населенія въ нихъ первое мѣсто въ Европейской Россіи,— только 4% (изъ 2.457.000 душъ муж. пола) получили болѣе 4 десятинъ; остальные же: — отъ 3 до 4 дес.— 25%, отъ 2 до 3 дес. — 50%, отъ 1 до 2 дес. — 13% и менѣе 1 дес.—8%.

Государственные и удѣльные крестьяне были нѣсколько лучше надѣлены землей. Большая часть изъ крестьянъ этой категоріи (70,7%) получили отъ 4 до 10 дес. и болѣе и лишь 25%—отъ 2 до 4 дес.

Удѣльные крестьяне въ большинствѣ случаевъ (74,9%) обезпечены были надѣлами отъ 2 до 6 дес. Въ среднемъ эта категорія крестьянъ получила на душу 4,8 дес. (отъ 2,1 дес. въ Московской губ., до 7,7 въ Астраханской губ.).

Слѣдовательно,—если признать достаточнымъ для крестьянскаго хозяйства, какъ минимумъ, 4-хъ десятинный надѣлъ, — то изъ помѣщичьихъ крестьянъ оказались недостаточно надѣленными землей $^3/_4$ всѣхъ крестьянъ, изъ государственныхъ — только $^1/_4$ и изъ удѣльныхъ — нѣсколько больше $^1/_4$ всѣхъ крестьянъ.

За выдѣленную крестьянамъ землю они должны были заплатить помѣщикамъ значительную сумму, опредѣ-

ленную согласно произведенной оцѣнкѣ земли (въ каждой мѣстности была особая оцѣнка). При опредѣленіи цѣнности земли принималась обыкновенно въ расчетъ не только ея стоимость, но и сумма, получавшаяся отъ различныхъ заработковъ и отхожихъ промысловъ крестьянами, обрабатывавшими данную землю; такой расчетъ основывался на томъ, что извѣстная доля и отъ такого рода заработковъ принадлежала прежде помѣщику. Такимъ образомъ, хотя реформа ни однимъ словомъ не упоминала о вознагражденіи помѣщика за дарованіе личной свободы крѣпостному, но разница между дѣйствительною стоимостью земли и ея оцѣнкой и должна была, въ сущности, считаться платой помѣщикамъ, собственно, за личную свободу крестьянъ и за потерю тѣхъ выгодъ, которыя давало помѣщикамъ крѣпостное право.

Особенно высоко сравнительно съ дѣйствительной стоимостью были оцѣнены земли въ нечерноземной полосѣ, почему помѣщики этой полосы и не особенно сильно противились передачѣ земли крестьянамъ.

Не то было въ черноземной полосѣ. Какъ мы сказали выше, съ развитіемъ хозяйственной жизни Россіи, земля въ черноземной полосѣ значительно повысилась въ цѣнѣ и правительственная оцѣнка земель при выкупѣ здѣсь почти совпала, а иногда была даже и ниже дѣйствительной стоимости земли. Это показалось, конечно, невыгоднымъ здѣшнимъ помѣщикамъ, которые стремились какъ можно дороже продать свое право на крѣпостныхъ. Поэтому то при заключеніи сдѣлокъ съ крестьянами, помѣщики, при нарѣзкѣ надѣловъ, старались сбыть съ рукъ побольше негодной земли,— результатомъ чего и явилась такъ называемая черезполосица, особенно распространенная въ черноземной полосѣ. Иногда практиковалась и другая политика: помѣщики старались склонить крестьянъ къ полученію половиннаго указнаго

надѣла, или же предлагали въ „подарокъ“ такъ называемый *четвертной надѣлъ.*

„Четвертной“ надѣлъ появился въ нашей экономической исторіи при такихъ обстоятельствахъ. Крѣпостники при составленіи „Положенія 19-го февраля“ добились-таки всѣми правдами и неправдами внесенія въ него нѣкоторыхъ пунктовъ, которые давали бы возможность помѣщикамъ на „законномъ основаніи“ уклониться отъ обязанности дать крестьянамъ полный указной надѣлъ. Поэтому то въ одномъ изъ пунктовъ „Положенія“ и было упомянуто, что надѣлъ, приходящійся крестьянамъ въ постоянное пользованіе, можетъ быть уменьшаемъ, по добровольному соглашенію помѣщика съ крестьянами, до половины высшаго или указного надѣла, и затѣмъ, — если помѣщикъ „даритъ“ крестьянамъ „четверть“ высшаго или указного надѣла, то крестьяне, отказавшись отъ остальныхъ трехъ четвертей, освобождаются отъ всѣхъ повинностей, связанныхъ съ выкупомъ земли.

Вотъ на эту то приманку и ловили ловкіе помѣщики простодушныхъ крестьянъ. Такъ какъ плата за надѣльную землю въ то время была выше арендной платы, то крестьянамъ и казалось тогда очень выгоднымъ согласиться на четвертной надѣлъ, съ тѣмъ, чтобы арендовать недостающую землю по болѣе сходной цѣнѣ и такимъ образомъ выгодать на разницѣ. Однако, вскорѣ же, благодаря большому спросу на землю, аренда на нее значительно возросла, и крестьяне начали считать себя обманутыми; свои „четвертныя“, или, такъ называемые еще, „гагаринскіе“ надѣлы, они прозвали „нищенскими“, такъ какъ они и на самомъ дѣлѣ довели крестьянъ до нищенства.

Помѣщики же, благодаря своимъ „подаркамъ“ крестьянамъ, выигрывали вдвойнѣ. Во-первыхъ, они сохраняли

$^3/_4$ количества земли, предназначенной въ надѣлъ,— земли, которая годъ отъ году поднималась въ цѣнѣ,— и, во-вторыхъ, обезпечивали себѣ постоянныхъ арендаторовъ этой земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дешевыя рабочія наемныя руки для обработки собственныхъ угодій. Такимъ образомъ помѣщики этимъ ловкимъ маневромъ сумѣли соединить выгоды крѣпостного и наемнаго труда. Освободившись отъ заботъ о крестьянинѣ, они въ то же время сохраняли въ немъ и подневольнаго работника, такъ какъ, заранѣе можно было предвидѣть, что ничтожнаго надѣла освобожденному крестьянину хватить не могло, и онъ долженъ былъ волей-неволей искать заработка на чужой землѣ,—и, конечно, всего скорѣе по сосѣдству, у бывшаго же своего барина". Такъ крѣпостное рабство съ Божіей помощью замѣнено было рабствомъ экономическимъ.

Чтобы сдѣлаться полными собственниками своихъ надѣловъ, помѣщичьи крестьяне должны бы были, собственно, сейчасъ же, по надѣленіи ихъ землей, расплатиться за нее съ своими помѣщиками. Но, разумѣется, у крѣпостныхъ крестьянъ не могло быть денегъ для такой расплаты, и поэтому правительство само расплатилось за нихъ съ помѣщиками, давъ такимъ образомъ крестьянамъ деньги какъ бы въ долгъ подъ залогъ ихъ земли. Долгъ этотъ правительство разсрочило на 49 лѣтъ, считая послѣдній срокъ съ 1883 г., когда выкупъ для всѣхъ крестьянъ сдѣланъ былъ обязательнымъ.

Платежи эти извѣстны подъ именемъ „выкупныхъ платежей".

Государственные крестьяне перешли на обязательный выкупъ лишь въ 1886 г., хотя земли, собственно, были закрѣплены за ними еще въ 1866 г. (за казенный оброкъ) и имъ тогда уже былъ дозволенъ добровольный выкупъ. Съ 1886 г., слѣдовательно, оброчные платежи крестьянъ

этой категоріи обращены были въ выкупные и черезъ 44 г. (къ 1931 г.) изъ этихъ платежей долженъ образоваться капиталъ, нужный для выкупа оброчной подати, которая затѣмъ и перестанетъ уплачиваться. Такъ что всѣ вообще крестьяне только съ 1931 г. перестанутъ находиться въ положеніи какъ-бы арендаторовъ государственной земли. Сдѣлаются ли они тогда полными собственниками выкупаемой ими теперь земли это пока еще остается неизвѣстнымъ.

Удѣльные крестьяне стали выкупать свои земли въ 1863 г.; выкупъ для нихъ съ самаго начала сдѣланъ былъ обязательнымъ и производится не путемъ взноса новыхъ платежей, а путемъ обращенія прежнихъ платежей въ выкупные; по истеченіи 49 лѣтъ изъ этихъ платежей долженъ будетъ образоваться такой капиталъ, который будетъ соотвѣтствовать цѣнности отданной удѣльнымъ крестьянамъ земли.

Такимъ образомъ въ настоящее время все русское крестьянство выкупаетъ свои надѣлы у правительства и выкупитъ ихъ окончательно въ свою собственность къ 1931 году (впрочемъ, теперь, съ изданіемъ новаго закона о пересрочкѣ выкупныхъ платежей, для тѣхъ крестьянскихъ обществъ, которыя пожелаютъ воспользоваться предоставленной имъ льготой пересрочки, срокъ этотъ оттянется еще на нѣсколько лѣтъ).

Слѣдовательно, ни помѣщичьи, ни государственные, ни принадлежавшіе царской фамиліи крестьяне не получили обработывавшейся ими изъ вѣка-въ-вѣкъ земли даромъ. Правительство въ 1861 г., какъ бы по порученію помѣщиковъ, государства и членовъ царской фамиліи, дало землю крестьянамъ въ долгъ и теперь выбираетъ этотъ долгъ съ процентами подъ названіемъ „выкупныхъ платежей“; долгъ этотъ будетъ выбираться до 1931 г., а съ крестьянскихъ обществъ, согласившихся на пересрочку, и дольше.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись сами крестьяне къ земельной реформѣ.

Какъ извѣстно, у крестьянъ издавна сложился взглядъ на свое крѣпостное состояніе, какъ на историческую несправедливость, которая рано или поздно должна была быть уничтожена. По ихъ мнѣнію, помѣщикъ былъ не землевладѣлецъ - собственникъ, а служилый человѣкъ, чиновникъ, которому царь за невозможностью (въ прежнія времена) платить жалованье деньгами, жаловалъ земли съ поселившимися на нихъ крестьянами въ цѣляхъ какъ обезпеченія правильнаго отправленія служилыми людьми „царской службы", такъ и для ихъ, „служилыхъ людей", личнаго „кормленія". Свою мысль крестьяне формулировали обыкновенно такимъ образомъ: „мы господскіе, а земля наша". Взглядъ этотъ соотвѣтствовалъ дѣйствительному историческому прошлому нашего дворянства и крестьянства, и поэтому правительству чрезвычайно было трудно искоренить его у крестьянъ. Привить крестьянамъ новый взглядъ на право землевладѣнія, взглядъ, сложившійся за время крѣпостного права, правительству едва ли удалось даже и теперь.

Собственно, всѣ волненія и побѣги съ насиженныхъ мѣстъ,—эти единственныя формы протеста, доступныя крестьянамъ, противъ всякаго рода несправедливостей,— какъ въ крѣпостное время, такъ и въ періодъ пореформеннаго поземельнаго устройства, объясняются существованіемъ у крестьянъ именно такого историческаго взгляда на землевладѣніе. Крестьянскія волненія, начиная съ пугачевскаго бунта, въ сущности, не прекращались вплоть до самаго освобожденія; они не принимали только такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ при Пугачевѣ. Каждый смутный слухъ, каждая перемѣна въ настроеніи правительства неизбѣжно вызывали эти волненія. Много было волненій въ царствованіе Павла, не мало ихъ было и въ царствованіе Александра I. Такъ,

въ 1812 г. крестьяне были убѣждены, что въ награду за то, что они отстояли Россію отъ французовъ, имъ дадутъ свободу. Были волненія и въ 1818—1820 гг., когда вновь распространились слухи объ освобожденіи. Поводомъ къ нимъ послужили изданные въ эти годы указы объ освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ (крестьяне здѣсь были освобождены безъ земельнаго надѣла). Въ 1826 г. вновь распространился слухъ о предстоящемъ будто бы освобожденіи крестьянъ, что вызвало новыя волненія, охватившія на этотъ разъ губерніи Владимірскую, Костромскую, Ярославскую, Смоленскую, Пермскую и др. Въ царствованіе Николая I, по офиціальнымъ даннымъ, всѣхъ волненій было 556. Въ половинѣ случаевъ правительство прибѣгало къ помощи военной команды, а въ остальныхъ случахъ безпорядки прекращались обычной „поркой" крестьянъ. Передъ самымъ освобожденіемъ, въ 1858 г., въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ (съ 1-го марта по 1-е іюля) было 70 случаевъ неповиновенія крестьянъ въ 26 губерніяхъ. Особенно сильное волненіе произошло въ Прибалтійскомъ краѣ вслѣдствіе злоупотребленія помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне арендовали земли. Причинами другихъ безпорядковъ были: притѣсненія крестьянъ, недостатокъ земли, неумѣстныя распоряженія, дурное управленіе и, наконецъ, насильственное переселеніе крестьянъ въ Сибирь помѣщиками съ цѣлью освободить отъ нихъ свою землю, т.-е. уклониться отъ надѣла. Крестьянскія волненія часто сопровождались кровавыми расправами съ помѣщиками. Иногда взбунтовавшіеся крестьяне только сѣкли своихъ помѣщиковъ, но бывали случаи и настоящихъ истязаній и убійствъ. По свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ 1836 по 1854 г. было 75 покушеній на убійство помѣщиковъ и помѣщицъ, а убійствъ за то же время совершено 144.

Съ 1835 по 1840 г. за убійство помѣщиковъ было сослано 416 человѣкъ.

Точныхъ цифровыхъ данныхъ относительно количества побѣговъ крестьянъ въ первой половинѣ XIX в. на окраины Россіи и за границу не имѣется, но о значительномъ числѣ побѣговъ можно судить по отдѣльнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ. Такъ, въ 1834 и 1837 гг. побѣги настолько сдѣлались часты, что правительство приняло строгія мѣры къ предупрежденію ихъ. Изъ числа бѣжавшихъ однихъ только воронежскихъ крестьянъ было возвращено болѣе 900 челов., кромѣ того изъ другихъ губерній 250 чел. Въ 1819 г. были значительные побѣги изъ Херсонской губ. Въ 1840 году много бѣглыхъ возвращено было австрійскимъ правительствомъ. Въ 1841 г. бѣжало изъ Могилевской губ. на югъ около 1.000 крестьянъ. Въ 1847 г. была цѣлая эпидемія побѣговъ: изъ трехъ губерній бѣжало болѣе 1.300 чел., а изъ Курской было задержано 2.000 чел., при чемъ ими было оказано сильное сопротивленіе.

Въ періодъ освобожденія, среди крестьянъ было очень распространено мнѣніе, что царь отдастъ имъ всю землю. Когда реформа совершилась, то крестьяне, почти поголовно тогда безграмотные, конечно, не могли разобраться какъ слѣдуетъ во всѣхъ ея подробностяхъ, и особенно въ сложной системѣ выкупной операціи. Поэтому крестьяне при отводѣ имъ надѣловъ часто оказывали сопротивленіе, думая, что помѣщики ихъ обманываютъ и хотятъ дать имъ земли меньше, чѣмъ приказано было царемъ. Волненія по этому поводу иногда бывали настолько сильны, что ихъ приходилось усмирять военной силой. Вообще во многихъ случаяхъ крестьяне не хотѣли принимать, по ихъ словамъ, „обманную волю", ожидая другой воли, „настоящей, со всей землей".

Чтобы закончить рѣчь объ освободительной реформѣ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, поскольку коснулся Сибири манифестъ 19-го февраля 1861 г.

Въ Сибири крѣпостного права въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ какихъ оно было въ Европейской Россіи, не было. Поэтому освободительный манифестъ 19 февраля 1861 г. касался лишь одной сотой части всего сибирскаго населенія. Ко дню манифеста 19-го февраля, по народной переписи, считалось по всей Сибири только 36 помѣщиковъ, владѣвшихъ населенными имѣніями, и 70 безпомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ одними дворовыми людьми. Общее же число крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибири не превышало 3701 чел. обоего пола; изъ нихъ около 900 чел. было дворовыхъ. Власть сибирскихъ помѣщиковъ была въ большинствѣ случаевъ совершенно номинальная; этому способствовало, съ одной стороны, отсутствіе помѣщиковъ въ своихъ имѣніяхъ, а съ другой—необъятный земельный просторъ, благодаря которому крестьяне не дорожили помѣщичьей землею и почти не отбывали никакой барщины.

Итакъ, земельная реформа 1861 г. въ Европейской Россіи привела къ тому, что на первыхъ же порахъ послѣ освобожденія, сталъ ощущаться крестьянами недостатокъ въ землѣ. Усиленію потребности въ землѣ содѣйствовало, кромѣ недостаточности надѣловъ, еще и то обстоятельство, что надѣленіе крестьянъ было разсчитано, собственно, не на наличную душу, а на ревизскую, вслѣдствіе чего при освобожденіи не надѣлена была землею вся та часть населенія мужского пола, которая народилась въ послѣдніе 3 года послѣ народной переписи (ревизіи), произведенной въ 1858 г. Отъ этого земельные надѣлы, слѣдовательно, получились на самомъ дѣлѣ еще меньше, чѣмъ они опредѣлены были въ „Положеніи". Между тѣмъ съ теченіемъ

времени населеніе все увеличивалось (къ концу 70-хъ годовъ оно возрасло на 20%, а къ концу 90-хъ годовъ уже на 50%), вызывая дальнѣйшее дробленіе земельныхъ участковъ.

III.

Процессъ разложенія крестьянскаго хозяйства въ черноземной полосѣ Европейской Россіи.

Чтобы лучше разобраться въ вопросѣ, какимъ именно путемъ приходитъ нашъ крестьянинъ къ мысли о переселеніи, остановимъ нѣсколько свое вниманіе на такъ называемой „житницѣ Россіи“, черноземной полосѣ, гдѣ процессъ раскрестьяниванія протекалъ болѣе бурно и ярко, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи.

Въ среднихъ сѣверныхъ губерніяхъ черноземной полосы, гдѣ плотность населенія достигла въ настоящее время до 54,2 чел., надѣлъ уменьшился до $1^3/_4$—3 десятинъ. Общее число лицъ, располагавшихъ землею не свыше 3 десятинъ, возросло въ этой полосѣ уже къ 1877 г. до 3.403.800 человѣкъ. Многіе изъ крестьянъ не выдерживали этого перваго испытанія и бросали совсѣмъ землю; число такихъ безземельныхъ дворовъ въ 1893 г. достигло 6% общаго числа крестьянскихъ дворовъ въ этой полосѣ. Но другіе оставались еще „на стражѣ крестьянскихъ интересовъ“ и продолжали борьбу.

Съ измельчаніемъ земельныхъ участковъ, приходившихся на каждую мужскую душу, естественно сокращалась и площадь полевой земли, такъ что приходилось расширять ее за счетъ выгоновъ. Это повело къ сокращенію скотоводства; уменьшеніе скота уменьшило и количество доставляемаго имъ удобренія, а это обстоятельство въ свою очередь привело въ концѣ концовъ къ истощенію почвы. Въ томъ же направленіи дѣйство-

вала и вырубка сравнительно небольшихъ лѣсныхъ площадей, входившихъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ въ черноземной полосѣ, вынуждая крестьянъ обращать часть навоза на топливо.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ урожаи становятся все въ большую зависимость отъ „погоды“. Все чаще и чаще, случаются „недоборы“ хлѣбовъ. А между тѣмъ нужда въ хлѣбѣ становится все ощутительнѣе. Хлѣбъ необходимъ крестьянину не только для собственнаго потребленія, но и, главнымъ образомъ, на продажу, такъ какъ государственные, земскіе и мірскіе сборы растутъ не по днямъ, а по часамъ, и съ уплатой ихъ дѣятельные становые, исправники, урядники и земскіе начальники поторапливаютъ плательщиковъ, часто съ этой цѣлью заглядывая имъ и „подъ рубашку“.

Янсонъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ налоги превышаютъ въ 5 и болѣе разъ доходность земли, т.-е. значитъ всецѣло ложатся на заработки. Непосильность податного бремени удостовѣрена была и изслѣдованіями особой офиціальной комиссіи (въ 60-хъ и 70-хъ годахъ), образованной съ спеціальной цѣлью пересмотра системы податей и сборовъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ несоотвѣтствія между доходностью крестьянскихъ земель и податными обязательствами, лежащими на ихъ владѣльцахъ, явилась большая задолженность крестьянскихъ обществъ. Въ 1891 году недоимки по государственному сбору составляли: въ Самарской губ. — 306% годового оклада, въ Уфимской—249,4%, Оренбургской—245%, Казанской—202,3% и Нижегородской—95,2% *).

*) Крестьяне нечерноземной полосы, имѣвшіе посторонній заработокъ, оказались значительно исправнѣе. Такъ, въ Вологодской и Тверской губерніяхъ недоимки составляли—7,5% годового оклада, въ Ярославской—0,6%, въ Калужской—3%, во Владимірской, Тульской и Рязанской около - 14% и въ Смоленской—18%.

Въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря непомѣрному росту нашего государственнаго бюджета, естественно должны были возрасти съ поразительной быстротой и недоимки.

Чтобы погасить лишь „нетерпящіе отлагательства“ платежи, крестьяне ежегодно каждую осень, выбрасываютъ на рынокъ массу хлѣба, что, конечно, сейчасъ же отражается на его цѣнѣ. Продавши свой хлѣбъ осенью по низкой цѣнѣ, крестьяне въ теченіе зимы и особенно слѣдующей весны принуждены опять покупать его для собственнаго продовольствія и для посѣва, но уже, разумѣется, по значительно повышенной цѣнѣ, непроизводительно переплачивая такимъ образомъ большія деньги. Создается донельзя тяжелое положеніе, — и мужику, значитъ, приходится какъ ни какъ „изворачиваться“.

И мужикъ дѣйствительно изворачивается. Онъ начинаетъ „сообча“ присматривать себѣ „землицы“ въ собственность,—сначала, конечно, гдѣ-нибудь по близости,—но это обыкновенно оказывается не по его карману. Извѣстно, что купчія цѣны на землю въ черноземной полосѣ къ 1890 году возрасли на 100—200% по сравненію съ ея стоимостью въ началѣ 60-хъ годовъ, т.-е. цѣны, слѣдовательно, за этотъ періодъ времени удвоились и утроились. Въ частности, напримѣръ, въ Полтавской губерніи ростъ цѣнъ на земли за послѣдніе 6 лѣтъ былъ таковъ: въ 1895 г. десятина земли стоила—113 руб., въ 1896 г. цѣна поднялась незначительно до 118 руб., въ 1897 г. она достигла 131 руб., въ 1898 г.—135 руб., въ 1899 г.—166 руб., а въ 1900 г. поднялась до 250 руб., при чемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ землю покупали по 300 и болѣе рублей за десятину.

Съ цѣлью облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе земли въ собственность многими земствами уже въ 70-хъ годахъ были предприняты мѣры и возбужденъ цѣлый

рядъ ходатайствъ передъ правительствомъ объ учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка. Такъ, напримѣръ, тверское земство первое начало выдавать ссуды крестьянамъ для покупки земель, а полтавское образовало даже съ этой цѣлью особый капиталъ, въ 100.000 р., такъ называемый Александровскій земельный фондъ, который до 1883 г. и былъ цѣликомъ въ оборотѣ.

Въ результатѣ земскихъ ходатайствъ, въ 1882 г. былъ дѣйствительно основанъ крестьянскій поземельный банкъ. Однако дѣятельность этого банка была обставлена настолько стѣснительными формальностями, что обратила его въ обыкновенное бюрократическое учрежденіе.

Прежде всего выдаваемая банкомъ ссуда была не велика (отъ 91% всей покупкой суммы въ 1883 году до 75% въ 1889 году); благодаря этому крестьянамъ для внесенія доплаты приходилось занимать деньги за высокіе проценты у ростовщиковъ. Это повело къ задолженности крестьянъ банку, такъ что операціи банка за первое же пятилѣтіе его существованія дали дефицитъ въ 489.386 руб. Кромѣ того и процентъ за ссуды брался очень высокій ($7\frac{1}{2}$ на 34 года и $8\frac{1}{2}$ на 24 года).

И вотъ, съ одной стороны—паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, неурожаи, градобитія, а съ другой—усиленныя требованія государственныхъ повинностей не по разуму усердными сборщиками податей и полиціей, вводятъ крестьянъ въ неоплатные долги крестьянскому банку, и земли ихъ идутъ съ молотка. Особенно много имѣній продано было въ районѣ нестепныхъ черноземныхъ губерній, гдѣ крестьянская платежная способность была особенно слаба.

Такъ, изъ общаго числа 388 имѣній, перешедшихъ къ 1-му января 1899 г. въ собственность банка вслѣдствіе неуплаты заемщиками въ срокъ платежей—243 имѣнія приходятся именно на этотъ районъ. Важное зна-

ченіе приведенной цифры станетъ особенно очевиднымъ, если принять во вниманіе, что число всѣхъ выданныхъ банкомъ въ указанныхъ губерніяхъ ссудъ не превышаетъ 27% общаго количества банковыхъ ссудъ.

Такимъ образомъ банкъ, желая помочь крестьянамъ, въ концѣ концовъ приводилъ ихъ къ разоренію, ставя крестьянъ часто въ положеніе гораздо болѣе худшее прежняго.

Манифестъ 14-го ноября 1894 г. увеличилъ средства банка. Въ распоряженіе его былъ предоставленъ капиталъ въ 50 милліоновъ рублей, который долженъ былъ образоваться черезъ отчисленіе ежегодно (съ 1895 г.) части выкупныхъ платежей, поступающихъ съ крестьянъ. Кромѣ того размѣръ роста по ссудамъ былъ пониженъ на 1%.

Однако все же дѣятельность крестьянскаго банка нельзя назвать особенно широкой. Со времени его учрежденія до 1899 г. площадь крестьянскаго землевладѣнія увеличилась при его посредствѣ всего лишь на 3.567.146 десятинъ, или на 2,8% всей площади удобной надѣльной земли крестьянъ въ началѣ 90-хъ годовъ. При этомъ такъ называемыя „переселенческія сдѣлки“, имѣющія въ виду пріобрѣтеніе крестьянами земель съ цѣлью переселенія на нихъ, составляли довольно значительный процентъ въ общемъ числѣ покупокъ крестьянами земель при содѣйствіи банка. Такъ, въ 1898 г. число такихъ сдѣлокъ доходило до 24% общаго количества сдѣлокъ банка *).

Такимъ образомъ крестьянскій банкъ, призванный

*) Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка за 18-ти лѣтній періодъ времени, т.-е. со времени его основанія и по 1-е января 1901 г.,—по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ Вѣстникѣ Финансовъ,—выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ.

Операціи банка распространяются на 57 губ. Европейской Россіи. По 1-е января 1901 г. выдано: на покупку земель 34.806 ссудъ подъ за-

расширить крестьянское землевладѣніе и сдержать переселенія въ Сибирь, оказался не въ силахъ выполнить своей широкой задачи. Банкъ скоро потерялъ кредитъ въ глазахъ крестьянъ, которые никакъ не могли понять, какъ это „казна", желавшая, казалось бы, помочь имъ, разоряетъ ихъ и приводитъ въ положеніе худшее прежняго. При томъ же при помощи банка, при существующей его организаціи, землю могли пріобрѣтать только болѣе или менѣе состоятельныя группы крестьянъ, у малоимущихъ же не хватало денегъ ни на предварительную доплату, ни на своевременный платежъ процентовъ по долгу.

Обжегшись на „своей землицѣ", мужикъ пробуетъ взять ее „на аренду". Но и арендныя цѣны на землю въ черноземной полосѣ, вслѣдствіе большого спроса, возрасли за этотъ промежутокъ времени на 200—300%, т.-е. утроились и учетверились.

Но мужикъ все еще не унываетъ. „На то онъ и мужикъ, чтобы изворачиваться", — говоритъ Щедринъ. И вотъ мужикъ дѣйствительно еще разъ изворачивается: онъ обращается къ древней „испольщинѣ". Но и въ „испольщинѣ" отошли добрыя старыя времена, когда дѣлили „снопъ на снопъ"; по нынѣшнимъ временамъ, кромѣ труда, надо было еще кое-что добавлять къ „барской половинѣ" и чистыми денежками.

Тогда мужикъ, прошедши всѣ мытарства „свободнаго труда", обращаетъ себя къ первобытному крѣпостному состоянію и закабаляется въ „отработку", или точнѣе, въ добровольную барщину, т.-е. за право обработки въ

логъ 5.101.797 дес. на сумму 245.102.820 руб., подъ залогъ купленныхъ крестьянами безъ содѣйствія банка земель по 648-ми ссудамъ подъ залогъ 65.617 дес.—2.807.643 руб., а всего по 35.454 ссудамъ подъ залогъ 5.167.414 дес.—247.910.463 руб. За счетъ собственнаго капитала банкомъ пріобрѣтено 498.423 дес. земли за 27.372.057 руб. и продано изъ этого числа крестьянамъ 227.750 дес. за 16.097.110 руб.

свою пользу извѣстнаго участка земли, онъ обязывается произвести тѣ или другія сельскохозяйственныя работы въ пользу землевладѣльца; точь въ точь какъ это было при крѣпостномъ правѣ.

Но доходовъ отъ земли все же не хватаетъ на удовлетвореніе даже самыхъ насущныхъ нуждъ. „Недороды“ все чаще и чаще посѣщаютъ „житницу Россіи“. И вотъ „мужицкая скотинка“ постепенно таетъ; къ своему хлѣбу,—чтобы не прикупать,—приходится прибавлять въ „средне-урожайные“ годы картошку, отруби, а въ „недородные“—всякую дрянь, которой брезгуетъ даже скотина—лебеду, свекловичные отбросы, жолуди, осиновую кору и т. под. О подновленіи бѣлья, одежды, сельскохозяйственнаго инвентаря не заходитъ уже и рѣчи. Словомъ, мучительный процессъ „раскрестьяниванія“ донельзя обостряется.

И вотъ дѣлается еще одна, послѣдняя, попытка поднять свое расшатанное хозяйство—крестьянинъ идетъ въ отходъ.

Такъ какъ вѣковая „власть земли“, спеціализировавшая крестьянина исключительно на земледѣльческомъ промыслѣ, еще сильно даетъ себя знать въ этой полосѣ, то изъ 2-хъ милліоновъ человѣкъ, ежегодно отправляющихся отсюда на поиски за работой и хлѣбомъ, большая часть уходитъ на земледѣльческія работы въ южныя и юго-восточныя степныя губерніи—въ Новороссію, на Донъ, въ степи сѣвернаго Кавказа и въ приволжскія губерніи.

Вооружившись палкой, перекинувъ черезъ плечи котомку съ достаточнымъ запасомъ чернаго хлѣба, а чаще сухарей (чтобы меньше съѣсть), крестьяне цѣлыми толпами отправляются въ свой далекій путь. Дологъ ихъ путь и тернистъ. Идутъ они цѣлые дни, недѣли, даже мѣсяцы; сдѣлаютъ безчисленное число приваловъ, пе-

регрызутъ цѣлыя груды сухарей, перепьютъ цѣлыя бочки воды, вдосталь насмотрятся на вяло-тянущіяся „товарки", развозящія по свѣту ихъ „хлѣбушко", досыта налюбуются на быстро бѣгущіе курьерскіе и скорые поѣзда, развозящіе „господъ" по разнымъ сторонамъ. Лишь рѣдко кто-нибудь обмолвится замѣчаніемъ по этому поводу, въ родѣ того: „Ишь претъ, дьяволъ, и отдуху ей нѣтъ... И съ чего это ее, робя, претъ?"... И опять все двигаются и двигаются впередъ съ единственнымъ страстнымъ желаніемъ дойти до мѣста и найти „работенку".

Идутъ они на авось, наугадъ, не зная навѣрно, есть ли для нихъ работа тамъ, куда они идутъ, или нѣтъ. Въ своихъ маршрутахъ они руководствуются исключительно разспросами разныхъ „милыхъ человѣчковъ", т.-е. встрѣчныхъ прохожихъ, странниковъ и т. п. представителей великой „бродячей Руси".

Часто, придя на мѣсто,—вопреки указаніямъ и предсказаніямъ какого-нибудь „божьяго человѣка",—къ своему крайнему удивленію, они находятъ тамъ, или тоже „нерожай", или опередившихъ ихъ такихъ же горемыкъ, какъ и они сами, или „проклятыя машины", которыя „только у православныхъ хлѣбъ отбиваютъ".

И вотъ начинается самая примитивная борьба за возможность труда.

Чаще всего вновь пришедшіе начинаютъ „подводить" опередившихъ ихъ собратьевъ, т.-е. просто-на просто сбиваютъ цѣны на трудъ до крайней степени. Но если и „сбивать" уже нечего, то они идутъ дальше, катясь, какъ горемычное „перекати поле", куда бы не подулъ ихъ вѣтеръ, откуда бы не пахнуло на нихъ „хлѣбушкомъ" и „работенкой".

Вотъ какъ о передвиженіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ говоритъ генералъ-лейтенантъ Томичъ, по-

сланный министерствомъ въ 1898 г. въ южныя губерніи для ознакомленія съ условіями этого передвиженія. „Рабочіе эти,—говоритъ онъ,—представляютъ изъ себя по большей части толпы людей, недѣлями идущихъ въ поискахъ за работою, безъ строго опредѣленной цѣли, въ отношеніи мѣста и условія найма, направляясь въ мѣста, которыя, по ихъ частнымъ, всегда малоосновательнымъ, свѣдѣніямъ, наиболѣе нуждаются въ рабочихъ рукахъ; не найдя тамъ работы, они начинаютъ метаться по разнымъ мѣстностямъ и хозяйствамъ, то непомѣрно увеличивая, то крайне уменьшая цѣну на рабочія руки и этимъ ставя и себя и хозяевъ въ тяжелое положеніе". Изъ того же доклада Томича оказывается, что число рабочихъ, ежегодно приходящихъ въ Бессарабію, Таврическую и Екатеринославскую губерніи, составляетъ до 1.200.000 чел.

По другимъ даннымъ, распространеніе земледѣльческихъ машинъ сокращаетъ потребность въ пришлыхъ рабочихъ до 80%, т.-е., другими словами, изъ 5 рабочихъ четверо выкидываются машинами за бортъ.

По вопросу о состояніи врачебно-продовольственныхъ пунктовъ для пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ,—тотъ же генералъ-лейтенантъ Томичъ сообщилъ слѣдующее о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ осмотра рабочихъ пунктовъ въ Одессѣ, лѣтомъ 1901 года.

„Относительно состоянія врачебно-продовольственныхъ пунктовъ на серединской и привозной площадяхъ имъ отмѣчено,—говорится въ сообщеніи „Русск. Вѣд." № 203, 1901 г.,— что помѣщеній для пребыванія рабочихъ на нихъ не имѣется, рабочіе должны находиться подъ открытымъ небомъ или на обочинахъ тротуаровъ, или на голыхъ камняхъ мостовой; имѣющійся навѣсъ совершенно не приспособленъ для пребыванія подъ

нимъ, такъ какъ не имѣетъ настилки, и рабочіе отдыхаютъ подъ нимъ непосредственно на острыхъ камняхъ. Площади во время осмотра оказались довольно загрязненными. Для питья воды на площадяхъ имѣются особаго устройства фонтанчики, но ихъ недостаточно, причемъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ не имѣется даже кружекъ. Для продовольствія рабочихъ имѣется на Серединской площади столовая попечительства о народной трезвости, въ которой выдаются въ случаѣ нужды рабочимъ безплатные обѣды. Помѣщеніе столовой очень мало по размѣрамъ и, очевидно, не соотвѣтствуетъ имѣющейся потребности. На привозной площади для продовольствованія имѣется дешевая городская столовая въ сосѣдствѣ съ амбулаторіей. Врачебная помощь организована на обѣихъ площадяхъ, но ея недостаточно".

На основаніи всего этого, П. И. Томичъ выразилъ пожеланіе, чтобы на продовольственныхъ пунктахъ были устроены помѣщенія для рабочихъ по образцу устроенныхъ въ Николаевѣ, Екатеринославѣ или Елисаветградѣ, съ доступною для пользованія питьевою водою и предоставленіемъ безплатнаго лѣченія всѣхъ больныхъ изъ пришлыхъ рабочихъ по примѣру уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи.

Такимъ образомъ періодическіе уходы крестьянъ на заработки, не вліяя на мѣстахъ на уменьшеніе спроса на землю и увеличеніе надѣловъ (надѣлы, конечно, сохраняются за ними), не улучшаютъ хозяйства, а вызываютъ лишь непроизводительные расходы, которые безъ преувеличенія исчисляются десятками милліоновъ рублей.

Такъ рушится послѣдняя мужицкая „зацѣпка". Закабаленный мужикъ изнываетъ въ тоскѣ по землицѣ. „Эхъ-ма... вотъ, если бы землицы",— начинаетъ и кончаетъ онъ, обыкновенно, жалобы на свое горемычное житье-бытье.

IV.

Процессъ разложенія крестьянскаго хозяйства въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Переселенія—какъ слѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія населенія. Выселеніе крестьянъ изъ губерній Европейской Россіи. Общее число переселенцевъ, водворившихся въ Сибири въ пореформенную эпоху.

Ходъ процесса раскрестьяниванія въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи былъ приблизительно одинъ и тотъ же.

Такъ же, какъ и въ черноземной полосѣ, малоземелье, повышеніе арендныхъ и купчихъ цѣнъ на землю, непосильность податного бремени и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ и на рабочія руки, выпашка земель, неприспособленность къ улучшенію своихъ хозяйствъ, вслѣдствіе крайней бѣдности и некультурности—вотъ главныя причины, ведущія къ раскрестьяниванію и въ концѣ-концовъ къ переселенію.

Разумѣется, всѣ эти причины не во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и не всегда одинаково быстро ведутъ къ одному и тому же слѣдствію — выселенію. Процессъ раскрестьяниванія идетъ иногда очень медленно. Это наблюдается особенно часто въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ или населеніе не такъ плотно, или гдѣ представляется возможность стороннихъ заработковъ—на рыбныхъ ловляхъ, кустарныхъ производствахъ, фабрикахъ и заводахъ.

Такъ, напр., группы восточныхъ и юговосточныхъ губерній черноземной же полосы—Симбирская, Самарская, Саратовская, Уфимская, Оренбургская и части Казанской и Нижегородской,—гдѣ развито промышленное скотоводство, а въ приволжскихъ губерніяхъ—рыболовство, работы на пристаняхъ и бурлачество,—дали

за семилѣтіе съ 1887—1894 г. до 21,5% и въ 1898 г. до 16% общей массы сибирскихъ переселенцевъ.

Впрочемъ, въ Самарской губ. переселенческое движеніе весьма замѣтно усилилось съ 1898 г.; такъ въ этомъ году число переселенцевъ достигло здѣсь до 13.523 чел. душъ обоего пола (въ 1897 г. переселенцевъ вышло отсюда всего 1026 чел.).

Изъ южныхъ степныхъ губерній той же полосы (Бессарабской, Херсонской, Таврической, Области Войска Донского и Астраханской),—гдѣ населеніе сравнительно рѣдко и гдѣ имѣются богатыя рыбныя ловли на берегахъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей и въ устьяхъ рр. Днѣпра, Дона, Волги и Урала, дающія заработокъ десяткамъ тысячъ мѣстнаго и пришлаго населенія, и гдѣ развиты также горные промыслы, занимающіе массу рабочикъ рукъ, — изъ этихъ губерній выселеніе въ Сибирь происходитъ въ сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ; именно за то же семилѣтіе, съ 1887—94 г., переселенцевъ изъ этого района было всего только 20% общаго числа сибирскихъ переселенцевъ.

Но за послѣдніе годы наблюдается развитіе переселенческаго движенія и въ этомъ районѣ.

Такъ изъ Херсонской губерніи, по даннымъ губернскихъ присутствій, въ 1894 г. переселилось—92 семьи; въ 1895 г.—406 семей, въ 1896 г.—744 с., въ 1897 г.—392 с., а въ 1899 г. уже 790 семей. *)

---

*) Впрочемъ, данныя губернскихъ присутствій, какъ касающіяся лишь переселенцевъ, идущихъ въ Сибирь съ разрѣшенія, не даютъ дѣйствительнаго числа всѣхъ переселяющихся. Какъ иногда могутъ разниться офиціальныя цифры отъ цифръ, полученныхъ другимъ путемъ, можно видѣть по Тираспольскому уѣзду, Херсонской же губерніи.

По даннымъ губернскаго присутствія, изъ Тираспольскаго уѣзда въ 1899 г. выселилось всего 58 семей; по даннымъ же земско-статистическаго отдѣленія, изъ этого уѣзда выселилось въ 1899 году всего 140 семей, въ составѣ 806 душъ обоего пола.

Незначительны были выселенія и изъ 3-хъ губерній юго-западной части черноземной полосы (Кіевской, Волынской и Подольской), гдѣ довольно значительно развита фабрично-заводская промышленность,—именно всего отъ 2% до 4% за періодъ времени отъ 1887 г.—1898 г.

Между тѣмъ изъ нестепной части черноземной полосы, сѣверныхъ и среднихъ губерній ея,—объ экономическомъ положеніи которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ,—стремленіе къ переселенію, въ особенности за послѣднее 20-тилѣтіе, сдѣлалось чрезвычайно настойчивымъ.

Помимо указанныхъ выше общихъ причинъ, ближайшей причиной тутъ явились голодовки 1891—92 и 1898—99 гг.

Изъ губерній этой полосы по интенсивности переселенія слѣдуетъ поставить на первое мѣсто Черниговскую и Полтавскую: въ Черниговской — число переселенцевъ возрасло послѣ 1890 г. съ 152 душъ об. п. до 3965—въ 1891 г. и 36198 д. об. п. въ 1896 г. Изъ Полтавской губ., въ которой до 1890 г. годовыя цифры переселенцевъ не превысили 466 д., въ 1892 г. выселилось уже 8107 д., а въ 1896 г. 38.436 д., всего же изъ этой губерніи съ 1894—1899 гг. выселилось свыше 100.000 душъ обоего пола. Равнымъ образомъ и въ Пензенской губ. цифры переселенцевъ возрасли съ 555 д. въ 1890 г. до 2009—въ 1891 г. и до 23.119—въ 1895 г.

Такое же прогрессивное развитіе переселенческаго движенія наблюдалось и во многихъ другихъ губерніяхъ средней, сѣверной черноземной полосы, за исключеніемъ, впрочемъ, губерній Курской и Тамбовской, гдѣ цифры переселенцевъ мало измѣнились послѣ 1891 г.; хотя, говоря вообще, переселенія и изъ этихъ двухъ губерній, за періодъ времени съ 1894 — 1899 гг., были все же довольно интенсивны.

Въ губерніяхъ нечерноземной полосы (т.-е. центральныхъ промышленныхъ, сѣверныхъ и западныхъ) число

переселенцевъ остается неизмѣнно менѣе значительнымъ въ сравненіи съ черноземными губерніями, составляя въ 1896 г. 12% и въ 1897 и 1898 гг. 27% всего сибирскаго переселенія. Объясняется это обстоятельство, во-первыхъ, близостью названнаго района къ столицамъ и другимъ крупнымъ торгово-промышленнымъ центрамъ, куда и направляется излишняя часть населенія на заработки, и, во-вторыхъ, существованіемъ въ этой полосѣ еще неиспользованныхъ естественныхъ богатствъ (рыбныхъ рѣкъ, большихъ лѣсовъ), дающихъ возможность имѣть подсобные промыслы.

Къ тому же, вспомнимъ, что населеніе нечерноземной полосы, вслѣдствіе недоброкачественности почвы, издавна жило на оброкѣ, добывая его разными ремесленными промыслами (каменными, печными, кровельными, малярными, плотничными, земляными, портняжными и т. п.); „власть земли“ здѣсь значительно ослабѣла еще задолго до паденія крѣпостнаго права. Отходъ крестьянъ на земледѣльческія работы изъ этой полосы настолько незначителенъ, что можетъ считаться исключеніемъ.

Наконецъ, та часть населенія нечерноземныхъ губерній, которая занимается преимущественно земледѣліемъ, имѣетъ возможность расширять свою земельную площадь арендой казенныхъ и удѣльныхъ земель (занимающихъ здѣсь до 44% всей площади земли), арендованіе которыхъ вообще гораздо выгоднѣе, нежели арендованіе земель частновладѣльческихъ.

Впрочемъ, и въ нечерноземной полосѣ есть губерніи, которыя составляютъ исключеніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи. Такъ, напр., Вятская и Пермская губерніи въ 1887—1894 гг. занимали 4-е и 6-е мѣсто по числу своихъ переселенцевъ, вышедшихъ въ Сибирь.

Въ 1898 г. переселенцы изъ этихъ двухъ губерній составляли уже до 5% всей переселенческой массы,

и почти 17% всего количества сибирскихъ переселенцевъ изъ нечерноземной полосы. Причина выселеній изъ этихъ губерній — постепенное пониженіе урожайности земли, которая потеряла значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и недостаточнаго удобренія. Кромѣ того здѣсь довольно много безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, среди которыхъ стремленіе къ переселенію за Уралъ поддерживалось личнымъ знакомствомъ съ условіями сибирской жизни при переходахъ ихъ въ губерніи Западной Сибири на заработки. Въ 1893 г. число безземельныхъ дворовъ достигло 39.981 въ Пермской губ. и 15.551—въ Вятской, что составляетъ 9% общаго числа дворовъ въ первой изъ названныхъ губерній и 3%—во второй. Побуждала также къ переселенію въ этихъ губерніяхъ и затруднительность быстраго перехода отъ привычнаго подсѣчнаго хозяйства къ болѣе правильной системѣ хозяйства, и дѣйствіе этой причины обострялось производившимися здѣсь работами по отводу надѣловъ, причемъ много занадѣльныхъ земель было отрѣзано въ казну.

Въ послѣдніе годы значительно увеличилось число переселенцевъ изъ западныхъ губерній (Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Витебской и Минской); число выходцевъ изъ этихъ губерній, составлявшее до 1895 г. менѣе 1% общаго числа сибирскихъ переселенцевъ, возросло къ 1898 г. уже до 14,7%, составивъ такимъ образомъ болѣе половины всего числа выходцевъ изъ нечерноземной полосы. Такой значительный ростъ переселенія изъ этого района за послѣдніе годы объясняется, повидимому, естественнымъ приростомъ населенія въ этихъ губерніяхъ, создавшихъ характерное и для другихъ мѣстностей „малоземелье“.

Изъ другихъ мѣстностей нечерноземной полосы переселенцевъ было до сихъ поръ весьма немного. Изъ про-

мышленныхъ губерній (Московской, Калужской, Владимірской, Ярославской, Тверской и Смоленской) переселенцевъ было отъ 4% (въ 1897 г.) до 2% (въ 1898 г.) общей цифры сибирскихъ переселенцевъ. Для сѣверныхъ же, сѣверо-западныхъ и отчасти прибалтійскихъ губерній число это опускалось до 1%.

Вообще интенсивность выселеній крестьянъ изъ губерній Европейской Россіи за послѣднее пятилѣтіе съ 1894 — 1899 гг., можетъ быть выражена въ слѣдующихъ цифрахъ:

Изъ губерній нечерноземной полосы — сѣверныхъ и центрально-промышленныхъ, изъ восточныхъ и юго-восточныхъ губерній—Уфимской и Оренбургской, изъ юго-западныхъ и южныхъ степныхъ губерній черноземной полосы, а также изъ губерній Прибалтійскаго края, Польши и Сѣвернаго Кавказа, за періодъ времени съ 1894—1899 гг., выходило переселенцевъ, въ среднемъ, менѣе 5000 душъ обоего пола.

Изъ губерній—Смоленской, Виленской, Гродненской, Минской, Казанской и Симбирской — выходило переселенцевъ отъ 5-ти до 10-ти тысячъ душъ обоего пола.

Изъ губерній — Витебской, Могилевской, Тульской, Рязанской, Саратовской, Вятской и Пермской—отъ 10-ти до 25-ти тысячъ душъ об. п.

Изъ губерній Орловской, Воронежской, Харьковской, Пензенской, Тамбовской и Самарской — отъ 25-ти до 50-ти тысячъ душъ обоего пола.

Изъ губерній Черниговской и Курской—отъ 50-ти до 100 тысячъ душъ об. п.

И, наконецъ, изъ Полтавской губ.—свыше 100 тысячъ душъ об. п. *)

---

*) Интенсивность переселеній изъ губерній Европейской Россіи, за періодъ времени съ 1894 по 1899 гг., можно видѣть изъ прилагаемой въ концѣ этой книги картограммы.

Наиболѣе рельефными показателями, выражающими степень разстройства сельскаго хозяйства, служатъ цифры, опредѣляющія съ одной стороны земельный дефицитъ, съ другой—количество безлошадныхъ.

Различными изслѣдователями опредѣлялось разно, сколько именно земли недостаетъ крестьянину до того минимума, при которомъ онъ могъ бы на одномъ своемъ надѣлѣ вести самостоятельное хозяйство. Напримѣръ, г. Южаковъ вычисляетъ (Нормы] народнаго землевладѣнія. „Р. М.“—1885 г.—IX), что, если бы всю принадлежащую крестьянамъ землю раздѣлить между ними же, но придержавшись нормальнаго размѣра надѣла, то земли не хватило бы на 6.822.400 ревизскихъ душъ, или, другимъ счетомъ, до 20 милліоновъ наличныхъ душъ обоего пола стали бы совсѣмъ безземельными. По расчету г. Ходскаго (въ его книгѣ „Земля и владѣлецъ“) болѣе 25 милліоновъ душъ обоего пола имѣютъ надѣлъ меньше средняго и терпятъ явный земельный дефицитъ. На основаніи цифръ, сведенныхъ въ своей работѣ „Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи“, т. I, г. Фортунатовъ дѣлаетъ расчетъ для 133 уѣздовъ (изъ 359 уѣздовъ земскихъ губерній), гдѣ произведена была статистическая перепись. По этому расчету, если принять за среднюю норму 5-ти десятинный надѣлъ на мужскую душу (средній надѣлъ выходилъ 5,2 десят. на ревизискую, т.-е. мужскую душу переписи 1858 г.), оказывается, что въ этихъ 133 уѣздахъ, земли не хватило бы до 5-тидесятинной нормы—11.300.000 десятинъ. Распространивъ такой расчетъ на всю земскую Россію, мы найдемъ лишенными земли 12 милліоновъ душъ обоего пола.

Безлошадные дворы, по даннымъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій, составляютъ 22% общаго количества дворовъ въ 19 земскихъ губерніяхъ. Хозяева такихъ

дворовъ уже не могутъ считаться самостоятельными хозяевами, такъ какъ они лишены существеннаго средства къ производству,—рабочаго скота. Отсутствіе у крестьянина-земледѣльца этого необходимаго „орудія производства“, знаменуетъ далеко зашедшій упадокъ его хозяйства.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разлагающихъ причинъ, хозяйство крестьянина постепенно разрушается, и жизнь годъ отъ году становится для него все тяжелѣе и тяжелѣе; сторонніе заработки идутъ уже не на поправленіе хозяйства, а едва лишь хватаютъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей. Интересна въ этомъ отношеніи, какъ иллюстрація, таблица, приводимая В. Ильинымъ въ его книгѣ „Развитіе капитализма въ Россіи“.

Оказывается, что въ крестьянскихъ хозяйствахъ безлошадныхъ, однолошадныхъ, двухлошадныхъ, трехлошадныхъ, четырехлошадныхъ, пяти и болѣе лошадныхъ потребляется въ процентахъ слѣдующее количество продуктовъ:

	0 л.	1 л.	2 л.	3 л.	4 л.	5 и б. л.
На пищу	55,89	46,47	47,47	44,86	39,88	28,10
На остальныя личныя потребности	16,0	9,87	11,77	12,14	15,77	5,19
На хозяйство	13,87	33,46	32,02	35,17	37,18	61,29
На подати	14,19	10,20	8,44	7,83	7,23	5,42

Изъ этой таблицы видно, что, во-первыхъ, ростъ личныхъ потребностей вовсе не связанъ съ ростомъ хозяйственныхъ потребностей крестьянъ, потому что въ крестьянскомъ хозяйствѣ хозяйственныя потребности растутъ въ зависимости отъ предпріятія, между тѣмъ какъ личныя потребности опредѣляются чистымъ доходомъ хозяйства, и, во-вторыхъ, что податное бремя ложится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе разорено крестьянское хозяйство (у безлошадныхъ подати поглощаютъ 14,69% всѣхъ продуктовъ, а у 5 и болѣе лошадныхъ лишь 5,42%).

Къ чему же въ концѣ-концовъ приводитъ населеніе эта непосильная, почти нечеловѣческая, борьба съ малоземельемъ и другими разлагающими крестьянское хозяйство вліяніями?

Г. Литвиновъ, врачъ по профессіи, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Повышенная смертность въ Россіи, — говоритъ онъ въ своей „Исторіи крѣпостного права въ Россіи“, — указываетъ на усиленную борьбу человѣческаго организма съ одной, двумя, тремя десятинами земли, не могущими дать того количества продуктовъ, которое необходимо русскому человѣку при данныхъ условіяхъ его существованія. Въ этомъ весь трагизмъ его положенія. Недостатокъ въ пищѣ, въ тепломъ жилищѣ, въ одеждѣ, обуви, изнурительная работа, подтачивающая въ особенности быстро, хрупкій организмъ женщины, вполнѣ объясняетъ намъ поразительно низкій уровень средней жизни въ Россіи и высокую цифру смертности. Цифры дѣлаются еще рельефнѣе, если сравнивать Россію съ сѣверными ея сосѣдками—Швеціей и Норвегіей, которыя находятся вмѣстѣ съ Россіей приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же климатическихъ условіяхъ. По статистическимъ даннымъ, въ Россіи умираетъ ежегодно 36 человѣкъ на тысячу, въ Норвегіи — ровно вдвое меньше. По свѣдѣніямъ медицинскаго департамента, въ 1877 г. смертность въ Россіи равнялась приблизительно 33 на 1000 человѣкъ. Въ Пермской губерніи смертность достигала до 50 случаевъ на 1000 человѣкъ. Если переложить на деньги убытокъ для государственной экономіи, происходящей отъ болѣзней и преждевременной смерти такого громаднаго количества людей (принимая, понятно, въ разсчетъ среднюю продуктивность человѣческаго труда), то этотъ убытокъ выразится не въ тысячахъ, а въ милліонахъ рублей.

Принявъ Швецію и Норвегію за образецъ, мы можемъ сказать, что европейская Россія теряетъ ежегодно до $1^1/_2$ милліона душъ обоего пола“ (стр. 295—296).

Въ силу такого безотраднаго положенія, приверженность крестьянъ къ „своимъ мѣстамъ“ съ теченіемъ времени становилась, разумѣется, все слабѣе и слабѣе. Переселеніе на „новыя мѣста“ представлялось единственнымъ выходомъ изъ состоянія хроническаго умиранія отъ голодной смерти.

И вотъ болѣе энергичные изъ крестьянъ поднимались, наконецъ, съ „своихъ мѣстъ“, сажали на телѣги женъ и дѣтей, и отправлялись въ поиски за „вольной землей“. Послѣ длиннаго страднаго пути,—о чемъ мы будемъ говорить болѣе подробно ниже,—переселенцы-піонеры, какъ никакъ, устраивались на новыхъ мѣстахъ. Сначала они осѣдали поблизости отъ „своихъ мѣстъ“, на свободныхъ земляхъ Самарской, Уфимской, Вятской, Пермской и др. пограничныхъ съ Сибирью губерніяхъ, а потомъ и въ самой Сибири.

Новоселы скоро забывали всѣ огорченія, претерпѣнныя ими на родинѣ и въ пути, и, приходя въ восторгъ отъ своихъ 15-тидесятинныхъ надѣловъ, „отписывали“ на родину своимъ родичамъ и знакомымъ о вольномъ житьѣ-бытьѣ (пріукрашая его часто и вымыслами воображенія) и звали къ себѣ, утверждая, что „настоящая Сибирь тамъ, у васъ, а не у насъ“.

Нѣкоторыя изъ такихъ писемъ приведены, напримѣръ, въ изслѣдованіи г. В. Н. Григорьева: „Переселеніе крестьянъ въ Рязанской губерніи“ и въ изданіи полтавскаго губернскаго земства. Приведемъ хоть нѣсколько отрывковъ изъ нихъ.

„Въ этомъ письмѣ я пропишу все подробно, — пишетъ одинъ крестьянинъ, переселившійся въ Алтайскій округъ, — что у васъ тамъ можно умереть, а у

насъ здѣсь, на новосельѣ, воскреснуть. Въ отношеніи урожая какъ хлѣбовъ, такъ равно и всѣхъ овощей у насъ хорошо, и, кромѣ того, народъ ужасно добродѣтельный, а въ особенности у насъ здѣсь ремесленнымъ людямъ хорошо жить: работы для нихъ очень довольно. Лѣсъ же строевой, т.-е. сосновый, лиственный и пр. не продается, а отпускается безплатно,—отъ насъ за 15 верстъ, а дровяной около нашего селенія, сколько угодно руби. Землей пахотной и сѣнокосной пользуются безплатно, сколько кому нужно, а другіе хотя покупаютъ (арендуютъ), но по 40 к. за десятину; хлѣбъ у насъ пшеничный за пудъ — 40 к., ржаной — 20 к., овесъ—15 к., а о прочихъ продуктахъ и говорить нечего" (стр. 184).

„Живу—веселюся,—пишетъ другой переселенецъ,—житье хорошее; хлѣбъ пшеничный ѣдимъ. Покорнѣйше прошу не пущайте своихъ робятъ въ тиранство (въ шахты), сами на нихъ не казнитеся, присылайте сюда глядѣть мѣста, бросьте все, идите сюда,—тутъ вы и въ 2 года отдохнете, какъ мухи весной. Хлѣбъ здѣсь вышиной въ 2 арш. 5 верш., 100 десять пудовъ на десятинѣ... Чего вы тамъ ждете, не идете?" (стр. 190).

Такія письма обыкновенно давали окончательный толчокъ менѣе рѣшительнымъ. Среди нихъ появлялась какая-нибудь болѣе энергичная личность, движимая страстнымъ желаніемъ вырваться на свободу и земельный просторъ. Роль такой личности въ переселенческомъ дѣлѣ получала тогда агитаціонное значеніе, и вопросъ о переселеніи, такимъ образомъ, ставился. Начинались толки, записыванья, ходатайства, создавалось, такъ сказать, специфически переселенческое настроеніе, и тогда достаточно было со стороны администраціи простой терпимости по отношенію къ возникшему движенію, чтобы цѣлыя сотни семействъ стали

собираться на переселеніе и съ наступленіемъ весны — ряды телѣгъ, съ холщевыми верхами, плотно набитыхъ ребятней и необходимымъ въ пути домашнимъ скарбомъ, потянулись къ Уралу и черезъ него въ Сибирь.

Общее число переселенцевъ, водворившихся въ Сибири въ пореформенную эпоху, точно опредѣлить невозможно. Дѣло въ томъ, что правильная регистрація переселенцевъ стала вестись лишь съ 1885 г. Однако, по нѣкоторымъ даннымъ можно сказать утвердительно, что переселеніе въ Сибирь изъ внутреннихъ губерній безостановочно продолжалось и послѣ крестьянской реформы, при чемъ цифра переселяющихся въ первые годы составляла въ среднемъ около 2000 душъ въ годъ. Замѣтное увеличеніе числа переселенцевъ начинается уже въ 80-хъ годахъ, и въ 1881—82 гг. (неурожайные годы), по разсчету Гурвича, составило 74000 душъ. Въ 1885 г., когда началась правильная регистрація переселенцевъ при ихъ слѣдованіи черезъ Тобольскую губернію, цифры переселеній пріобрѣтаютъ большую точность.

Въ 1885 г. переселенцевъ насчитывалось—11.832 чел.; въ 1890 г.—уже 47.378 чел., а въ 1891 и 1892 г. цифра эта почти удваивается, достигнувъ 82.150 чел. въ 1891 г. и 84.200 чел. въ 1892 г. Такой значительный ростъ переселенческаго движенія за эти два года связанъ, конечно, съ голодовкой 1891 — 1892 гг. Сохраняя въ слѣдующіе за 1892 г. три года средній размѣръ около 80.000 чел., въ 1896 г. переселенческое движеніе достигаетъ небывалой до этого времени цифры — въ 202.302 чел.; въ слѣдующемъ 1897 г. число это опускается до 86.575 чел., но въ послѣдующіе два года оно вновь выростаетъ до 205.645 чел.—въ 1899 г. и до 223.981 чел. обоего пола въ 1899 г. *).

---

*) См. діаграмму № 1, приложенную въ концѣ книги.

Въ 1900 г. переселенческое движеніе превзошло всѣ предыдущіе годы. По даннымъ челябинскихъ записей, число переселенцевъ къ 1-му сентября достигло 213.442 душъ обоего пола пришедшихъ въ Сибирь и 67.759 вернувшихся въ Европейскую Россію, слѣдовательно почти на 20% больше, чѣмъ пришло и вернулось переселенцевъ въ 1899 г. и на 42% въ 1898 г. за тѣ же періоды времени. Усиленный ростъ переселенческаго движенія за послѣдніе два года объясняется опять-таки голодовкой 1898—1899 гг.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что переселенческія волны за послѣднее время поднимались все выше и выше.

V.

Отношеніе правительства къ переселеніямъ крестьянъ въ первое 20-тилѣтіе послѣ освобожденія. Самовольныя переселенія крестьянъ въ Сибирь.

Теперь посмотримъ, какъ относилось къ переселеніямъ правительство за истекшее сорокалѣтіе со времени освобожденія крестьянъ.

Въ началѣ настоящаго очерка мы упоминали уже, что первое время по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости правительство какъ бы обмѣнялось своими ролями съ народомъ: прежде правительство само вызывало крестьянъ на переселенія въ Сибирь, а теперь, наоборотъ, крестьяне своими самовольными переселеніями какъ бы вызывали правительство на разрѣшеніе того, чего прежде оно само такъ сильно желало.

Дѣло въ томъ, что въ отношеніи правительства къ переселеніямъ въ концѣ 50-хъ годовъ произошелъ поворотъ, положившій рѣзкую границу между такъ на-

ваемымъ „Киселевскимъ періодомъ“ и послѣдующимъ за нимъ.

Правительство полагало, что крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ и надѣленные землей, не будутъ нуждаться въ прежней правительственной опекѣ и что въ случаѣ, если бы доходность ихъ земли оказалась недостаточной для удовлетворенія ихъ потребностей, они найдутъ возможность обезпечить свое существованіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ-батраковъ.

При этомъ правительство опасалось еще и того, какъ бы не развить въ сельскомъ населеніи „вредной подвижности и бродяжничества“. Опасеніе это раздѣлялось и усиленно поддерживалось большинствомъ помѣщиковъ, которые будучи лишены реформою 1861 г. дарового крѣпостного труда, поставлены были въ необходимость или обращаться при обработкѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или къ сдачѣ имъ же своихъ земель въ аренду. При такихъ условіяхъ „вредная подвижность населенія“, т.-е. проще говоря, уходъ крестьянъ на окраины, представлялся, конечно, землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ явленіемъ, такъ какъ угрожала имъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ земли. Такимъ образомъ взгляды правительства и землевладѣльцевъ по вопросу о „вредной подвижности населенія“ вполнѣ совпадали.

Поэтому-то „Положеніе 19-го февраля 1861 г.“ и обошло совсѣмъ молчаніемъ вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, затруднивъ при этомъ даже простой переходъ отдѣльныхъ домохозяевъ изъ однихъ обществъ въ другія.

Право государственныхъ крестьянъ на переселеніе также было фактически уничтожено Высочайшимъ по-

веленіемъ 15-го декабря 1866 г. „о не назначеніи впредь особыхъ кредитовъ на переселеніе государственныхъ крестьянъ изъ Государственнаго казначейства“. Взамѣнъ этихъ льготъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ было предоставлено лишь право ходатайствовать о переселеніи части членовъ обществъ въ многоземельныя губерніи. Предоставлено было такое же право и лицамъ, обдѣленнымъ землею, но кругъ и число такихъ лицъ былъ значительно ограниченъ. Рядомъ указовъ 1862, 64, 67 и 68 гг. къ категоріи этихъ лицъ были отнесены: 1) крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, 2) горнозаводскіе мастеровые, 3) безземельные батраки и бобыли отдѣльныхъ уѣздовъ Витебской губ., 4) однодворцы западныхъ губерній, и 5) отставные солдаты, не получившіе надѣловъ отъ своихъ обществъ.

Всѣ остальные разряды сельскихъ жителей, а въ томъ числѣ и главная масса освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, были лишены права на переселеніе на казенныя земли. Крестьянамъ было также запрещено селиться на угодьяхъ кочующихъ инородцевъ и на земляхъ, принадлежавшихъ лично Государю Императору (до 1865 г.).

Но жизь не слушала никакихъ циркуляровъ и законовъ.

Выше мы видѣли, какимъ образомъ „свободный трудъ“, лишенный права „на свободу передвиженія“,—трудъ, на который манифестъ 1861 г. призывалъ „благословеніе Божіе“, обратился скоро въ трудъ кабальный и вмѣсто того, чтобы послужить „залогомъ домашняго благополучія и блага общественнаго“, сдѣлался „проклятіемъ“ крестьянскаго сословія, а съ нимъ и всего русскаго общества. Какъ неизбѣжное слѣдствіе различнаго рода экономическихъ неурядицъ, на сцену нашей исторіи

выступаетъ новое грозное явленіе—голодъ, этотъ бичъ, доканчивающій дѣло разрушенія нашего крестьянскаго хозяйства.

„Въ мірѣ есть царь,—говоритъ поэтъ Некрасовъ.— Этотъ царь безпощаденъ. Голодъ—названье ему“.

Вотъ этотъ-то грозный, могучій и безпощадный „царь-голодъ“ и заставилъ мужика, вопреки разнымъ правительственнымъ циркулярамъ и указамъ, бѣжать за тридевять земель отыскивать себѣ „матушку-землицу“, которая могла бы прокормить его.

Тайкомъ бѣжали крестьяне въ Сибирь. Но многіе изъ бѣглецовъ, вслѣдствіе утомленія или отсутствія средствъ, прерывали свой путь на полдорогѣ и самовольно осѣдали на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ— Оренбургской, Уфимской и Самарской.

Изъ изслѣдованій статистическаго бюро уфимскаго губернскаго земства видно, напримѣръ, что изъ 170.300 пришлыхъ душъ, время прибытія которыхъ въ губернію извѣстно, водворились до 1865 г. только 6.300 душъ или всего около 4%; остальные же прибыли послѣ 1865 г. Изъ нихъ—въ 1866—1870 гг. прибыло 14.600 душъ всего или, въ среднемъ, 2.900 душъ въ годъ; въ 1870—1880 гг.— 65.200 душъ (6.500 душъ въ среднемъ); въ 1880—1890 гг.—45.500 душъ (въ среднемъ—4.600 душъ); въ 1891—1897 гг.—38.400 душъ (въ среднемъ—5.500 душъ). Такимъ образомъ, наиболѣе значительное движеніе переселенцевъ въ Уфимскую губернію было въ 70-хъ годахъ—въ эпоху пресловутыхъ земельныхъ „хищеній“; въ 80-хъ годахъ оно значительно ослабѣло; а въ 90-хъ годахъ вновь усилилось подъ вліяніемъ, вѣроятно, размежеванія башкирскихъ дачъ. Наибольшую часть переселенцевъ (изъ 103.374 душъ, или изъ 54,1% всѣхъ обслѣдованныхъ) дала Вятская губернія (32.700 душъ, или 31,5%); за нею слѣдуетъ Уфимская, давшая

29.500 душъ внутреннихъ переселенцевъ; третье мѣсто принадлежитъ Тамбовской губ. (6.300 душъ); губерніи: Рязанская, Казанская и Курская дали отъ 4-хъ до 4,$^1/_2$ тысячъ; Пензенская, Пермская, Самарская и прибалтійскія дали отъ 3-хъ до 3$^1/_2$ тысячъ; число переселенцевъ изъ прочихъ губерній было менѣе 3-хъ тысячъ душъ.

Много переселенцевъ переваливало черезъ Уральскія горы и осѣдало поблизости отъ нихъ въ Западной Сибири; но много ихъ было возвращаемо и вспять грознымъ мѣстнымъ начальствомъ. Однако, несмотря на это, на мѣсто возвращенныхъ вновь прибывали все новыя и новыя толпы. Не имѣя возможности справиться съ этимъ живымъ людскимъ потокомъ, мѣстное начальство, обыкновенно, въ концѣ-концовъ махало рукой и оставляло переселенцевъ въ покоѣ, лишь для очистки совѣсти, доводя бумагой за номеромъ до свѣдѣнія центральнаго правительства о новоявленныхъ пришельцахъ. Правительству, конечно, волей неволей приходилось узаконять уже совершившійся фактъ перехода крестьянъ въ восточныя губерніи или въ Западную Сибирь. Такой именно по преимуществу санкціонирующій характеръ и носятъ всѣ узаконенія о переселеніяхъ почти въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія.

Таковы, напримѣръ, были законы 1869 и 1871 гг. и два указа 1876 г. Изъ нихъ первые два закона и одинъ указъ 1876 г. касались переселенцевъ, осѣвшихъ въ Оренбургской, Уфимской и Самарской губерніяхъ. Законы эти, предоставляя право на водвореніе на свободныхъ казенныхъ земляхъ лицамъ, уже проживавшимъ въ названныхъ губерніяхъ ко времени ихъ обнародованія, однако совершенно не касались вопроса о положеніи тѣхъ переселенцевъ, которые еще направлялись сюда. Впрочемъ, законъ 1876 г. все же нѣсколько расширилъ

кругъ лицъ, которымъ разрѣшалось переселеніе въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи.

Къ этимъ лицамъ, по закону 1876 г., были отнесены: 1) безземельные крестьяне, не воспользовавшіеся надѣломъ; 2) бывшіе помѣщичьи крестьяне, общества которыхъ получили „даровой“ четвертной гагаринскій надѣлъ, прозванный крестьянами „нищенскимъ“ и, наконецъ, 3) бывшіе государственные крестьяне, вышедшіе изъ обществъ до утвержденія за ними государственныхъ земель.

Послѣдній изъ двухъ законовъ 1876 г. имѣлъ въ виду перечисленіе переселенцевъ, самовольно водворившихся къ этому времени въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Вмѣстѣ съ перечисленіемъ на переселенцевъ былъ переведенъ и числившійся за ними въ прежнихъ обществахъ долгъ по недоимкамъ казенныхъ платежей и сборовъ; впрочемъ, долгъ этотъ былъ разсроченъ имъ на 4 года.

Однако, спѣшимъ оговориться. Самовольныя переселенія крестьянъ нельзя объяснять, собственно, однимъ самовольствомъ, т.-е. сознательнымъ игнорированіемъ предписаній начальства. Часто такого рода переселенія предпринимались крестьянами лишь послѣ того, какъ ихъ законныя ходатайства о переселеніи оставались неудовлетворенными. Такъ, съ 1876 по 1881 г. въ Министерство Государственныхъ Имуществъ поступило крестьянскихъ прошеній объ отводѣ участковъ казенныхъ земель около 1000 (или болѣе чѣмъ отъ 11000 душъ). Но большинство этихъ прошеній осталось безъ удовлетворенія. Это объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію тогдашняго министра государственныхъ имуществъ Валуева, надлежало относиться къ часто поступавшимъ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли „съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правитель-

ство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей“.

Въ сущности же, такая политика вызывалась опасеніемъ, чтобы предоставленіе крестьянамъ права на водвореніе на казенныхъ земляхъ не возбудило среди нихъ, по словамъ того же министра Валуева, „несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго ихъ надѣленія землей“.

Валуевъ прямо выражался, что отклонять ходатайства о переселеніи нужно „вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли въ видахъ дополненія надѣловъ“.

На основаніи этихъ соображеній отклонялись и ходатайства нѣкоторыхъ земствъ о разрѣшеніи переселенія крестьянамъ изъ подвѣдомственныхъ имъ губерній. Такъ отклонено было въ 1879 г. подобное ходатайство Черниговскаго губернскаго земства; между тѣмъ извѣстно было, что населеніе Черниговской губерніи принадлежало къ наиболѣе обдѣленнымъ землей и, слѣдовательно, наиболѣе нуждавшимся въ переселеніи.

VI.

Поворотъ въ переселенческой политикѣ правительства. Временныя правила о переселеніяхъ 1881 г. Результаты работъ совѣщанія „свѣдущихъ людей“ и правительственной комиссіи по переселенческому дѣлу. Законъ 1889 г. о переселеніяхъ. Результаты примѣненія закона 1889 г.

Но жизнь, повторяемъ, была сильнѣе канцелярскихъ соображеній и предписаній.—Самовольныя переселенія

въ Сибирь росли изъ года въ годъ и совершались внѣ всякаго правительственнаго воздѣйствія и контроля. Наконецъ, несоотвѣтствіе между законодательствомъ и требованіями жизни стало все болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе правительства.

Въ 1881 г., подъ вліяніемъ, съ одной стороны, безпрерывнаго роста самовольныхъ переселеній, съ другой— подъ впечатлѣніемъ отъ только что совершившихся тогда во внутренней жизни Россіи важныхъ событій, вызвавшихъ внезапную перемѣну царствованія, — во взглядахъ правительства на переселенческій вопросъ происходитъ рѣзкая перемѣна къ лучшему. И вотъ въ томъ же 1881 году образовывается особая переселенческая комиссія, которой и поручена была разработка общаго переселенческаго закона. Но чтобы получить возможность, не дожидаясь окончанія работъ комиссіи, немедленно же приступить къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній, правительство въ томъ же 1881 г. издаетъ временныя правила по переселенію. Однако, правила эти обнародованы не были, опять-таки изъ политическихъ соображеній, чтобы „не возбудить превратнаго толкованія крестьянъ о приглашеніи правительствомъ отдѣльныхъ группъ изъ ихъ состава къ переселенію“.

Измѣненія, введенныя временными правилами 1881 г., касались нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ переселенческаго дѣла. Согласно этимъ правиламъ, разрѣшенно было переселеніе всѣмъ тѣмъ лицамъ сельскаго населенія, „экономическое положеніе которыхъ къ тому побуждаетъ“; но разрѣшеніе, впрочемъ, давалось только по предварительномъ обслѣдованіи экономическаго быта просителей. Полученіе разрѣшенія на переселеніе освобождало отъ выполненія двухъ условій, которыя до того времени сильно затрудняли выселеніе недостаточно обез-

печенныхъ лицъ, а именно: отъ представленія пріемныхъ приговоровъ отъ тѣхъ обществъ, куда переселенцы собирались перейти, и отъ обязательной уплаты переселяющимися, предварительно переселенія, всѣхъ казенныхъ и земскихъ податей и недоимокъ по 1-е января слѣдующаго года. Уплата этихъ недоимокъ могла быть производима теперь на мѣстахъ новаго водворенія и разсрочивалась на нѣсколько лѣтъ, въ зависимости отъ платежныхъ силъ новоселовъ.

Надѣлы для переселенцевъ были опредѣлены, согласно правиламъ 1881 г., въ размѣрѣ не болѣе высшаго или указного, по мѣстности, надѣла (по „Положенію 19-го февраля 1861 г.“), а въ мѣстностяхъ, гдѣ размѣръ этотъ превышалъ 8 десятинъ на душу, величина переселенческаго надѣла не должна была превышать этого послѣдняго размѣра. Въ 1884 г. правила 1881 г. были распространены и на мѣщанъ, издавна занимавшихся земледѣліемъ.

Правила 1881 г. особенно интересны тѣмъ, что они заключали въ себѣ первыя по времени постановленія, касающіяся оказанія переселенцамъ содѣйствія во время слѣдованія ихъ на новыя мѣста. Такъ, съ этого времени признано было необходимымъ учредить по путямъ передвиженія переселенцевъ особыя конторы, къ обязанностямъ которыхъ было отнесено снабженіе переселяющихся свѣдѣніями по отысканію земель, выдача имъ матеріальныхъ пособій, а также и оказаніе имъ врачебной помощи. На первое время однако было рѣшено ограничиться открытіемъ, въ видѣ опыта, одной подобной конторы въ с. Батракахъ, Симбирской губ. (впослѣдствіи перенесенной въ г. Сызрань), которая предназначалась обслуживать переселенцевъ, направлявшихся въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи и въ Западную Сибирь.

Но еще болѣе осторожное отношеніе правительства къ переселенческому вопросу сказалось при разработкѣ общаго переселенческаго закона, которая была поручена, какъ мы упоминали выше, особой комиссіи, составленной изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ.

Эта комиссія, разсмотрѣвъ предоставленныя ей цифровыя данныя о крестьянскихъ переселеніяхъ изъ Россіи за 70-е годы, пришла къ заключенію, что переселенческое движеніе, обнаружившееся съ особой силой въ концѣ 70-хъ и въ 1880-мъ году, представляется явленіемъ не случайнымъ, а вполнѣ естественнымъ, вызваннымъ стѣсненнымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ. Но признавая это, комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ высказалась за то, чтобы *переселенія подчинены были руководительству администраціи, начиная съ выбора лицъ, могущихъ переселяться въ каждый данный годъ, и кончая водвореніемъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ*.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же событій во внутренней жизни Россіи, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ 1881 г., правительство, начавшее прислушиваться въ это время къ голосу общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ внутренняго управленія государствомъ, признало полезнымъ привлечь къ обсужденію переселенческаго вопроса, кромѣ чиновниковъ, и такъ называемыхъ „свѣдущихъ людей“ изъ общества, т.-е. лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ этого дѣла въ теоріи или на практикѣ.

„Свѣдущіе люди“, составивъ изъ себя особое совѣщаніе при правительственной комиссіи, пришли совершенно къ другимъ заключеніямъ, нежели комиссія.

Полагая, что государство должно считаться съ фактомъ переселенія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно создается жизнью, и что всякая попытка подчиненія этого явленія какимъ-нибудь ограниченіямъ превратила

бы послѣднія въ мертвую букву, совѣщаніе находило, что возраженія, выставляемыя противниками свободы переселеній, исходили лишь отъ неправильнаго пониманія экономическихъ потребностей народа, потерпѣвшихъ коренное измѣненіе послѣ реформы 1861 г. Въ видахъ возможно болѣе полнаго удовлетворенія этихъ потребностей, законодательству, по мнѣнію совѣщанія, слѣдовало бы *признать право каждаго сельскаго обывателя на свободный переходъ на новыя мѣста.* При этомъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ надлежало бы водворять съ денежными пособіями отъ правительства, на казенныхъ земляхъ, ближайшихъ къ наиболѣе густо населеннымъ центральнымъ губерніямъ. Что же касается тѣхъ крестьянъ, которые могли бы предпринять переселенія на свой счетъ и страхъ, то имъ, по мнѣнію совѣщанія, могло бы быть предоставлено право ходатайствовать объ отводѣ земельныхъ надѣловъ въ Сибири, Средней Азіи и Закавказьѣ.

Совѣщаніемъ былъ представленъ правительству и самый проектъ закона о крестьянскихъ переселеніяхъ, составленный и разработанный согласно приведеннымъ выше соображеніямъ.

Если бы этотъ проектъ „Совѣщанія свѣдующихъ людей“ былъ въ свое время осуществленъ правительствомъ, то дѣло переселенія крестьянъ давно стало бы на болѣе прочную почву и „проклятый вопросъ“ о малоземельи отошелъ бы, можетъ быть, въ область исторіи на болѣе или менѣе продолжительное время.

Однако проекту „совѣщанія“ не суждено было осуществиться и сдѣлаться закономъ.

Проектъ разосланъ былъ для отзыва губернаторамъ. По полученіи этихъ отзывовъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. Толстой, дѣлая докладъ по этому поводу Государю, указалъ на невозможность допустить

ту свободу переселеній, на желательности которой настаивало совѣщаніе „свѣдущихъ людей“.

По его мнѣнію, свобода переселеній, притомъ еще съ оказаніемъ со стороны правительства денежной помощи, развила бы стремленіе къ переселенію среди той части населенія, которая вовсе не нуждается въ переходѣ на новыя мѣста. Министръ полагалъ наиболѣе цѣлесоотвѣтственнымъ допускать переходъ крестьянъ на новыя мѣста лишь въ той мѣрѣ, въ какой эта потребность дѣйствительно назрѣла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ этой цѣлью онъ и предлагалъ предоставить администраціи право останавливать переходъ на новыя мѣста, выдачу паспортовъ и распродажу крестьянскаго имущества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда выяснится, что переселеніе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Толстой, въ цѣляхъ упорядоченія переселенія, предлагалъ обратить остающіяся въ казнѣ за надѣленіемъ государственныхъ крестьянъ земли подъ поселенія наиболѣе нуждающихся крестьянъ и оказывать такимъ крестьянамъ денежныя пособія во время пути и при ихъ водвореніи, предоставляя имъ также льготы въ платежахъ и по отбыванію воинской повинности.

Такимъ образомъ въ предположеніяхъ гр. Толстого ясно опредѣлились два начала: съ одной стороны—желаніе сдержать переселенческое движеніе въ возможно тѣсныхъ рамкахъ, съ другой—сознаніе необходимости для государства принять на себя попеченіе объ устройствѣ тѣхъ крестьянъ, которымъ уже дана возможность перехода на новыя мѣста.

Въ 1884 г. предположенія гр. Толстого были одобрены Государемъ, высказавшимся также за то, чтобы переселенія всецѣло направляемы были правительствомъ.

Въ томъ же 1884 г. ассигнована была изъ средствъ Государственнаго казначейства и сумма на содѣйствіе переселенцамъ. Сумма эта была болѣе чѣмъ скромна, именно всего 40000 руб.; въ послѣдующіе годы сумма была сокращена ровно на половину.

Для выработки проекта общаго переселенческаго закона на основаніяхъ, утвержденныхъ Государемъ, была вновь образована комиссія изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ, но теперь уже безъ вспомогательнаго совѣщанія изъ „свѣдующихъ людей". Дѣло въ томъ, что къ этому времени настроеніе правительства по отношенію къ общественному мнѣнію вновь измѣнилось. Правительство опять почувствовало подъ собой твердую почву и рѣшило однѣми своими силами безъ помощи общества провести столь важную государственную реформу.

Проектъ закона, выработанный правительственной комиссіей, перешелъ на обсужденіе соединенныхъ Департаментовъ законовъ и Государственной экономіи, которые пришли къ заключенію, что „новый законъ о переселеніяхъ вызывается дѣйствительными потребностями народной жизни, въ виду того, что прогрессивный изъ году въ годъ приростъ населенія заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія, какъ единственнаго средства къ уменьшенію крайней густоты населенія и поправленія хозяйственнаго быта тѣхъ крестьянскихъ селеній, которымъ за недостаткомъ земли угрожаетъ безысходная нищета".

Тѣмъ не менѣе Соединенные Департаменты признавали желательнымъ придать означеннымъ правиламъ болѣе скромную постановку, ограничиваясь изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ „собственно порядокъ заселенія казенныхъ земель въ случаяхъ, когда это будетъ признано правительствомъ полезнымъ и необходимымъ".

Заключенія Соединенныхъ Департаментовъ, подвергнувшись еще нѣкоторымъ измѣненіямъ,—главнымъ образомъ въ той части, которая касалась отвода переселенцамъ участковъ и оказанія имъ пособія на мѣстахъ новаго водворенія, въ томъ смыслѣ, чтобы относящіяся сюда правила не носили характера обязательности,—въ 1889 г. сдѣлались закономъ, который дѣйствуетъ и понынѣ, подъ именемъ „Правилъ о переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли".

Законъ 1889 г. ставитъ необходимымъ условіемъ для переселенія отдѣльныхъ лицъ прежде всего разрѣшеніе, выдаваемое Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ. Лица, предпринявшія переселеніе безъ такого разрѣшенія, возвращаются обратно въ мѣста прежней своей приписки. Разрѣшеніе освобождаетъ отъ полученія увольнительныхъ приговоровъ отъ своихъ обществъ. Въ просьбахъ о переселеніи можетъ быть указываема мѣстность, куда желательно переселеніе; но какъ разрѣшеніе на переселеніе вообще, такъ и на переселеніе въ данную мѣстность вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Ходатайство удовлетворяется только въ томъ случаѣ, если правительство найдетъ выставляемыя причины переселенія уважительными и если имѣется въ наличности запасъ свободныхъ казенныхъ земель.

Для водворенія переселенцевъ министру государственныхъ имуществъ предоставлено право образовывать особые участки изъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи, въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ областяхъ Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской. Участки эти отводятся переселенцамъ въ постоянное безсрочное пользованіе на одинаковыхъ условіяхъ съ мѣстными государственными крестьянами (въ Европейской Россіи первоначально лишь во временное

арендное пользованіе на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ) безъ права продажи ихъ—и вообще и по долговымъ обязательствамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ за новоселами признано было право на ссуды, на продовольствіе и обсѣмененіе полей, на основаніяхъ, установленныхъ для мѣстныхъ крестьянъ. Предоставлено было также, въ случаяхъ необходимости, оказывать отдѣльнымъ переселенцамъ особое содѣйствіе выдачею имъ путевыхъ пособій во время слѣдованія къ мѣстамъ назначенія и, по прибытіи на мѣсто, денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій. Разрѣшено было также новоселамъ отпускать необходимый для возведенія усадебныхъ построекъ лѣсной матеріалъ изъ казенныхъ дачъ. Кромѣ того переселенцы освобождались отъ уплаты казенныхъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя имъ земли—въ теченіе 2-хъ лѣтъ въ Европейской Россіи, и 3-хъ лѣтъ въ Сибири и областяхъ Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской. Слагались также съ переселенцевъ всѣ недоимки по казеннымъ, земскимъ и мірскимъ сборамъ, а равно и по „выкупнымъ платежамъ“; при чемъ всѣ эти недоимки, въ противоположность требованію временныхъ правилъ 1881 г., стали переводиться на прежнія общества переселенцевъ.

Законъ 1889 г. о переселеніяхъ въ 1891 и 1892 гг. былъ распространенъ на Уральскую и Тургайскую области и на губерніи Енисейскую и Иркутскую.

Однако цѣль упорядоченія переселеній, цѣль, которую, очевидно, преслѣдовалъ законъ 1889 г., осталась недостигнутой.

Заключить въ узкіе берега закона громадную могучую волну народнаго движенія не удалось: волна эта прорвала бумажную плотину и хлынула съ страшной силой.

Такъ, на основанiи новаго закона, до 1892 г. было выдано разрѣшенiй на переселенiе въ разныя мѣстности 17289 семьямъ, а прошло, *только за Уралъ*, за эти годы—28911 семей. Возвращать обратно такую массу самовольныхъ переселенцевъ было, конечно, немыслимо и правительству пришлось прибѣгнуть къ давно испытанному имъ средству,—именно узаконить фактъ самовольнаго переселенiя, причисливши самовольщиковъ къ мѣстамъ ихъ водворенiя.

Правительство, успокоившее себя изданiемъ ограничительнаго закона о переселенiяхъ, было захвачено врасплохъ этой живой переселенческой волной: у него не оказалось достаточнаго количества заготовленныхъ земельныхъ участковъ какъ на казенныхъ, такъ и на императорскихъ земляхъ. Это обстоятельство и повело къ временному запрещенiю переселенiй въ 1892 г.

Въ 1892 г. правительство прiостановило выдачу разрѣшенiй на переселенiя. Но могучiй, безпощадный бичъ народа „царь-голодъ", посѣтившiй въ 1891—1892 гг. „житницу Россiи", выкатилъ новую громадную самовольную переселенческую волну, — въ 84200 душъ въ 1892 г. и въ 61435 душъ въ 1893 г.,—смывшую такимъ образомъ запретительную бумагу.

Конечно, этой массѣ переселенцевъ, бѣжавшей въ Сибирь отъ голода, пришлось перенести и въ пути и на мѣстахъ поселенiя не мало бѣдствiй. Особенно ощутителенъ былъ для нихъ недостатокъ продовольственной и врачебной помощи. Вслѣдствiе недостаточнаго и плохого питанiя среди переселенцевъ развивались заразительныя болѣзни, которыя и уносили ихъ, особенно дѣтей, тысячами. На мѣстахъ, за отсутствiемъ готовыхъ участковъ, приходилось иногда ждать отвода земель по мѣсяцамъ или пускаться самимъ въ поиски за землей наугадъ. Истратившись въ пути, переселенцы часто не

имѣли даже хлѣба и поэтому разбредались въ разныя стороны просить милостыню.

Такимъ образомъ переселенія крестьянъ въ Сибирь, несмотря на существованіе закона 1889 г., продолжали сохранять свой прежній безпорядочный характеръ и не могли приносить для колонизаціи страны тѣхъ результатовъ, какихъ можно бы было ожидать, благодаря ежегодному увеличенію размѣровъ переселеній.

VII.

Новый поворотъ во взглядахъ правительства на переселенческое движеніе. Учрежденіе въ 1892 г. Комитета Сибирской желѣзной дороги и подготовительной при немъ комиссіи. Учрежденіе въ 1896 г. переселенческаго управленія. Мѣропріятія этихъ учрежденій по упорядоченію переселенческаго движенія. Результаты примѣненія этихъ мѣропріятій.

Въ такомъ безотрадномъ положеніи было дѣло переселенія, когда въ 1892 г. вновь возникъ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги черезъ всю Сибирь. Переселенческій вопросъ въ правительственной политикѣ опять, слѣдовательно, неизбѣжно долженъ былъ выдвинуться на первую очередь.

Дѣло въ томъ, что съ проведеніемъ желѣзной дороги переселенческое движеніе естественно должно было выросги еще больше, какъ вслѣдствіе удешевленія проѣзда и устраненія многихъ неудобствъ при передвиженіи переселенцевъ, удерживавшихъ прежде многихъ отъ переселенія, такъ и по причинѣ ожидавшагося наплыва рабочихъ изъ Европейской Россіи на постройку дороги. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, по ознакомленіи съ условіями сибирской жизни, могли не возвратиться

на родину и, вступивши въ ряды сибирскихъ новоселовъ, способствовать переселенію въ Сибирь и своихъ семей.

Затѣмъ приняты были во вниманіе и соображенія чисто практическаго характера.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги, естественно, должна была увеличиться и доходность земель, — прилегающихъ къ линіи дороги, — какъ государственныхъ, такъ и частныхъ лицъ. Но это можно было ожидать при томъ лишь, конечно, условіи, если эти земли будутъ заселены рабочими людьми, такъ какъ цѣнность земля пріобрѣтаетъ, какъ извѣстно, только тогда, когда человѣкъ приложеніемъ своего труда переработаетъ естественныя ея богатства въ продукты, годные для потребленія, которые и являются такимъ образомъ мѣриломъ цѣнности земли. Увеличеніе доходности земель, могущее вліять, при благопріятствованіи другихъ условій жизни, на развитіе благосостоянія засельщиковъ этихъ земель, неминуемо должно было отразиться и на увеличеніи доходовъ самого государства, такъ какъ большая доходность хозяйствъ увеличиваетъ платежную способность населенія и обезпечиваетъ исправное поступленіе самыхъ платежей.

Такимъ образомъ, при правильной постановкѣ дѣла колонизаціи Сибири, громадныя затраты государства на сооруженіе сибирской желѣзной дороги могли бы окупиться впослѣдствіи съ излишкомъ.

Кромѣ того предварительное заселеніе тѣхъ мѣстностей, по которымъ предположено было провести желѣзную дорогу, естественно должно было удешевить и самую постройку ея, такъ какъ этой мѣрой обезпечивались въ достаточномъ количествѣ мѣстныя, а потому, слѣдовательно, и болѣе дешевыя рабочія руки.

Всѣ эти соображенія и заставили правительство перемѣнить самый взглядъ на переселеніе, какъ на зло, которому всѣми силами слѣдуетъ противиться.

Къ тому же, надо замѣтить, что въ это время съ одной стороны, нѣсколько затихли въ народѣ толки о новой нарѣзкѣ земли, а съ другой—не такъ стали настойчивы жалобы и со стороны помѣщиковъ на повышеніе цѣнъ на рабочія руки.

Наконецъ, простое статистическое соображеніе о томъ, что при $1^1/_2$ милліонномъ ежегодномъ приростѣ населенія Европейской Россіи, выселеніе даже нѣсколькихъ сотенъ тысячъ крестьянъ является сравнительно ничтожной величиной, не могущей серьезно повліять на хозяйственный укладъ жизни, утвердило только правительство въ мысли относиться къ крестьянскимъ переселеніямъ безъ особыхъ опасеній. Но отрѣшившись отъ излишнихъ опасеній по отношенію къ переселенческому движенію вообще, правительство продолжало твердо держаться своего взгляда на то, что переселенческое дѣло во всемъ его цѣломъ должно быть сосредоточено въ рукахъ администраціи. Поэтому всѣ заботы правительства съ этого времени направляются единственно къ тому, чтобы, съ одной стороны, переселеніе не ускользало отъ правительственнаго контроля, а съ другой,—чтобы оно носило характеръ, по возможности, сознательный.

Выразителемъ этихъ, если не совсѣмъ новыхъ, то все же нѣсколько подновленныхъ, взглядовъ правительства на переселенческое движеніе и явился комитетъ сибирской желѣзной дороги, учрежденный для разсмотрѣнія и разрѣшенія вопросовъ о разныхъ вспомогательныхъ предпріятіяхъ, связанныхъ съ постройкой этой дороги. Къ вспомогательнымъ предпріятіямъ отнесено было и содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей.

Съ послѣдней цѣлью былъ образованъ особый фондъ, сначала въ размѣрѣ 14 милліоновъ руб., а впослѣдствіи, въ 1897 г., въ размѣрѣ почти 22 милліоновъ руб.

Завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ перешло въ руки вновь образованной при комитетѣ такъ называемой подготовительной комиссіи комитета, состоящей подъ предсѣдательствомъ управляющаго дѣлами комитета сибирской желѣзной дороги статсъ-секретаря Куломзина, изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя такъ или иначе соприкасаются съ переселенческимъ дѣломъ и лицъ, которыя по своему служебному положенію и занятіямъ могутъ содѣйствовать выясненію тѣхъ или другихъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію комиссіи.

Комитетъ и комиссія предприняли цѣлый рядъ мѣръ для упорядоченія дѣла переселенія. Изъ нихъ должно отмѣтить, во-первыхъ, уменьшеніе формальностей, требовавшихся какъ при выходѣ переселенцевъ съ родины, такъ и при водвореніи ихъ въ Сибирь; во-вторыхъ, болѣе правильную организацію врачебно-продовольственной помощи переселенцамъ по пути ихъ слѣдованія, и, въ третьихъ, упорядоченіе системы нарѣзки земельныхъ участковъ для водворяющихся переселенцевъ. Правила, выработанныя въ этомъ направленіи подготовительной комиссіей, получили въ 1896 г. силу закона.

Въ томъ же 1896 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ образовано было новое учрежденіе — переселенческое управленіе, на которое и возложено было: 1) руководство выдачею разрѣшеній на переселеніе (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самая выдача этихъ разрѣшеній), 2) забота объ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и 3) завѣдываніе суммами, отпускаемыми на переселенческое дѣло.

На обязанности переселенческаго управленія должна была лежать и предварительная разработка всѣхъ законодательныхъ мѣропріятій по переселенческому дѣлу.

Одновременно съ этимъ былъ увеличенъ штатъ

крестьянскихъ начальниковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, куда направляется главнымъ образомъ движеніе переселенцевъ, такъ какъ къ числу обязанностей этихъ чиновниковъ были отнесены также и заботы о водвореніи переселенцевъ. Увеличено было также и число чиновниковъ, командируемыхъ на линію сибирской желѣзной дороги для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ наибольшаго скопленія переселенцевъ, направляющихся въ разныя мѣстности Сибири.

Съ цѣлью упорядоченія переселенческаго движенія новообразованнымъ управленіемъ былъ изданъ извѣстный законъ о ходокахъ. Согласно этому закону, разрѣшеніе на переселеніе стало даваться лишь тѣмъ семьямъ, которыя предварительно переселенія посылали въ Сибирь кого-либо изъ членовъ своей семьи или односельцевъ для осмотра мѣстности и выбора участка земли.

Изданіемъ закона о ходокахъ преслѣдовалась благая цѣль, именно, упорядоченіе переселенческаго движенія; въ дѣйствительности же законъ этотъ страшно стѣснилъ свободу переселеній. Такъ, по офиціальнымъ даннымъ, оказывается, что изъ 87.759 ходоковъ, прошедшихъ въ Сибирь въ 1895—98 гг., вернулись въ Россію до 1-го января 1899 г. только 63.589 чел., и изъ нихъ лишь 20.615 чел. зачислили за собой землю, а 42.974 чел. вернулись ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ, по вычисленію г. Пріймака, каждый ходокъ, въ среднемъ, тратитъ на путешествіе въ Сибирь до $3^1/_2$ мѣсяцевъ времени и около 23 руб. 50 к. денегъ. Такимъ образомъ ненашедшимъ земли ходокамъ поѣздка въ Сибирь обошлась въ милліонъ слишкомъ рублей, уплывшихъ безслѣдно изъ мужицкихъ кармановъ, и безъ того, какъ извѣстно, нетолстыхъ. Иногда ходоки,—

эти новые „соглядатаи“ обѣтованной земли —совершаютъ свое путешествіе въ Сибирь дважды или даже и трижды, и тогда „подходящая землица“, обходится будущимъ переселенцамъ, слѣдовательно, вдвое и втрое дороже.

Правда, ходоки,—въ особенности тѣ, которые возвращаются на родину „безъ земли“, — служатъ задерживающимъ переселеніе факторомъ, предупреждая неосторожныя и потому неудачныя выселенія; но эта жизненная наука слишкомъ дорого обходится тѣмъ, которые и безъ того находятся на порогѣ разоренія.

Поэтому-то, несмотря на всѣ правительственныя мѣропріятія послѣдняго времени, казалось бы довольно благожелательныя въ своей основѣ, переселенческое движеніе до сихъ поръ еще не поддается упорядоченію. Несмотря на массу узаконеній и циркуляровъ по переселенческому дѣлу (только съ 1890 по 1898 г. ихъ было издано 125), правительству не удалось достаточно воздѣйствовать даже на самовольныя переселенія. Переселенія этого рода хотя и колеблятся по годамъ, но еще остаются довольно значительными. Такъ, въ 1894 г. они составляли 78% всего переселенческаго движенія впередъ, въ 1895 г.—24%, въ 1896 г.—36%, въ 1897 г.—34% и въ 1898 г. 44%.

Главной изъ причинъ самовольныхъ переселеній является попрежнему задержка со стороны мѣстной администраціи въ удовлетвореніи ходатайствъ переселенцевъ о выдачѣ имъ надлежащихъ разрѣшеній. По этой причинѣ въ 1896 г. вышло 55% всѣхъ самовольныхъ переселенцевъ. Другой причиной самовольныхъ переселеній, по официальнымъ указаніямъ, являлось несочувственное отношеніе мѣстныхъ властей къ ходатайствамъ о переселеніи и прямой отказъ въ выдачѣ разрѣшеній въ то время, какъ ходатайствовавшіе часто

успѣвали уже распродать свое имущество, такъ что самовольное переселеніе становилось для нихъ прямо неизбѣжнымъ. Иногда же мѣстныя власти, отъ которыхъ зависѣла выдача разрѣшеній на переселеніе, предъявляли ко всѣмъ переселяющимся совершенно незаконныя и невыполнимыя требованія, напримѣръ, требованіе представленія въ обезпеченіе прочности будущаго переселенія денежнаго залога, въ размѣрѣ 300 р. наличными деньгами на каждую семью; при этомъ залогъ этотъ требовалось представить до продажи своего имущества, что являлось равносильнымъ прямому запрещенію переселенія.

Такія и подобныя имъ требованія неизбѣжно должны были повести къ рѣзкому усиленію самовольныхъ переселеній или же къ обходу распоряженія. По отношенію къ требованію залога, напримѣръ, обычно практиковался обходъ такого рода. Крестьяне, желавшіе переселяться, собирали у своихъ родныхъ и знакомыхъ по мелочамъ „на время“ требуемую для „оказательства“ сумму; затѣмъ собранная сумма дѣйствительно показывалась волостному начальству, которое и выдавало крестьянамъ свидѣтельство о ея наличности у нихъ. Послѣ этой операціи деньги возвращались ихъ собственникамъ.

Но говоря вообще, лишь незначительное меньшинство самовольныхъ переселенцевъ сознательно обходитъ законъ, большинство же вынуждается къ тому разнаго рода препятствіями, которыя на каждомъ шагу старается ставить имъ мѣстное начальство, часто руководствующееся въ этомъ случаѣ не существующими на сей предметъ законами и циркулярами, а собственными своими взглядами и „настроеніемъ“.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ слѣдующей характеристикой современнаго положенія у насъ

переселенческаго дѣла, сдѣланной г. С. Ф., авторомъ статьи въ „Русскомъ Богатствѣ“, № 6 за 1901 г., носящей заглавіе „Къ хроникѣ переселенческаго движенія въ Сибирь“.

„Единственно, чего достигло правительство, пытаясь руководить движеніемъ, — говоритъ г. С. Ф., — это то, что теперь совершенно устранено всякое общественное вмѣшательство въ переселенческое дѣло, и дѣло это всецѣло находится въ рукахъ администраціи. Ходатайства нѣкоторыхъ земствъ по различнымъ вопросамъ, касающимся переселеній, неизмѣнно отклонялись, дѣятельность частныхъ переселенческихъ обществъ какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Сибири ставилась въ такія условія, что она не могла продуктивно развиваться и замерла. Живое переселенческое дѣло очутилось въ канцеляріи и все веденіе его носитъ чисто чиновническій, бумажный характеръ.

Въ настоящее время всякій, желающій переселиться въ Сибирь на законныхъ основаніяхъ, въ первый же моментъ своихъ хлопотъ по этому поводу долженъ отдаться подъ опеку чиновниковъ: сначала земскаго начальника или соотвѣтствующаго ему чиновника по крестьянскому управленію, при хлопотахъ о разрѣшеніи, потомъ, въ дорогѣ, переселенческаго чиновника, и, наконецъ, въ Сибири, при выборѣ участка или же хлопотахъ о ссудѣ подъ опеку того же переселенческаго чиновника или крестьянскаго чиновника. А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ земскіе и другіе крестьянскіе начальники не въ состояніи, за многочисленностью своихъ обязанностей, лично входить въ нужды каждой переселенческой семьи и невольно подчиняются внушеніямъ подчиненныхъ имъ волостныхъ старшинъ и писарей, то и эти послѣдніе играютъ довольно замѣтную роль въ переселенческомъ дѣлѣ, въ особенности

въ двухъ наиболѣе важныхъ моментахъ переселенческаго движенія: при полученіи разрѣшенія на родинѣ и при водвореніи въ Сибири. Помимо этого, какъ и всегда при канцелярскомъ веденіи дѣла, многое въ судьбѣ переселенца при его хожденіи по канцеляріямъ зависитъ отъ „усмотрѣнія“ тѣхъ лицъ администраціи, съ которыми ему приходится сталкиваться и, конечно, не всегда это „усмотрѣніе“ бываетъ такого характера, какимъ оно должно бы быть. Всякій, кому доводилось видѣть въ одной изъ переселенческихъ канцелярій униженныя просьбы по поводу какого-нибудь пособія или ссуды, или даже просто по поводу какой-нибудь самой обыкновенной справки, надолго сохранитъ самое непріятное воспоминаніе о всякомъ „усмотрѣніи“ (стр. 120—121).

VIII.

Составъ сибирскихъ переселенцевъ за послѣднее пятнадцатилѣтіе. Условія передвиженія крестьянъ въ Сибирь. Обратныя переселенія.

Выяснивъ, по мѣрѣ возможности, отношеніе къ переселенческому дѣлу правительства какъ центральнаго такъ и мѣстнаго, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію состава переселенцевъ и тѣхъ условій, въ которыхъ совершалось въ пореформенную эпоху переселенческое движеніе въ Сибирь.

Выше мы уже говорили, что главной причиной, побуждающей крестьянъ къ переселенію, является малоземелье. Поэтому въ Сибирь ѣдутъ, главнымъ образомъ, или ужев ъ конецъ разорившіеся или стоящіе наканунѣ разоренія крестьяне, и гонитъ ихъ туда стремленіе поправить свое упавшее или падающее хозяйство.

Это общее заключеніе подтверждается также и правительственными обслѣдованіями. Въ 1896 г. во время своей поѣздки въ Сибирь статсъ-секретарь Куломзинъ сдѣлалъ опросъ новоселовъ въ 199 поселкахъ.

На вопросъ о причинахъ переселенія новоселами даны были слѣдующіе отвѣты: „отъ безземелья", „жить не причемъ", „земли мало стало", „земли добываться шли", „на землю захотѣлось", „подъ деревнями было больше мѣста, чѣмъ подъ пашнями", „кола вырубить негдѣ", „утѣсненіе скотинѣ" и т. д. и т. д.

Кауфманъ, изслѣдовавшій хозяйственное положеніе переселенцевъ въ Томской губерніи, даетъ слѣдующія цифры, указывающія на причины переселеній.

Изъ 4707 опрошенныхъ дворовъ оказалось, что 38% переселялись изъ-за недостатка или дурного качества земли, 27% — изъ-за недостатка лѣса, выгоновъ или усадьбы, 8% — изъ-за неурожаевъ, 8% — изъ-за несоотвѣтствія надѣла составу семьи. Въ остальныхъ случаяхъ выставлялись менѣе опредѣленные мотивы, какъ-то „невозможность существовать", „стремленіе идти за людьми", „желаніе работать на себя", „исканіе лучшаго" и т. д.

Опросъ переселенцевъ, произведенный крестьянскими начальниками въ 1897 г., также подкрѣпляетъ эти выводы. Изъ 93,352 опрошенныхъ крестьянскими начальниками переселенческихъ семей, оказалось, что земли на родинѣ приходилось у нихъ въ среднемъ по 2,7 дес. на каждую семью.

По даннымъ, обработаннымъ г. Пріймакомъ, для пришедшихъ въ Сибирь въ 1895 г. среднее число десятинъ на каждую переселенческую семью равняется 2,8, а для пришедшихъ въ 1896 г.—3,0 дес. Всѣ эти цифры очень близки между собою и представляютъ очень цѣнныя данныя, такъ какъ въ общемъ охватываютъ почти 135,000 отдѣльныхъ хозяйствъ.

По даннымъ того же г. Пріймака, касающихся больше 42 тысячъ семей, прошедшихъ въ Сибирь въ тѣ же 1895 и 1896 гг., видно, что изъ числа переселившихся въ эти два года было семей: безземельныхъ — 17,3%, имѣвшихъ до 1 дес. — 15,2%, до 3 дес. — 34,2%, до 5—16,2%, до 10—13,6%, свыше 10—2,7% и безъ обозначенія надѣла — 0,8%, т.-е., другими словами, семьи не имѣвшія вовсе земли или имѣвшія менѣе 1 дес., составляли около 1/3 общаго числа переселенцевъ, а семьи съ надѣломъ свыше 10 десятинъ — всего 2,7%.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Сибирь идутъ по-преимуществу среднеобезпеченныя землей семьи, затѣмъ безземельные или почти безземельные бѣдняки и лишь въ незначительномъ количествѣ семьи достаточно обезпеченныя землей.

Выводъ этотъ подтверждается и другими данными о хозяйственной жизни переселяющихся, взятыми изъ того же источника.

Оказывается, что 4/5 всѣхъ семей, переселяющихся въ Сибирь, не могли на родинѣ обходиться своимъ хлѣбомъ, хотя половина этихъ семей и приарендовывала себѣ землю; семей, имѣвшихъ возможность на родинѣ продавать свой хлѣбъ, оказалось всего только 1/10 часть всѣхъ опрошенныхъ.

Тоже и по отношенію обезпеченія скотомъ. Почти 1/4 всѣхъ семей, прошедшихъ въ 1895/96 гг. въ Сибирь, совсѣмъ не имѣли на родинѣ скота, 36% — не имѣли рабочаго скота и только у 45% было по одной лошади, а у 19% по двѣ и больше лошадей.

Такимъ образомъ и цифровыми данными подтверждается тотъ выводъ, что въ Сибирь идутъ большею частью или окончательно раскрестьянившіяся семьи или стоящія на пути къ раскрестьяниванію.

Прослѣдимъ теперь всѣ тѣ обстоятельства, которыя

сопровождають переселенцевъ съ момента принятія ими рѣшенія разстаться съ „своими мѣстами“.

Покончивши съ формальностями по полученію разрѣшенія на переселеніе,—на что иногда требуется не одинъ годъ времени,—крестьянскія семьи приступаютъ къ распродажѣ своего имущества.

Прежде всего будущіе переселенцы спѣшатъ раздѣлаться съ своими земельными надѣлами. Обыкновенно они или сдаютъ свою надѣльную землю въ аренду, или передаютъ ее въ общество, или же земля ихъ поступаетъ въ пользованіе отдѣльныхъ лицъ, постороннихъ или однообщественниковъ.

Чаще всего земля, очевидно, отходитъ въ общество, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ данныхъ обслѣдованія 11 тысячъ семей: 43% изъ общаго числа семей передали землю въ общество и 30%—отдѣльнымъ лицамъ; остальныя: сдали въ аренду—10%, не имѣли совсѣмъ надѣла — 12%, бросили свой надѣлъ — 5%.

Интересно, сколько же получаютъ переселенцы за свою землю, которую они „выкупали“ уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ?

Большая часть крестьянъ ничего не получаетъ за свою землю, передавая ее даромъ, за недоимку или даже за однѣ подати, и лишь 40% семей (изъ 7372 передавшихъ землю обществу или отдѣльнымъ лицамъ) получили за свою землю такъ называемые „верхи“, т.-е. доплату. Это, конечно, указываетъ на то, что крестьянскія земли чрезвычайно обременены налогами и недоимками, которые и обезцѣниваютъ ее въ глазахъ покупщиковъ.

Затѣмъ переселенцами распродается скотъ, постройки и прикупная земля, если она у кого была. Скотъ обыкновенно продается всѣми, постройка и земля продается большинствомъ, а частью удерживается за собою на случай возвращенія.

Интересны также данныя, указывающія, какую именно сумму выручають въ среднемъ крестьяне за все свое „хозяйство“.

Изъ 11 тысячъ опрошенныхъ семей оказалось, что 113 семьямъ нечего было продавать, 336 семей къ продажѣ имущества не приступали, а 1746 семей распродали имущество неполностью; изъ числа распродавшихъ свое имущество 9013 семей выручили: до 50 руб. — 10,9%, отъ 50 до 200 р. — 54,1%, отъ 200 р. и больше — 35,0.

Такимъ образомъ можно сказать, что въ среднемъ каждая переселенческая семья, распродавшая на родинѣ свое имущество, выручаетъ за него, въ среднемъ, около 200 руб.

Посмотримъ теперь, на какія надобности расходуется эта сумма будущими переселенцами.

Собственно, таяніе переселенческаго „капитала“ начинается еще на родинѣ.

Такъ, еще при сборахъ переселенцы должны расходоваться на ходатайство о разрѣшеніи переселенія, на угощеніе міру, на выборку документовъ, на ходоковъ. Въ среднемъ, — какъ это высчитано по отношенію къ 10 тысячамъ опрошенныхъ семей,—при сборахъ расходуется около 8 р. 70 к. на каждую семью. Расходъ на ходоковъ и приписку въ Сибири поглощаетъ у нѣкоторыхъ семей въ среднемъ по 28 р. 80 к. (при чемъ почти половина уходитъ на самихъ ходоковъ); угощеніе міру обходится около 3 руб. на семью, расходы на ходатайства — около 2 руб. выправка, документовъ обходится въ 1 руб.; на случайные расходы затрачивается въ среднемъ каждой семьей по 1 р. 30 коп.

Такимъ образомъ передъ самой отправкой переселенцы оказываются, въ среднемъ, почти лишь при 3/4 вырученной ими за продажу имущества суммы.

Но вотъ всѣ счеты и расчеты покончены; переселенцы поднимаются съ своихъ мѣстъ.

Интересную въ бытовомъ отношеніи картинку сборовъ и отправленія переселенцевъ даютъ составители изданія Полтавскаго губернскаго земства подъ заглавіемъ: „Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1861 г. по 1-ое іюля 1900 г.“. Чтобъ не портить впечатлѣнія пересказомъ, приведемъ здѣсь это описаніе хотя и въ извлеченіи, но дословно.

„Лица не крестьянскаго званія,—читаемъ на страницахъ 289—291 названнаго изданія,—живущія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ были сборы крестьянъ на переселеніе, разсказываютъ, что бываютъ дни, когда создается въ селѣ особенное настроеніе: то и дѣло слышишь, что тотъ собирается, а этотъ собрался, что одинъ тянется за родственниками, а другой не желаетъ вѣкъ дуракомъ прожить, когда другіе люди добудутъ себѣ счастіе и т. д. Очень немногіе дѣйствительно уйдутъ на переселеніе, у громаднаго же большинства дѣло окончится сборами. Атмосфера, создаваемая этими сборами, до того заразительна, что посторонняго наблюдателя тянетъ куда-то ѣхать, куда-то собираться, крестьяне же дѣлаются положительно шальными, кто отъ зависти, а кто отъ нерѣшительности. Тяжело прощаться съ домомъ, потому что земля, садъ, постройки, все хозяйство становятся на прощаніи до того близкими и дорогими предметами, что какъ живыя существа, манятъ къ себѣ и какъ бы просятъ не покидать ихъ. Каждая вещь или собственноручно сдѣлана—сколько передумано за этой работой—или куплена на заработанныя деньги, при чемъ работалось не для денегъ, а для этой необходимой и потому драгоцѣнной вещи. Все одушевлено, все укоряетъ, такъ какъ вызвано къ жизни, очевидно, безцѣльно. А скотъ? Какъ то ему будетъ житься у другого хозяина?

Послѣднее прощанье переселенцевъ очень трогательно. Разсказъ объ этомъ мы слышали отъ очевидцевъ,

провожавшихъ переселенцевъ изъ с. Попова, Кобелякскаго уѣзда.

Передъ отъѣздомъ всѣ подводы собрались къ церкви. Послѣ молебна, священникъ сказалъ напутственное слово, въ которомъ благословлялъ переселенцевъ на благополучный путь до новаго ихъ мѣстожительства и желалъ только того, чтобъ никто изъ нихъ не вернулся сюда разореннымъ. Стали собираться въ путь, потому что настоящее прощанье будетъ за селомъ. Нѣкоторые храбрятся, говорятъ, что „всѣхъ васъ туда выпишемъ" и проч. Однако многіе плачутъ. Съ „невообразимымъ" плачемъ толпа двинулась изъ села. Особенно плакали, конечно, женщины: многія изъ нихъ стоятъ за переселеніе только до тѣхъ поръ, пока не придетъ извѣстіе, что уходить разрѣшается. Съ этого момента и до самаго отхода онѣ пассивны или даже противъ переселенія, а „крутитъ" только мужъ-хозяинъ. Въ процессіи не мало пьяныхъ, которые тоже плачутъ. Но не все же плакать. Отойдя отъ церкви уже довольно далеко, молодые ребята запѣваютъ солдатскую пѣсню, которая подхватывается многими. Въ пѣснѣ есть фраза: „а куда пойдешь ты, когда дома нѣтъ — вотъ тебѣ награда за 25 лѣтъ". На прощаніи за селомъ снова плачъ или, точнѣе, ревъ. „Отъ слезъ не могли слова выговорить", „словно отъ сердца, что отрываетъ иной, когда онъ прощается съ родственникомъ. Схватитъ родича въ охапку, жметъ крѣпко, а самъ выкрикиваетъ: милый, родной, прощай... не доскажетъ, что сказать хотѣлъ, и оттолкнетъ, изъ силы отвернется и не говоритъ ужъ"... Многіе бросаются на землю, цѣлуютъ ее, ѣдятъ. Стариковъ силой нужно отрывать отъ земли: они знаютъ, что ужъ никогда сюда не возвратятся. Всѣ плачутъ, кто только присутствуетъ при такихъ сценахъ. Тяжело переживается моментъ прощанья, но когда минуются

исключительныя положенія, дѣйствующія на нервы, переселенцы не испытываютъ уже особенной грусти: они бодры, сильны сознаніемъ цѣли своего путешествія и видомъ своимъ способны пропагандировать идею переселенія.

Вотъ проѣзжаетъ черезъ захолустную деревеньку семья переселенца, направляясь къ станціи желѣзной дороги. На возу лежатъ мѣшки; у мѣшковъ, приготовленныхъ къ сдачѣ въ багажъ, привязаны бумажки съ фамиліей переселенца, а самъ онъ солидно выступаетъ впереди, высунувъ изъ-за пазухи бумагу: онъ намѣренно держитъ бумагу напоказъ въ ознаменованіе того, что теперь онъ уже казенный человѣкъ. У колодца одинъ изъ семьи переселенца пріотсталъ и разсказываетъ толпѣ о вольныхъ земляхъ съ такою увѣренностью, какъ будто онъ тамъ уже и самъ побывалъ. Староста этой глухой деревеньки говоритъ, что теперь у крестьянъ надолго хватитъ самыхъ интересныхъ разговоровъ о привольной степи и о просторѣ. Такимъ образомъ, одна подвода переселенцевъ способна вызвать такой эффектъ, какого не дастъ иногда цѣлая демонстративная процессія".

Путевые расходы переселенцевъ также довольно значительны; для везущихъ съ собой богажъ дорога обходится, разумѣется гораздо дороже, чѣмъ ѣдущимъ безъ багажа. Между тѣмъ большая часть переселенцевъ ѣдетъ съ багажемъ. Такъ изъ 42 тысячъ семей, прослѣдовавшихъ въ Сибирь въ 1895 и 1896 гг., ѣхало „на легкѣ", т.-е. совсѣмъ безъ багажа, 28%, съ багажомъ до 10 пудовъ — 30% и съ багажомъ свыше 10 пуд. — 42%. Путевые расходы у ѣхавшихъ съ багажомъ составляютъ въ среднемъ — 42 р. 90 к. на каждую семью; у ѣхавшихъ безъ багажа — 37 р. 10 к. на семью. Продовольствіе въ среднемъ обходится около 7 руб. на семью. Такимъ

образомъ, въ среднемъ, переселеніе каждой семьи въ Сибирь обошлось въ 68 р. 50 к. для имѣвшихъ багажъ и въ 52 р. 70 к. для неимѣвшихъ его.

До 1898 г. переселенцы не пользовались никакими льготами по проѣзду; съ этого же года плата за проѣздъ была значительно понижена; теперь переселенцы платятъ за взрослыхъ стоимость только дѣтскаго билета. Но выигравши на платѣ, переселенцы много проиграли на удобствахъ путешествія. Прежде они ѣхали въ обыкновенныхъ вагонахъ 3-го класса, правда не отличающихся у насъ вообще большими удобствами и чистотой, но все же въ „людскихъ вагонахъ“ и съ обычной для пассажирскихъ поѣздовъ скоростью. За пониженную же плату переселенцевъ теперь перевозятъ въ такъ называемыхъ *спеціальныхъ* переселенческихъ поѣздахъ, т.-е. обыкновенныхъ товарныхъ вагонахъ, съ широко раздвигающимися настежь дверьми, съ люками вмѣсто оконъ, безъ входныхъ ступенекъ, безъ ватерклозетовъ, словомъ, въ тѣхъ вагонахъ, въ которыхъ перевозится скотъ, но лишь немного „приспособленныхъ“. Все приспособленіе состоитъ изъ кое-какъ наскоро сколоченныхъ наръ въ два ряда и небольшой желѣзной печки посрединѣ. Въ этотъ „салонъ“ наталкивается обыкновенно отъ 30 до 40 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей вмѣстѣ.

Скорость переселенческихъ поѣздовъ обыкновенная товарная, съ непрестанными остановками, пережиданіями, удлинняющими путь иногда больше чѣмъ вдвое, по сравненію съ обыкновенными пассажирскими поѣздами.

Такъ какъ переселенческіе поѣзда идутъ чаще всего не по росписанію, то вслѣдствіе этого заготовляемая для переселенцевъ на станціяхъ горячая пища или переваривается или недоваривается, а если и бываетъ готова во-время, то пассажиры не успѣваютъ запастись ею, такъ какъ поѣздъ обыкновенно стремится наверстать опозда-

ніе и очень недолго стоитъ на станціи. Вообще снабженіе переселенцевъ пищей и даже кипяткомъ до сихъ поръ еще не устроено какъ слѣдуетъ, и поэтому продовольствіе переселенцевъ на пути совершается самымъ неправильнымъ образомъ. Антигигіеническія условія, въ которыя поставлено передвиженіе переселенцевъ, сильно отражаются на ихъ здоровьѣ, часто подорванномъ еще народинѣ, вслѣдствіе хроническаго недоѣданія и непосильнаго труда; поэтому-то заболѣваемость и смертность среди персеселенцевъ, находящихся въ пути, и значительно выше, чѣмъ въ остальномъ населеніи.

Раньше, напримѣръ, смертность переселенцевъ въ пути доходила до 6%, а въ главныхъ мѣстахъ скопленія ихъ, — Челябинскѣ и Томскѣ, — смертность была и еще выше.

Въ Челябинскѣ, какъ извѣстно, выстроено нѣсколько бараковъ для пріюта переселенцевъ, но въ годы, когда переселенія особенно усиливаются, мѣста въ этихъ баракахъ хватаетъ далеко не для всѣхъ. Такъ въ 1896 г. бараки не могли вмѣстить всѣхъ скопившихся здѣсь переселенцевъ (около 20 тысячъ) и многимъ изъ нихъ пришлось мокнуть подъ дождемъ и дрогнуть отъ холода въ грязи подъ открытымъ небомъ. Не хватало для всѣхъ нуждающихся и даровыхъ обѣдовъ. Такая чисто собачья жизнь по цѣлымъ недѣлямъ въ наскоро сколоченныхъ палаткахъ-шалашахъ или просто подъ опрокинутыми телѣгами, въ холодѣ, сырости, грязи и часто впроголодь, конечно, не могла не отражаться на здоровьѣ переселенцевъ, среди которыхъ не мало было дѣтей, стариковъ и женщинъ, уже ослабѣвшихъ, а иногда и захворавшихъ въ дорогѣ. Отъ такой жизни въ 1896 г. въ два мѣсяца умерло нѣсколько сотъ человѣкъ народу. Умирали отъ оспы, тифа, дифтерита, дизентеріи, кори и другихъ тяжелыхъ болѣзней. Истомленные въ пути,

истощенные продолжительной голодухой, переселенцы гибли, какъ мухи. Священнику за одинъ разъ приходилось провожать въ могилу по нѣсколько десятковъ мертвецовъ.

Въ Томскѣ, по записямъ врача, завѣдывавшаго переселенческой санитарной станціей, оказалось, что изъ 207 тысячъ переселенцевъ, прошедшихъ черезъ Томскъ за десятилѣтіе съ 1883 по 1892 г., больныхъ было почти одна десятая часть. Больше всего заболѣвали дизентеріей, какъ отъ страшной тѣсноты и духоты на пароходахъ, баржахъ и баркахъ, такъ, главное, отъ плохого питанія. Переселенцы въ теченіе цѣлыхъ 6—8 недѣль пути обыкновенно питаются почти исключительно однимъ черныыъ хлѣбомъ и сухарями и лишь изрѣдка сырой рыбой. По записямъ съ 1887 по 1892 г. видно, что на пути между родиной и Томскомъ заболѣвало 25%, т.-е. одинъ человѣкъ изъ каждыхъ четырехъ; изъ нихъ умирало за то же время, въ среднемъ, 91 человѣкъ на тысячу здоровыхъ, т.-е. болѣе 9% или почти одинъ изъ каждыхъ десяти. (Календарь Сельскаго Вѣстника 1893 г., стр. 136).

Переселенцамъ, ѣдущимъ еще и водой, приходится испытывать не мало добавочныхъ лишеній, такъ сказать, спеціально „водяныхъ“.

Какія бѣды часто приходится терпѣть переселенцамъ, направляющимся на Амуръ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго сообщенія г. К. К. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, № 225 за 1901 г.

„Огромная партія переселенцевъ (въ 600 человѣкъ) Кіевской и Черниговской губерній,—говоритъ корреспондентъ, — выѣхала 1-го іюня изъ Срѣтенска въ Благовѣщенскъ на большомъ пароходѣ. Въ теченіе трехъ четвертей навигаціоннаго движенія Амуръ бываетъ чрезвычайно мелководенъ, что затрудняетъ движеніе судовъ.

Пароходъ, на которомъ ѣхали переселенцы, ежедневно садился на мель; переселенцы высаживались на берегъ, сталкивали сами свой багажъ и ждали на берегу, когда пароходъ снимутъ съ мели.

„Мужчины же кромѣ того помогали командѣ, стоя иногда по поясъ въ водѣ, стаскивать съ мели и самый пароходъ. Одинъ разъ переселенцамъ пришлось протащить на себѣ всѣ свои вещи и всю свою кладь на разстояніи семи верстъ. Во время этихъ злоключеній среди дѣтей началась корь. Багажъ и вещи подмочены и частью попорчены. Долгій путь и тяжелый трудъ постояннаго перетаскиванія тяжелыхъ тюковъ багажа, а также и плохое питаніе переутомили и истощили бѣдныхъ хохловъ.

„Наконецъ, близъ станицы Покровской пароходъ сѣлъ на мель окончательно, и переселенцы вновь были ссажены на берегъ со всѣмъ своимъ скарбомъ.

„Кое-какъ изъ разнаго тряпья и багажа смастерили они себѣ нѣчто похожее на шалаши и стали жить. Въ шалашахъ этихъ едва можно было пріютить отъ непогоды дѣтей, но взрослымъ некуда было дѣться. Здѣсь кончилась у переселенцевъ пища. Они бросились въ единственное жилое мѣсто—станицу Покровку, но тамъ, кромѣ хлѣба, за который казачки просили 10 к. за фунтъ, ничего не было. Имъ предлагали и казенный хлѣбъ за 3 коп., но его рѣдкіе ѣли. Иногда хлѣба и совсѣмъ не хватало. Такъ прожили переселенцы двѣнадцать дней. Отъ недостаточнаго питанія дѣти стали сильно болѣть кровавымъ поносомъ, а также увеличилась и корь. Ежедневно умирало не менѣе двухъ-трехъ ребятъ. Фельдшерица, сопровождавшая партію, не могла оказать никакой помощи: лѣкарства вышли, а хорошей пищи для матерей и дѣтей не было. Когда переселенцамъ стала грозить голодная смерть, они послали телеграмму генералъ-губернатору въ Хабаровскъ. Тогда изъ Благо-

вѣщенска выѣхалъ въ Покровку единственный на всю Амурскую область переселенческій чиновникъ. Но что можетъ сдѣлать тамъ одинъ человѣкъ? Онъ зафрахтовалъ пароходъ и отправилъ несчастныхъ дальше. Багажъ остался въ Покровкѣ подъ открытымъ небомъ. Ни медицинской помощи, ни улучшенія питанія дать на мѣстѣ одному человѣку было невозможно: корь и поносъ уносили жертву за жертвой.

„Лишь 27-го іюня партія прибыла въ Благовѣщенскъ. Часть переселенцевъ высадилась; съ ними же снесли и нѣсколько труповъ. Всего умерло до 80 дѣтей.

Въ Благовѣщенскѣ 27-го іюня я три раза былъ на пароходѣ,— говоритъ г. К. К.,— и каждый разъ видѣлъ одно и то же: бѣдные родители рыдаютъ; другіе неистово кричатъ, рвутъ на себѣ волосы; третьи печально глядятъ на еще не успѣвшихъ умереть малютокъ, а матери плачутъ надъ ними, ожидая смерти.

„Такъ вотъ тѣ условія, — заключаетъ свою замѣтку г. К. К., — въ какихъ ѣдутъ хотя не всѣ, но многіе-многіе амурскіе переселенцы. И помочь имъ некому.

„И послѣ этого,— говоритъ онъ въ заключеніе, — мы рѣшаемся еще называть переселенцевъ плохими колонизаторами. А гдѣ же человѣкъ, потерявшій въ дорогѣ почти всю семью, массу вещей и всѣ деньги, возьметъ энергіи для борьбы съ суровой дѣйствительностью въ новомъ неизвѣстномъ краѣ?“

Впрочемъ за послѣднее время заботы о правильной постановкѣ врачебно-санитарной помощи переселенцамъ, какъ въ пути, такъ и на переселенческихъ пунктахъ, значительно понизили процентъ смертности. Въ 1895 г. число умершихъ въ пути опустилось до 1% общаго числа занесенныхъ въ списки переселенцевъ; въ 1896 г. число умершихъ было уже—0,6%, въ 1897 г.—0,4% въ 1898 г.—0,23% и въ 1899 г. — 0,14%.

Въ настоящее время имѣется въ Сибири 16 врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, расположенныхъ главнымъ образомъ по линіи желѣзной дороги. Въ 1898 г. на всѣхъ этихъ пунктахъ была подана медицинская помощь 109.449 больнымъ (изъ нихъ 47.919 переселенцамъ, 29.184 новоселамъ и 32.346 старожиламъ); продовольственная помощь переселенцамъ на пунктахъ выразилась за тотъ же годъ въ выдачѣ свыше 647.800 порцій горячей пищи, изъ которыхъ 578.402 порціи были розданы безплатно, и въ снабженіи переселенцевъ печенымъ хлѣбомъ въ количествѣ до 80.179 пудовъ.

Благодаря продовольственнымъ неурядицамъ и дороговизнѣ переѣзда, средства переселенцевъ часто истощались уже по прибытіи на одинъ изъ какихъ-либо переселенческихъ пунктовъ. Настигшая нужда часто заставляла переселенцевъ нищенствовать, и они разбредались въ разныя стороны цѣлыми толпами на поиски за работой или подаяніемъ, которыя бы могли имъ дать средства для дальнѣйшаго путешествія на мѣста своего водворенія. Для этого нѣкоторые идутъ нарочно не главнымъ трактомъ, а по деревнямъ, недалеко отъ него. Но сибиряки не любятъ даже пускать къ себѣ переселенцевъ, боясь, чтобы они не занесли къ нимъ заразы.

Вотъ, напримѣръ, какую печальную исторію разсказала переселенческому чиновнику одна баба-переселенка. Шла она съ малыми ребятами и со взрослой дочерью, больной оспою. Холодъ былъ страшный; но куда онѣ не попросятся, обогрѣться не пускаютъ. Прошли одну деревню всю—никто не пустилъ; вернулась назадъ, опять стала проситься и кое-какъ умилостивила одного хозяина лачуги. Обрадовалась, но радость была не долгая; лишь только успѣли войти въ избу и вта-

щить на печь больную, какъ хозяинъ сію же минуту, боясь заразы, поднялся и съ бранью выпихнулъ ихъ вонъ изъ избы. А снаружи морозъ, буря воетъ. Ребятишки подняли вой, а продрогшая больная дѣвушка кричитъ въ отчаяніи: „Охъ, маменька, родименькая, долго ли это я буду тираниться и мучить васъ, лучше скорѣй умереть... мерзну, милая маменька... зачѣмъ ты меня родила, кормила... Охъ мерзну“... Если въ эту ночь онѣ не замерзли, то только потому, что сельскій староста помѣстилъ ихъ въ банѣ. Дѣвушка все же простудилась и вскорѣ умерла. Бываютъ случаи и еще болѣе ужасные.

Въ календарѣ „Сельскаго Вѣстника“ разсказывается, что въ голодную зиму 1891—1892 г. въ Каинскомъ округѣ, въ селѣ Спасскомъ, на кладбищѣ нашли двухъ дѣтей, брошенныхъ переселенцами. Говорили еще, что одна мать съ горя и отчаянія придушила дорогой своего ребенка, а себя зарѣзала.

Часто отецъ и мать умираютъ на пути, а дѣти остаются сиротами въ полѣ и сидятъ съ мертвецомъ, пока ихъ кто-нибудь не замѣтитъ и не подберетъ изъ жалости.

Въ такомъ положеніи, конечно, оказывались чаще всего тѣ семьи, которыя выручали на родинѣ ничтожную сумму за свое „хозяйство“ и отправлялись въ Сибирь на легкѣ, на „авось“, надѣясь на помощь Божью и добрыхъ людей. Особенно было тяжело положеніе этихъ несчастныхъ, когда они, наконецъ, добирались до мѣстъ своего водворенія; туда они приходили въ лохмотьяхъ, безъ куска хлѣба и безъ копейки денегъ.

Годъ отъ году толпы застрявавшихъ на пунктахъ и разбредавшихся по дорогамъ нищенствующихъ переселенцевъ все увеличивались и заставили, наконецъ, пра-

вительство обратить серьезное вниманіе на свое крайне бѣдственное положеніе.

Однако правительство долго колебалось вступить на путь оказанія денежной помощи бѣдствующимъ переселенцамъ, какъ въ пути, такъ и на мѣстахъ водворенія, опасаясь, чтобы „оказываемыя переселенцамъ вспомоществованія не вселили въ нихъ, а черезъ нихъ и въ оставшихся на родинѣ ихъ родственниковъ и земляковъ увѣренности, что въ Сибири, благодаря помощи правительства, можно легко устроиться безъ всякихъ собственныхъ затратъ“. Суммы на выдачу пособій и ссудъ переселенцамъ стали отпускаться лишь съ 1884 г., когда особенно увеличилось переселенческое движеніе. Въ 1884 г. было отпущено для этой надобности 40 тысячъ рублей, но уже въ слѣдующемъ году и по 1887 г. эта сумма уменьшена была ровно на половину. Съ 1890 г. правительство снова утверждается въ мысли о необходимости такого рода пособій переселенцамъ и съ этого года по 1896 г. ежегодно стало ассигновывать уже по 120 тысячъ рублей. За шестилѣтіе съ 1894—1899 г. всего на ссуды было ассигновано (включая ассигнованіе и на 1900 г.)—$8^1/_2$ милліоновъ, при чемъ размѣръ годовыхъ ассигнованій подвергся замѣтному возрастанію—съ 300.000 р. на 1894 г. до 1.600.000 на 1899 г. и 1.400.000 р. на 1900 г.

Однако на первыхъ порахъ право на ссуды получали только тѣ переселенцы, которые переселялись въ Сибирь съ разрѣшенія правительства; на самовольныхъ переселенцевъ право это не распространялось до 1890 г.

Насколько нуждались переселенцы въ такого рода ссудахъ и пособіяхъ, видно изъ свѣдѣній, полученныхъ при переписѣ переселенцевъ, водворенныхъ въ Западной Сибири до 1893 г. Оказалось, что такія ссуды были выданы почти половинѣ всѣхъ опрошенныхъ дворовъ;

въ Тобольской губерніи число дворовъ, получившихъ пособія, составило 55% общаго количества переписанныхъ хозяйствъ, а въ Томской—46%.

Правила о пособіяхъ пересматривались правительствомъ нѣсколько разъ. Теперь установлено, что главнѣйшей цѣлью правила эти должны имѣть въ виду „доставленіе новоселамъ возможности въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлаться исправными плательщиками податей".

Надо надѣятся, что хоть эта точка зрѣнія, усвоенная теперь правительствомъ, устранитъ дальнѣйшія его колебанія въ этомъ направленіи.

Ссуды, по правиламъ 1899 г., подраздѣляются: 1) на путевыя (теперь до 30 руб.; прежде выдавалось 50 р.), 2) на хозяйственное устройство и обзаведеніе (до 100 р.), 3) на продовольствіе и посѣвъ (по 30 ф. на ѣдока-неработника и сѣменами не болѣе, какъ на двѣ десятины посѣва) и 4) на постройку жилищъ (лѣснымъ матеріаломъ, натурой, или деньгами, въ размѣрѣ стоимости отпускаемаго въ другихъ мѣстахъ лѣсного матеріала).

Право на полныя ссуды получаютъ, по правиламъ 1899 г., только переселенцы, пріѣхавшіе съ разрѣшенія; самовольнымъ же переселенцамъ путевыя ссуды совсѣмъ не выдаются, а прочія ссуды изъ вышеперечисленныхъ выдаются въ уменьшенномъ размѣрѣ по „усмотрѣнію" крестьянскихъ начальниковъ, которые или сами завѣдуютъ выдачей такихъ ссудъ или сильно вліяютъ на опредѣленіе ихъ размѣровъ.

По мнѣнію правительства, это ограниченіе права самовольныхъ переселенцевъ на ссуды можетъ представить собою одно изъ средствъ для сдерживанія самовольнаго движенія.

Однако неуменьшившееся число самовольныхъ переселеній и послѣ изданія правилъ о ссудахъ, еще разъ

говорить о безсиліи всякихъ ограничительныхъ мѣръ сдержать стихійный процессъ, вызванный кореннымъ разстройствомъ крестьянскаго хозяйства въ Европейской Россіи.

Ссуды выдаются на срокъ отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ; возвратъ ссудъ опредѣленъ въ формѣ срочныхъ ежегодныхъ взносовъ, зачисляемыхъ, въ случаѣ неуплаты въ теченіе года, на заемщикахъ недоимкою; въ исключительныхъ случаяхъ сроки возврата ссудъ удлиняются даже до 20 лѣтъ.

Излишнія формальности при выдачѣ ссудъ переселенцамъ, а также „усмотрѣніе" крестьянскихъ начальниковъ при опредѣленіи размѣра ссудъ, сильно затрудняютъ пользованіе ими и иногда ведутъ только къ излишнему обремененію переселенцевъ долгами.

Между тѣмъ переселенцы, собственно говоря, ежегодно почти полностью возвращаютъ расходуемую на нихъ въ видѣ ссудъ сумму въ формѣ расходовъ на проѣздъ. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго разсчета. Въ 1898 г. общая сумма путевыхъ расходовъ переселенцевъ опредѣлена была въ 1.199.000 руб.; сумма эта при сопоставленіи ея съ суммой, ассигнованной въ томъ же году на воспособленіе переселенцамъ— 1.400.000 руб., составитъ 82,3% этой послѣдней.

Правда, что плата за проѣздъ не является чистымъ доходомъ казны, такъ какъ изъ нея слѣдуетъ вычесть расходы по желѣзнодорожному движенію, ремонту подвижного состава и т. п., но, однако, не слѣдуетъ забывать, что уже оплаченныя объясненнымъ способомъ ссуды переселенцамъ будутъ снова черезъ нѣсколько лѣтъ возмѣщены казнѣ.

Такимъ образомъ рекомендуемая правительствомъ мѣстному начальству осторожность при назначеніи ссудъ, является совершенно излишней, по крайней мѣ-

рѣ по отношенію къ соображеніямъ чисто финансоваго свойства.

Къ затрудненіямъ, вызываемымъ несвоевременнымъ полученіемъ ссуды, выдаваемой при томъ же часто въ недостаточныхъ размѣрахъ, присоединялся еще часто и неудачный выборъ переселенческимъ начальствомъ земель для поселенія.

Наплывъ переселенцевъ обыкновенно опережаетъ работы по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ и, благодаря этому обстоятельству, новоприбывшихъ часто водворяли на такихъ земляхъ, которыя совершенно не подходили по своимъ свойствамъ къ землямъ, которыя переселенцы обрабатывали у себя на родинѣ. Такъ, напр., выходцевъ изъ лѣсной полосы часто поселяли на степныхъ пространствахъ, а бывшимъ обитателямъ степной полосы отводились участки, покрытые „тайгой“ или „урманами“ и т. п.

Правда, съ 1893 г. дѣло размежеванія земель подъ переселенческіе участки нѣсколько упорядочилось, но все же въ этомъ направленіи еще остается желать очень и очень многаго. Въ настоящее время чинами поземельно - устроительныхъ партій предпринято всестороннее изслѣдованіе таежныхъ, урманныхъ и степныхъ пространствъ Сибири. Поднятъ также вопросъ и объ осушеніи, объ обводненіи громадныхъ земельныхъ пространствъ, пока еще непригодныхъ къ заселенію, но, разумѣется, болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ—дѣло будущаго и, вѣроятно, не близкаго будущаго; ужъ слишкомъ широки задачи, намѣченныя правительствомъ—съ одной стороны, и черезчуръ въ узкія канцелярски-чиновническія рамки поставлено ихъ выполненіе,—съ другой, чтобы можно было ждать скораго и правильнаго разрѣшенія намѣченныхъ задачъ.

Яркимъ подтвержденіемъ сказаннаго служатъ обратныя переселенія, составляющія до сихъ поръ еще значительный процентъ прямыхъ переселеній.

Общее число обратныхъ переселеній въ 1896 г. составляло 11% всего движенія впередъ, въ 1897 г.—18% и въ 1898 г.—12,5%, что въ переводѣ на реальныя цифры даетъ отъ 3-хъ до 10 тысячъ обратныхъ переселенцевъ, въ среднемъ, ежегодно. Въ 1896 г. вернулось обратно въ Россію даже 24.000 человѣкъ, что видно изъ циркуляра мин. вн. дѣлъ отъ 20 января 1897 г.*). Большая часть обратныхъ переселенцевъ возвращается изъ Сибири, не проживши тамъ и одного года. Изъ 5349 семей, вернувшихся въ Европейскую Россію въ 1895 и 1896 гг.—77% прожили въ Сибири менѣе года, 19% прожили до 3-хъ лѣтъ и только около 4% прожили больше 3-хъ лѣтъ.

Самой главной причиной возвращенія переселенцевъ изъ Сибири служитъ неимѣніе у нихъ предварительнаго разрѣшенія. По этой причинѣ въ 1897 г. возвратилось 60% всѣхъ обратныхъ. Остальные возвратились или вслѣдствіе недостатка средствъ или вслѣдствіе неподходящихъ свойствъ земли въ отведенныхъ имъ участкахъ. Случается также, что этихъ несчастныхъ жертвъ русскаго переселенія гонитъ обратно разочарованіе, испытанное ими на „новыхъ мѣстахъ" послѣ цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ, падежа скота и т. п. Иногда переселенцевъ охватываетъ жгучая тоска по покинутой родинѣ, что случается особенно часто съ

---

*) Въ текущемъ 1901 г., по даннымъ переселенческаго управленія, за время съ 1-го января по 7-е сентября, обратныхъ переселенцевъ было 25% (изъ 77.774 душъ об. п. 19.728 д. об. п.) Такой высокій процентъ обратныхъ объясняется главнымъ образомъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ, постигшимъ въ минувшемъ году многія мѣстности Сибири и повторившимся и въ настоящемъ году.

женщинами, — и по этой причинѣ семьи покидаютъ иногда даже уже наладившееся хозяйство и бѣгутъ изъ Сибири на милую сердцу „родимую сторону“.

„Самое трагическое въ судьбѣ обратныхъ переселенцевъ, — говоритъ г. С. Ф., въ цитированной уже нами статьѣ, помѣщенной въ № 6 „Русск. Бог.“ за текущій годъ, — это ихъ безпомощность и въ экономическомъ и въ юридическомъ отношеніи.

„Если вообще экономическое положеніе русскаго переселенца заставляетъ желать многаго, — говоритъ онъ, — то обратные переселенцы мало чѣмъ отличаются отъ нищихъ. Уже по одному наружному виду всегда можно отличить обратныхъ переселенцевъ отъ ѣдущихъ впередъ. Одѣтые въ жалкіе лохмотья, среди которыхъ привычный глазъ всегда отмѣтитъ части костюма сибирскаго и русскаго происхожденія, обратные поражаютъ своимъ подавленнымъ видомъ. За рѣдкими исключеніями, у нихъ вы не найдете багажа, они плохо питаются, чаще хворають и всѣ ихъ заботы направлены къ тому, какъ бы поскорѣе выбраться изъ Сибири. Ихъ разсказы о Сибири полны самыхъ невѣроятныхъ ужасовъ объ этой окраинѣ и неудивительно, что нѣкоторые изъ ѣдущихъ въ Сибирь, наслушавшись разсказовъ обратныхъ, не выдерживаютъ и возвращаются назадъ прямо съ пути. На вопросъ, что они думаютъ дѣлать на родинѣ, только немногія счастливыя семьи, не распродавшія своего имущества, указываютъ на оставшуюся собственность, большинство же обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Это люди вполнѣ разорившіеся, но еще не успѣвшіе привыкнуть къ своему разоренію.

Не менѣе печально и юридическое положеніе обратныхъ переселенцевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые передъ уходомъ въ Сибирь порвали съ родиной не только имущественную, но и формальную связь, припи-

савшись къ одному изъ сибирскихъ сельскихъ обществъ. Столкновенія, возникающія на этой почвѣ между вернувшимися изъ Сибири и оставшимися на родинѣ, еще болѣе отягчаютъ и безъ того бѣдственное положеніе обратныхъ, вернувшихся домой“ (стр. 138).

Трудно подробно описать, что обратнымъ переселенцамъ приходится выносить въ пути. Бываетъ такъ, что пошла съ родины семья изъ восьми человѣкъ, а возвратилась только изъ двухъ: шестеро другихъ умерло по дорогѣ. Да и на родинѣ принимаютъ обратныхъ непривѣтливо: вѣдь они пришли ни къ чему и съ собой ничего не принесли, кромѣ голодныхъ желудковъ и истощеннаго тѣла... А такіе кому они нужны?.. Нищенство — вотъ единственный выходъ изъ такого ужаснаго положенія, если нищенство можно считать за выходъ.

Въ 1899 г. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право разрѣшать, по ходатайству мѣстныхъ властей, новоселамъ сибирскихъ губерній возвращеніе въ ихъ прежнія сельскія общества Европейской Россіи безъ предварительнаго полученія пріемныхъ приговоровъ отъ этихъ обществъ и съ переводомъ по мѣсту ихъ жительства числящихся на переселенцахъ недоимокъ и полученныхъ ими изъ казны пособій на ихъ личную отвѣтственность. Это распоряженіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, несомнѣнно, можетъ избавить многія семьи обратныхъ отъ излишнихъ расходовъ и непріятностей.

IX.

Условія переселенія въ восточныя окраины Сибири — Амурскую и Приморскую области. Условія переселенія въ Алтайскій округъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію, какъ переселенцы устраиваются на новыхъ мѣстахъ, скажемъ нѣсколько

словъ объ условіяхъ заселенія восточной окраины Сибири — Амурской и Приморской областей и Алтайскаго округа въ Западной Сибири.

Въ виду соображеній чисто политическаго характера законодательство о переселеніяхъ въ восточную окраину Сибири получило вполнѣ опредѣленный характеръ уже къ началу 60-хъ годовъ.

Въ 1861 г. были изданы „Правила для поселенія русскихъ и иностранцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ", составленныя генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири графомъ Муравьемымъ-Амурскимъ.

Правилами этими разрѣшалось переселеніе въ этотъ край всѣмъ вообще желающимъ какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, имѣющимъ право на переселеніе и могущимъ совершить его за собственный счетъ безъ пособія со стороны правительства.

Изъявившимъ желаніе переселиться былъ предоставленъ выборъ какъ способа водворенія, такъ и самаго характера ихъ поземельныхъ отношеній, т.-е. пріобрѣтенія земли (отдѣльными семьями или цѣлыми обществами) на правѣ или временнаго пользованія (съ правомъ выкупа своихъ участковъ съ уплатой по 3 руб. за десятину) или же въ полную собственность. Величина надѣла на каждую семью была опредѣлена здѣсь въ 100 десятинъ, при чемъ переселенцы освобождались навсегда отъ подушныхъ податей, отъ рекрутской повинности на 10 л., и отъ платы за пользованіе землею на 20 лѣтъ.

Естественно, что подобныя льготы вызвали не мало желающихъ переселиться на Амуръ. Такъ съ апрѣля 1861 г. до конца того же года изъ одной лишь Самарской губерніи пожелало переселиться 3.140 ревизскихъ душъ. Много было желающихъ также изъ Вятской, Воронежской, Тамбовской и Астраханской губерній. Въ періодъ времени съ 1861 по 1864 г. губернатору Амур-

ской области было подано прошеній о переселеніи отъ довѣренныхъ 7000 крестьянъ.

Такое стремленіе къ переселеніямъ испугало правительство: оно побоялось, что выселенія изъ многоземельныхъ губерній повлекутъ за собой недостатокъ въ рабочихъ рукахъ на мѣстѣ, и циркуляромъ ограничило переселеніе, воспретивъ переселеніе тѣмъ семьямъ, которыя имѣли на родинѣ въ общей сложности болѣе 5 десятинъ земли на душу и тѣмъ изъ малоземельныхъ, которыя не имѣли достаточныхъ средствъ для совершенія всего пути на свой счетъ.

Но стремленіе къ переселенію на Амуръ все же не уменьшалось приблизительно до 1868 года; въ первой половинѣ 60-хъ годовъ число переселенцевъ на Амуръ доходило до 1000—1500 человѣкъ въ годъ. Въ долинахъ р. Амура и его притока р. Уссури, въ политическихъ соображеніяхъ, поселено было до 14 тысячъ казаковъ Забайкальскаго войска и до 2500 человѣкъ изъ штрафныхъ нижнихъ чиновъ корпуса внутренней стражи. Въ 1861 г. изъ нихъ основано было Амурское казачье войско, часть котораго въ свою очередь уже въ 1889 г. была выдѣлена въ самостоятельное войско подъ названіемъ „Уссурійскаго“.

Переселенія въ Южно-Уссурійскій край, расположенный къ югу отъ линіи, соединяющей истоки р. Сунгари съ заливомъ св. Владиміра, начались почти одновременно съ переселеніями въ Амурскую область. Однако переселенцы неохотно направлялись въ этотъ отдаленный край, гдѣ много имѣлось мѣстъ, неподходящихъ для земледѣлія. Въ 1866 г. для привлеченія сюда переселенцевъ были установлены льготы, заключавшіяся въ выдачѣ ссудъ до 100 руб. на семью и запаса продовольствія на годъ, а также въ предоставленіи выбора мѣста поселенія. Льготы эти привлекли сюда массу пе-

реселенцевъ, и въ теченіе 1865—1869 гг. здѣсь было водворено до 920 душъ обоего пола. Въ 70-хъ годахъ наплывъ переселенцевъ ослабѣлъ: ежегодныя цифры переселенцевъ колебались между 12 и 80 душами обоего пола и лишь въ 1872 г. сюда переселилось 211 душъ.

Кромѣ русскихъ переселенцевъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ еще съ начала 60-хъ годовъ начали селиться выходцы изъ сосѣдней Кореи, число которыхъ уже въ 1868 г. превысило 1400 душъ.

Однако вслѣдствіе начавшихся политическихъ осложненій съ Китаемъ, а также и предпринятой послѣднимъ, въ связи съ этимъ, усиленной колонизаціи пограничной съ Приморской областью полосы Манчжуріи, правительство нашло необходимымъ нѣсколько видоизмѣнить правила 1861 г. о переселеніи въ этотъ край. Разумѣется, измѣненія эти коснулись главнымъ образомъ переселенія въ Приморскую область „иностранцевъ", т.-е. корейцевъ, китайцевъ, манчжуръ, которые представляли изъ себя, по мнѣнію правительства, прекрасный горючій матеріалъ при всякаго рода волненіяхъ. Поэтому законъ 1882 г., продолжившій дѣйствіе правилъ 1861 г. о заселеніи еще на 10 лѣтъ, по отношенію къ иностранцамъ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что „всѣ вообще льготы, опредѣленныя правилами 1861 г., для сельскихъ переселенцевъ, не предоставляются иностранцамъ, водворившимся въ Амурской и Приморской областяхъ послѣ 27-го апрѣля 1881 г., при чемъ предоставлялось усмотрѣнію генералъ-губернатора распространять такія льготы на иностранцевъ лишь „въ заслуживающихъ особаго уваженія случаяхъ".

Въ 1892 г. дѣйствіе правилъ 1861 и 1882 г. о льготахъ переселенцамъ при водвореніи было продолжено. Однако переходъ земель въ частныя руки былъ закономъ 1892 г. ограниченъ 400 десятинами, при чемъ,

по особому разрѣшенію генералъ-губернатора, размѣръ этотъ могъ быть увеличенъ до 1000 десятинъ, въ случаѣ „полезныхъ для края надобностей“, какъ напр. заведенія промышленныхъ предпріятій и т. п.

Въ 1895 г. положеніемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, вслѣдствіе начавшейся въ этомъ краѣ усиленной скупки земель съ спекулятивными цѣлями, была совершенно воспрещена продажа казенныхъ земель въ районѣ Уссурійской желѣзной дороги и проэктированной тогда Амурской линіи (въ разстояніи 100 верстъ по ту и другую сторону желѣзнодорожной линіи). Вопросъ о безусловномъ воспрещеніи продажи казенныхъ земель въ этомъ краѣ не былъ разрѣшенъ вслѣдствіе воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о выработкѣ общихъ предположеній по вопросу о насажденіи въ Сибири частнаго землевладѣнія. Вопросъ этотъ 8-го іюля 1901 г. разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ. На этомъ новомъ законѣ, называющемся „Правилами объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири“ ниже мы остановимъ нѣсколько дольше вниманіе читателей.

Переселенцы, направлявшіеся за послѣднее двадцатилѣтіе сухимъ путемъ на восточную окраину, селились главнымъ образомъ въ Южной части Амурской области, на обширной и низменной равнинѣ, ограниченной съ юга р. Амуромъ, съ запада его притокомъ — р. Зеей, съ востока — р. Буреей, другимъ притокомъ рѣки Амура и, наконецъ, съ сѣвера — р. Бармой.

Съ 1883 г. по 1899 г. включительно здѣсь осѣло 4270 переселенческихъ семей, при чемъ на 1894 г. приходилось 1028 семей.

Но это число составляетъ лишь немногимъ болѣе половины всего числа переселенцевъ, первоначально направлявшихся на Амуръ. По записямъ оказалось, что

на пути между Томскомъ, Ачинскомъ и Благовѣщенскомъ, за періодъ времени съ 1888—1896 гг., терялось до 46% общаго числа переселенцевъ, шедшихъ на Амуръ. Причины этого явленія заключались отчасти въ трудности пути черезъ весь Азіатскій материкъ, отчасти въ нахожденіи на пути подходящихъ земель или заработковъ, но главнымъ же образомъ въ слухахъ обратныхъ переселенцевъ о неудобствѣ земель и вообще о земельномъ нестроеніи въ Амурской области.

Дѣло въ томъ, что и здѣсь, какъ и въ Западной Сибири, поземельно-устроительныя работы отставали отъ переселенческаго движенія, и до послѣдняго времени здѣсь не было образовываемо участковъ ни для крестьянскихъ обществъ, ни для отдѣльныхъ семействъ. Съ 1894 г. въ Амурскую область ежегодно стали командировать одного изъ землемѣровъ для осмотра мѣстъ удобныхъ для заселенія и для образованія переселенческихъ участковъ; а съ 1897 г. амурскимъ переселенцамъ стали выдаваться и пособія (до 150 руб. на семью; изъ нихъ 75 руб. выдавалось еще при слѣдованіи въ область для пріобрѣтенія перевозочныхъ средствъ). Съ 1889 г. новоселамъ началъ производиться безплатный отпускъ казеннаго лѣса.

Правомъ выкупа своихъ участковъ, предоставленнаго амурскимъ переселенцамъ закономъ 1861 г., воспользовалось очень мало лицъ. Общее число частновладѣльческихъ участковъ составляло въ 1897 г. 418, изъ которыхъ формально обмежевано было 353; участки эти принадлежали 278 лицамъ, изъ нихъ 153 было мѣщанъ, 97 крестьянъ, 19 — купеческаго сословія и 7 — дворянъ.

Участки эти расположены преимущественно вблизи г. Благовѣщенска (по такъ называемой Зейской равнинѣ). Общая площадь земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность этими лицами, составили въ 1897 г. 41.199 деся-

тинъ, изъ которыхъ на долю крестьянъ приходилось всего 8.904 десятины (изъ 965.096 десятинъ, находившихся въ общественномъ пользованіи крестьянъ Амурской области). Ничтожность этой цифры выкупленныхъ участковъ объясняется отчасти затрудненіями, созданными закономъ 1895 г. по отчужденію земель, но главнымъ образомъ — крайне экстенсивнымъ характеромъ мѣстнаго землепользованія.

Благодаря благопріятнымъ, въ общемъ, условіямъ, какъ естественнымъ, такъ и хозяйственнымъ, благосостояніе переселенцевъ этого края сравнительно выше, нежели въ другихъ частяхъ Сибири.

Заселеніе Южно-Уссурійскаго округа Приморской области, также по политическимъ соображеніямъ, началось съ конца 70-хъ годовъ.

Кромѣ политическаго, значеніе заселенія этого края заключалось еще и въ доставленіи возможности облегчить для мѣстныхъ властей прокормленіе расположенныхъ въ краѣ войскъ, что въ свою очередь, могло бы устранить доставку провіанта изъ Европейской Россіи кругосвѣтнымъ путемъ, дорогимъ въ мирное время и невозможнымъ въ случаѣ войны съ какой-либо морской державой.

Въ виду этихъ соображеній правительство особенно заботливо относилось къ заселенію Южно-Уссурійскаго края. Цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ для этого края узаконеній и циркуляровъ оно старалось облегчить переселенцамъ и самый путь и пребываніе ихъ на мѣстахъ поселенія въ первое время.

Съ этой цѣлью правительство организовало морскую перевозку переселенцевъ и предоставило имъ закономъ 1882 г. значительныя льготы при водвореніи. Въ силу этого закона, переселенцы освобождались въ теченіе 5 лѣтъ отъ государственной повинности, а въ цѣляхъ

обезпеченія землей были установлены для нихъ два надѣла — высшій въ 100 десятинъ на дворъ и низшій въ 15 десятинъ на душу,—съ правомъ выкупа его въ собственность, по цѣнѣ въ 3 руб. за десятину. Кромѣ того для переселенцевъ была установлена цѣлая система безвозвратныхъ пособій, состоявшихъ въ заготовкѣ для нихъ матеріаловъ для постройки жилищъ (на сумму по 100 руб. на семью), живого инвентаря (по 1 лошади и по 1 коровѣ), сѣмянъ и предметовъ, необходимыхъ для хозяйственнаго обзаведенія (земледѣльческихъ орудій, плотническихъ инструментовъ, дверныхъ наборовъ и т. д.). Была ассигнована особая сумма на постройку бараковъ для временнаго помѣщенія переселенцевъ во Владивостокѣ и на устройство склада домашнихъ и хозяйственныхъ орудій для продажи ихъ переселенцамъ или выдачи имъ въ долгъ. Наконецъ, отпускалось даже 1000 руб. на случай, если по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ партія переселенцевъ запоздаетъ къ сѣнокосу и потребуется своевременно заготовить сѣно наемнымъ трудомъ, чтобы предотвратить недоброкачественность корма, вслѣдствіе поздней косьбы.

Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги признано было въ 1893 г. желательнымъ всестороннее выясненіе общихъ вопросовъ заселенія этого края, а именно: 1) о порядкѣ изслѣдованія остающихся еще малоизвѣстными частей Уссурійскаго края, 2) объ устройствѣ въ немъ землемѣрной части и 3) о размѣрѣ переселенческихъ участковъ на будущее время.

Однако благожелательныя распоряженія центральнаго правительства часто сталкивались съ равнодушіемъ къ переселенческому дѣлу со стороны мѣстнаго начальства. Чаще всего чиновники мѣстныхъ органовъ переселенческаго управленія ограничивались лишь пріемомъ переселенцевъ во Владивостокъ и направленіемъ ихъ на

мѣста, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, были свободные участки, предоставляя переселенцевъ въ дальнѣйшемъ ихъ собственной судьбѣ. На мѣстахъ водворенія мѣстная полиція также не находила нужнымъ давать переселенцамъ какія бы то ни было указанія, ссылаясь на то, что попеченіе о нихъ не входило въ кругъ ихъ прямыхъ полицейскихъ обязанностей,—и бѣдные переселенцы, покинутые всѣми своими опекунами, такимъ образомъ принуждены были блуждать, какъ въ темномъ лѣсу, терпя всевозможныя невзгоды и лишенія.

Въ настоящее время заботы о переселенцахъ возложены на особыхъ чиновниковъ, которые и даютъ переселенческимъ партіямъ необходимыя указанія.

Однако за послѣднее время благожелательное настроеніе правительства смѣнилось „осторожнымъ“ отношеніемъ къ дѣлу переселенія и въ Южно-Уссурійскій край. Такъ съ 1900 г. образуемые здѣсь переселенческіе участки будутъ разсчитываться по 15 десятинъ на душу мужского пола, а предѣльный размѣръ ссуды опредѣленъ вмѣсто прежнихъ 600 руб. въ 500 руб. *).

Общее число переселенцевъ, прибывшихъ въ Южно-Уссурійскій край въ промежутокъ времени съ 1883 г. по 1899 г. включительно было болѣе 5.000 семей, состоявшихъ изъ 42.253 душъ обоего пола. Численность русскаго населенія Южно-Уссурійскаго края составляла къ 1-му января 1899 г. — 46.865 душъ обоего пола, занимавшихъ 118 селеній, большая часть которыхъ расположена на равнинѣ, прилегающей къ озеру Ханка и на его продолженіи къ югу, въ долинѣ р. Суйфуна, впадающаго въ заливъ Амурскій.

---

*) Въ настоящее время циркуляромъ Минист. внутр. дѣлъ выдача пособій крестьянамъ, переселяющимся въ Уссурійскій край, совсѣмъ прекращена („Русск. Вѣдом.“, 1901 г., № 278).

Изъ общаго числа водворившихся въ 1898 г. переселенцевъ до 83% селились въ деревняхъ старожиловъ и лишь 17% основывали новые поселки. Изъ всего числа переселенцевъ, прибывшихъ въ край за 1886—1898 гг. 80% сразу удовлетворились найденными мѣстами, 19% мѣняли ихъ дважды и 30% —трижды.

Хозяйство уссурійскихъ переселенцевъ шло въ общемъ довольно успѣшно. Въ 1898 г., напримѣръ, средняя величина посѣвной площади на дворъ достигала 5 десятинъ, а среднее число головъ рогатаго скота доходитъ до 3,3. Вообще условія хозяйственной жизни въ Южно-Уссурійскомъ краѣ такъ же относительно благопріятны, какъ и въ Амурской области; цѣны на хлѣбъ здѣсь довольно высоки, такъ какъ мѣстнаго хлѣба не хватаетъ для прокормленія городскаго населенія и мѣстныхъ войскъ.

Но, несмотря на это, земельные участки не охотно пріобрѣтаются въ собственность и въ этомъ краѣ. Изъ 105 частновладѣльческихъ участковъ, занимающихъ площадь 14674 десят., на долю крестьянъ къ 1-му января 1899 г. приходилось всего лишь 38 съ 4899 десятинъ; остальные же участки принадлежали мѣщанамъ и купцамъ. Впрочемъ за послѣднее время, съ проведеніемъ желѣзной дороги, спросъ на земли значительно увеличился. Однако увеличеніе это объясняется не желаніемъ завести хозяйство въ этихъ мѣстахъ, поставленныхъ проводимой здѣсь желѣзной дорогой въ болѣе благопріятныя для хозяйства условія, а почти исключительно спекулятивными цѣлями, т.-е. земли скупаются съ цѣлью перепродажи ихъ впослѣдствіи, такъ какъ цѣны на нихъ неминуемо должны подняться съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Этимъ-то обстоятельствомъ и было вызвано въ 1895 г., о чемъ мы упоминали выше, запрещеніе продажи казен-

ныхъ земель въ полосѣ, расположенной на 100 верстъ по обѣ стороны желѣзнодорожной линіи, т. - е. въ мѣстахъ, гдѣ повышеніе цѣнъ на земли ожидается самое большое.

Однако, и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, конечно, далеко не всѣ переселенцы устраиваются хорошо. Многіе изъ нихъ, пробившись нѣсколько лѣтъ, возвращались обратно на родину. Такъ, напримѣръ, даже въ теченіе этого лѣта было нѣсколько случаевъ обратнаго возвращенія переселенцевъ изъ Южно-Уссурійскаго края. По сообщенію „Русск. Вѣд.“ (№ 170, 1901 г.),—по приблизительному разсчету проѣхало оттуда черезъ Омскъ въ началѣ іюня текущаго года до 500 семей, т.-е. около 3000 душъ обоего пола, но, по словамъ проѣхавшихъ, много обратныхъ переселенцевъ изъ Уссурійскаго края находится еще въ пути до Омска.

„Въ числѣ проѣхавшихъ,—говорится въ сообщеніи,— есть семьи, прожившія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ двa-три года, есть такія, которыя проѣхали туда въ прошломъ году, но есть семьи, которыя только нынче весной оставили свою родину, успѣли побывать въ Уссурійскомъ краѣ и теперь снова возвращаются въ Европейскую Россію. Изъ этой послѣдней категоріи особенно поучительна судьба пяти семей, въ количествѣ 28-ми душъ изъ с. Сохнь, Бердичевскаго у., Кіевской губ. Получивъ разрѣшеніе на переселеніе, сохновцы въ половинѣ февраля выѣхали съ родины въ Одессу, а оттуда моремъ во Владивостокъ. Во Владивостокъ сохновцы пріѣхали 20-го апр. и сразу же начали осматривать предлагаемые участки земли въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Это было во время половодья, и, къ великому ужасу сохновцевъ, всѣ предлагаемые участки оказались залитыми водой. Сохновцевъ кромѣ того напугали разсказы о страшной дороговизнѣ хлѣба (10—11 к. фунтъ),

мяса (40—45 к. ф.), скота (плохая лошадь—300 руб.), и все это вмѣстѣ такъ устрашило ихъ, что они наотрѣзъ отказались остаться въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и просили начальство дать имъ возможность осмотрѣть мѣста по Амуру или въ Сибири. Но переселенческая администрація не нашла возможнымъ удовлетворить этой просьбы и вмѣсто того выдала сохновцамъ проходное свидѣтельство прямо на родину, въ Кіевскую губ. Сохновцамъ ничего другого не оставалось дѣлать, и они поѣхали обратно. Это путешествіе стоило сохновцамъ очень дорого, около 1000 руб. на семью. На родинѣ передъ отъѣздомъ они все распродали, все вырученное прожили и теперь возвращаются безъ копейки денегъ съ одной надеждой на заработки у помѣщиковъ".

Кромѣ выходцевъ изъ Европейской Россіи, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ не мало еще находится корейцевъ и китайцевъ. Общее число корейцевъ, зачисленныхъ въ посемейные списки селеній и владѣющихъ землею на законномъ основаніи, составляло по 1-е января 1899 г. 13.888 душъ, изъ коихъ 8.514 чел. населяютъ пограничный Посьетскій участокъ. Общее число осѣдлыхъ китайцевъ превышаетъ въ краѣ 2000 чел.

Эти группы засельщиковъ являются самыми ненадежными въ политическомъ отношеніи. Мы уже говорили, что, по мнѣнію правительства, они представляютъ прекрасный горючій матеріалъ при всякаго рода враждебныхъ вспышкахъ. Поэтому-то правительствомъ не разъ возбуждался вопросъ о выселеніи корейцевъ и китайцевъ съ пограничной полосы внутрь страны; но связанныя съ этимъ разнаго рода затрудненія и до сихъ поръ оставляютъ вопросъ открытымъ.

Заселеніе Сѣверно-Уссурійскаго края, именно южной окраины Хабаровскаго округа Приморской области, рѣ-

шено было еще въ 1885 г., собственно въ цѣляхъ обезпеченія продовольствіемъ города Хабаровска, какъ административнаго и военнаго центра края. Но фактически заселеніе его началось лишь съ 1892 г. Къ осени 1897 г. здѣсь уже образовалось семь деревень, расположившихся по берегамъ р. Амура, по нижнему теченію р. Уссури и по ея притокамъ. Успѣшному устройству переселенцевъ въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ въ значительной степени содѣйствуетъ близость г. Хабаровска и желѣзная дорога. Надо думать, что съ окончаніемъ Сибирской дороги приливъ сюда переселенцевъ значительно увеличится. Въ виду этого правительство въ 1899 г. рѣшило направить сюда развѣдочную партію съ цѣлью опредѣленія подходящихъ для поселенія мѣстъ и нарѣзки переселенческихъ участковъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о заселеніи такъ называемаго Алтайскаго округа. Алтайскій округъ занимаетъ южную и юго-восточную части Томской губерніи, именно уѣзды: Барнаульскій, Бійскій (часть его въ 1895 г. была выдѣлена въ особый уѣздъ — Змѣиногородскій), Кузнецкій и часть Томскаго. Въ уѣздахъ этихъ имѣются громадныя свободныя пространства прекраснаго дѣвственнаго чернозема. Всѣ земли Алтайскаго округа составляютъ личную собственность Его Императорскаго Величества и находятся въ завѣдываніи алтайскаго горнаго управленія.

Все пространство Алтайскаго округа, — по исчисленію г. Ядринцева, — занимаетъ 382,000 кв. верстъ, т.-е. около 40 милліоновъ десятинъ.

Въ теченіе всей первой половины XIX в. Алтайскій округъ считался закрытымъ для переселенія. Переселенцамъ открытъ былъ доступъ лишь въ двѣ волости Алтайскаго округа: Смоленскую—Бійскаго уѣзда, и Подонинскую—Кузнецкаго, и то потому, что до 1864 г. во-

лости эти не входили въ составъ завѣдываемыхъ заводскимъ управленіемъ земель.

Все сельское населеніе округа въ дореформенное время состояло лишь изъ приписныхъ къ алтайскимъ горнымъ заводамъ крестьянъ, которые несли обязательныя работы при этихъ заводахъ и имѣвшихся здѣсь рудникахъ. Однако самовольные переселенцы забирались и въ этотъ заповѣдный для нихъ край и устраивались въ глухихъ мѣстахъ подальше отъ начальническаго ока. Съ начала 60-хъ годовъ самовольное переселенческое движеніе въ Алтайскій округъ значительно увеличилось, и къ 1865 г. число такихъ переселенцевъ здѣсь достигло уже до 4.368 чел.

Съ освобожденіемъ въ 1861 г. мѣстныхъ крестьянъ отъ обязательныхъ заводскихъ работъ заводы, разумѣется, стали нуждаться въ наемныхъ рабочихъ рукахъ. И чѣмъ больше было на мѣстѣ рабочихъ рукъ, тѣмъ, конечно, дешевле должно было обходиться самое производство работъ на заводахъ. Слѣдовательно, переселенцы при новомъ порядкѣ вещей уже не являлись излишней обузой, а могли быть использованы, какъ рабочая сила на заводахъ и рудникахъ.

Въ силу этихъ соображеній въ 1865 г. рѣшено было открыть сюда доступъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи.

Законъ 1865 г. разрѣшилъ и приселенія къ обществамъ старожиловъ и образованіе новыхъ обществъ на свободныхъ заводскихъ земляхъ (по предварительномъ осмотрѣ ихъ ходоками). Размѣръ душевого надѣла былъ опредѣленъ 15-тидесятинный, а оброкъ по 6 руб. съ души, т.-е. въ этомъ отношеніи переселенцы приравнивались къ старожиламъ. Никакихъ особыхъ льготъ алтайскіе переселенцы по закону 1865 г. не получили, если не считать безплатнаго отпуска необходимаго

для постройки усадебъ лѣса и топлива, наравнѣ съ бывшими приписными къ заводамъ крестьянами. Какъ осмотръ земель и ихъ отводъ, такъ и самое водвореніе крестьянъ во вновь образуемыя или прежнія общества должны были происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія и по распоряженію алтайскаго горнаго правленія, въ свою очередь утвержденнымъ въ установленномъ порядкѣ.

Законъ 1865 г. не замедлилъ оказать свое вліяніе на переселенческое движеніе. Число переселенцевъ въ эту, по словамъ Ядринцева, „житницу Западной Сибири" увеличивалось годъ отъ году. Точныхъ данныхъ о числѣ переселенцевъ до 1884 г. не имѣется; о немъ можно судить только по перечислившимся въ Алтайскій округъ. Такъ, по даннымъ Алтайскаго горнаго управленія, до 1894 г., т.-е. за 18 лѣтъ, число *перечислившихся* лицъ равнялось 17.606, при чемъ въ первое шестилѣтіе по изданіи закона (съ 1866 — 1872 гг.) перечислено было 3.691 чел., во второе (съ 1872—1878 гг.)—4.288 чел. и въ третье (съ 1878—1884 гг.) — 3.727 чел. Эти цифры говорятъ о постепенномъ и неуклонномъ ростѣ ежегодной численности переселенцевъ. Это же подтверждается и сопоставленіемъ числа *неперечисленныхъ* алтайскихъ переселенцевъ. Въ 1876 г. неперечисленныхъ было всего 1.765 чел., въ 1882 г.—17.942 чел., а къ 1-му января 1884 г. уже 30.544 чел. За первое пятилѣтіе послѣ 1884 г. переселенцевъ вселилось въ округъ 79.232 чел., во второе (съ 1889—1894 гг.)—160.074 чел. и въ третье (1894 — 1899 гг.) — 159.226 чел. Если къ послѣднему числу прибавить 146.578 чел., зарегистрованныхъ въ 1896—97 гг. „неперечисленныхъ", то число водворившихся въ Алтаѣ за послѣднее пятилѣтіе (съ 1894—1899 гг.) должно опредѣлиться въ 205.804 души обоего пола, т.-е. почти вдвое противъ предшествовавшаго пятилѣ-

тія и въ 3% раза болѣе противъ перваго пятилѣтія *). Число алтайскихъ переселенцевъ является значительнымъ и по отношенію къ общему числу сибирскихъ переселенцевъ. За шестилѣтіе съ 1885—1890 г. алтайскіе переселенцы составляли 48% общаго числа, за 1892 г.—69% и за 1898 г.—37%.

Около половины переселенцевъ за послѣднее пятнадцатилѣтіе въ Алтайскій округъ прибыло изъ центральнаго района черноземной полосы, что объясняется, повидимому, сходствомъ почвенныхъ и климатическихъ условій этихъ двухъ районовъ Европейской и Азіатской Россіи. Болѣе 22 тысячъ, или 5,4% общаго числа прибыло сюда изъ Тобольской губерніи, гдѣ уже стало чувствоваться „утѣсненіе“ въ землѣ (впрочемъ, надо замѣтить, „утѣсненіе“ спеціально сибирское, такъ какъ въ Сибири, за ничтожными исключеніями, минимальный земельный надѣлъ пятнадцатидесятинный; слѣдовательно, такое „утѣсненіе“, не можетъ равняться съ европейскимъ „утѣсненіемъ“, съ его „куринымъ“ надѣломъ, обращающимъ въ бѣгство европейскихъ крестьянъ).

Кромѣ новоселовъ, входившихъ въ составъ сельскихъ обществъ, нѣкоторая часть переселенцевъ приписывалась къ мѣщанскимъ обществамъ городовъ Алтайскаго округа (Барнаула, Бійска, Кузнецка и Колывани). Явленіе это объясняется затруднительностью поселенія на свободныхъ участкахъ, вздорожаніемъ приписки къ крестьянскимъ обществамъ (иногда до 50 и 60 руб., не считая расходовъ на угощеніе „міра“) и легкостью мѣщанскихъ податей. По этому поводу г. В. Н. Григорьевъ въ своемъ изслѣдованіи „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“ говоритъ: „Переселенцы нерѣдко ука-

*) См. діаграмму распредѣленія переселенцевъ по линіи Сибирской желѣзной дороги (№ 2).

зываютъ на то, что хотя въ деревнѣ и легче жить, да подати тяжелѣе: тогда какъ крестьянинъ платитъ до 12 руб. съ души, съ мѣщанина, живущаго въ городѣ, сходитъ около 75 коп., и даже, живя въ деревнѣ, онъ платитъ лишь 3 руб. Хотя новоселы, приписавшись къ крестьянскому обществу или образовавъ самостоятельный поселокъ, вполнѣ обезпечены землей, но арендныя цѣны въ Алтайскомъ округѣ еще такъ низки, что многіе находятъ болѣе выгоднымъ заводить на первое время свое хозяйство на съемной землѣ. Сдаются въ аренду и городскія, и крестьянскія, и свободныя кабинетскія земли; десятина пахотной земли снимается за 40—50 коп. въ годъ; вспаханную и засѣянную (пшеницей или рожью) десятину можно снять рублей за 6. Аренда луговъ тоже очень дешева: такъ, напримѣръ, одинъ переселенецъ снялъ травы на 80 коп., а накосилъ 36 возовъ, другой — за 50 коп. накосилъ 100 копенъ“ (стр. 132).

Приписка переселенцевъ въ мѣщане имѣетъ своимъ послѣдствіемъ весьма замѣтное возрастаніе городского населенія. Ядринцевъ въ своей „Поѣздкѣ въ горный Алтайскій округъ“ говоритъ, что „къ Барнаулу съ 1865 по 1878 г. причислена 421 семья переселенцевъ, а въ Бійскѣ въ теченіе пятилѣтія (съ 1875 — 1879 г.) на 3.380 мѣщанъ приписалось 1.337 душъ переселенцевъ“ (стр. 59). Въ началѣ 80-хъ годовъ въ Барнаулѣ и Бійскѣ число жителей доходило до 10.000 человѣкъ; въ 1897 г. численность населенія г. Барнаула доходитъ уже до 30.000 человѣкъ.

Съ цѣлью задержать нѣсколько переселенческій потокъ въ Алтайскій округъ, въ 1891 г. было предписано главному управленію округа не выдавать разрѣшеній на водвореніе переселенцевъ, не убѣдившись въ законности ихъ переселенія; а въ 1892 г. вслѣдствіе мини-

стерскаго циркуляра о пріостановкѣ выдачи разрѣшеній на переселенія въ Сибири, распространеннаго и на Алтайскій округъ, воспрещена была выдача разрѣшеній на переселеніе и ходокамъ переселенцевъ, семьи которыхъ оставались еще на родинѣ.

Но это не въ силахъ было задержать переселенческаго движенія; голодъ оказался сильнѣе запретительной бумаги, — и общее число неперечисленныхъ переселенцевъ достигло здѣсь къ началу 1896 г. до 100.000 человѣкъ. Новымъ закономъ о переселенцахъ въ Алтайскій округъ, отъ 27-го апрѣля 1896 г., всѣ крестьяне и мѣщане, уже переселившіеся въ этотъ округъ, подлежали перечисленію къ мѣстамъ новаго водворенія.

Что касается дальнѣйшихъ переселеній въ Алтайскій округъ, то законъ 1896 г. распространилъ дѣйствіе переселенческаго закона 1889 г. и на алтайскихъ переселенцевъ какъ относительно порядка испрошенія ими разрѣшеній на переселеніе, такъ и относительно передвиженія самихъ переселенцевъ и ихъ ходоковъ по пониженному тарифу. Вмѣстѣ съ этимъ новый законъ представилъ алтайскимъ переселенцамъ, переселяющимся съ надлежащаго разрѣшенія, слѣдующія льготы: освобожденіе отъ уплаты недоимокъ по мѣсту ихъ прежняго жительства, освобожденіе въ теченіе трехъ лѣтъ отъ платежа 6-тирублеваго подушнаго оброка и всѣхъ другихъ причитающихся казнѣ или кабинету Его Величества поземельныхъ сборовъ, съ обложеніемъ въ послѣдующіе три года этими сборами въ половинномъ размѣрѣ. Сравнены были алтайскіе переселенцы съ остальными сибирскими новоселами и въ льготахъ по отбыванію воинской повинности, и по полученію пособій на продовольствіе, а также и на обсѣмененіе полей, за исключеніемъ лишь ссудъ на домообзаводство. Самовольные же переселенцы, по закону 1896 г., подвергаются

ограниченію въ льготахъ и водворяются въ Алтаѣ, на переселенческихъ участкахъ, „только въ томъ случаѣ, если таковые участки имѣются въ свободномъ распоряженіи главнаго управленія Алтайскаго округа“.

Въ 1897 г., чтобы положить конецъ часто наблюдавшимся случаямъ самовольнаго оставленія переселенцами мѣстъ, уже избранныхъ ими для водворенія, изданы были правила, въ силу которыхъ эти переселенцы лишались права на надѣленіе другими свободными землями и теряли право, по истеченіи 3-лѣтняго срока безвѣстнаго отсутствія, на отведенные имъ надѣлы.

Этимъ закономъ хотѣли предупредить накопленіе недоимокъ, числившихся за ушедшими переселенцами; какъ велики были эти недоимки, можно судить по тому, что къ 1-му января 1897 г. такихъ недоимокъ накопилось около 135.000 руб.

Въ 1899 г. въ Алтайскомъ округѣ былъ введенъ упрощенный способъ перечисленія переселенцевъ, водворявшихся въ деревняхъ старожиловъ безъ увольнительныхъ приговоровъ,—именно, *съ разрѣшенія крестьянскихъ начальниковъ*,—способъ, установленный для переселенцевъ западной и средней Сибири еще въ 1897 г.

Число образованныхъ съ 1865 г. до 1895 г. въ Алтайскомъ округѣ переселенческихъ участковъ равняется 228, имѣющихъ общую площадь до 1.750.000 дес. (удобной и неудобной земли). Въ 1895 г. дальнѣйшее образованіе переселенческихъ участковъ было пріостановлено. Къ 1-му января 1900 г. изъ всѣхъ 228 участковъ оставалось не вполнѣ занятыхъ лишь 78, остальные же 155 участковъ уже заполнены.

Для облегченія прочнаго устройства на новыхъ мѣстахъ алтайскимъ новоселамъ выдаются безплатно лѣсные матеріалы на первоначальное обзаведеніе и топливо.

За 10 лѣтъ, съ 1889 г. по 1898 г., переселенцамъ было выдано лѣсоотпусныхъ билетовъ на сумму свыше 229.000 руб. Практикуется также выдача ссудъ въ случаѣ неурожаевъ, падежа скота и т. п. бѣдствій. За пятилѣтіе съ 1894 — 1898 гг. ссуды были выданы 1.332 семьямъ на сумму 21.992 руб., что составляетъ около $16^1/_2$ руб. на семью.

Такимъ образомъ многія мѣропріятія главнаго управленія Алтайскаго округа по переселенческому вопросу приходятъ въ соотвѣтствіе съ правительственными мѣропріятіями по переселенческому дѣлу на казенныхъ земляхъ Сибири.

X.

Новый законъ 8-го іюля 1901 г. объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири.

Въ заключеніе обзора правительственныхъ мѣропріятій по заселенію Сибири и переселенію въ нее остановимъ нѣсколько вниманіе читателей на новомъ законѣ „Объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири“, опубликованномъ 8-го іюля текущаго года.

Но прежде чѣмъ говорить о новомъ законѣ 8-го іюля 1901 г., напомнимъ читателямъ въ общихъ чертахъ о предринимавшихся уже правительствомъ попыткахъ насажденія частнаго землевладѣнія въ Сибири.

Землевладѣніе въ Сибири главнымъ образомъ—государственное, т.-е., другими словами, большая часть земли считается принадлежащей всему государству въ его цѣломъ. Изъ 1200 милліоновъ десятинъ, занимаемыхъ Сибирью, государству,—или казнѣ, такъ говорятъ обыкновенно,—принадлежитъ 1.150 милліоновъ десятинъ. Изъ остальныхъ 50-ти милліоновъ десятинъ—около $42^1/_2$ милліоновъ десятинъ принадлежатъ лично Государю и

около $7^1/_2$ милліоновъ десятинъ принадлежатъ частнымъ лицамъ, городамъ, монастырямъ и проч.

Собственно частное землевладѣніе въ Сибири мало развито. По свѣдѣніямъ 1899 г. въ Сибири имѣется всего 1214 частныхъ владѣній, обнимающихъ площадь въ 524.437 десятинъ. Всего больше частныхъ владѣній въ Тобольской губерніи и въ Амурской области: въ первой 631, съ площадью въ 284.246 десятинъ, и во второй—457, съ площадью въ 78.528 десятинъ. Въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской частныхъ владѣній самое незначительное число,—всего 9 въ первой и 14 во второй,—но зато владѣнія эти очень крупны. Общая площадь частныхъ владѣній въ Енисейской губерніи занимаетъ 60.579 десятинъ, а въ Иркутской—58.183 десятины, что, въ среднемъ, на одно владѣніе составитъ—6.731 десятину въ первой губерніи и 4.156 дес. во второй.

Частныя владѣнія въ Сибири возникли въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ: нѣкоторыя изъ нихъ, притомъ самыя крупныя, образовались еще въ XVI или XVII вв., путемъ отвода земель служилымъ людямъ или выдачи вліятельнымъ инородцамъ крѣпостныхъ актовъ, въ видахъ усиленія вліянія среди инородцевъ русской власти. Таково происхожденіе почти всѣхъ частныхъ владѣній въ Иркутской и Енисейской губ. и нѣкоторыхъ въ Западной Сибири. Но большинство частныхъ владѣній въ Западной Сибири возникло въ XIX столѣтіи, какъ результатъ ряда попытокъ правительства къ систематическому насажденію частной земельной собственности,—конечно, попреимуществу дворянской. Такъ, въ 40-хъ годахъ было отведено въ Курганскомъ уѣздѣ для раздачи бѣднымъ дворянамъ 500 восьмидесятидесятинныхъ участковъ; однако желающихъ воспользоваться этими участками не

оказалось и раздача поэтому не состоялась. Въ 1860 г. особымъ закономъ допущена была въ Западной Сибири продажа участковъ казенной земли въ частную собственность и всемилостивѣйшее пожалованіе ихъ въ награду за службу и особыя заслуги. Для продажи на первый разъ были назначены тѣ именно самыя земли Курганскаго уѣзда, въ количествѣ 40 тысячъ десятинъ, которыя въ 40-хъ годахъ предназначены были для раздачи бѣднымъ дворянамъ. Въ теченіе 1860 г. въ Курганскомъ уѣздѣ было распродано 484 участка земли, общею площадью 38.720 десятинъ, которыя достались 98 собственникамъ, въ этомъ числѣ 75 государственнымъ крестьянамъ и 23 лицамъ другихъ состояній. Затѣмъ, на основаніи того же закона и въ томъ же 1860 г., были нарѣзаны въ Тобольской и Томской губерніяхъ для всемилостивѣйшаго пожалованія 44 участка, пространствомъ въ 44.250 дес., и для продажи 21 участокъ, площадью въ 4.574 десятины. Но въ виду того, что всемилостивѣйшія пожалованія, по оффиціальному признанію, дали вполнѣ неудовлетворительные результаты, такія пожалованія были прекращены въ 1868 г.

Однако, несмотря на неудачу, правительство въ томъ же 1868 г. распространило на Западную Сибирь дѣйствіе закона 14-го іюня 1868 г. объ отводѣ казенныхъ земель, на льготныхъ условіяхъ и съ правомъ выкупа, отставнымъ чиновникамъ и офицерамъ. На основаніи этого закона было отведено 5 участковъ, общею площадью въ 710 дес., изъ которыхъ выкуплено всего 2 участка, съ 353 дес.

Съ конца 60-хъ годовъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ отчужденія казенныхъ земель въ частныя руки не производилось.

Говоря о Приамурскомъ краѣ, мы уже упоминали, что законъ 26 марта 1861 г. предоставилъ переселен-

цамъ-крестьянамъ, между прочимъ, и право выкупа отводимыхъ имъ въ надѣлъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ основанія отчужденія казенныхъ земель въ Амурскомъ краѣ частнымъ лицамъ—не болѣе 400 дес. въ однѣ руки; свыше же 400 дес. и до 1000 дес. земля отчуждается „лишь для значительныхъ, полезныхъ для края промышленныхъ предпріятій". Въ 1894 г. властью генералъ-губернатора установлены были особыя правила для продажи земель въ Амурскомъ краѣ, имѣвшія цѣлью предотвратить спекуляцію землей и обезпечить дѣйствительное хозяйствованіе на ней. Съ 1895 г., въ виду земельной спекуляціи, вызванной проведеніемъ желѣзной дороги, въ Амурскомъ краѣ вовсе воспрещена была продажа земель въ полосѣ, расположенной на 100 вер. по обѣ стороны желѣзнодорожной линіи.

О происхожденіи проекта продажи земель частнымъ лицамъ въ Уссурійскомъ краѣ г-нъ Муровъ въ своей книгѣ „Люди и нравы Дальняго Востока" приводитъ слѣдующій разсказъ одного изъ владивостокскихъ старожиловъ.

„По словамъ этого старожила,—говоритъ г. Муровъ,— въ 80-хъ годахъ именитымъ коммерсантамъ-капиталистамъ и др. частнымъ лицамъ изъ иностранцевъ весьма понравились нѣкоторыя, очень живописныя мѣстности побережья Петра Великаго. Въ особенности нравились они своими природными богатствами: лѣсами, плодородіемъ почвы и пр. У капиталистовъ явилось желаніе имѣть эти лакомые куски своей собственностью. Но какъ ими завладѣть? И придумали: любители земельныхъ лакомыхъ кусковъ ревностно стали проповѣдывать *„въ хабаровскихъ салонахъ"* о необходимости, для благоденствія Россіи и для лучшаго развитія въ краѣ сельско-хозяйственной культуры, допустить въ краѣ частное землевладѣніе. Еще усерднѣе обсуждали эту мѣру на первомъ хабаровскомъ съѣздѣ, гдѣ для болѣе

вѣрнаго достиженія завѣтной цѣли было провозглашено, что „единственная“ цѣль этой мѣры—народное благо и, слѣдовательно, благоденствіе Россіи. Народъ, видя на практикѣ высокую сельско-хозяйственную культуру, и самъ станетъ пріобрѣтать практическія познанія въ этомъ дѣлѣ, такъ говорилось на съѣздѣ. И вотъ, желаемое согласіе правительства было дано, и вскорѣ же послѣ хабаровскаго съѣзда земли стали продаваться частнымъ лицамъ, до 400 десятинъ каждому. На второмъ съѣздѣ была сдѣлана слѣдующая поправка: „для края необходимы собственники—крупные, а потому для привлеченія капиталовъ къ пріобрѣтенію земель, продавать земли до 1000 десятинъ въ однѣ руки“. По какимъ цѣнамъ продавались онѣ въ первое время, послѣ перваго съѣзда, неизвѣстно. Въ оффиціальномъ изданіи,—„Краткій очеркъ Приамурскаго края“ за 1891 г.,—сказано весьма неопредѣленно: „дешево“ (по частнымъ свѣдѣніямъ, иногда по 50 коп. за десятину). Позднѣе, по „Правиламъ о продажѣ земель въ Уссурійскомъ краѣ“, утвержденнымъ въ 1894 г., земельныя цѣны установлены были такія: участки 1-го разряда (въ окрестностяхъ городовъ)—по 6 руб. за десятину; 2-го разряда по 3 руб. При этомъ, по правиламъ 1894 г., офицерамъ и чиновникамъ, какъ потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, состоящимъ на государственной службѣ, дано было право покупать земли отъ 400 до 1000 десятинъ, каковымъ правомъ до 1894 г. лица, состоящія на государственной службѣ, не пользовались.

До 1891 г. было продано въ Уссурійскомъ краѣ всего 14 участковъ; съ 1891 по 1896 гг. было продано еще 16, всего же въ общемъ около 12.000 десятинъ. Между тѣмъ ходатайствъ о продажѣ земель было 146. Изъ нихъ: отъ крестьянъ—57, отъ мѣщанъ—30, отъ запасныхъ нижнихъ чиновъ—18, отъ чиновниковъ—15, отъ

купцовъ—13, отъ дворянъ—4, отъ корейцевъ—7 и отъ китайцевъ—2

Отъ пріобрѣтавшихъ земли требовалось, чтобы они, если не состоятъ на государственной службѣ, жили бы на участкахъ и занимались бы сельскимъ хозяйствомъ; лица же, состоящія на государственной службѣ, избавлялись отъ этого обязательства: отъ нихъ отбиралась только подписка, что они останутся на жительствѣ въ Приморской области.

Какъ же хозяйничали эти новоиспеченные землевладѣльцы-культуртрегеры?

У г. Мурова приведены на этотъ счетъ слѣдующія данныя, почерпнутыя имъ изъ мѣстныхъ газетъ.

„Полковникъ Винниковъ, купивъ 100 десятинъ земли, энергично взялся за нее: выстроилъ хорошенькую ферму, выписалъ машины и плуги и накупилъ лошадей. Проработавъ полгода, полковникъ разочаровался: покинулъ ферму, машины и плуги заперъ въ сарай, а лошадей продалъ. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ продалъ и землю за весьма большую сумму купцу Шпенглеру. Послѣдній же перепродалъ ее купцу Шулынгину. Въ настоящее время на этомъ участкѣ работаютъ китайцы, платя владѣльцу солидную арендную плату.

„Купецъ-еврей Дайко купилъ 100 десятинъ. Сначала также энергично хозяйничалъ, но безъ машинъ. Кончилъ тѣмъ, что бросилъ хозяйство. Теперь его участокъ арендуется китайцами и корейцами.

„Фикъ, изъ остзейскихъ бароновъ, пріобрѣлъ 500 десятинъ за 1.500 р. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ продалъ землю купцу Лангелитье за 30.000 руб. Вся земля арендуется китайцами.

„Ученый агрономъ остзеецъ купилъ 200 десятинъ. Сначала пробовалъ разводить фрукты. Разочаровав-

шись, продалъ землю купцу Лангелитье за крупную сумму. Нынѣ она арендуется китайцами.

„Купецъ Лангелитье купилъ 100 десятинъ и отдалъ въ долгосрочную аренду китайцамъ.

„Капитанъ Гольденштедтъ купилъ 100 десятинъ. Устроилъ на этомъ участкѣ бойню. Живетъ въ городѣ.

„Пфейферъ, остзеецъ-врачъ, другъ пріятель покойнаго барона Корфа, купилъ болѣе 1000 десятинъ прекраснѣйшей земли, отдалъ ее въ аренду китайцамъ и, получая солидную аренду, живетъ по-баронски во Владивостокѣ.

„Остальные проданные участки (изъ 31) частью арендуются китайцами и корейцами, частью пустуютъ. Хозяйничаютъ же сами только пять-шесть владѣльцевъ" (стр. 99—102).

Между тѣмъ уссурійскіе крестьяне-переселенцы уже начинаютъ жаловаться на земельныя „нехватки".

Въ мѣстной газетѣ „Владивостокъ" не мало зарегистрировано такихъ случаевъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

„У крестьянъ села Михайловскаго надѣлъ пахотной и сѣнокосной земли чрезвычайно малъ. „Какой былъ въ Россіи, таковъ и здѣсь... Просили мы о прибавкѣ всѣхъ начальниковъ—никакого толку", — жаловались они одному чиновнику. Между тѣмъ, просимыя ими земли около самаго Михайловскаго проданы администраціей края частному лицу, которое и отдало ихъ михайловцамъ въ аренду за весьма крупную сумму.

Крестьяне деревни Петропавловской, прибывшіе сюда въ 1885 г., тоже стали нуждаться въ земляхъ, тоже просили о прибавкѣ и тоже не получили ничего. Чтобы выпутаться какъ-нибудь изъ затрудненія, они переселились въ мѣстность, прилегающую къ заливу св. Ольги, гдѣ имъ „и просторно, и спокойно".

Крестьяне села Раздольнаго тоже нуждаются въ земельномъ надѣлѣ „Первоначально, — разсказываютъ

они,—намъ было отрѣзано земли достаточно. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда подросли малодые работники, сразу стала нехватка". „До чугунки зарабатывали извозомъ, и только въ немъ имѣли хорошее подспорье. Нынѣ же совсѣмъ обѣднѣли". Собираются кочевать. Землю уже нашли.

Крестьяне села Дубовскаго, прибывшіе въ 1899 г., за неимѣніемъ пахотной и сѣнокосной земли, не занимаются ни хлѣбопашествомъ, ни сѣнокошеніемъ. Для пропитанія вынуждены выискивать побочные заработки и нашли: доставляютъ офицерамъ и ихъ семействамъ цвѣты, ягоды; замужнія женщины и дѣвушки нанимаются въ прислуги и т. д. Поселились здѣсь по волѣ начальства. Собираются кочевать—одни обратно въ Россію, другіе куда-нибудь.

У крестьянъ деревни Григорьевки земли тоже мало. „Года черезъ четыре-пять, когда предстоитъ надѣлъ землею молодыхъ работниковъ,—говорятъ они,—тогда надо будетъ урѣзывать земельные участки у каждаго домохозяина. Тогда хоть кочуй отсюда?"

Крестьяне, прибывшіе изъ Саратовской губ., просили о надѣлѣ ихъ землею въ 40 в. отъ Владивостока, вблизи поселка Углового, но имъ было отказано. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ эта земля была продана офицеру; нынѣ она пустуетъ.

„Если бы поименовать каждую деревню и село Уссурійскаго края,—прибавляетъ г. Муровъ, отмѣтившій эти факты,—населеніе которыхъ имѣетъ недостаточный земельный надѣлъ, то потребовалось бы нѣсколько печатныхъ листовъ" (99).

Возвратимся теперь къ новому закону 8-го іюля 1901 года.

Итакъ, вопросъ о насажденіи въ Сибири частнаго землевладѣнія, поднятый по Высочайшему повелѣнію

еще въ 1895 г., теперь, 8-го іюля 1901 г., получилъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Согласно этому закону, въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ генералъ-губернаторствахъ Степномъ, Иркутскомъ и Пріамурскомъ разрѣшается: 1) продажа казенныхъ земель частнымъ лицамъ для образованія частныхъ хозяйствъ, и 2) отводъ для той же цѣли означенныхъ земель частнымъ лицамъ въ арендное пользованіе, съ правомъ пріобрѣтенія этихъ земель въ собственность.

Общая площадь казенныхъ земель, которая можетъ быть назначена для образованія частныхъ хозяйствъ, опредѣляется, по мѣрѣ надобности, Высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта, по представленіямъ, вносимымъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по предварительномъ сношеніи съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и съ государственнымъ контролеромъ.

Подъ частно-владѣльческія хозяйства назначаются земли изъ казенныхъ оброчныхъ статей, запасныхъ участковъ и другихъ свободныхъ казенныхъ земель, за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуютъ сохраненія ихъ въ непосредственномъ распоряженіи казны въ лѣсохозяйственныхъ, горнопромышленныхъ и иныхъ государственныхъ и общественныхъ цѣляхъ, въ виду близости ихъ къ государственной границѣ, либо нахожденіи при устьяхъ или въ верховьяхъ значительныхъ рѣкъ.

Предназначенныя для частновладѣльческихъ хозяйствъ земли нарѣзаются, по возможности, вперемежку съ площадями, надѣленными крестьянамъ.

Пространство земли для каждаго отдѣльнаго хозяйства опредѣляется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и требованій пріобрѣтателей, въ различныхъ размѣрахъ, но не должно превышать 3.000 десятинъ.

Образованіе и отводъ площадей, превышающихъ этотъ

размѣръ, допускаются лишь для значительныхъ и полезныхъ для края сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятій и притомъ не иначе, какъ съ Высочайшаго каждый разъ разрѣшенія, испрашиваемаго черезъ комитетъ министровъ. Въ томъ же порядкѣ, при наличности особо уважительныхъ обстоятельствъ, можетъ быть разрѣшаемъ отводъ въ однѣ руки такихъ площадей въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ участковъ.

Отводимыя на основаніи настоящихъ правилъ земли не могутъ быть пріобрѣтаемы какъ при самомъ отводѣ таковыхъ, такъ и при дальнѣйшихъ переходахъ ихъ къ другимъ владѣльцамъ инородцами и лицами, не принадлежащими къ русскому подданству. Отдача сихъ земель въ залогъ или передача ихъ въ пожизненное владѣніе означеннымъ лицамъ воспрещается.

Предназначенныя къ продажѣ казенныя земли продаются съ публичнаго торга съ соблюденіемъ установленныхъ съ этою цѣлью спеціальныхъ правилъ.

Однако предназначаемыя къ продажѣ казенныя земли могутъ быть продаваемы частнымъ лицамъ для устройства сельскохозяйственнаго или промышленнаго предпріятія, фабрики или завода и по вольной цѣнѣ, но съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, испрашиваемаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ комитетомъ министровъ.

Что касается аренды казенныхъ земель, то онѣ сдаются „исключительно лицамъ дворянскаго происхожденія“, которыя по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, въ правительственныхъ видахъ, землевладѣльцами Сибири.

Выборъ такихъ лицъ, изъ числа изъявившихъ желаніе на отводъ казенныхъ земель въ арендное пользованіе, принадлежитъ министрамъ земледѣлія государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ.

Земли отводятся въ арендное пользованіе, смотря по пространству ихъ и трудности разработки, на срокъ до 99-ти лѣтъ.

Арендная плата опредѣляется по соотвѣтствію съ дѣйствительною доходностью земли и, во всякомъ случаѣ, не ниже платимой въ данной мѣстности оброчной подати за земли, отведенныя въ надѣлы крестьянамъ. Арендная плата въ первые пять лѣтъ со времени отвода земли въ натурѣ не взимается. Независимо отъ взноса арендной платы, арендаторъ обязанъ вносить всѣ причитающіеся за арендуемую имъ землю государственные, земскіе и иные установленные закономъ сборы.

Въ случаѣ неуплаты установленнаго договоромъ срочнаго платежа, по истеченіи льготныхъ сроковъ, или же невыполненія арендаторомъ въ установленные сроки другихъ условій договора, земля отбирается отъ арендатора въ казну со всѣми произведенными на ней насажденіями, посѣвами и вырытыми прудами и колодцами безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Впрочемъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставляется возвращеніе земли въ казну отсрочивать на срокъ до трехъ лѣтъ.

Прижизненная передача аренды допускается только съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, послѣ же смерти арендатора аренда переходитъ къ наслѣдникамъ умершаго на общихъ законныхъ основаніяхъ.

Арендаторъ, выполнившій условія договора, имѣетъ право на пріобрѣтеніе земли въ собственность. При пріобрѣтеніи земли въ собственность продажная цѣна ея опредѣляется черезъ помноженіе ежегодной арендой платы на двадцать.

Продажная цѣна, по желанію лица, пріобрѣтающаго землю, можетъ быть разсрочена на срокъ до 37 лѣтъ, изъ 5% роста и соотвѣтственной части погашенія.

Срочный платежъ по выкупу участка можетъ быть отсроченъ до 3-хъ лѣтъ, а по истеченіи этого срока земля назначается въ продажу или же, въ случаѣ, если бы торга почему-либо не состоялось, отходитъ въ казну.

Министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, а въ подлежащихъ случаяхъ и съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, новымъ закономъ 1901 г. предоставляется: а) установить порядокъ образованія отводовъ земель для частновладѣльческихъ хозяйствъ и ихъ размѣры; б) составлять правила объ оцѣнкѣ земель для продажи или отдачи въ арендное пользованіе, и в) опредѣлять условія о срокѣ выполненія обязательныхъ для пріобрѣтателей земель хозяйственныхъ работъ и возведенія построекъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе новаго закона.

Такимъ образомъ правительство рѣшило, наконецъ, осуществить давно лелѣянную имъ мечту о насажденіи въ Сибири частнаго землевладѣнія и по преимуществу дворянскаго. Поэтому-то новый законъ особенно покровительственно относится къ дворянскому сословію, стараясь, такъ сказать, культивировать дворянскій элементъ въ Сибири, гдѣ онъ, какъ извѣстно, былъ до сихъ поръ представленъ довольно слабо.

Теперь невольно приходится задаться такимъ вопросомъ—упрочится ли на самомъ дѣлѣ частновладѣльческое хозяйство въ Сибири и дастъ ли оно тѣ результаты, какихъ отъ него ожидаетъ правительство?

Для разрѣшенія этого вопроса обратимся къ нашему историческому прошлому.

Дѣло въ томъ, что опытъ съ насажденіемъ у насъ частновладѣльческаго хозяйства, опытъ далеко не новый въ исторіи нашихъ поземельныхъ отношеній; не новъ онъ, какъ мы видѣли выше, даже и для Сибири.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ разное время правительство не разъ старалось искусственно вызвать къ жизни подобнаго рода хозяйства; но всякій разъ попытки эти неизбѣжно оканчивались полной неудачей. Такъ было на Кавказѣ, такъ было въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, такъ было и въ самой Сибири.

Мы уже говорили, что еще въ 1844 г. нарѣзано было въ Тобольской губерніи до 40.000 десятинъ лучшей земли для раздачи въ собственность обѣднѣвшимъ дворянамъ; но дворяне не воспользовались подаркомъ, и земли были проданы съ торговъ. Въ 1860 г. вновь былъ изданъ законъ о продажѣ дворянамъ земли въ Сибири, и въ теченіе 12-ти лѣтъ въ той же Тобольской губерніи продано было 250.000 десятинъ. Одновременно съ дворянами награждали казенной землей и отставныхъ чиновниковъ. Въ періодъ съ 60-хъ до 80-хъ годовъ такимъ образомъ было роздано 400.000 десятинъ казенной земли. Но частновладѣльческое хозяйство не прививалось: земли не обрабатывались и часто сами владѣльцы имѣли смутное представленіе даже о томъ, гдѣ эти земли находятся. Это вызвало въ 1882 г. прекращеніе аукціонной продажи земель.

Не лучше шло „хозяйничанье“ и на офицерскихъ участкахъ въ степномъ краѣ, гдѣ оно свелось къ усиленной рубкѣ лѣсовъ и сдачѣ земель въ аренду киргизамъ и другимъ лицамъ.

Это обстоятельство отмѣчается и оффиціальными изданіями. Такъ въ книгѣ „Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога“ (Спб., 1893 г., на стр. 102), опредѣ-

ленно говорится, что частные владѣльцы *нигдѣ* не завели правильнаго хозяйства, а частью эксплоатируютъ свои имѣнія путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, частью же совершенно забросили ихъ и не извлекаютъ изъ нихъ никакого дохода". Такую же характеристику частновладѣльческаго хозяйства въ Сибири даетъ и офиціальный органъ „Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ". По словамъ „Извѣстій", состояніе частновладѣльческаго хозяйства даже на незначительной площади частновладѣльческихъ земель (въ 1.827 частновладѣльческихъ хозяйствахъ—1.111.668 дес.), „заставляетъ желать весьма многаго... Только небольшое сравнительно число владѣльцевъ ведетъ собственное хозяйство на принадлежащихъ имъ земляхъ, а большинство, по отсутствію необходимыхъ познаній и недостаточности оборотныхъ средствъ, сдаетъ свои участки въ аренду крестьянамъ за крайне низкія цѣны. Но и въ случаяхъ, когда на частновладѣльческихъ земляхъ въ Сибири ведется собственное хозяйство, оно въ громадномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличается отъ крестьянскаго: въ немъ не находятъ себѣ примѣненія даже наиболѣе элементарные пріемы, выработанные теоріей и практикой сельскохозяйственной техники" („Извѣстія", іюнь, 1901 г.).

Такое равнодушіе къ правительственному подарку со стороны дворянъ объясняется, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ малоцѣнностью земель въ Сибири.

Иное отношеніе наблюдалось въ Уфимской губерніи, гдѣ, также въ цѣляхъ насажденія частновладѣльческаго хозяйства, закономъ 4-го іюня 1871 г. была допущена продажа казенныхъ земель дворянамъ и чиновникамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Подробности земельной вакханаліи, имѣвшей здѣсь мѣсто, вѣроятно, всѣмъ из-

вѣстны, такъ что мы не будемъ долго останавливаться на подробностяхъ. Напомнимъ только, что почти всѣ казенныя земли, проданныя, точнѣе, подаренныя дворянамъ и чиновникамъ, перешли въ другія руки. Всего земли было здѣсь продано чиновникамъ на льготныхъ условіяхъ 369.509 дес. за 682.920 руб. Изъ этого числа по настоящее время осталось за покупщиками всего 89.959 десятинъ, т.-е. менѣе одной четверти; остальныя же 272.550 десят. были перепроданы другимъ лицамъ за 4.976.808 руб. Другими словами, чиновники-владѣльцы перепродавали за 18 руб. 27. к. десятину земли, за которую сами платили казнѣ 1 р. 80 к. Изъ оставшихся 89.959 десят. едва ли одна четвертая часть эксплуатируется самими владѣльцами.

Въ частности, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ продано было дворянамъ и чиновникамъ около 54.000 десятинъ, но уже черезъ два года послѣ отвода земель началась ихъ перепродажа, такъ что къ 1895 г. было перепродано 39.683 десятины, или 72,5% всей казенной земли, полученной владѣльцами на льготныхъ условіяхъ. За перепроданныя земли дворяне и чиновники выручили 587.696 руб., тогда какъ казна получила съ нихъ всего 63.426 руб., т.-е., иначе сказать, правительство подарило чиновникамъ и дворянамъ 524.270 руб. Что премія эта получена была дворянами и чиновниками не за свое „хозяйствованіе“ на земельныхъ участкахъ, а „здорово живешь“, что называется, видно изъ того, что въ большинствѣ случаевъ владѣльцы переуступали казенныя земли въ томъ самомъ видѣ и въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ какихъ онѣ достались имъ отъ казны; именно изъ 39.683 проданныхъ десятинъ перепродано было въ первоначальномъ видѣ 33.503 десятины.

Конечно, главными покупщиками этихъ земель явились тѣ же крестьяне (60,5%) какъ мѣстные, такъ и пе-

реселившіеся сюда, которые нуждались въ землѣ, и разумѣется, для настоящаго хозяйствованія на ней. Купивъ земли изъ вторыхъ рукъ, крестьяне не мало переплатили за нихъ лишняго. Въ то время, какъ мѣщане платили за землю по 14,56 руб., купцы—по 11,41 руб. и дворяне по 8,67 руб., крестьяне заплатили перепродавцамъ казенной земли по 17,03 руб. за десятину. Слѣдовательно, дворяне и чиновники съ однихъ крестьянъ получили незаработаннаго лишку—368.500 руб., т.-е въ шесть разъ больше того, что имъ самимъ стоила купленная у казны земля.

Земли „пожалованныя“ также въ большинствѣ случаевъ пошли въ перепродажу.

О скупкѣ земель въ Амурскомъ краѣ съ спекулятивными цѣлями мы уже упоминали выше.

Итакъ, вотъ что говоритъ намъ опытъ нашего прошлаго.

На основаніи этого опыта можно почти съ увѣренностью сказать, что и съ разрѣшенными теперь къ продажѣ сибирскими землями произойдетъ то же, что произошло и съ уфимскими: онѣ будутъ впослѣдствіи перепроданы тѣмъ изъ крестьянъ-переселенцевъ, для которыхъ не будетъ хватать свободныхъ удобныхъ земель.

Какъ извѣстно, и теперь уже въ Сибири,—главнымъ образомъ въ губерніяхъ Тобольской и Томской,—сталъ ощущаться недостатокъ въ удобныхъ казенныхъ земляхъ для переселенцевъ. Желающимъ поселиться здѣсь часто не достаетъ уже удобныхъ земель, и переселенцамъ приходится подвигаться далѣе на востокъ.

Мы видѣли выше, что широкое движеніе обратныхъ переселенцевъ вызывается отчасти именно недостаткомъ свободныхъ удобныхъ земель.

Надѣяться на увеличеніе свободныхъ удобныхъ земель въ будущемъ, въ виду предпринятаго изслѣдо-

ванія, или, точнѣе, открытія пригодныхъ для заселенія земель, не приходится по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего на будущія „открытія“ уже имѣются „свои“ кандидаты, такъ какъ, по оффиціальнымъ даннымъ, на 1-е іюля 1899 г. по всему раіону землеотводныхъ работъ насчитывалось 8,1% *перенаселенныхъ* участковъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, землеустроительными отрядами „открытія“ дѣлаются преимущественно въ области таежныхъ и урманныхъ пространствъ. Земельные участки такого свойства весьма трудно поддаются культурѣ, въ особенности у лицъ, не располагающихъ достаточными средствами. Наши же переселенцы, какъ мы видѣли выше, относятся именно къ такой категоріи культуртрегеровъ, которые, кромѣ рабочихъ рукъ, не располагаютъ не только капиталомъ, но и „орудіями производства“.

Поэтому-то съ „новооткрытыхъ“ земель и происходитъ обратное бѣгство переселенцевъ.

Это обстоятельство засвидѣтельствовано и самимъ переселенческимъ управленіемъ. Такъ, ища причинъ для объясненія громаднаго процента обратно прошедшихъ за 8 мѣсяцевъ истекшаго 1901 г. (25%), переселенческое управленіе, кромѣ двухлѣтняго неурожая въ Сибири, указываетъ, какъ на причину, еще и на то обстоятельство, что „въ виду сокращенія запаса степныхъ участковъ, переселенцы водворяются нынѣ въ отдаленныхъ, преимущественно лѣсныхъ (таежныхъ и урманныхъ) мѣстностяхъ, требующихъ отъ переселяющихся большихъ усилій и затратъ для подготовки къ распашкѣ отводимыхъ имъ надѣловъ“.

Что же касается того обстоятельства, что запасъ степныхъ участковъ, наиболѣе пригодныхъ для земледѣлія, дѣйствительно истощился, то въ этомъ, къ сожалѣнію, уже не приходится теперь сомнѣваться. Недавно

переселенческое управленіе рѣшило изслѣдовать на мѣстѣ положеніе земельнаго вопроса именно въ степныхъ областяхъ, особенно въ Тургайской и Акмолинской. И такое изслѣдованіе вызвано жалобами мѣстнаго кочевого киргизскаго населенія на стѣсненіе ихъ въ пастбищахъ вслѣдствіе постепеннаго изъ года въ годъ заселенія киргизскихъ земель прибывающими изъ Европейской Россіи переселенцами. Такимъ образомъ, очевидно, что съ введеніемъ же новаго закона о продажѣ казенныхъ земель частнымъ лицамъ, недостатокъ удобныхъ земель въ Западной Сибири для переселенцевъ сдѣлается еще ощутительнѣе. Можно сказать съ увѣренностью, что частныя лица прежде всего бросятся скупать земли въ Западной Сибири, какъ наиболѣе населенной и ближайшей къ Европейской Россіи; и только по захватѣ этихъ земель будутъ углубляться далѣе на востокъ, держась сначала, конечно, возможно ближе къ линіи желѣзной дороги или къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ можно ожидать проведенія желѣзнодорожныхъ вѣтокъ въ ближайшемъ же будущемъ.

Что же касается главной, казалось бы, цѣли, преслѣдуемой новымъ узаконеніемъ, именно—заведенія раціональныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ въ Сибири, то, намъ думается, что эта цѣль едва ли можетъ быть достигнута. Дѣло въ томъ, что для правильнаго хозяйства нужна не только земля, но и свободный капиталъ и, главное, свободныя рабочія руки. Между тѣмъ съ этой послѣдней стороны въ Сибири представляются такія огромныя затрудненія, что даже у богатыхъ старожиловъ почти никогда не бываетъ больше 100 десятинъ запашки. Что же касается наличности свободныхъ капиталовъ, которые могутъ быть вложены въ землю новыми сибирскими владѣльцами, то сомнѣній на этотъ счетъ можетъ быть еще больше. Прежде

всего, едва ли можно предполагать, чтобы лица, обладающія значительнымъ свободнымъ капиталомъ, рѣшились бы вложить его въ сельское хозяйство, въ странѣ малонаселенной, лишенной удобныхъ путей сообщенія и притомъ въ такое время, когда сельскохозяйственный кризисъ даетъ сильно себя знать на міровомъ рынкѣ. Скорѣе можно предположить, что крупные капиталы будутъ вкладываться въ болѣе прибыльныя и менѣе рискованныя предпріятія. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что дѣло идетъ о странѣ, естественныя богатства которой не только еще не использованы, но даже какъ должно и не обслѣдованы. Поэтому нужно думать, что крупный капиталъ здѣсь будетъ больше тяготѣть къ фабричной и горнозаводской промышленности, а не къ землѣ, такъ какъ продукты такого рода производствъ найдутъ несомнѣнно скорѣйшій сбытъ на китайскомъ, персидскомъ и вообще азіатскихъ рынкахъ, нежели хлѣбъ, которымъ пограничныя съ Сибирью страны можетъ быть даже больше богаты, чѣмъ сама Сибирь.

Если же контингентъ покупщиковъ и арендаторовъ сибирскихъ земель будетъ состоять главнымъ образомъ изъ лицъ съ среднимъ достаткомъ, то едва ли имъ будетъ посильно веденіе раціональнаго хозяйства въ Сибири, гдѣ хозяйствованіе обставлено массой неблагопріятныхъ условій, требующихъ и большихъ денежныхъ затратъ, и энергіи, и наличности достаточнаго количества рабочихъ рукъ.

На примѣрѣ дворянскаго хозяйствованія въ Европейской Россіи, гдѣ условія для него несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ Сибири, мы можемъ видѣть, что средніе хозяева не выдерживаютъ долго борьбы за существованіе и ликвидируютъ свои хозяйства, запутавши ихъ предварительно въ долгахъ разнымъ земельнымъ банкамъ.

Правда, новый законъ старается устранить хоть одно изъ неблагопріятныхъ условій сибирскаго хозяйства— именно недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, рекомендуя нарѣзать съ этой цѣлью земли для частновладѣльческихъ хозяевъ „по возможности вперемежку съ площадями, надѣленными крестьянамъ“; но, очевидно и самъ законодатель мало вѣритъ въ возможность удачнаго разрѣшенія рабочаго вопроса такимъ именно путемъ и,—какъ бы впередъ предвидя неудачу,—чтобы спасти „хозяйство“ отъ застоя, допускаетъ передачу дворяниномъ - арендаторомъ отдѣльныхъ угодій въ наемъ третьимъ лицамъ „даже больше чѣмъ на одинъ посѣвъ“ (правда, съ разрѣшенія мѣстныхъ учрежденій министерства земледѣлія).

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, эта новая попытка насадить частное землевладѣніе въ Сибири можетъ закончиться очень печально.

Вмѣсто піонеровъ культуртрегеровъ въ Сибирь могутъ заявиться или хищники-спекуляторы на землю или, въ лучшемъ случаѣ, такого рода хозяева, которые, вмѣсто насажденія въ краѣ раціональнаго хозяйства, выжмутъ всѣ соки изъ земли и мужика-работника, и бросятъ ихъ на произволъ судьбы, какъ это и имѣло мѣсто во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи *).

Между тѣмъ поземельное устройство крестьянъ какъ

---

*) По газетнымъ извѣстіямъ, уже болѣе 4000 дворянъ подали въ подлежащее министерство заявленія о желаніи „культивировать“ сибирскія пажити. Появились и добровольцы-ходаки, предлагающіе за „приличное вознагражденіе“ высмотрѣть для переселенцевъ-дворянъ „подходящую землицу“. Такъ въ одной изъ столичныхъ газетъ недавно напечатано было нижеслѣдующее характерное объявленіе:

„*Ѣдущій для пріисканія имѣній въ Сибирь* по порученію многихъ дворянъ, желающихъ арендовать на 99 лѣтъ съ правомъ выкупа до 3000 дес. на одно лицо на льготныхъ условіяхъ (первыя 5 лѣтъ безплатно), въ силу закона 8 іюля, принимаетъ порученія, даетъ указанія“.

въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири еще далеко не закончено, если не сказать, еще не начато.

Переселенія въ Сибирь растутъ съ каждымъ годомъ, а удобныхъ земель становится также съ каждымъ годомъ все меньше и меньше.

Къ тому же 15-тидесятинный надѣлъ въ Сибири не можетъ считаться верхомъ мужицкаго благополучія на всѣ времена. Условія сибирскаго крестьянскаго хозяйства таковы, что меньшій нормальный надѣлъ не можетъ вполнѣ обезпечить крестьянскаго хозяйства. А между тѣмъ съ теченіемъ времени приростъ сибирскаго населенія неизбѣжно приведетъ къ уменьшенію и этой надѣльной нормы. Малоземелье же, въ свою очередь, повлечетъ за собою и всѣ тѣ послѣдствія, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи процесса разрушенія крестьянскаго хозяйства въ Европейской Россіи.

Поэтому правительству, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы заниматься распродажею государственныхъ земель въ частныя руки, а оставить въ запасѣ достаточное ихъ количество какъ на случай прирѣзки къ имѣющимъ уменьшиться въ недалекомъ будущемъ надѣламъ сибирскихъ крестьянъ, такъ и въ цѣляхъ сдачи имъ казенной земли въ аренду на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ имъ могутъ предлагать частные владѣльцы или дворяне-арендаторы.

Вообще не слѣдовало бы забывать, что дѣло поземельнаго устройства крестьянъ—дѣло не одного поколѣнія, можетъ быть, даже не одного вѣка: то, что остается неиспользованнымъ сегодня, можетъ понадобиться завтра, а вернуть назадъ разъ утраченное нелегко и чаще всего невозможно.

Слѣдовательно, отступать отъ принятаго и самимъ правительствомъ взгляда на землю вообще, какъ на государственную собственность, а на свободную землю,

какъ на запасный фондъ, облегчающій землеустройство обезземельныхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ крестьянъ,—отступать, отъ этого принципа, мы полагаемъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній.

Обиліе казенныхъ земель только облегчаетъ правительству рѣшеніе такой трудной задачи, какъ поземельное устройство крестьянской массы, и даетъ возможность придать дѣлу соотвѣтствующіе его важности размѣры. Новый же законъ 8-го іюня 1901 г.,—стремясь къ искусственному насажденію частновладѣльческаго хозяйства въ Сибири, какъ въ странѣ, представляющей за отсутствіемъ рабочихъ рукъ и отдаленностью сбыта самыя неблагопріятныя условія для возникновенія этой формы землевладѣнія,—несетъ съ собой прямую льготу дворянскому сословію и неизбѣжное ограниченіе и затрудненіе для переселенческой колонизаціи Сибири.

XI.

Хозяйственный бытъ сибирскихъ переселенцевъ.

Посмотримъ теперь какъ устраиваются переселенцы на новыхъ мѣстахъ.

Тяжелѣе всего приходится, конечно, опять-таки тѣмъ изъ нихъ, которые доходятъ до мѣстъ новаго поселенія, что называется, безъ гроша въ карманѣ; а такихъ, по словамъ одного переселенческаго чиновника, было, напримѣръ, около двухъ третей изъ всѣхъ прибывавшихъ въ Томскъ. Если же безденежные переселенцы окажутся еще къ тому же и самовольно переселившимися или пришедшими по паспорту, то дѣло для нихъ еще больше осложняется.

Переселенцамъ, пришедшимъ съ разрѣшенія, земля уже раньше отведена, и переселенческій чиновникъ

только указываетъ, гдѣ она именно отведена и какъ получить ее. Самовольнымъ же переселенцамъ, какъ мы уже не разъ говорили объ этомъ, ни земли не отводится, ни льготъ никакихъ не дѣлается. Значитъ, имъ приходится и себя кормить и въ то же время отыскивать подходящую землю.

Изъ такого тяжелаго положенія переселенцамъ остается одинъ только выходъ—идти пока въ работники къ старожиламъ, что ими, обыкновенно и практикуется. Нерѣдко переселенцы раздаютъ въ работники на зиму, на лѣто, а то и на весь годъ взрослыхъ дѣтей, братьевъ и вообще лишніе рты въ семьѣ. При каждомъ наймѣ выговаривается обыкновенно или опредѣленная сумма денегъ, или лошадь или корова, или десятина хлѣба, вообще, что нужно для будущаго самостоятельнаго хозяйства. Другіе же работники остаются при семьѣ. Бываетъ, впрочемъ и такъ, что всѣ мужчины идутъ въ работники, а мать съ малолѣтними дѣтьми „нищенствовать“.

Старожилы-сибиряки чаще всего пользуются безвыходностью положенія переселенцевъ и платятъ имъ дешевле установившейся цѣны на пятую часть и даже на треть, особенно въ первый годъ, когда видятъ, что переселенцамъ приходится особенно тяжело. Чаще всего взрослый работникъ отъ 25 до 40 лѣтъ идетъ за 35—40 руб., самое большое за 65 руб. въ годъ; а парень лѣтъ 17—20—за 25—30 руб. въ годъ. Если деньги требуются впередъ, то цѣна и еще понижается. Переселенцы часто выговариваютъ себѣ вмѣсто денегъ хлѣба къ опредѣленному времени или сѣмянъ на посѣвъ.

Такимъ то вотъ заработкомъ и перебиваются тѣ изъ переселенцевъ, которые не могутъ сразу устроиться самостоятельно на своей землѣ. Безъ заработковъ не обходятся и тѣ изъ бѣдняковъ-переселенцевъ, которые

уже облюбовали и получили землю, но не имѣютъ средствъ, чтобы устроиться на ней.

Въ поискахъ за „подходящей“ землей у тѣхъ, кто ее еще не имѣетъ, проходитъ не мало времени. Но и отводимыми участками переселенцы часто остаются недовольны: имъ или мѣстность не понравится, или лѣсу мало окажется, или нѣтъ строевого лѣса подъ рукой и т. п.

И вотъ часто переселенческія партіи снимаются съ отведенныхъ имъ уже участковъ и бродятъ по Сибири, отыскивая „подходящую землицу“. Часто они такъ нигдѣ и не удовлетворяются новыми мѣстами, и, порядкомъ уставши и растратившись, осаживаются гдѣ попало, иногда на болѣе худшихъ мѣстахъ, чѣмъ тѣ, съ которыхъ ушли.

„Куда ни мечи,—говорятъ переселенцы въ этихъ случаяхъ,—а нѣтъ лучше, чѣмъ дома на печи“. Многіе изъ нихъ послѣ тщательныхъ поисковъ земли и возвращаются, дѣйствительно, обратно, домой, къ родной „печи“, часто, впрочемъ, находя ее уже въ чужихъ рукахъ.

Больше всего переселенцы любятъ приселяться къ старожиламъ. Живя съ старожилами, имъ удобнѣе обзаводиться своимъ хозяйствомъ и легче привыкать къ сибирскимъ порядкамъ и пріемамъ хозяйства. Притомъ земли къ старожиламъ отошли получше, такъ какъ они имѣли возможность въ свое время осѣсть на мѣстахъ болѣе удобныхъ.

Однако поселяться въ обществахъ старожиловъ переселенцамъ не всѣмъ удается, такъ какъ старожильскія общества за перечисленіе къ нимъ требуютъ обыкновенно деньги и иногда довольно большія (рублей по 50, а то и по 100 съ каждой души мужского пола). Въ прежнее время старожилы принимали къ себѣ пе-

реселенцевъ охотно и безъ денегъ, потому что земли было много, а рабочихъ рукъ мало; теперь же сибиряки неохотно принимаютъ къ себѣ переселенцевъ: они сами стали бояться малоземелья. Да и на самомъ дѣлѣ, въ Сибири есть уже такія мѣстности, гдѣ приписалось народу такъ много, что земли и дѣйствительно не стало хватать на всѣхъ. Наблюдается это главнымъ образомъ въ Западной Сибири. Тамъ, напримѣръ, есть мѣста, гдѣ вмѣсто узаконенныхъ 15—18 десятинъ на душу приходится уже всего по 6 десятинъ, а въ одной деревнѣ (Порѣчной) такъ даже всего по двѣ десятины. Теперь оказывается, что Тобольская губернія уже почти вся заселена; на Алтаѣ также остается немного свободныхъ земель, и только Томская губернія заселена сравнительно слабо. Въ Восточной Сибири есть еще много свободныхъ удобныхъ земель.

Но если старожилы и пускаютъ приселяться къ себѣ переселенцевъ, то обыкновенно стараются извлечь изъ этого приселенія возможно больше выгодъ для себя.

Вотъ что, напримѣръ, по этому поводу разсказываетъ переселенческій чиновникъ Остафьевъ объ алтайскихъ переселенцахъ.

„Нѣкоторыя общества,—говоритъ онъ,—нарочно принимаютъ переселенцевъ, разрѣшаютъ имъ селиться, продаютъ имъ дома, дозволяютъ строиться, отводятъ усадьбу, а затѣмъ дѣлаютъ всевозможныя накладки, заставляютъ платить большія деньги за усадьбу, за скотъ, за пашню и не даютъ пріемныхъ приговоровъ или требуютъ за нихъ большія деньги. Начинаются жалобы, споры, ссоры; вражда и ненависть усиливаются, длятся нѣсколько лѣтъ, и дѣло кончается тѣмъ, что старожилы начинаютъ ломать дома, не давать земли, лѣса, травы, такъ что новоселъ волей-неволей долженъ выселяться и искать новаго мѣста, проживъ иногда

нѣсколько лѣтъ и вполнѣ устроившись. Я встрѣтилъ одну такую семью на казенномъ участкѣ. Эта семья, довольно зажиточная, пришла въ 1882 году и до 1899 года все время жили въ Тобольской губерніи, въ деревнѣ Ливенкѣ, Крупянской волости. Имѣла хорошій домъ, много скота и около десяти десятинъ посѣва. Но жили они безъ приговора, и старожилы каждый годъ водили ихъ за носъ. Въ 1888 году поборы стали на-столько велики и несправедливы, что домохозяинъ рѣшился пойти просить въ Омскъ чиновника разрѣшить ему поселиться на одномъ изъ казенныхъ участковъ; къ счастію, получилъ разрѣшеніе и, прежде чѣмъ старожилы успѣли его окончательно донять, собралъ всѣ свои пожитки и перебрался на казенный участокъ, въ 25 верстахъ отъ Омска, куда на слѣдующій годъ перевезъ и постройки".

Но какъ бы тамъ ни было, многіе изъ переселенцевъ все же устраиваются съ землей. Перебравшись на свой новый участокъ, они устраиваютъ себѣ какое-нибудь временное жилье: кто шалашъ устроитъ, кто нору какую-нибудь себѣ выкопаетъ, чтобъ только отъ непогоды можно было укрыться. Потомъ понемногу принимаются устраивать жилье и получше. Чаще устраиваютъ мазанки и землянки. Въ первый годъ рѣдко кто изъ переселенцевъ успѣваетъ обзавестись настоящей избой; первая зима самое трудное время для новоселовъ. Это время приходится имъ сильно бѣдствовать. Многіе не выдерживаютъ этого перваго испытанія и бѣгутъ изъ Сибири обратно домой на „старину". Такъ въ 1888 году пришло въ Каинскій округъ 95 семей; изъ нихъ 35 семей не вынесли новой жизни и трудовъ и ушли назадъ, а 60 семей осѣло и устроилось. Все это былъ народъ рабочій, толковый, расторопный, труда не боялся.

Вотъ что, напримѣръ, разсказываютъ очевидцы о

томъ, какъ первое время бѣдствуютъ переселенцы на новыхъ мѣстахъ.

„Я видѣлъ переселенцевъ, — пишетъ одинъ, — большинство которыхъ жили въ грязныхъ мазанкахъ, безъ полу, со стѣнами и потолкомъ, черезъ которые постоянно текло. При благодати хлѣба въ Сибири, эти несчастные люди питались однимъ только черствымъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ непросѣянной муки, безъ всякаго варева. И вотъ въ такой-то невозможной жизни и зарождаются всякія болѣзни: тифъ, лихорадка, дифтеритъ и прочее; случалось, что въ хатѣ нѣтъ ни одного здороваго человѣка, отъ мала до велика, и никакой медицинской помощи“.

„Переселенцы Матвѣевскаго участка,—пишетъ другой очевидецъ,—вблизи города Омска, страшно бѣдствовали отъ неурожая 1890 г. Одна семья рѣшилась на самоубійство посредствомъ угара, такъ что ее вытащили изъ избы замертво. Недостатокъ пищи, а иногда неимѣніе даже хлѣба, производитъ болѣзни, отъ которыхъ многіе переселенцы умирали. Черезъ годъ-два такой переселенецъ, выбившись изъ силъ, или совсѣмъ попадаетъ въ руки кулака или же идетъ обратно на родину Христовымъ именемъ. А на родинѣ ждетъ его еще болѣе тяжелый крестъ: земля сдана, изба, скотъ проданы; нѣтъ своего угла, нужно искать самой дешевой поденщины. Беднякамъ нужно ужъ заранѣе приготовиться вытерпѣть такія бѣдствія“.

Но состоятельные переселенцы—т. е. имѣющіе по приходѣ на мѣсто рублей 300—400 на семью и 2—3 работника, устраиваются на первыхъ же порахъ довольно хорошо; и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло идетъ все лучше и лучше.

Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ переселенческій чиновникъ о томъ, какъ такіе переселенцы становятся на ноги на новыхъ мѣстахъ:

„Съ каждымъ годомъ видъ новаго поселка измѣняется все больше и больше, улучшаются постройки, землянки превращаются въ избы, обносятся огороды, усадьбы, дворы, являются надворныя постройки; сзади дома разводится огородъ со всякими овощами, даже заводятся арбузы, дыни, и въ нѣкоторые года эти плоды созрѣваютъ. Около избъ, на дворахъ появляются куры, утки, гуси и даже индѣйки, не говоря уже о собакахъ и кошкахъ; на изгородяхъ можно увидѣть развѣшанныя сѣти, снасти для рыболовства. Черный хлѣбъ на второй годъ замѣняется уже пшеничнымъ, пища вообще значительно улучшается.

Но особенно сильная перемѣна происходитъ въ поселкѣ на 5—6-й годъ водворенія. Иногда благосостояніе настолько ростетъ быстро, что съ удивленіемъ смотришь и не хочешь вѣрить, что передъ тобой старый поселокъ: онъ будто бы по какому-то волшебству исчезъ, и на томъ же мѣстѣ появилась богатая деревня".

Разумѣется, далеко не всѣ такъ хорошо устраиваются, какъ это описываетъ чиновникъ; многимъ изъ переселенцевъ, прежде чѣмъ они прочно станутъ на ноги, приходится вынести не мало разныхъ мытарствъ и горя.

Много печальныхъ исторій объ устраивающихся переселенцахъ разсказывается въ книгѣ, обработанной А. Станкевичемъ: „Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ (съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г.)".

Вотъ, напримѣръ, что пришлось испытать переселенцамъ изъ Курской губерніи, устроившимся въ Тобольской губ., въ Антоновскомъ поселкѣ, въ 1891 г.

„Мысль о переселеніи имъ подалъ одинъ изъ ходоковъ, Прядченко. Онъ распустилъ слухи о райскомъ житьѣ на привольныхъ и богатыхъ земляхъ Сибири и

при этомъ объявилъ, что имъ отысканы для новоселовъ три свободныхъ вполнѣ удобныхъ участка въ Барнаульскомъ округѣ и что желающіе могутъ приходить къ нему и записываться. Слухъ о припискѣ быстро облетѣлъ всѣ окрестности и желающіе повалили цѣлыми толпами въ домъ ходока. Вскорѣ на это обратила вниманіе полиція, и Прядченко очутился въ тюрьмѣ. Затѣмъ 200 семей подали прошеніе о переселеніи, но только 61 семья получила разрѣшеніе переселиться въ Сибирь. Одна половина изъ этихъ 61 семей осѣла на пути, а другая направилась въ Любинскую волость, но изъ нея достигли новаго мѣста только 12 семей, а прочія 18 семей изъ Тюмени вернулись обратно на родину, испугавшись разсказовъ какого-то проходимца о невозможности жить въ Сибири, гдѣ будто бы мошка и комаръ заѣдаютъ на смерть все живое, солнца болѣе половины года не видно, хлѣбъ вымерзаетъ и многое другое. Оставшіяся 12 семей въ Тюмени наняли до Тюкалинска протяжныхъ извозчиковъ, по 1 руб. 20 к. съ пуда, не исключая даже и дѣтей, и только черезъ 2 мѣсяца достигли Елани. Наемные подводчики тянули дорогу какъ можно дольше, почти на каждой станціи спорили, требовали денегъ, а потомъ, когда таковыя всѣ до копейки были выбраны, готовы были совсѣмъ отказаться, вслѣдствіе чего не разъ приходилось обращаться къ содѣйствію властей, чтобы силой заставить недобросовѣстныхъ ямщиковъ исполнить условіе. Неблагопріятная осенняя погода, холода и пронизывающіе вѣтры были единственными спутниками переселенцевъ. Кромѣ того, чтобы прокормить въ такомъ путешествіи свои семьи, многимъ пришлось распродать послѣднее бѣлье и верхнюю теплую одежду, оставшись почти голыми на всю длинную сибирскую зиму. При первомъ появленіи переселенцевъ, старожилы относились къ нимъ

крайне непривѣтливо и даже враждебно, такъ какъ подъ надѣлъ новаго поселка отъ старожиловъ было отмежевано много пахотныхъ земель со всѣми воздвигнутыми здѣсь заимками и выращенными лѣсными рощами. Зимовали новоселы этотъ голодный и холодный 1891 г. въ с. Еланскомъ по квартирамъ въ скотскихъ избушкахъ и баняхъ, за которыя платили по 50 коп.—1 руб. въ мѣсяцъ, такъ какъ лучшія помѣщенія были уже заняты тогда другими новоселами, прибывшими сюда изъ голодныхъ губерній кормиться. Цѣны на муку быстро поднялись: на ржаную до 80—90 к., а на пшеничную до 1 руб.—1 р. 10 к., и до самой страды почти нисколько не понизились. Заработка же рѣшительно никакого, избытокъ рабочихъ рукъ стремился исполнять работы безплатно—ради прокормленія; разсчитывать при крайности на подаяніе было невозможно, такъ какъ на этотъ промыселъ ежедневно выходили цѣлыя полчища, такъ что въ концѣ концовъ крестьяне стали отказывать.

Въ 1892 г. къ новоселамъ прибыло 8 семей земляковъ, но изъ нихъ двѣ семьи вернулись на родину: одна изъ этихъ семей почти вся вымерла, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ уцѣлѣвшій домохозяинъ и увелъ обратно; другая же семья ушла обратно по настоянію жены домохозяина, сильно заскучавшей: она плакала каждый день, ругалась и даже грозилась наложить на себя руки“ (стр. 487—489).

О томъ, какъ живутъ новоселы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, интересное сообщеніе дѣлаетъ г. Лаврецкій въ „Восточномъ Обозрѣніи“. По впечатлѣніямъ, вынесеннымъ г. Лаврецкимъ, переселенцы здѣсь устроились, повидимому бы, и хорошо: много хлѣба, скота, водятся и деньжонки; но въ хатахъ грязь, тѣснота и убогость, одежда поражаетъ бѣдностью, пища скудная

овощей нѣтъ; мясо, яйца и молоко дороги. Живя въ одномъ селѣ, часто полтавцы ссорятся съ черниговцами, куряне съ орловцами и т. д. Повидимому, всѣ средства, которыя добываются, идутъ на упроченіе и развитіе хозяйства, духовныя же потребности остаются въ пренебреженіи".

Однако, какихъ же все-таки результатовъ добиваются переселенцы на новыхъ мѣстахъ — улучшается ли въ концѣ концовъ ихъ положеніе по сравненію съ тѣмъ, въ которомъ они находились у себя на родинѣ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить данныя, полученныя въ результатѣ подворныхъ обслѣдованій хозяйственнаго быта сибирскихъ новоселовъ.

Къ сожалѣнію, эти данныя касаются далеко не всѣхъ, а только сравнительно незначительной части устроившихся въ Сибири переселенцевъ, но знакомство и съ такими данными не безынтересно.

За послѣднее десятилѣтіе по данному вопросу собраны цифровыя свѣдѣнія, полученныя въ результатѣ опроса всего лишь 93.312 семей новоселовъ. Кромѣ того, ознакомленіе съ воздѣйствіемъ всѣхъ мѣстныхъ условій на хозяйство новоселовъ не представляется возможнымъ въ виду крайне разнообразныхъ почвенныхъ, климатическихъ и др. условій тѣхъ или другихъ мѣстностей Сибири. Въ виду-то этого и приходится ограничиться здѣсь приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ, характеризующихъ хозяйственное положеніе переселенцевъ.

Прежде всего мы приведемъ таблицу данныхъ о хозяйственномъ положеніи новоселовъ въ зависимости отъ разселенія ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Сибири.

У переселенцевъ, водворившихся:	Приход. въ средн. на дворъ. Лошадей.	Приход. въ средн. на дворъ. Рогат. скота.	Велич. посѣвн. площ. на дворъ въ десятинахъ.	% семейств. имѣющихъ: Лошадей.	% семейств. имѣющихъ: Рогат. скота.	% семействъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство.
Въ Тобольской губерніи . . .	2,3	2,7	4,3	94,4	93,9	95,1
„ Томской губ. — На казенныхъ земляхъ . .	2,5	2,5	4,3	94,0	92,8	90,5
„ Томской губ. — На кабинетск. земляхъ . .	3,7	3,9	5,4	95,7	94,5	87,6
„ Акмолинской области . . .	1,7	4,1	5,7	78,9	87,8	85,0
„ Семипалатинской области .	3,6	5,0	3,8	89,8	86,9	94,1
„ Енисейской губерніи	2,6	2,7	2,2	94,0	89,9	95,3
Въ среднемъ по Сибири . .	2,8	3,3	5,0	91,8	92,6	90,1

Изъ этой таблички видно, что одной изъ болѣе благопріятныхъ мѣстностей для переселенческаго хозяйства является Алтайскій округъ, Томской губерніи. Здѣсь новоселы наиболѣе обезпечены живымъ инвентаремъ, а въ связи съ этимъ находится и значительный, въ среднемъ, размѣръ обрабатываемой ими земельной площади; хотя, въ общемъ, % семействъ, ведущихъ здѣсь самостоятельное хозяйство, и не такъ великъ, какъ въ Енисейской и Тобольской губерніяхъ (87,6 противъ 95,3 и 95,1).

Посмотримъ теперь, насколько обезпечены были переселенцы различныхъ годовъ живымъ инвентаремъ и обработанной земельной площадью по сравненію съ обезпеченностью въ этомъ отношеніи у себя на родинѣ

Сравнительное матеріальное благосостояніе переселенцевъ.												
Годъ переселенія.	А. На родинѣ.						Б. Въ Сибири.					
	% отношеніе къ общему числу семей количества семей, имѣвшихъ:					Число десят. надѣл. земли на семью.	% отношеніе къ общему числу семей количества семей, имѣвшихъ:					Число десят. надѣл. земли на семью.
	Лошадей.	Рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Земледѣльч. орудій.	Самостоятел. хозяйство.		Лошадей.	Рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Земледѣльч. орудій.	Самостоятел. хозяйство.	
	%	%	%	%	%		%	%	%	%	%	
1889	83	83	68	77	83	2,7	94	94	86	82	91	7,5
1890	85	73	74	78	86	3,6	94	95	76	82	94	5,9
1891	82	82	68	73	82	3,0	94	94	80	79	90	6,2
1892	81	81	73	74	85	2,8	96	95	82	80	93	5,9
1893	79	76	65	71	80	2,6	94	95	77	81	90	5,4
1894	78	76	68	74	77	2,7	94	93	81	83	90	5,1
1895	72	73	59	65	74	2,1	88	81	76	81	92	4,2
1896	74	74	64	68	79	2,3	90	93	69	80	92	3,6
1897	85	83	73	79	81	2,4	97	96	77	82	93	5,0
1898	81	81	69	76	81	3,0	93	88	59	78	89	3,3

Изъ этой таблицы мы наглядно убѣждаемся, что число переселенцевъ, обезпеченныхъ живымъ инвентаремъ и посѣвной площадью, по переселеніи въ Сибирь увеличивается, хотя и не особенно значительно. Сравнительно слабый подъемъ благосостоянія данныя этой таблицы отмѣчаютъ у переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь въ 1895 г. Это обстоятельство объясняется наблюдавшимся въ срединѣ 90-хъ годовъ общимъ пониженіемъ состоятельности крестьянъ, выселившихся въ Сибирь, что въ свою очередь объясняется голодовками,

истощившими средства крестьянъ. А чѣмъ меньше обезпечены переселенцы наличными средствами, тѣмъ дольше они не становятся на ноги на новыхъ мѣстахъ Это особенно хорошо иллюстрируетъ г. Кауфманъ въ своемъ изслѣдованіи „Томскіе переселенцы".

Вотъ сгруппированныя данныя, добытыя имъ въ результатѣ подворнаго обслѣдованія поселковъ томскихъ переселенцевъ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ:

У переселенцевъ.	Приходилось въ среднемъ на дворъ.		% дворовъ.			
	Рабочихъ лошадей.	Десятинъ посѣва.	Безъ посѣва и сѣющ. менѣе 1 десят.	Сѣющихъ болѣе 10 десятинъ.	Безлошадн. и однолошадныхъ.	Отпускающ. батраковъ.
Пришедшихъ безъ денегъ	1,7	2,8	35,5	2,7	43,2	24,2
Принесшихъ до 25 руб.	2,1	3,7	21,1	3,1	31,6	16,3
Отъ 25—50 руб.	2,4	4,8	13,3	8,5	23,4	12,3
„ 50—100 руб.	2,8	6,0	5,6	10,9	11,9	11,7
„ 100—200 руб.	3,2	7,2	5,9	19,9	11,9	4,8
Болѣе 200 руб.	3,7	9,1	2,2	38,7	7,4	2,2

Изъ этихъ данныхъ видно, насколько важно имѣть для переселенцевъ хотя бы незначительную свободную сумму денегъ на домообзаводство на первыхъ порахъ. Изъ таблицы видно, что уже среди семей, принесшихъ съ собою до 50 руб., число безлошадныхъ было почти вдвое меньшимъ, а число хозяйствъ, отпускающихъ батраковъ, вдвое меньшимъ по сравнеіи съ переселенцами, совсѣмъ не располагавшими свободными средствами при водвореніи. Точно также и остающихся безъ

посѣва или сѣющихъ менѣе 1 десятины у первыхъ было почти втрое менѣе дворовъ, чѣмъ у вторыхъ.

Важно также для прочнаго устройства въ Сибири обладаніе достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ.

Насколько имѣетъ значеніе это послѣднее обстоятельство, видно изъ опроса томскихъ переселенцевъ, осѣвшихъ до 1894 г. Данныя этого опроса сгруппированы г. Кауфманомъ въ слѣдующую таблицу:

Въ переселенческихъ семьяхъ:	Въ среднемъ на дворъ приходилось:		% домохозяйствъ.		
	Рабочихъ лошадей.	Десятинъ посѣва.	Безъ посѣва и сѣющихъ до 1 десят.	Безлошадн. и однолошадныхъ.	Продающихъ хлѣбъ.
Безрабочихъ или съ однимъ полуработникомъ	1,2	1,9	56,7	64,7	21,3
Однорабочихъ	1,6	2,7	33,1	44,5	23,1
Съ 1½—2½ работниками . .	2,6	5,1	13,2	19,8	37,7
Съ 3 и болѣе работниками . .	3,8	8,7	5,8	5,6	51,9

Слѣдовательно, многорабочія семьи имѣли слишкомъ вдвое болѣе лошадей и засѣвали слишкомъ вдвое болѣе земли, нежели однорабочія; больше, чѣмъ вдвое было и домохозяйствъ, продающихъ хлѣбъ.

Такіе же результаты получены были и при опросѣ переселенцевъ, водворенныхъ въ поселкахъ Тобольской губерніи съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г., какъ это видно изъ изслѣдованій, обработанныхъ подъ руководствомъ Н. К. Куша и А. Станкевича.

Однимъ изъ исходовъ изъ тяжелаго положенія, въ которое попадаютъ переселенческія семьи, пришедшія

въ Сибирь безъ рабочихъ рукъ и безъ денегъ, является отходъ членовъ семьи на промыслы и нищенство.

Къ сожалѣнію, изслѣдованія въ этомъ направленіи дѣлались не вездѣ, и мы располагаемъ цифровыми данными лишь по одному Ялуторовскому округу, Тобольской губерніи.

Данныя эти, касающіяся переселенцевъ, старожиловъ-раскольниковъ и старожиловъ-православныхъ, имѣются въ „Матеріалахъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Ялуторовскаго округа, Тобольской губерніи“ Т. I, обработанныхъ подъ руководствомъ Н. К. Куша.

Сгруппируемъ эти данныя для большей наглядности въ таблицу. (См. на оборотѣ).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что наибольшее число хозяйствъ, отпускающихъ своихъ членовъ на сторону, въ отходъ на промыслы и въ нищенство, даютъ тѣ хозяйства, которыя не имѣютъ рабочихъ лошадей, не имѣютъ совсѣмъ посѣва или имѣютъ его только 1 десятину и которыя, наконецъ, не располагаютъ совсѣмъ рабочими руками или имѣютъ ихъ не болѣе трехъ.

Изъ 715 такихъ обслѣдованныхъ хозяйствъ (у раскольниковъ) съ 1785 человѣками обоего пола—181 хозяйствъ отпускали своихъ членовъ на сторону (изъ нихъ 52 на пріиски); всего душъ они на работу отпускали 364 (вообще—182 муж. и 100 жен., на пріиски—57 мужчинъ и 25 женщинъ). Нищенствующихъ семей въ этой категоріи хозяйствъ оказалось 140, выпустившихъ отъ себя „въ кусочки“ — 228 человѣкъ обоего пола (89 мужчинъ и 139 женщинъ).

У старожиловъ-православныхъ—изъ 3.890 такихъ маломощныхъ хозяйствъ съ 11.838 душами обоего пола, отпускавшихъ въ отхожіе промыслы было,—вообще на сторону—1.070 (изъ нихъ на пріиски—286); всего душъ

Вѣроисповѣдныя группы.	Группы наличныхъ хозяйствъ.			Всего зарегистрированныхъ хозяйствъ.	Число населенія въ зарегистрированныхъ дворахъ.			ОТХОЖІЕ ПРОМЫСЛЫ.									Нищенство.			
								Хозяйствъ, отпускавшихъ:			Душъ ушедшихъ:						Семей съ нищенствующими.	Душъ.		
											Вообще.			На пріиски.						
	По посѣву.	По рабочимъ лошадямъ.	По годнымъ работникамъ м. п. въ возрастѣ отъ 18—60 л.		м. п.	ж. п.	об. п.	На пріиски.	На другіе промыслы.	Вообще на сторону.	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.		муж. п.	жен. п.	об. б.
У старожиловъ раскольниковъ.	Имѣющихъ на надѣльной и арендованной земтѣ до 1 каз. десят. посѣва и неимѣющ. пос.	Безъ рабочихъ лошадей	Отъ 0 до 3 работник.	715	692	1093	1785	52	129	181	182	100	282	57	25	82	140	89	139	228
		Отъ 1—3 лош.		110	164	202	366	6	17	23	22	11	33	6	6	12	10	14	13	27
		„ 3—7 лош.		10	29	23	52	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
				835	885	1318	2203	58	147	205	205	111	316	63	31	94	150	103	152	255
	Имѣющ. посѣва отъ 1 до 3 казенныхъ десятинъ.	Безъ раб. лош.	Отъ 0 до 3 работник. и болѣе.	368	617	740	1357	26	89	115	114	32	146	38	6	39	14	20	15	35
		1—3 лош.		639	1041	1219	2260	18	106	124	138	57	195	20	1	21	20	24	18	42
		3—7 лош.		13	28	26	54	1	2	3	2	1	3	1	—	1	—	—	—	—
				1020	1686	1985	3671	45	197	242	254	90	344	54	7	61	34	44	33	77
	Имѣющ. свыше 20 казенныхъ десятинъ посѣва.	3—7 лош.	Отъ 0 до 3 работник.	278	947	1007	1954	2	4	6	9	1	10	2	—	2	—	—	—	—
		7—12 лош.		243	991	972	1963	1	2	3	5	—	5	1	—	1	—	—	—	—
		Больше 12 лош.		31	126	154	280	—	1	1	2	1	3	—	—	—	—	—	—	—
				552	2064	2138	4197	3	7	10	16	2	18	3	—	3	—	—	—	—
У старожиловъ православныхъ.	Имѣющ. до 1 казен. десят. посѣва и неимѣющихъ посѣва.	Безъ раб. лош.	Отъ 0—3 работниковъ.	3890	5477	6361	11838	286	784	1070	1098	476	1574	273	52	325	882	769	692	1461
		1—3 лош.		1068	2023	2224	4247	48	265	318	387	128	465	53	6	59	182	198	121	319
		3—7 лош.		25	67	69	136	—	5	5	8	4	12	—	—	—	1	1	1	2
				4978	7567	8654	16221	334	1054	1388	1443	608	2051	326	58	384	1065	968	814	1782
	Имѣющ. посѣва отъ 1 до 3 казенныхъ десятинъ.	Безъ раб. лош.	Отъ 0—3 работниковъ.	1614	3335	3516	6851	82	534	616	635	174	809	96	10	106	153	152	108	260
		1—3 лош.		3787	8242	8890	1713	118	945	1063	1179	259	1488	143	22	165	190	181	148	329
		3—7 лош.		167	462	471	938	7	19	26	27	11	38	7	2	9	—	—	—	—
				5568	12089	12877	24916	207	1498	1705	1841	444	2285	246	34	280	343	333	256	589
	Имѣющ. посѣва свыше 20 казенныхъ десятинъ.	3—7 лош.	Отъ 0—3 работниковъ.	186	693	745	1438	2	4	6	7	1	8	3	—	3	—	—	—	—
		7—12 лош.		275	1168	1172	2340	1	1	2	2	1	3	1	1	2	—	—	—	—
		Больше 12 лош.		55	275	258	533	—	1	1	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—
				516	2136	2175	4311	3	6	9	11	2	13	4	1	5	—	—	—	—

обоего пола на сторону они выпускали — 1.574 вообще (1.088 муж. и 476 женщинъ) и 355 на пріиски (273 муж. и 52 женщ.). Нищенствующихъ семей у старожиловъ-православныхъ оказалось 882 съ 1.461 душами обоего пола (769 мужчинъ и 692 женщинъ).

Въ хозяйствахъ при томъ же количествѣ посѣва и работниковъ, но при числѣ рабочихъ лошадей отъ 1 до 3-хъ, число уходящихъ на сторону и нищенствующихъ уже значительно падаетъ (какъ у раскольниковъ, такъ и у православныхъ); а при наличности рабочихъ лошадей отъ 3 до 7 явленіе отхода и нищества уже почти совсѣмъ исчезаетъ. Увеличеніе посѣвной площади отъ 1 до 3-хъ десятинъ, при отсутствіи рабочаго скота и рабочихъ рукъ, даетъ еще значительное число уходящихъ на заработки и въ нищенство; но увеличеніе рабочаго скота отъ 1 до 3-хъ и отъ 3-хъ до 7-ми опять-таки въ первомъ случаѣ ослабляетъ, а во второмъ совершенно уничтожаетъ отходъ и нищенство. При наличности исключительно благопріятныхъ условій, въ которыхъ стоитъ хозяйство, именно, при посѣвной площади свыше 20 десятинъ, при количествѣ рабочаго скота отъ 3-хъ до 7-ми, отъ 7-ми до 12-ти и при работникахъ отъ 1-го до 3-хъ—отходъ и нищенство уже совсѣмъ не имѣютъ мѣста.

Итакъ, на вопросъ улучшается ли вообще положеніе крестьянъ, переселяющихся въ Сибирь, по сравненію съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ они находились на родинѣ, данныя обслѣдованія быта переселенцевъ, хотя и позволяютъ отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ, но съ большими оговорками.

Оказывается, что скоро и прочно устраиваются только средне-состоятельныя семьи, т.-е. меньшинство переселенцевъ; хозяйство же малоимущихъ семей долго находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Бла-

госостояніе этихъ послѣднихъ семей такъ шатко, что иногда не можетъ побороть первой голодовки, которыя въ послѣднее время стали довольно часто посѣщать и Сибирь. „Царь-голодъ“, отъ котораго бѣгутъ переселенцы съ своей родины, идетъ за ними слѣдомъ и въ Сибирь.

Какъ отразился, напримѣръ, „недородъ“ 1900—1901 гг., охватившій многія мѣстности Западной Сибири и все Степное генералъ-губернаторство, на сибирскихъ новоселахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія переселенческаго врача К. П. Орлова, сдѣланнаго имъ омскому медицинскому обществу. По сообщенію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 174, 1901 г.), врачъ Орловъ въ апрѣлѣ 1901 г. былъ командированъ на цинготную эпидемію, появившуюся въ 9 новыхъ переселенческихъ поселкахъ, образовавшихся въ теченіе весны и лѣта 1900 г. въ предѣлахъ Омскаго уѣзда, на совершенно новыхъ мѣстахъ, среди сплошной киргизской степи, въ 130—150 вер. отъ Омска.

Новоселы, 2.300 чел. обоего пола, были выходцы изъ малороссійскихъ губерній и, судя по багажу, который они везли съ собой на новыя мѣста, казались людьми если не состоятельными, то во всякомъ случаѣ стоящими выше средняго уровня состоятельности переселенцевъ. Сибирь довольно непривѣтливо встрѣтила новыхъ пришельцевъ: бывшая здѣсь въ прошломъ году засуха погубила всѣ посѣвы, которые были сдѣланы новоселами, а страшные бураны и морозы доставили имъ много тяжелыхъ испытаній зимой. Какъ бы то ни было, но до весны текущаго года о новыхъ поселкахъ ничего не было слышно.

Но вотъ въ мартѣ въ омскую переселенческую больницу стали поступать оттуда цинготные больные съ очень тяжелыми формами болѣзни. Когда заявленія

объ этомъ врача, завѣдующаго больницей, достигли областной администраціи, въ поселки и были командированы переселенческій врачъ и одинъ изъ областныхъ чиновниковъ съ спеціальной цѣлью опредѣлить размѣры цынготной эпидеміи и выяснить причины ея возникновенія. Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что изъ всѣхъ 9-ти поселковъ, которые посѣтилъ командированный врачъ, только въ одномъ не оказалось цинготныхъ, въ остальныхъ ихъ было отъ 2,3% до 40% населенія отдѣльныхъ поселковъ, а всего имъ было зарегистровано больныхъ 328 случаевъ, или, другими словами, оказалось, что 14% всѣхъ новоселовъ были больны цынгой въ различныхъ ея формахъ. По сравненію съ мужчинами, давшими 11% заболѣванія, женщины поражались значительно чаще (17% общаго числа); въ домахъ безкоровныхъ почти обязательно были больные, но самыя ужасныя формы болѣзни врачу пришлось наблюдать у такъ называемыхъ неприписныхъ, т.-е. новоселовъ, переселившихся въ Сибирь безъ разрѣшенія начальства и неполучившихъ поэтому никакихъ льготъ при переѣздѣ и при устройствѣ. Вотъ, напр., какъ описываетъ этотъ врачъ положеніе одной семьи. „Самъ хозяинъ семьи лежитъ въ больницѣ съ очень тяжелой формой болѣзни; одинъ сынъ уже умеръ отъ цынги; жена, взрослая дочь и мальчикъ лѣтъ 12-ти, лежатъ прикованными къ кровати. Всѣмъ хозяйствомъ правитъ подростокъ лѣтъ 16-ти, но и тотъ еле волочитъ ноги—готовъ свалиться. Землянка, въ которой живетъ эта семья, ничѣмъ, впрочемъ, не отличающаяся отъ другихъ переселенческихъ землянокъ, представляетъ изъ себя яму, глубиною около 1½ аршина, обложенную со всѣхъ сторонъ дерномъ, съ микроскопическими двумя окошечками; вонь и сырость въ этой землянкѣ были настолько удручающими, что я не

могъ въ ней оставаться больше 10 минутъ". При изслѣдованіи причинъ развитія эпидеміи врачу прежде всего пришлось убѣдиться, что цынга въ этихъ поселкахъ началась еще въ ноябрѣ, но такъ какъ это были все легкія пораженія, то никто изъ заболѣвшихъ не придавалъ особаго значенія своей болѣзни и за помощью не обращался, тѣмъ болѣе, что на мѣстѣ этой помощи не было, а надо было ѣхать въ Омскъ (т.-е. за 130—150 вер.), едва ли не самый ближайшій пунктъ къ этимъ поселкамъ. Затѣмъ оказалось, что большинство участковъ, на которыхъ осѣли новоселы, не были предварительно обслѣдованы со стороны водоснабженія, и новоселамъ приходилось пить отвратительную воду изъ колодцевъ, вырытыхъ собственными средствами. Но всего болѣе содѣйствовала распространенію цынги въ этихъ поселкахъ недостаточность питанія. Не собравъ съ своихъ полей ни хлѣба, ни овощей, новоселы остались на покупномъ хлѣбѣ и на салѣ, которымъ обязательно запасается каждая переселенческая партія изъ малороссовъ. Какъ удалось выяснить врачу, пища новоселовъ всю зиму состояла изъ галушекъ и такъ называемаго борща, т.-е. сала, свареннаго на квасѣ и подбитаго мукой. Но, какъ сознались сами переселенцы, и на этой пищѣ они экономили, потому что сберегали средства къ весеннему посѣву. По общему положенію о переселенцахъ и новоселы описываемыхъ 9-ти поселковъ получили пособіе на домообзаводство, въ размѣрѣ 100 руб., но пособіе это выдавалось не сразу, а рублей по 30, 20 и даже 10-ти, за которыми каждый разъ приходилось ѣздить въ Омскъ за 130—150 верстъ. Съ января мѣсяца всѣ приписные новоселы наравнѣ съ остальнымъ крестьянскимъ населеніемъ области стали получать ссуду хлѣбомъ на продовольствіе по 30 руб. на ѣдока, но и за этимъ хлѣбомъ приходилось ѣздить

въ Омскъ. Неприписные новоселы ни пособія на домообзаводство, ни ссуды на продовольствіе, конечно, не получали...

Такое тяжелое положеніе новоселовъ засвидѣтельствовано и въ оффиціальныхъ источникахъ.

Такъ, въ недавно опубликованномъ отчетѣ статсъ-секретаря А. Н. Куломзина „О состояніи особаго благотворительнаго фонда для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ по 1-е января 1901 г.“ говорится, что „бѣдственное положеніе многихъ новоселовъ, еле начавшихъ устраиваться на своихъ участкахъ, поистинѣ ужасно; но еще тяжелѣе положеніе тѣхъ переселенцевъ, которые не успѣли водвориться и приписаться къ сельскимъ обществамъ. Голодные, они бродятъ и ищутъ какой бы то ни было работы и у старожиловъ, и на желѣзной дорогѣ, чтобы чѣмъ-нибудь накормить себя и свои семьи“.

Между тѣмъ такихъ „неприписныхъ“, т.-е. самовольныхъ переселенцевъ, ждущихъ приписки къ обществамъ новоселовъ въ Сибири надо считать тысячами: въ одной только Акмолинской области ихъ оказалось болѣе 22.000 чел. А такъ какъ правительство даетъ ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе только „приписнымъ“ переселенцамъ, то вся „неприписная“ масса людей, въ десятки тысячъ людей, если бы не пришла къ нимъ помощь со стороны русскаго общества, прямо должна бы умереть съ голоду.

Изъ частныхъ обществъ, пришедшихъ на помощь несчастнымъ переселенцамъ, слѣдуетъ отмѣтить Омское медицинское общество. Какъ только выяснилась окончательно недостаточность урожая, въ медицинскомъ обществѣ было созвано общее собраніе для обсужденія программы дѣйствій по оказанію продовольственной помощи населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ недо-

рода. Общество рѣшило оказывать помощь главнымъ образомъ „неприписнымъ“ переселенцамъ, такъ какъ продовольствіе приписныхъ взяло на себя правительство, ассигновавши на это дѣло 800.000 руб. Помощь рѣшено было оказывать устройствомъ столовыхъ и выдачей пайковъ. По подсчету, произведенному медицинскимъ обществомъ, на продовольствіе „неприписныхъ“ только въ Акмолинской области нужно было истратить приблизительно 98.656 руб.

Нужна ли была помощь „неприписнымъ“ переселенцамъ мы видѣли уже изъ доклада врача Орлова, сдѣланнаго имъ Омскому медицинскому Обществу.

Правительство въ виду предстоявшей въ 1900—1901 г. голодовки, а также въ виду осложненій на Востокѣ, потребовавшихъ усиленнаго передвиженія войскъ въ Сибирь, въ іюнѣ 1900 г. рѣшило пріостановить переселенческое движеніе, запретивъ выдачу проходныхъ и ходаческихъ свидѣтельствъ и отмѣнивъ на время дѣйствіе льготнаго переселенческаго тарифа.

Но это запрещеніе не въ силахъ было задержать переселенческаго потока и только причинило переселенцамъ, находившимся уже въ пути, излишнія ненужныя страданія. Да и на самомъ дѣлѣ, какъ можно было удержать на родинѣ тѣхъ крестьянъ, которые формально были уже приписаны на новыхъ земляхъ? Зачисленіе земли за ходоками происходило въ томъ же году и въ томъ же районѣ, который пострадалъ отъ неурожая. Переселяющіеся крестьяне, зная это, порѣшили окончательно на прежнихъ мѣстахъ и съ своею землею, и съ своимъ имуществомъ. Что же имъ оставалось дѣлать, какъ не двигаться въ путь, несмотря ни на какія запрещенія?

Такъ и случилось.

Переселенческое движеніе 1900 г. превзошло всѣ предыдущіе годы и, по даннымъ челябинской регистраціи, къ 1-му сентября достигло 213.442 душъ обоего пола, прошедшихъ въ Сибирь и 67.759 вернувшихся въ Европейскую Россію, т.-е. почти на 20% больше, чѣмъ прошло и вернулось переселенцевъ въ 1899 году и на 42%—по сравненію съ 1897 г. за тѣ же періоды времени. Особенно усилилось движеніе на Амуръ; туда за 8 мѣсяцевъ по 1-е сентября, прошло болѣе 10.000 человѣкъ однихъ только семейныхъ переселенцевъ, тогда какъ въ предыдущіе годы амурскихъ переселенцевъ насчитывалось не больше 3—5 тысячъ за цѣлый годъ.

Вообще движеніе на Амуръ съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается. Въ газетахъ сообщалось, что весною 1901 г., по распоряженію переселенческаго управленія, предположено отправить туда на пароходахъ Добровольнаго флота изъ Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской, Херсонской, Таврической, Бессарабской, Эстляндской и Лифляндской губерній—7.100 душъ переселенцевъ.

Какъ отразился министерскій циркуляръ, пріостановившій переселенческое движеніе, на переселенцахъ, находившихся уже въ пути, корреспондентъ „Русск. Вѣд." въ № 343 за 1900 г. разсказываетъ слѣдующее:

„Съ изданіемъ распоряженія о прекращеніи переселенческаго движенія всѣ ѣхавшіе по Сибирской дорогѣ переселенцы должны были сойти на ближайшихъ переселенческихъ пунктахъ, тамъ, гдѣ ихъ застало распоряженіе, и ожидать возможности двинуться дальше. Лишь часть переселенцевъ, вынужденныхъ такимъ образомъ прервать свое путешествіе, могла вернуться обратно въ Россію, много переселенцевъ ушло съ пунктовъ въ ближайшіе поселки, но всего больше ихъ (около 8.000 человѣкъ) осталось на пунктахъ.

О томъ, какая была скученность на пунктахъ, могутъ дать понятіе слѣдующія данныя. Въ Стрѣтенскѣ, напр., гдѣ было всего два барака, объемомъ приблизительно въ 82 куб. саж. и въ которыхъ можно было помѣститься не болѣе 320 чел., уже въ маѣ и іюнѣ никогда не было менѣе 1.000 чел., а временами доходило и до 2—3 тысячъ чел.; весь іюнь и въ началѣ іюля было около 1.200 чел., а съ средины іюля—около 900 чел. Въ Тулунѣ, гдѣ имѣлся баракъ вмѣстимостью въ 66 куб. саж., самое большее на 150 чел., переселенцевъ въ продолженіе всего іюня и іюля было болѣе тысячи, а временами число это поднималось до 2-хъ тысячъ. Въ Иркутскѣ и Мысовой имѣется всего по одному бараку, въ 40 куб. саж. каждый, а на этихъ пунктахъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ скоплялось по тысячи человѣкъ. Подобныя же отношенія между количествомъ переселенцевъ и размѣрами приспособленныхъ для нихъ помѣщеній наблюдались на западныхъ участкахъ. Завѣдующіе пунктами старались восполнять недостатокъ помѣщенія юртами, брезентными палатками, досчатыми навѣсами и т. п., но при суровости и непостоянствѣ сибирскаго климата, гдѣ нерѣдко и среди лѣта бываютъ холодныя ночи, всѣ эти мѣры только отчасти могли замѣнить недостатокъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ.

„Если прибавить къ этому, что въ моментъ прекращенія переселенческаго движенія Сибирь была объявлена на военномъ положеніи, послѣдствіемъ чего между прочимъ было вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости, особенно тяжело отразившаяся на переселенцахъ, какъ наименѣе обезпеченной части населенія,—мы поймемъ, что тогда на пунктахъ были даны всѣ условія для развитія разныхъ эпидемій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленной смертности. Собственно говоря, уже въ обычное время заболѣваемость и смертность

среди переселенцевъ значительно выше, чѣмъ въ остальномъ населеніи, что понятно само собою, такъ какъ во все время пути они находятся въ совершенно исключительныхъ антигигіеническихъ условіяхъ, но въ нынѣшнемъ году цифры заболѣваемости и смертности поднялись выше цѣлаго ряда предыдущихъ годовъ. Такъ, по сравненію съ 1899 г. заболѣваемость заразными болѣзнями поднялась съ 23 до 25%, органовъ пищеваренія—съ 17 до 24%, дыханія—съ 12,9 до 15% и кожными болѣзнями—съ 7 до 11%. Что касается смертности среди переселенцевъ за текущій годъ, то абсолютно она не рѣзко увеличилась, а именно — съ 0,09% за 1899 г. поднялась до 0,11% въ нынѣшнемъ году, но если взять цифры, касающіяся не общей массы переселенцевъ, а только группы задержанныхъ, то явленіе это получаетъ совсѣмъ иной характеръ. Особенно въ этомъ отношеніи поучительна судьба группы задержанныхъ въ пути амурскихъ переселенцевъ, заболѣваемость и смертность среди которыхъ особенно хорошо прослѣжены. Группа эта, состоящая приблизительно изъ 4.000 душъ обоего пола, до 1-го минувшаго октября потеряла 189 человѣкъ, или почти 4,5%. Изъ общей массы погибшихъ 30% умерли отъ кори, 10%—отъ дизентеріи, 5%—отъ дифтерита, 12%—отъ другихъ заразныхъ болѣзней, 32%—отъ болѣзней органовъ пищеваренія и 11%—отъ всѣхъ прочихъ болѣзней. Уже изъ этихъ цифръ видно, что большинство умершихъ, дѣти, а именно изъ 182 погибшихъ—168 дѣти и только 14 взрослыхъ. Въ частности изъ группы амурскихъ переселенцевъ особенно пострадала партія харьковцевъ изъ Лебедянскаго уѣзда. Изъ 556 человѣкъ этой партіи умерло 46 человѣкъ, или 8,3%; другая партія амурскихъ переселенцевъ за два мѣсяца пребыванія въ Срѣтенскѣ потеряла 60 человѣкъ. Не было семьи, ко-

торая не потеряла бы одного - двухъ дѣтей. Многія семьи изъ задержанныхъ потеряли всѣхъ дѣтей, а одна семья всѣхъ взрослыхъ. Такъ какъ и до сихъ поръ немало изъ этихъ задержанныхъ переселенцевъ еще не устроились и живутъ частью на пунктахъ, частью на поселкахъ, а слѣдовательно условія ихъ жизни не измѣнились, то полную картину ихъ бѣдствій можно будетъ себѣ составить только въ будущемъ.

„Въ заключеніе два слова еще объ одной группѣ переселенцевъ, такъ называемыхъ уссурійскихъ партіяхъ. Партіи эти и составлялись и ѣхали по Сибири совсѣмъ не обычно, и на отправленіе ихъ надо смотрѣть какъ на первый опытъ перевозки переселенцевъ на дальній Востокъ по новому типу, взамѣнъ морского пути, оказавшагося черезчуръ дорогимъ и не отвѣчающимъ самымъ элементарнымъ требованіямъ санитаріи, такъ какъ бывали партіи, которыя во время путешествія по морю теряли до 8% своихъ членовъ. Уссурійскія партіи въ нынѣшнемъ году составлялись частью въ Челябинскѣ, частью въ Сызрани и ѣхали со скоростью пассажирскаго движенія въ вагонахъ 4-го класса вплоть до Стрѣтенска. Тамъ они садились на пароходы до Хабаровска. На всемъ пути до этого послѣдняго пункта они сопровождались врачомъ и фельдшерицей, которые не только слѣдили за санитарнымъ состояніемъ партій, но и за питаніемъ. Сами переселенцы эти партіи называли „царскими“, — такъ необычны были для нихъ тѣ элементарныя удобства, которыми они пользовались во время пути. Всего такимъ образомъ прошло въ Уссурійскій край шесть партій въ составѣ 3.577 душъ. Всѣ онѣ прослѣдовали черезъ Сибирь до объявленія войны безъ всякихъ задержекъ, и только во время пути по Шилкѣ имъ пришлось пережить не мало тяжелыхъ

минутъ. Задержанные мелководьемъ этой рѣки, переселенцы терпѣли недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ, запасенныхъ переселенческою администраціей въ извѣстныхъ пунктахъ и въ ограниченномъ количествѣ. Возникавшія на этой почвѣ недоразумѣнія между переселенцами и пароходною администраціей, съ одной стороны, и сопровождавшимъ ихъ медицинскимъ персоналомъ—съ другой, по временамъ настолько обострялись, что грозили принять очень опасный характеръ. Въ одномъ 'случаѣ медицинскій персоналъ долженъ былъ оставить пароходъ... Во всякомъ случаѣ всѣ эти партіи дошли до мѣста въ отличномъ положеніи съ санитарной точки зрѣнія"...

Съ 1-го марта 1901 г. циркуляромъ вновь разрѣшена выдача ходаческихъ и проходныхъ свидѣтельствъ и возстановленъ льготный тарифъ. Вмѣстѣ съ этимъ циркуляръ предписываетъ предупреждать крестьянъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми имъ придется встрѣтиться весной въ виду неурожая.

Однако одно предупрежденіе мало помогаетъ дѣлу. Мы видѣли уже выше, что, несмотря на существовавшее запрещеніе переселеній до 1-го марта 1901 г., и сопровождавшее разрѣшеніе предупрежденіе въ этомъ году, за время съ 1-го января до 7-е сентября, все же прослѣдовало въ Сибирь переселенцевъ 77.774 д. об. пола и ходоковъ—19.721 человѣкъ. И на самомъ дѣлѣ, переселеніе является въ результатѣ дѣйствія столькихъ сложныхъ причинъ, что разныя предупрежденія и пресѣченія несомнѣнно всегда будутъ оказываться безсильными сдержать стихійное движеніе, какъ это и показывала намъ не разъ исторія переселенческаго движенія.

Гораздо было бы цѣлесообразнѣе, по нашему мнѣнію, распространить дѣйствіе серьезныхъ предупредитель-

ныхъ мѣръ, — каковы путевыя, продовольственныя и сѣмянныя ссуды и разнаго рода пособія, — распространить и на группу такъ называемыхъ „неприписныхъ“, т.-е. самовольныхъ переселенцевъ, какъ часто наиболѣе нуждающихся въ примѣненіи къ нимъ дѣйствительно такого рода „предупреждающихъ разореніе“ мѣръ. Тогда навѣрняка мы не столкнулись бы съ такимъ тяжелымъ явленіемъ, какъ возвращеніе на родину цѣлой четверти переселившихся въ 1901 г. Вѣдь эти „обратные“ не что иное, какъ громадная двадцатитысячная армія голодныхъ нищихъ.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хозяйственный бытъ сибирскихъ переселенцевъ и вообще культурныя условія жизни сибирскаго населенія въ пореформенный періодъ нашей исторіи.

I.

Общій видъ русскихъ сибирскихъ деревень. Домашній укладъ жизни сибиряковъ-старожиловъ и новоселовъ-переселенцевъ. Сибирскія почвы.

Въ своемъ послѣднемъ, четвертомъ, очеркѣ мы попытаемся обрисовать хозяйственный укладъ жизни сибирскаго крестьянства, а также намѣтить въ общихъ чертахъ рамки существующихъ культурныхъ условій, рамки, въ которыя вдвинута жизнь вообще всего сибирскаго населенія.

Но при этомъ мы еще разъ считаемъ не лишнимъ оговориться, что въ предлагаемомъ очеркѣ мы отнюдь не задаемся цѣлью нарисовать передъ читателемъ *полную картину* культурныхъ условій жизни сибирскаго населенія.

Въ нашемъ очеркѣ читатели найдутъ лишь отдѣльные штрихи этой картины. И мы будемъ вполнѣ удовлетворены, если наши штрихи освѣтятъ хоть нѣсколько передъ читателемъ жизнь сибирской „тайги“ и „таежныхъ прогалинъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ сырымъ

матеріаломъ для настоящаго художника-историка, который болѣе искусной рукой развернетъ впослѣдствіи передъ читателемъ полную яркую картину современной сибирской культуры.

Начнемъ съ описанія общаго вида русскихъ сибирскихъ деревень.

Видомъ русскія сибирскія деревни мало отличаются отъ нашихъ великорусскихъ деревень. Впрочемъ, старыя селенія старожиловъ, лежащія въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, построены нѣсколько разбросаннѣе. Прежнихъ посельщиковъ планами не стѣсняли, и поэтому они строились такъ, какъ кому казалось удобнѣе. Обыкновенно каждый захватывалъ какъ можно больше мѣста подъ усадьбу, чтобы можно было имѣть подъ руками, и хозяйственныя пристройки, и огородъ, и даже небольшой сѣнокосъ. Въ такихъ селеніяхъ правильныхъ улицъ нѣтъ, а все переулочки, и фасады домовъ выходятъ не на улицу, а больше на дворъ.

Напротивъ деревни, расположенныя по такъ называемому „большому сибирскому тракту",—который тянется отъ Екатеринбурга до верховьевъ р. Амура на 3.000 миль,—всегда вытянуты въ одну улицу, по обѣ стороны дороги. Иныя деревни протянулись по дорогѣ верстъ на 5 и больше. Вокругъ каждой сибирской деревни обгорожено для пастьбы скота большое мѣсто (которое такъ и называется „поскотиной") съ двумя воротами, въѣздными и выѣздными. Около воротъ обыкновенно стоитъ избенка поскотника, какого-нибудь выжившаго изъ рабочаго возраста больного или увѣчнаго старика, чаще всего изъ ссыльныхъ, на обязанности котораго и лежитъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы ворота всегда были затворены и скотина не разбрелась бы по лѣсу. За свой трудъ онъ получаетъ 3—4 руб.

въ мѣсяцъ отъ общества и живетъ кое-какъ, изо дня въ день, въ своей полуразрушенной избенкѣ или даже часто просто землянкѣ. Посрединѣ деревни обыкновенно водруженъ столбъ съ доской, на которой обозначено названіе деревни, число домовъ и ревизскихъ душъ въ ней и разстояніе отъ Петербурга и Москвы.

Таковъ общій видъ русскихъ сибирскихъ деревень. Сибиряки-старожилы рѣзко отличаются отъ сибирскихъ новоселовъ и по наружности, и по своему характеру и привычкамъ.

У коренныхъ сибиряковъ лица смуглыя и скуластыя, черноволосыя, глаза узкіе, съ прикосью; русская рѣчь съ большой примѣсью инородческихъ словъ.

Такой типъ сибиряковъ выработался благодаря цѣлымъ вѣкамъ жизни между болѣе многочисленными сибирскими инородческими племенами, съ которыми они и смѣшались, перенявши у нихъ многіе ихъ привычки и обычаи. По характеру сибирякъ смѣлѣе русскаго крестьянина, но угрюмѣе и черствѣе его; въ немъ нѣтъ той приниженности и раболѣпства, которыя такъ характерны для нашего крестьянина-великорусса; но за то нѣтъ у него и той мягкости и отзывчивости на „мірское горе", которыя такъ присущи нашему великороссійскому мужику. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что надъ кореннымъ сибирякомъ не тяготѣетъ проклятье крѣпостного права: оно не придавило его своей тяжестью, но оно же и не научило его сочувствовать придавленному, жалѣть его и помогать ему. Сибирякъ-старожилъ больше думаетъ о себѣ и о своихъ удобствахъ, и равнодушно, даже съ презрѣніемъ, смотритъ на бѣдноту, при всякомъ удобномъ случаѣ не брезгая и извлекать пользу изъ затруднительнаго положенія своего собрата.

Одинъ русскій путешественникъ такъ характеризуетъ самихъ сторожиловъ-сибиряковъ и ихъ житье-бытье.

„Старожилы-сибиряки — народъ довольно смѣлый, умѣлый и любознательный. Держатъ они себя свободно, независимо и безъ приниженія. Любятъ они чистоту и опрятность, а надъ грязью русскихъ крестьянъ-переселенцевъ подсмѣиваются, зовутъ ихъ „необразованными“, „неумытыми“. Объ одеждѣ своей сибиряки очень заботятся; въ воскресные дни непремѣнно надѣваютъ красную рубаху, плисовую поддевку и плисовыя шаровары; въ будни же носятъ рубахи ситцевыя, а поддевку казинетовую или какую иную. Русскихъ лаптей сибиряки никогда не носятъ,—лѣтомъ ходятъ въ кожаныхъ сапогахъ, а зимою въ валенкахъ или, какъ тамъ зовутся, въ пимахъ. Избы у сибиряковъ чистыя и опрятныя; въ каждой избѣ есть горница, то оштукатуренная, то оклеенная обоями, то обитая досками и холстомъ; такой холстъ всегда разрисовывается всякими цвѣтами и узорами. Сибиряки нерѣдко раскрашиваютъ и полъ, и потолокъ, и даже двери. На стѣнахъ въ избѣ висятъ бумажныя картины и портреты. Печки въ горницахъ почти всегда голландскія и выбѣленныя; въ горницѣ поставлена кровать съ 2—3 перинами, да 4—5 подушками. Въ избѣ, какъ и въ горницѣ, тоже всегда чистота и опрятность. Избу метутъ нѣсколько разъ въ день, а одинъ разъ въ недѣлю моютъ полъ, потолокъ и лавки; если они не крашены, то ихъ скоблятъ. Сибиряки и поѣсть любятъ хорошо. Въ ходу больше пшеничный хлѣбъ, который сибирячки пекутъ очень вкуснымъ и мягкимъ. Славится сибирская шаньга,—бѣлый хлѣбъ, который пекутъ, обмазавъ густой сметаной. Мясо въ большомъ ходу. Въ Барабѣ (въ Каинскомъ округѣ, Тобольской губерніи) почти половина домохозяевъ ѣстъ мясо каждый день, кромѣ пост-

ныхъ дней. Питье чая вездѣ въ обычаѣ; чай пьютъ кирпичный, почти всегда безъ сахара. Самоваръ имѣется въ каждомъ домѣ. На полевыя работы сибирякъ никогда не ходитъ, а всегда ѣздитъ, потому что и пашни отъ селеній далеко. Въ зимнюю пору сибиряки позажиточнѣе любятъ покататься, для катанья запрягается жеребецъ, который имѣется чуть не въ каждомъ хозяйствѣ.

„Въ крестьянской избѣ не рѣдкость зеркало и книги, особенно у торговыхъ крестьянъ".

Почти во всякомъ домѣ сибирскаго сторожила есть одна, а то и двѣ чистыя комнаты; въ нихъ стоитъ простая крашеная мебель, тюменьскіе расписные сундуки, половики. На стѣнѣ — лубочныя картинки, гравюры; тутъ же виситъ и ружье со всѣми снарядами, такъ какъ сибирякъ чаще всего страстный охотникъ; даже многія женщины умѣютъ управляться съ ружьемъ не хуже мужчинъ.

Сибирскіе старожилы и новоселы занимаются, конечно, по преимуществу земледѣліемъ; за исключеніемъ, впрочемъ, живущихъ по большому сибирскому тракту. Живущіе по тракту промышляютъ большею частью кто извозомъ, кто дворничествомъ, кто торговлей; земледѣліе здѣсь уже не составляетъ главнаго занятія жителей.

Крестьянское хозяйство въ Сибири ведется нѣсколько иначе, чѣмъ въ европейской Россіи, что вызывается своеобразными условіями почвы и климата въ этомъ краѣ.

Хотя въ Сибири земли и много, но далеко не вся она удобна для заселенія; въ общемъ удобной земли можно считать около двухъ третей. Напримѣръ, въ Каинскомъ округѣ, Тобольской губерніи, всего земли девять милліоновъ десятинъ, но изъ этого числа удоб-

ной для земледѣлія земли всего два милліона съ небольшимъ. То же и въ другихъ мѣстахъ. При томъ и удобныя сибирскія земли далеко не такъ богаты черноземомъ, какъ русскія; и такого толстаго слоя чернозема, какъ, напримѣръ, въ черноземной полосѣ европейской Россіи, въ Сибири нигдѣ нѣтъ.

Лучшей почвой въ Томской губерніи считается совершенно черный долинный черноземъ въ долинахъ Алтая и другихъ округахъ. Онъ легокъ для обработки и въ сухую и въ сырую погоду; въ иныхъ мѣстахъ такія пашни пашутся безъ отдыха и безъ удобренія много лѣтъ подъ рядъ и даютъ хорошіе урожаи.

Въ Тобольской губерніи,—въ округахъ Ишимскомъ, Курганскомъ и Тюкалинскомъ,—много бураго супесчанаго или песчанаго чернозема. На немъ хорошо родится пшеница, которую и сѣютъ здѣсь главнымъ образомъ. Пашется этотъ черноземъ не трудно и легко переноситъ засушливые и мокрые годы.

Таковы сибирскія плодородныя почвы.

О сибирскихъ почвахъ тамошніе хозяева говорятъ, что онѣ очень слабосильны, скоро выпахиваются. Такъ лучшіе черноземы Алтайскаго округа выпахиваются въ 10—15 лѣтъ, а въ Барабѣ даже въ три года. Чтобы сдѣлаться вновь годными для обработки, они должны долгое время отдыхать, находиться въ залежи. Такъ, въ Бійскомъ округѣ земля отдыхаетъ отъ 10 до 20 лѣтъ, въ Барнаульскомъ—отъ 7 до 15, въ Кузнецкомъ—отъ 10 до 30, въ Томскомъ—отъ 15 до 40, въ Каинскомъ—отъ 20 до 40, въ Тюкалинскомъ—отъ 15 до 25.

Въ Восточной Сибири черноземъ чаще встрѣчается въ Енисейской губерніи и больше всего въ округахъ Минусинскомъ, Каинскомъ и Ачинскомъ.

Въ Иркутской губерніи черноземъ встрѣчается рѣже; чаще же всего тамъ попадаются глинистыя земли; изъ

нихъ красные суглинки считаются лучшими по плодородію. Степныя земли въ обѣихъ губерніяхъ большею частью легкія—смѣсь песка съ перегноемъ и суглинкомъ.

На здѣшнихъ степныхъ земляхъ хлѣбъ отлично родится въ сырые годы; но въ сухіе—онъ зачастую выгораетъ на нихъ.

Лучшими для хлѣбопашества землями считаются здѣсь мѣста среднія, переходныя отъ лѣса къ степи. Такія мѣста рѣже, чѣмъ лѣсныя, страдаютъ отъ позднихъ весеннихъ инеевъ и вымочекъ въ дождливые годы и болѣе степныхъ избавлены отъ вымочки.

Въ Забайкальской области изъ всего ея огромнаго пространства въ 680.000 кв. верстъ подъ пашнями насчитывается едва нѣсколько тысячъ верстъ. Забайкальское крестьянство основалось ссылкой и составляетъ менѣе одной трети всего населенія области, а главное занятіе остальныхъ жителей, казаковъ и бурятъ,—скотоводство и охота.

Въ Приморской области земледѣліемъ почти совсѣмъ не занимаются: главное занятіе жителей здѣсь составляютъ—скотоводство, охота и рыбная ловля. Овощи поспѣваютъ здѣсь только мѣстами, а хлѣбъ очень рѣдко; вызрѣванію хлѣбовъ въ этихъ мѣстахъ препятствуютъ лѣтомъ—частые утренники и почти постоянные холодные туманы, а зимой сильные вѣтры съ Ледовитаго океана.

По словамъ академика Коржинскаго,—дѣлавшаго докладъ Вольному Экономическому Обществу 31 октября 1893 года объ Амурской области, какъ земледѣльческой колоніи,—въ описываемой части Амурской области районъ, удобный въ настоящее время для земледѣлія, сравнительно невеликъ: на долю переселенцевъ приходится удобной земли не болѣе 12.000 кв. верстъ. Дру-

гія мѣстности Амурской области или совсѣмъ неудобны для земледѣлія, или требуютъ затраты большого предварительнаго труда на приготовленіе земли подъ культуру.

Несмотря на сравнительное южное положеніе Амурской области, климатъ ея далеко не можетъ назваться умѣреннымъ; скорѣе его слѣдуетъ считать суровымъ. Холодные вѣтры обусловливаютъ низкую температуру зимы, когда морозы въ нѣкоторые дни достигаютъ—42° Такъ какъ господствующіе зимою вѣтры почти совершенно лишены водяныхъ паровъ, то они обусловливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайнюю бѣдность осадковъ въ теченіе зимы. Въ Амурской области только осенью и въ началѣ зимы идетъ снѣгъ; среди зимы его совершенно не бываетъ или онъ замѣняется снѣжною пылью. Санный путь устанавливается далеко не каждый годъ; чаще приходится круглый годъ ѣздить на колесахъ.

Въ противопололожность сухой безснѣжной зимѣ, лѣто чрезвычайно обильно осадками, и проливные дожди, особенно въ іюлѣ и августѣ, часто идутъ много дней подърядъ. Высокая температура лѣта, въ связи съ влажной атмосферой и обиліемъ осадковъ, обусловливаетъ въ южной полосѣ Амурской области роскошную и мощную растительность. Особенно поражаютъ наблюдателя первобытные лѣса, которые носятъ полутропическій характеръ, что особенно ясно выражается присутствіемъ нѣкоторыхъ формъ растеній, какъ, напр., винограда, манджурскаго орѣха (близкаго къ грецкому), сирени и т. п. Возможность существованія въ странѣ съ столь суровой зимой растеній, носящихъ южный характеръ, составляетъ весьма интересный и загадочный фактъ въ ботанической географіи. Надо однако замѣтить, что всѣ подобныя формы мѣстной растительности хотя и близки ко многимъ южнымъ и тропиче-

скимъ видамъ, но въ дѣйствительности представляютъ разновидности, приспособившіяся къ мѣстнымъ условіямъ и къ болѣе суровому климату.

Хлѣбная культура въ краѣ очень однообразна. Повсюду сѣютъ только яровую рожь, пшеницу и овесъ. Твердыхъ пшеницъ, какъ напр., хорошіе сорта бѣлотурки и проч., нельзя сѣять, потому что онѣ, вслѣдствіе влажнаго климата, поражаются головней и быстро вырождаются. Огородныя овощи производятся лишь для собственнаго потребленія. Скотоводство находится не въ особенно блестящемъ положеніи. Лошадей много, но онѣ скоро вырождаются здѣсь и значительно хуже тѣхъ, которыя приводятся поселенцами съ собой. Это объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе влажнаго климата и малаго количества солей въ почвѣ, травы здѣсь водянисты, невкусны и мало питательны. Кромѣ того, помимо сибирской язвы, очень часто уничтожающей большое количество скота, самое размноженіе лошадей встрѣчаетъ здѣсь какія-то особенныя неблагопріятныя условія, которыя остаются пока невыясненными; жеребята рѣдко донашиваются. Вообще по своимъ естественнымъ условіямъ Амуръ неблагопріятенъ для скотоводства, которое лучше развивается въ степяхъ. Малопитательность травъ вызываетъ то, что коровъ необходимо постоянно подкармливать мукой, а лошадямъ необходимо давать овесъ даже при легкой домашней работѣ.

Вся система сельскаго хозяйства, которую практикуютъ крестьяне и казаки въ Европейской Россіи и Малороссіи, выработалась при совершенно иныхъ климатическихъ условіяхъ и потому она на Амурѣ оказывается далеко не подходящей. Суровая и малоснѣжная зима дѣлаетъ невозможнымъ разведеніе озимыхъ хлѣбовъ, отсутствующихъ, впрочемъ, и во всей Сибири. Въ Амурской области не бываетъ неурожаевъ отъ засухи,

но за то рослый хлѣбъ имѣетъ часто плохое маловѣсное зерно. Нерѣдко бываетъ, что продолжительные дожди не позволяютъ жать хлѣбъ, и онъ прорастаетъ на корню, или уже сжатый начинаетъ прорастать въ снопахъ. Но и въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ хлѣбъ родится невысокаго качества; испеченный изъ амурскаго зерна хлѣбъ совсѣмъ не такъ питателенъ и не имѣетъ ни того вкуса, ни того аромата, какъ хлѣбъ изъ привозной муки.

Поверхностный слой почвы сами жители называютъ черноземомъ. На сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ почва, дѣйствительно, по своимъ физическимъ свойствамъ и структурѣ, напоминаетъ черноземъ, въ болѣе же низкихъ мѣстахъ она явно имѣетъ полуболотное происхожденіе. Почвы описываемой мѣстности ни по своему происхожденію, ни по экономическому значенію, ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться съ настоящимъ черноземомъ Европейской Россіи.

Порядокъ пользованія землею во всѣхъ селеніяхъ на Амурѣ одинаковъ. Земля повсюду нарѣзана въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно для надѣленія наличнаго населенія, т. е. болѣе 100 дес. на душу, съ тою цѣлью, чтобы можно было къ существующимъ селеніямъ причислять новыхъ переселенцевъ. Между отдѣльными семьями земля не распредѣлена, и каждый пашетъ гдѣ хочетъ. Разъ человѣкъ распахалъ извѣстный участокъ, онъ считается его хозяиномъ до тѣхъ поръ, пока не откажется отъ него.

Въ Амурской области находится не мало пріисковъ, доставляющихъ населенію порядочные заработки; тѣ же пріиски нуждаются кромѣ того въ перевозкѣ тяжестей и въ различныхъ припасахъ. Несмотря на то, что крестьяне получаютъ много денегъ отъ продажи хлѣба, они, съ другой стороны, сами должны покупать очень

многое и при томъ по весьма дорогой цѣнѣ, такъ какъ всѣ предметы, необходимые въ ихъ быту, привозятся или изъ Россіи, или изъ Америки, потому что мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ или вообще промышленности совсѣмъ нѣтъ. Вслѣдствіе общей дороговизны жизни, деньги имѣютъ здѣсь гораздо меньшую относительную цѣну.

II.

Формы землепользованія, существующія въ Сибири. Системы хозяйства и полеводства, практикующіяся въ Сибири.

Какія же формы землепользованія и какія системы хозяйства практикуются въ Сибири?

У сибиряковъ-старожиловъ форма землепользованія издавна установилась такъ называемая заимочная, т. е. каждый распахивалъ себѣ пашни гдѣ и сколько хотѣлъ, лишь бы мѣсто не было занято кѣмъ-нибудь раньше. Каждый пользовался своимъ участкомъ до тѣхъ поръ, пока трудился. Послѣ смерти заимочника пашня переходила къ его дѣтямъ, какъ бы по наслѣдству.

Размѣры пашенныхъ земельныхъ участковъ, находившихся въ пользованіи каждой отдѣльной семьи, опредѣлялись не надѣломъ, а мощностью семьи: большія семьи, располагавшія большимъ количествомъ рабочихъ рукъ, имѣли и крупные участки, маломощныя же семьи и владѣли мелкими участками. Такъ, напримѣръ, въ Иркутской губерніи, рядомъ съ хозяйствами, засѣвающими 25 десятинъ, даже 50 десятинъ, есть хозяйства въ 4 и въ 2 десятины.

Сѣнокосами и лѣсомъ пользовались также заимочно: всякій косилъ и рубилъ себѣ, гдѣ и сколько хотѣлъ и сколько осилилъ. Усадьбы находились въ подворномъ

пользованіи; а выгонъ или поскотина всегда въ общественномъ пользованіи.

Такъ было прежде.

Теперь же, въ виду наплыва въ Сибирь переселенцевъ, порядки землепользованія начинаютъ измѣняться.

Дѣло въ томъ, что удобныхъ земель въ Сибири становится годъ отъ году все меньше и меньше, а народу съ каждымъ годомъ все прибываетъ и прибываетъ; земельные участки приходится ограничивать 15-ю десятинами на каждую мужскую душу. Заимочная форма землепользованія естественно должна теперь уступить мѣсто какой-нибудь другой. Однако, какой же именно— общинной или подворной?

На этотъ чрезвычайно интересный вопросъ въ настоящее время отвѣтить опредѣленно весьма трудно.

Дѣло въ томъ, что правилами о переселеніяхъ не устанавливается какихъ-либо обязательныхъ формъ землепользованія.

Надѣльныя земли даются переселенцамъ въ постоянное (безсрочное) пользованіе, но формы этого пользованія предоставляется установить самимъ общественникамъ.

Иначе, конечно, и быть не могло. Стѣснять переселенцевъ какими бы то ни было обязательствами въ этомъ отношеніи—это значило бы сознательно уменьшать жизнеспособность переселяющихся въ Сибирь общинъ, которая и такъ не высока вслѣдствіе неприспособленности къ новымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ и новизны другого рода отношеній.

Установить въ какомъ именно направленіи вырабатываются формы землепользованія въ Сибири самими переселенцами, опредѣлить господствующую тенденцію въ этомъ направленіи въ данный моментъ также не представляется возможнымъ.

Дѣло въ томъ, что порядки землепользованія находятся теперь еще въ процессѣ образованія, и въ какую форму выльются они, сейчасъ предвидѣть трудно. Но во всякомъ случаѣ, теперь же опредѣленно можно сказать, что формы эти не будутъ точь въ точь такими, какія мы привыкли видѣть въ Европейской Россіи т.-е. формы эти не будутъ строго общинными и строго подворными; это будетъ нѣчто среднее между тѣми и другими и заимочными формами. Особенно образованія такихъ смѣшанныхъ формъ слѣдуетъ ожидать въ обществахъ разносоставныхъ или старожилыхъ съ приселенными къ нимъ переселенцами. При этомъ надо замѣтить вообще, что на характеръ землепользованія у переселенцевъ оказываютъ вліяніе главнымъ образомъ усвоенныя ими на родинѣ формы землепользованія и мѣстныя условія страны,—именно геологическія и топографическія свойства тѣхъ земельныхъ пространствъ, на которыхъ осѣдаютъ переселенцы, — и лишь только отчасти принятыя старожилами системы хозяйства.

Чтобы познакомить хоть отчасти съ процессомъ образованія новыхъ формъ землепользованія, происходящимъ въ настоящее время въ Сибири, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ цитированнаго уже нами изслѣдованія А. Станкевича, касающагося 100 переселенческихъ поселковъ въ Тобольской губерніи.

Напримѣръ, въ поселкѣ Богдановкѣ, Сѣдельниковской волости, который состоитъ изъ двухъ разнородныхъ элементовъ: общинниковъ-великоруссовъ, вятичей и пермяковъ, и подворниковъ—бѣлоруссовъ, — католиковъ,—теперь пользуются землей заимочно, но считаютъ необходимымъ подѣлить пахавшіеся раньше и потому болѣе удобные для ихъ скуднаго инвентаря участки. Вопросъ о способѣ пользованія землей, очевидно, еще мало обсуждался новоселами; по крайней мѣрѣ, не-

давно возникъ среди нихъ горячій споръ, при чемъ видно было, что противники совсѣмъ плохо понимаютъ другъ друга. Каждый стоялъ за свои родные порядки; пермяки и часть вятичей за свалку — навалку ревизскихъ душъ; бѣлоруссы—за раздѣлъ для подворнаго пользованія. Пермяки плохо понимали, чего требуютъ бѣлоруссы, и чуть ли не считали ихъ своими единомышленниками. Въ свою очередь вятичи, сторонники казеннаго передѣла, не понимали требованія пермяковъ. Рѣшительнѣе всѣхъ стояли бѣлоруссы — за подворное пользованіе, очевидно не имѣя никакого представленія о великорусской общинѣ и видя въ ней одно только пользованіе землей путемъ частыхъ періодическихъ раздѣловъ и упуская изъ виду всѣ ея другія стороны. Вятичи же не понимали истинной причины своего разногласія съ бѣлоруссами, обвиняли наиболѣе рьяныхъ защитниковъ подворнаго пользованія въ томъ, что они, имѣя по многу мужскихъ душъ, хотятъ захватить себѣ побольше земли. (стр. 80).

Какимъ образомъ иногда примиряются на практикѣ требованія подворниковъ и общинниковъ, видно изъ дѣлежа земли, происходившаго въ поселкѣ Троицкомъ, Павловской волости, и Красно-Никольскомъ, той же волости, Тобольской губ.

„При установкѣ формы землепользованія въ Троицкомъ поселкѣ въ 1892 г.,—говоритъ г. Станкевичъ,— „Минскимъ подворникамъ пришлось войти въ соглашеніе съ Черниговцами, которымъ въ свою очередь былъ знакомъ только общинный порядокъ дѣлежа земли. Два порядка и двѣ губерніи примирились очень характерно. Вся пахота и покосы были подѣлены сначала на три длинныя полосы: ближнюю, среднюю, дальнюю; затѣмъ каждая полоса была разбита подесятинно и тогда уже кидался жребій, съ какого конца

деревни начинать отводъ; за первымъ домомъ Минскимъ, получавшимъ пай во всѣхъ трехъ полосахъ, начиная съ дальней, ставили съ другого конца Черниговскаго домохозяина, потомъ слѣдующаго по порядку Минскаго, потомъ опять Черниговскаго, и такъ сходящейся линіей шли къ срединѣ деревни. Такимъ образомъ шансы всѣхъ уравнивались, каждый получалъ долю съ одиковыми выгодами и невыгодами" (стр. 300—301).

Въ поселкѣ Красно-Никольскомъ, той же волости, „землю пахотную раздѣлили на наличныя души, по десять десятинъ въ рядовую („сосѣдъ сосѣда знаетъ"); полосы достались въ томъ порядкѣ, какъ живутъ хозяева въ деревнѣ; противъ такого порядка вооружились рязанцы, стоявшіе за жеребьевку, но остались въ меньшинствѣ,—порядокъ любопытенъ своею близостью къ подворному пользованію, на которое между прочимъ намекали курскіе малороссы: („не хай всякъ свою землю знае"), часть лѣса подѣлили на дрова и впослѣдствіи тоже подѣлятъ на души, когда заполнится участокъ. Рощу заказали около тракта; покосъ дѣлили на одинъ годъ паями (по 10 саженъ) и въ „рядовую". Пользованіе усадьбами подворное, пользованіе выгонами общее" (стр. 516).

Когда общины новоселовъ односоставны т.-е. состоятъ или изъ однихъ подворниковъ или изъ однихъ общинниковъ, то онѣ, обыкновенно, почти безъ колебаній переносятъ и въ Сибирь привычную имъ форму землепользованія; но, разумѣется, встрѣчаются при этомъ съ затрудненіями, вызываемыми мѣстными условіями.

Такъ въ поселкѣ Черниговка, Логановской волости, Тобольской губерніи, „черниговцы при занятіи участка составили приговоръ о раздѣлѣ всей земли подворно, но фактически къ этой системѣ не перешли. Затрудненіе заключается въ томъ, что семьямъ съ большимъ

количествомъ малолѣтокъ трудно будетъ нести повинности, которыя будутъ при подворной формѣ разложены по землѣ. Такія семьи могутъ обработать только часть своей земли, остальную же по мѣстнымъ экономическимъ условіямъ они не въ состояніи будутъ сдать въ аренду и имъ придется поэтому платить повинности далеко несоразмѣрно съ количествомъ распаханной ими земли. На родинѣ это затрудненіе устранялось возможностью сдавать лишнюю землю въ аренду. Въ первый разъ подѣлили всѣ пахотныя угодья на наличныя души въ 1892 году; въ 1893 г. передѣлили ихъ заново, однако теперешнимъ распредѣленіемъ недовольны; весной 1894 г. опять собирались дѣлить. Вообще замѣтна крайняя неприноровленность къ общиннымъ распорядкамъ и желаніе перейти къ подворному землепользованію. Но какъ справиться съ указаннымъ затрудненіемъ—новоселы не знаютъ, да и врядъ ли ясно представляютъ себѣ, въ чемъ затрудненіе. При передѣлѣ всѣ пашни раздѣлили на шесть участковъ, одинаковыхъ по качеству почвы, а каждый участокъ раздѣлили по числу наличныхъ душъ, на каждую изъ которыхъ пришлось около $5^1/_2$ десятинъ. Выморочной землей никто не пользуется. Сѣнокосъ ежегодно дѣлятъ по числу наличныхъ душъ, но при этомъ не придерживаются точныхъ измѣреній: дѣлятъ на глазомѣръ, что не вызываетъ ссоръ, такъ какъ постоянно остается много невыкошенной травы. Въ прошломъ году часть лѣса подѣлили на наличныя души, остальной обратили въ заказникъ. Составили приговоръ, по которому каждый, сдѣлавшій порубку въ чужомъ участкѣ, долженъ платить 35 коп. штрафу за пень. Считаютъ необходимымъ навсегда подѣлить весь лѣсъ, чтобы каждый могъ его растить для себя. Усадьбы отведены землемѣромъ. Устроена поскотина и даже при переходѣ къ подвор-

ному пользованію считаютъ необходимымъ ее сохранить (стр. 106).

Какъ устраиваются съ землей переселенцы и общинники видно изъ исторіи Яготовскаго поселка, Логиновской волости, образованнаго общинниками изъ Казанской губерніи.

Они установили землепользованіе общинное. „На родинѣ у нихъ надѣлъ былъ дарственный; передѣловъ не было; брали исполу имѣніе, которое и дѣлили всѣмъ обществомъ. Тотчасъ послѣ отмежеванія земли въ Сибири выдѣлили часть годной земли для малолѣтокъ, которые, приходя въ совершеннолѣтній возрастъ, могли бы получить невыпаханную землю изъ этого запаса. Желающимъ предоставлено было брать на своихъ малолѣтокъ; такимъ образомъ составилось 47, „земляныхъ“, т. е. получившихъ землю, „душъ“. Сначала переселенцы выдѣлили по одной десятинѣ на душу, затѣмъ ежегодно прибавляли еще по одной десятинѣ такъ что теперь уже приходится на душу по шести десятинъ. Все поле разбито на шесть участковъ, изъ которыхъ каждый дѣлится по душамъ, а доли умершихъ передаются желающимъ. Сѣнокосъ дѣлятъ ежегодно на „земляныя“ души. Часть лѣса отвели для малолѣтокъ; остальной же дѣлятъ почти каждый годъ по участкамъ также на „земляныя“ души. Свой участокъ можно рубить, какъ и когда угодно. Усадьбы отведены землемѣромъ. Устроена поскотина для всей деревни (стр. 110).

Такимъ образомъ мы видимъ, что процессъ эволюціи въ формахъ землепользованія въ Сибири совершается въ такомъ порядкѣ. Отъ старо-заимочной формы, принятой первыми засельщиками Сибири, въ настоящее время, подъ вліяніемъ малоземелья (конечно, относительнаго), постепенно совершается переходъ или къ

общинному или къ подворному землевладѣнію, но не въ чистыхъ его формахъ, въ какихъ мы привыкли наблюдать его въ Европейской Россіи, а смѣшанныхъ, что обусловливается исключительно своеобразными мѣстными условіями.

Дѣлятъ на наличныя души сначала обыкновенно усадебныя, потомъ пашенныя земли, какъ болѣе цѣнныя въ хозяйствѣ, а затѣмъ уже приступаютъ къ дѣлежу сѣнокосныхъ и лѣсныхъ угодій. При этомъ дѣлежѣ принимается общинный или подворный порядокъ. Въ такомъ переходномъ состояніи,—отъ заимочной до общинной или подворной формы землепользованія, и находится въ настоящее время въ Сибири землепользованіе.

Разумѣется, въ рамкахъ этихъ формъ, какъ всегда и бываетъ въ процессѣ образованія, имѣютъ мѣсто не мало переходныхъ формъ, прослѣдить которыя, за ихъ разнообразіемъ, не представляется никакой возможности въ краткомъ очеркѣ.

Такую же эволюцію претерпѣваютъ въ Сибири системы хозяйствъ вообще и въ частности системы полеводства.

Въ прежнее время въ Сибири, при обиліи удобныхъ для хлѣбопашества земель, почти исключительно господствовала первобытная система хозяйства, такъ называемая переложная.

Система эта состояла въ томъ, что вновь распаханная земля засѣвалась нѣсколько лѣтъ подъ рядъ безъ отдыха, безъ удобренія, до тѣхъ поръ, пока не выпахивалась. Затѣмъ, снявши съ распаханнаго участка отъ трехъ до шести и даже десяти и больше хлѣбовъ, смотря по почвѣ, землю оставляли въ „логъ", т.-е., попросту говоря, бросали ее и переходили на другой участокъ, на которомъ хозяйствовали такимъ же порядкомъ, какъ и на первомъ, не трогая „логовъ" по 10, 15, 20 и даже болѣе лѣтъ.

Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, на красномъ суглинкѣ снимаютъ отъ 18 до 20 хлѣбовъ, а въ залежѣ оставляютъ его отъ 5 до 15 лѣтъ; на легкихъ же степныхъ почвахъ снимаютъ отъ 3 до 5 хлѣбовъ, а въ залежѣ оставляютъ отъ 5 до 12 лѣтъ.

Съ увеличеніемъ населенія, уменьшившимъ и количество свободныхъ и удобныхъ для земледѣлія земель, пришлось постепенно отступаться отъ такой первобытно-хищнической системы хозяйства.

„Логи" начинаютъ подниматься скорѣе, идутъ въ дѣлежъ и оставляются въ запасъ, какъ основной фондъ. Постепенно начинается переходъ отъ чистопереложной „пастбищной" системы къ трехполью.

Переходной формой является такъ называемая залежно-паровая система, заключающаяся въ томъ, что новь пашутъ года два подъ рядъ, а затѣмъ земля идетъ подъ паръ на годъ, послѣ чего участокъ опять пашется тѣмъ же хозяиномъ.

Такимъ образомъ земля выноситъ до 5 хлѣбовъ, послѣ чего бросается лѣтъ на 10 и больше.

Отъ залежно-паровой системы переходятъ къ чисто двухпольной, т.-е. съ постояннымъ паровымъ полемъ: паръ, ярица (яровая рожь) и такъ далѣе.

Переходъ этотъ совершается почти незамѣтно: на пару сѣютъ пшеницу, снова паръ, ярица, паръ, овесъ, паръ, рожь,—и затѣмъ землю бросаютъ на 6—8 лѣтъ. Впрочемъ, озимая рожь въ сѣвооборотъ почти не входитъ, такъ какъ хлѣбъ этотъ считается малонадежнымъ: то его выдуетъ, то онъ вымерзнетъ.

Въ Алтайскомъ округѣ обычный порядокъ сѣвооборота таковъ: новь поднимаютъ въ Петровки и засѣваютъ яровой пшеницей уже на слѣдующій годъ. На второй годъ на этой землѣ, послѣ вспашки и бороньбы, сѣется опять яровая пшеница или въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ—ярица. На третій годъ идетъ овесъ, на четвертый годъ земля отдыхаетъ, на пятый сѣютъ озимую рожь, послѣ этого земля идетъ въ залежь. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого округа земля выдерживаетъ по два такихъ сѣвооборота. Въ залежѣ земля остается тогда отдыхать отъ 10 до 20 лѣтъ.

Правильное трехполье и сѣвооборотъ въ Сибири встрѣчается еще довольно рѣдко; но къ этой системѣ хозяйства должны, конечно, перейти въ недалекомъ будущемъ.

III.

Сельскохозяйственныя орудія, употребляющіяся въ Сибири. Хлѣба, входящіе въ сѣвооборотъ, и ихъ урожаи. Сибирскія цѣны на хлѣба и другіе продукты. Мѣстные подсобные промыслы. Подати и повинности. Обрабатывающая и добывающая промышленность и торговля въ Сибири. Пути сообщенія. Значеніе Великой Сибирской желѣзной дороги для промышленности и вообще для культурнаго прогресса страны.

Орудія для обработки земли въ Сибири не совсѣмъ таковы, какъ въ Европейской Россіи.

Сибирская соха, которая называется тамъ „колесухой“, „колесянкой“ или „сабаномъ“—съ однимъ широкимъ желѣзнымъ лемехомъ, похожимъ на лапу якоря, лѣвое крыло котораго загнуто прямо вверхъ. Къ рѣзцу или къ лѣвому крылу лемеха и къ правому краю разсохи придѣлана прямая доска, которая отваливаетъ пластъ вправо, какъ отвалъ въ плугѣ. Такъ же, какъ въ плугѣ, къ разсохѣ придѣланъ грядиль, скрѣпленный съ ней винтомъ. Эта соха тяжела и неповоротлива. Пашутъ ею обыкновеннно въ тройкѣ, рѣдко въ парѣ, а новь поднимаютъ даже чертверкой. Встрѣчаются и

плуги и одноконныя сохи, но они мало пригодны къ сибирскимъ твердымъ почвамъ. Кое-гдѣ сибирскій „сабанъ“ замѣняется „пермянкой“—орудіемъ, сходнымъ съ сабаномъ и отличающимся отъ него, главнымъ образомъ, желѣзнымъ, болѣе крутымъ отваломъ, дающимъ возможность работать гораздо „чище“, чѣмъ сабаномъ.

Борона въ Сибири обыкновенная четырехгранная съ 20—25 желѣзными зубьями, длиною вершковъ по 5. Серпы также обыкновенные. Молотятъ больше цѣпами, но есть и особыя „молотяги“—валъ, на который набиты деревянные колки. Иногда прямо гонятъ лошадей по разостланнымъ снопамъ, такъ что молотятъ не люди, а лошади своими копытами. Машины-молотилки встрѣчаются очень рѣдко. Вѣютъ хлѣбъ обыкновеннымъ способомъ—лопатами. Встрѣчаются кое-гдѣ и ручныя вѣялки.

Хлѣба въ разныхъ мѣстахъ Сибири сѣютъ слѣдующіе: пшеница озимая и яровая (чаще всего встрѣчается бѣлотурка и переродъ отъ бѣлотурки, простая чумышская, такъ называемая алая, китайка и др. сорта), рожь озимая и яровая, овесъ (обыкновенный и черный), ячмень, горохъ, греча и просо; послѣдніе два хлѣба распространились въ Сибири съ приходомъ переселенцевъ. Не мало садится теперь и картофеля въ Сибири. Изъ волокнистыхъ растеній сѣютъ ленъ и коноплю; въ теплыхъ мѣстахъ сѣютъ табакъ и хлопокъ. Еще сѣютъ макъ, разводятъ огородныя овощи, но больше для себя, а не на продажу. Начинаютъ кое-гдѣ разводить арбузы (кавуны), тыквы (гарбузы) и дыни, которые даютъ отличный урожай, напримѣръ, въ Алтайскомъ округѣ.

Урожаи въ разныхъ мѣстахъ Сибири бываютъ разные, что находится въ зависимости отъ условій почвы и климата. Въ Сибири сильно страдаютъ хлѣба отъ заморозковъ, инеевъ, засухъ, отъ весеннихъ разливовъ рѣкъ. Сильно вредятъ также сорныя травы, которыми

зарастаютъ пашни. Еще страдаютъ хлѣба отъ разныхъ болѣзнетворныхъ грибковъ—ржавчины (полоха), головни или спорыньи и др. Вредятъ также сибирскимъ хлѣбамъ и разныя вредныя насѣкомыя и животныя: кобылка, суслики, овражки, полевыя мыши и зайцы; но вредъ, причиняемый ими, не такъ великъ, какъ въ Европейской Россіи.

Среднимъ урожаемъ въ черноземной полосѣ Западной Сибири считается съ десятины: озимая рожь—55—70 пудовъ (минимумъ—30—40 пудовъ; максимумъ—100—120, а иногда и 150 пудовъ); овесъ—отъ 60—100 пудовъ; ячмень—отъ 40—50 до 150—200 пудовъ; пшеница—35—40 пудовъ; гречиха—отъ 60 до 100 пудовъ; бываютъ иногда урожаи самъ—30 и самъ—40.

Въ Степной полосѣ Западной Сибири пшеница даетъ среднимъ числомъ самъ-пять, самъ-семь. Овса собираютъ на лучшихъ мѣстахъ 120—150 пудовъ съ десятины. Рожь-ярица родится здѣсь самъ-шесть, самъ-семь.

Въ Алтайскомъ округѣ — высшій сборъ ржи — отъ 70—120 пудовъ; пшеницы—отъ 80—120 пудовъ; овса—отъ 100—150 пудовъ.

Въ Иркутской губерніи средній чистый сборъ съ одной хозяйственной десятины считается для ржи 7 четвертей, для пшеницы—6, а для овса — $12^1/_2$ четвертей.

Въ Енисейской губерніи средній посѣвъ всякаго хлѣба на такую же десятину—отъ $10^1/_2$ до 12 пудовъ, а собираютъ среднимъ числомъ отъ $63^1/_2$ до $73^1/_2$ пудовъ.

Впрочемъ, въ Минусинскомъ округѣ урожаи лучше, чѣмъ въ другихъ округахъ Енисейской губерніи.

Самый низкій и самый высокій чистый сборъ съ десятины въ Енисейской губерніи, примѣрно: для озимой

ржи отъ 18 до 144 пудовъ, для ярицы — 25 и 126 пудовъ, для овса — 31 и 164 пуда, для пшеницы — 22 и 135 пудовъ.

Цѣны на хлѣба и другіе продукты въ разныхъ мѣстахъ Сибири и въ разное время бываютъ разныя; цѣны на хлѣба находятся въ зависимости не только отъ урожая, но и отъ спроса на хлѣбъ.

Среднія цѣны на хлѣба въ зернѣ приблизительно таковы: пшеница 35—40 коп. пудъ; рожь—30—60 коп., овесъ — 20 коп., ячмень — 20 коп., крупа гречневая, просяная и ячменная—50—60 коп., горохъ и конопляное сѣмя—60 коп., льняное сѣмя—50 коп., говядина—1 руб. 80 коп.—2 руб., баранина—1 руб. 60 коп., свинина—2 руб., возъ сѣна—1 руб.

Между тѣмъ покупные продукты, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, дороговизны провоза и безсовѣстной эксплуатаціи торговцевъ, очень дороги въ Сибири.

Такъ, напримѣръ, въ Иркутской губерніи, гдѣ продукты пріобрѣтаются либо изъ лавокъ въ селеніяхъ, либо съ возовъ у развозчиковъ-продавцовъ, цѣны на товаръ таковы: керосинъ въ лавкѣ 6 руб. пудъ, у развозчиковъ—4 руб. 40 коп.; сахаръ въ лавкѣ—10 руб. пудъ, у развозчиковъ—8 руб. 40 коп.

Въ Енисейской губерніи соль стоитъ 1 руб. 10 коп. пудъ, желѣзо — 3 руб. 50 коп., чай за кирпичъ въ $2^{3}/_{8}$ фунта—1 руб. 25 коп., шуба—8 руб., сапоги-бродни—2 руб. 75 коп., холстъ—15 и 20 коп. за аршинъ; строевой лѣсъ—40—80 коп. бревно, тесъ—15—20 руб. за сотню, дрань—3 руб. за сотню.

Цѣна коровы въ Западной Сибири—12—15 руб., лошади—20 — 25 руб., а въ Восточной Сибири корова стоитъ 25—30 руб., а лошадь—35—40 руб.

Изъ писемъ переселенцевъ изъ Полтавской губер-

ніи, писанныхъ въ 1893 г. изъ Южно-Уссурійскаго края, видно, что цѣны на продукты въ это время были здѣсь таковы: свиное сало—40 коп. ф., коровье масло—50 коп. ф., мясо—20 коп. ф., печеный хлѣбъ—5 и 6 коп. ф., мука пудъ — 1 руб. 50 коп., пшено — 1 руб. 20 коп. пудъ, водка кварта—70 коп., сахаръ—25 коп. ф., сапоги—10 руб., плугъ желѣзный—60 руб.

Изъ письма переселенца съ Амура видно, что въ томъ же 1893 г. кедровое дерево въ 8 арш. длиною и въ 8 вершк. толщиною продавалось на мѣстѣ за 1 руб.—1 руб. 20 коп. Цѣны на хлѣбъ были таковы: пшеница пудъ 1 руб., жито — 1 руб., овесъ — 1 руб., гречиха—70 коп., ячмень—80 коп., мясо—5 руб., рыба крупная—2 руб. 50 коп.

Подмогой хлѣбопашеству въ Сибири служитъ скотоводство, извозъ и другіе промыслы, мѣстные и отхожіе. Скота сибирскіе крестьяне держатъ помногу, такъ какъ сѣнокосныхъ угодій въ Сибири гораздо больше, чѣмъ пахотныхъ земель. Но скотоводствомъ, какъ промысломъ, очень мало занимаются, за исключеніемъ, впрочемъ, Барнаульскаго округа, гдѣ въ послѣднее время, съ проведеніемъ желѣзной дороги, сильно развилось маслодѣліе. На продажу идетъ лишній приплодъ и яловыя коровы, т.-е. не приносящія телятъ. Изъ мелочныхъ товаровъ въ продажу идетъ больше масло, цѣны на которое стоятъ отъ 6 до 7 руб. за пудъ. Сильно мѣшаютъ скотоводству въ Сибири скотскіе падежи, происходящіе отъ сибирской язвы и отъ чумы. Отъ сибирской язвы гибнутъ чаще лошади, а чума больше опасна для рогатаго скота. Эти болѣзни, появившись въ какомъ-нибудь селеніи, быстро охватываютъ цѣлыя волости и уносятъ тысячи головъ скота.

Такъ въ 1884 г. въ Алтайскомъ округѣ отъ чумы пала почти половина всего скота, всего около 206.000

головъ. Одной изъ главныхъ причинъ свирѣпствующихъ въ Сибири эпизоотій служитъ то обстоятельство, что правильный ветеринарный надзоръ здѣсь чрезвычайно слабъ, если не сказать, что онъ почти совершенно отсутствуетъ.

Извозомъ промышляютъ главнымъ образомъ тѣ крестьяне, которые живутъ по тракту или по близости отъ него: они возятъ товары и проѣзжающихъ. Извозомъ занято, напримѣръ, въ однихъ только трехъ южныхъ округахъ Иркутской губерніи до 32.000 человѣкъ. Но промыселъ этотъ оправдываетъ только содержаніе человѣка съ лошадью, а остатковъ отъ него не бываетъ, такъ какъ главный барышъ обыкновенно попадаетъ подрядчикамъ, которые отъ себя нанимаютъ возчиковъ.

Мѣстные промыслы въ Сибири слѣдующіе: въ Западной Сибири занимаются пчеловодствомъ, сидкой дегтя и гонкой смолы, плетутъ рогожи и цыновки, гнутъ дуги и полозья, выдѣлываютъ кожи, валяютъ изъ шерсти пимы и войлоки; въ Восточной Сибири, кромѣ обычныхъ сидки дегтя и гонки смолы, занимаются кое-гдѣ выдѣлкой деревянной посуды, саней. Въ Минусинскомъ округѣ выдѣлываютъ шубы и котомки; дѣлаютъ кое-какія издѣлія изъ шерсти, добываютъ разное масло изъ растеній, выдѣлываютъ кожи, занимаются щепнымъ промысломъ.

Но все же всякихъ такихъ промысловъ въ Сибири очень мало. Кустарь въ числѣ переселенцевъ не идетъ сюда. А между тѣмъ, по общему отзыву, знающіе мастерство и принимаются здѣть охотнѣе старожилами и устраиваются скорѣе прочихъ переселенцевъ.

Отхожіе промыслы въ Сибири, кромѣ извоза, — работа на золотыхъ пріискахъ и бурлачество, а также батрачество.

На пріискахъ въ Восточной Сибири 1891 г., напримѣръ, работало около 18.000 человѣкъ. Каковы условія работы на пріискахъ, мы скажемъ немного ниже, когда будемъ говорить о ссыльно-поселенцахъ.

Бурлачествомъ зарабатываютъ отъ 10 до 18 руб. въ мѣсяцъ. Наемный трудъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ также даетъ порядочный заработокъ. Годовая плата батраку при хозяйскихъ харчахъ отъ 40—75 руб. Обыкновенно чѣмъ дороже хлѣбъ, тѣмъ выше цѣна работнику. Сверхъ денежной платы годовой работникъ получаетъ обыкновенно еще „присѣвокъ“, т.-е. часть въ хозяйскомъ полѣ отъ четверти до одной десятины посѣва, иногда одной пшеницы, иногда пополамъ съ рожью. Обработка этой работниковой части дѣлается на хозяйскихъ лошадяхъ; сѣмена, уборка, обмолотъ отъ работника или въ общую съ хозяиномъ.

Работниковъ держатъ не только крупныя, но и среднія крестьянскія хозяйства. Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, изъ ста дворовъ двадцать одинъ дворъ держатъ работниковъ.

Помѣсячная плата работнику въ сѣнокосъ и въ жнитво 10 или 12 руб.; поденно даютъ въ покосъ копеекъ 40—50, а въ жнитво—50—80 коп.

Чтобы покончить рѣчь о хозяйственномъ бытѣ сибирскихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, скажемъ нѣсколько словъ о податяхъ и повинностяхъ и о томъ, какъ ихъ собираютъ и отбываютъ.

Въ Сибири денежные сборы обычно распредѣляются обществомъ на наличныхъ работниковъ, при чемъ наибольшая часть платежей берется съ крестьянъ отъ 18 до 50-тилѣтняго возраста. Денежныхъ сборовъ приходится съ каждаго работника въ среднемъ отъ 8—12 рублей, а на стариковъ и иногда подростковъ въ 16—17 лѣтъ рублей по 7.

На работникахъ лежатъ и натуральныя повинности: исправленіе дорогъ, выставленіе подводъ для начальства и для волостной гоньбы. Это самыя тяжелыя повинности. Отъ исправленія дорогъ крестьяне не избавляются, если они живутъ и на дальнемъ разстояніи отъ тракта, хотя бы верстъ за 300 или 400. Впрочемъ, большинство дальнихъ губерній нанимаетъ за себя исправлять эту повинность обыкновенно крестьянъ ближнихъ деревень. Натуральныхъ повинностей, если считать на деньги, наберется рублей до 15 даже до 20 на работника.

Если прибавить къ этимъ прямымъ налогамъ косвенные, т.-е. то, что переплачивается крестьянами при покупкѣ разныхъ продуктовъ: чая, сахара, водки и т. п., то выйдетъ очень порядочная сумма денегъ, которая ложится довольно тяжелымъ бременемъ на крестьянскій бюджетъ, довольно скудный и здѣсь, въ Сибири. Разумѣется, здѣсь дѣло идетъ лишь о законныхъ сборахъ и повинностяхъ, а бываютъ и незаконные.

Такъ, напримѣръ, часто волостные писаря собираютъ съ крестьянъ и деньгами и натурой за все, за что удается собрать и за паспорта, и за увольнительныя свидѣтельства, и за освобожденіе отъ призыва къ воинской повинности льготныхъ, которыхъ и такъ, по закону, не нужно призывать, и за открытіе кабаковъ и т. д. и т. д.

Бываетъ, что крестьяне отбываютъ и натуральныя повинности на писаря: пашутъ на него, косятъ, сѣютъ. Случается, что писарь освободитъ однихъ крестьянъ отъ раскладки на нихъ повинностей исправленія тракта или тягостной подводной гоньбы и взвалитъ вдвое эту повинность на другихъ крестьянъ. Бывало, что писаря разъѣзжали на крестьянскихъ лошадяхъ со своимъ мелкимъ товаромъ и проч.

Какъ относятся къ взяточничеству сами писаря, видно изъ слѣдующаго разсказа одного путешественника по Сибири. Одинъ волостной писарь въ разговорѣ съ этимъ путешественникомъ сказалъ ему: „Да, я беру взятки. Я прекрасно знаю, что это безчестно, но что мнѣ прикажете дѣлать? Я получаю ничтожное жалованье. Мой непосредственный начальникъ, засѣдатель, беретъ взятки; его начальникъ, исправникъ, беретъ взятки; губернаторъ тоже беретъ ихъ. Если бы я вздумалъ не брать ихъ, меня тотчасъ же или заподозрили въ неблагонадежности или просто прогнали бы съ должности за то, что я хочу быть честнѣе и лучше своихъ начальниковъ“.

Въ инородческихъ волостяхъ писаря и другіе мѣстные начальники еще беззастѣнчивѣе эксплуатируютъ населеніе, такъ какъ народъ тамъ темнѣе, проще и боится, какъ огня, всякаго начальства, за которое они почитаютъ и писарей, которые и на самомъ дѣлѣ въ Сибири часто всесильнѣе самого губернатора, потому что ближе стоятъ къ населенію и скорѣе могутъ ему навредить.

Что касается обрабатывающей промышленности, то она развита въ Сибири крайне слабо. Всего, не считая мельницъ и кузницъ, фабрикъ и заводовъ въ Сибири было въ 1897 г.—4870, съ 26,290 рабочихъ и съ суммою производства въ 20.352.000 руб. Кабинетскіе заводы теперь прекратили свою дѣятельность.

Въ сравненіи съ 80-ми годами число заводовъ и промышленныхъ заведеній значительно увеличилось, какъ увеличилась и стоимость обрабатываемыхъ продуктовъ. Такъ, напримѣръ, общая производительность всѣхъ сибирскихъ фабрикъ и заводовъ въ 1890 г. равнялась 9.393.000 руб.; въ томъ числѣ мукомольнаго производства на 4.275.000 руб., кожевеннаго

и овчиннаго (считая и издѣлія изъ кожи) — на 2.047.000 руб. Однако золотопромышленность Сибири, несмотря на ея упадокъ по сравненію съ 80-ми годами истекшаго столѣтія, все же играетъ первенствующую роль. Въ настоящее время стали открываться новые центры работы по Аргунской и Алданской системамъ; усилилась также золотопромышленность и въ Марьинскомъ округѣ.

Золотые пріиски, принадлежащіе лично Государю, разрабатываются преимущественно въ Нерчинскомъ округѣ и въ Алтайскомъ краѣ; всѣ прочіе пріиски-частновладѣльческіе. Всего на 940 частныхъ золотыхъ пріискахъ работало въ 1897 г. 41.235 рабочихъ, не считая служебнаго персонала. Шлихованнаго золота добыто болѣе 1.527¹/₄ пудовъ, на сумму 24.555.000 руб., исключая стоимости золота, поступившаго въ казну въ видѣ подати.

Въ западныхъ промысловыхъ округахъ, включая сюда и Енисейскую губернію, пріиски даютъ въ большинствѣ случаевъ отъ 10 до 25% на капиталъ, а въ восточныхъ округахъ даже значительно болѣе.

Всего шлихованнаго золота въ Сибири, съ начала разработки (въ 1836 г.) за 62 года добыто 88.000 пудовъ.

Соляная промышленность въ Сибири развита довольно слабо. Всей соли добывается въ Сибири до 3¹/₂ милліоновъ пудовъ, но этого количества не хватаетъ даже для мѣстнаго потребленія, почему цѣны на соль здѣсь довольно высоки; онѣ доходятъ иногда до 2 руб. за пудъ.

Каменноугольная промышленность въ Сибири, несмотря на обиліе каменноугольныхъ залежей, находится еще въ зачаточномъ состояніи. Въ настоящее время бураго и каменноугольнаго угля, считая и Сахалинскія копи, добывается всего до 2¹/₂ милліоновъ пудовъ.

Опредѣлить точно размѣры сибирской торговли чрезвычайно трудно, такъ какъ правильнаго ея учета до сихъ поръ еще не существуетъ.

Приблизительно вывозится черезъ Владивостокъ ежегодно сибирскихъ товаровъ на сумму около 3.000.000 руб., а черезъ сухопутную около 4.000.000 руб. Въ числѣ вывозимыхъ предметовъ главное мѣсто, конечно, принадлежитъ сырымъ произведеніямъ: кожи, мѣха, шкуры, юфть, хлѣбъ и т. п.

Громадное значеніе для торговли и промышленности имѣютъ хорошіе пути сообщенія; но Сибирь вообще бѣдна благоустроенными дорогами: до послѣдняго времени, кромѣ Большого Сибирскаго тракта, Чуйскаго и Бухтарминскаго, не было ни одного хорошаго пути сообщенія.

О состояніи сибирскихъ колесныхъ дорогъ вотъ, напримѣръ, какъ отзывается одинъ путешественникъ по Сибири.

„Трудно передать всѣ тѣ страданія, которыя приходится испытывать человѣку, путешествующему на сибирской телѣгѣ по сибирскимъ дорогамъ. Не проѣхалъ я и 60 вер., какъ почувствовалъ себя совершенно разбитымъ и больнымъ. Каждый новый ухабъ мучительно отдавался во всемъ тѣлѣ и особенно въ головѣ. Я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, перемѣняя положеніе и поддерживая больное тѣло на упертыхъ рукахъ, но руки скоро уставали и приходилось снова отдаваться на произволъ ужасной тряски“.

Къ этому удовольствію еще слѣдуетъ прибавить продолжительныя остановки на станціяхъ, гдѣ готовыхъ лошадей для обыкновенныхъ смертныхъ никогда почти не бываетъ. На грязныхъ, тѣсныхъ, кишащихъ клопами, блохами и другими человѣкоядными насѣкомыми, станціяхъ приходится застрявать по нѣсколько дней,

что не только не даетъ отдыхъ путешественнику, а еще больше измучиваетъ его и физически и нравственно.

Какъ трудно обыкновенному путешественнику по Сибири и теперь достать лошадей, видно, напримѣръ, хоть изъ слѣдующей замѣтки „Степного Края“ № 95, за 15 августа 1901 г.

„Земскихъ лошадей на мѣстной земской станціи принято, повидимому, держать только для мѣстнаго начальника или, вообще, для лицъ съ вѣсомъ и положеніемъ,—говорится въ этой замѣткѣ.—Намъ извѣстенъ такой фактъ. Одно лицо, не занимающее на іерархической лѣстницѣ сколько-нибудь высокаго мѣста, тщетно пыталось нѣсколько дней тому назадъ получить со станціи земскихъ лошадей.

„Въ первый разъ ему отвѣтили, что лошади на другой день *будутъ нужны* для начальника, ѣдущаго куда-то на выборы, во второй разъ ему отвѣтили, что онѣ нужны... опять же для начальника, который будто бы раздумалъ ѣхать въ назначенный день и ѣдетъ сегодня,—въ третій разъ лошадей не дали потому, что начальникъ уѣхалъ, и лошади, отвозившія его, были выпущены, по словамъ ямщика, въ поле“. Такіе факты въ сибирской прессѣ отмѣчаются то и дѣло.

Что же касается рѣкъ: Оби, Енисея, Лены и Амура съ ихъ притоками, то пароходство на нихъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Морское сношеніе Сибири съ Европой производится пароходами Добровольнаго Флота (Владивостокъ-Одесса), сношенія же черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ не идутъ далѣе отдѣльныхъ попытокъ.

Оживленіе сибирской торговли и промышленности дѣло недалекаго теперь будущаго, въ виду проведенія Великой Сибирской желѣзной дороги. Громадныя затраты на эту дорогу, въ общемъ около

800.000.000 руб., несомнѣнно, съ избыткомъ окупятся тѣми громадными выгодами, какія въ будущемъ долженъ доставить этотъ путь для Сибири и для всей Россіи. Сибирская желѣзная дорога захватитъ громадную площадь въ $1^1/_2$ милліона квадратныхъ верстъ, и такъ какъ все это пространство по почвѣ и климату вполнѣ пригодно для земледѣлія, сельскаго хозяйства и заводско-фабричной промышленности, то Великая Сибирская желѣзная дорога дастъ сильный толчокъ развитію земледѣлія, горнаго дѣла, обрабатывающей промышленности и торговли и, безъ сомнѣнія, вызоветъ къ жизни множество новыхъ отраслей промышленности. Вліяніе Сибирской желѣзной дороги, въ этомъ направленіи начинаетъ уже сказываться и теперь. Такъ за послѣдніе три года (1898—1900 г.), только одного сибирскаго хлѣба, составляющаго лишь около 50% всего груза, ежегодно поступало на желѣзную дорогу около 20 милліоновъ пудовъ, изъ которыхъ за границу вывезено около 25% (въ 1900 г.—3, 8 мил. пуд.); мануфактуры за тотъ же промежутокъ времени перевезено въ среднемъ около 1 милліона пудовъ ежегодно; продуктовъ скотоводства и птицеводства—около 3 милліоновъ пудовъ; чаю—около $2^1/_2$ мил. пудовъ и т. д.

Подъ вліяніемъ же открытія Сибирской дороги въ Алтайскомъ округѣ въ послѣднее время огромное значеніе начинаетъ пріобрѣтать, какъ промыселъ, маслодѣліе.

До 1896 г.,—времени проведенія Сибирской желѣзной дороги,—здѣсь совсѣмъ не было маслодѣльныхъ заводовъ, продукты молочнаго хозяйства сбывать было некуда, а потому и самое молочное хозяйство было въ забросѣ. Съ проведеніемъ же желѣзной дороги, открывшей возможность сбыта въ Алтайскомъ округѣ, какъ и во всей Западной Сибири, обладающей обширными

пастбищами и многочисленными стадами рогатаго скота, быстро стали нарождаться маслодѣльные заводы.

Въ 1896 г. такихъ заводовъ было открыто только 3, въ 1897 г.—4, въ 1898 г.—11, въ 1899 г.—34 и въ 1900 г.—185. Въ настоящее время въ Алтайскомъ округѣ свыше 300 заводовъ, которые перерабатываютъ до 4.000.000 пудовъ молока и вырабатываютъ до 200.000 пудовъ масла, что, при средней цѣнѣ масла въ 10 руб. за пудъ, даетъ 2.000.000 р. оборота.

И оживленіе наблюдается не въ одномъ только Алтайскомъ округѣ; и въ другихъ мѣстностяхъ начинаютъ появляться промышленныя заведенія, а во многихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ полотну дороги, быстро развивается бойкая городская жизнь.

Кромѣ того, благодаря той же сибирской дорогѣ, предпринято подробное гидрографическое изслѣдованіе Байкала, устьевъ рѣкъ Енисея и Оби и части Карскаго моря въ цѣляхъ упорядоченія морского пути въ Сибирь; улучшено судоходство на внутреннихъ водахъ, служащихъ естественными подвозными путями къ желѣзно-дорожной магистрали,—на рѣкахъ Обской системы (Турѣ, Тоболѣ, Иртышѣ, Оби и Томи), по Чулыму, Ангарѣ и рѣкамъ Амурской системы; предприняты общія геологическія изслѣдованія въ Западной и Восточной Сибири, обнаружившія во многихъ мѣстахъ богатыя залежи каменнаго угля и другихъ полезныхъ ископаемыхъ, и подробное спеціальное изслѣдованіе енисейскаго, амурско-приморскаго, ленскаго золотоносныхъ районовъ, береговъ Охотскаго моря и Камчатки.

Наконецъ, благодаря той же Сибирской дорогѣ переселенческое дѣло получило у насъ прочную и широкую постановку, такъ что самое заселеніе края пойдетъ теперь несомнѣнно гораздо интенсивнѣе, чѣмъ прежде, что уже наблюдается и сейчасъ.

Такъ до открытія движенія по Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ, съ 1882 года по 1894 г., т.-е. за 12 лѣтъ, прошло переселенцевъ въ Сибирь 442.742 чел. обоего пола, а послѣ открытія движенія (на линіи Челябинскъ-Омскъ, съ 30-го августа 1894 г.), т.-е. съ 1895 г. по 1900 г. включительно, или всего только за 6 лѣтъ, сибирской желѣзной дорогой переселенцевъ прошло свыше милліона человѣкъ обоего пола, т.-е. больше, чѣмъ вдвое за промежутокъ времени вдвое меньшій [1]).

Разумѣется, такой ростъ переселеній не можетъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ облегченія передвиженія въ Сибирь съ открытіемъ движенія по Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ (на другія причины, вызвавшія такой ростъ переселеній мы указывали выше), но несомнѣнно, что и этотъ факторъ имѣлъ здѣсь немаловажное значеніе.

Сибирская желѣзная дорога оказала также свое вліяніе и на распредѣленіе переселенческаго потока по территоріи Сибири.

Начиная съ 1894 г., т.-е. опять-таки съ года открытія движенія по Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ, переселенцы стали осѣдать главнымъ образомъ по близости къ линіи этой дороги, при чемъ, конечно, земли, болѣе пригодныя для хлѣбопашества, заселялись гуще, чѣмъ земли малоудобныя для земледѣльческой культуры Такъ, на земляхъ горнаго Алтайскаго округа, особенно удобныхъ для земледѣлія, съ 1894 по 1899 гг., осѣло переселенцевъ 240.000 душъ обоего пола изъ 400.500 человѣкъ, осѣвшихъ вообще въ Томской губерніи. Въ Акмолинской области, вдоль линіи желѣзной дороги,

---

[1]) Ростъ переселеній изъ Европейской Россіи въ Сибирь до открытія и послѣ открытія движенія по Западно-Сибирской дорогѣ наглядно можно видѣть изъ діаграммы № 1, приложенной въ концѣ книги.

за тотъ же періодъ времени осѣло 150.500 человѣкъ переселенцевъ; въ Тобольской губерніи—120.000; въ Енисейской—74.000; въ Оренбургской—14.000; въ Иркутской—9.000 и въ Тургайской области—8.000 душъ обоего пола [1]).

Такая густота населенія въ районѣ Сибирской желѣзной дороги имѣетъ немаловажное значеніе для развитія обрабатывающей промышленности въ Сибири, такъ какъ даетъ возможность получать рабочія руки на мѣстѣ.

Благодаря Сибирской дорогѣ и всемірная торговля должна получить иное направленіе. Та часть грузовъ, которая въ настоящее время отвлекается Суецкимъ каналомъ и Канадской желѣзной дорогой, пойдетъ теперь въ Европу кратчайшимъ путемъ по Сибирской желѣзной дорогѣ; теперь отъ Шанхая, черезъ Владивостокъ, до Европы товары идутъ (черезъ Суецъ) 45 дней, а черезъ Канаду—35 дней, съ открытіемъ же Великой Сибирской желѣзной дороги они будутъ доходить не болѣе какъ въ 20 дней.

Кромѣ того, дорога соединяетъ Сибирь съ Манчжуріей, имѣющей населеніе приблизительно около 15-ти милліоновъ человѣкъ, т.-е. почти вдвое больше, чѣмъ населеніе собственно Сибири, и представляющей во многихъ мѣстахъ благопріятныя условія для развитія земледѣльческаго хозяйства. Какъ извѣстно, въ Манчжуріи разводится пшеница, просо, рисъ, макъ, хлопчатникъ, табакъ, хорошо поставлено огородничество, а на югѣ, въ особенности на Ляодунскомъ полуостровѣ, развито и шелководство. Сибирская желѣзная дорога несомнѣнно вовлечетъ эту страну въ товарный обмѣнъ, отчего обширное Забайкалье, нуждающееся во многихъ

---

[1]) См. діаграмму № 2, приложенную въ концѣ книги.

продуктахъ сельскаго хозяйства, несомнѣнно выиграетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Манчжурская линія, выводя Сибирскую магистраль къ Тихому океану, открываетъ передъ ней новую миссію, какъ транзитнаго пути, вслѣдствіе чего Сибирская дорога получаетъ уже міровое значеніе.

Словомъ, осуществленіе великаго предпріятія должно, очевидно, создать новую эру въ жизни Сибири. Проведеніе желѣзной дороги должно благодѣтельнымъ образомъ отразиться на культурномъ состояніи страны, поднять въ ней уровень образованія, привлечь интеллигентныя силы и вообще установить болѣе тѣсную духовную связь съ Европейской Россіей, Европой и всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

IV.

Условія передвиженія ссыльныхъ въ Сибирь. Условія жизни на каторгѣ. Ссыльно-поселенцы. Крестьянствованіе ссыльно-поселенцевъ и работа на пріискахъ. Условія жизни ссыльныхъ на о. Сахалинѣ.

Посмотримъ теперь, какъ живутъ подневольные жители Сибири—каторжники и ссыльные.

Ежегодно черезъ Томскъ проходитъ въ Сибирь ссыльныхъ тысячъ пятнадцать—двадцать, а то и больше. Съ 1873 г. по 1882 г., т.-е. за 10 лѣтъ, прошло туда ссыльныхъ 179.000 человѣкъ, а съ начала XIX-го сстолѣтія болѣе полумилліона (съ 1807 по 1899 г. ссыльныхъ и ихъ семей прошло не менѣе 864.000 чел.).

Одна за другой тянутся по большому сибирскому тракту партіи сѣрыхъ бритыхъ людей съ кандалами на рукахъ и ногахъ. И вотъ какъ одинъ путешественникъ по Сибири описываетъ движеніе партіи ссыльныхъ:

„На большомъ сибирскомъ трактѣ, на границѣ между Пермской и Тобольской губерній, возлѣ дороги стоитъ невзрачный кирпичный столбъ, футовъ въ 12 въ вышину, съ гербами Пермской губерніи на одной и Тобольской—на другой. Это и есть пограничный столбъ между Европейской Россіей и Сибирью, между Европой и Азіей.

„Этотъ столбъ находится на полдорогѣ между двумя этапами, и всякая партія останавливается тутъ на нѣсколько минутъ для отдыха и послѣдняго прощанія. Русскій крестьянинъ, даже преступникъ, сохраняетъ всегда въ глубинѣ души неискоренимую привязанность къ родной землѣ. Раздирающія душу сцены происходятъ здѣсь, вокругъ этого столба, когда партія подъ снѣгомъ и морозомъ поздней осени посылаетъ послѣдній земной поклонъ матери-родинѣ. Иные рыдаютъ, иные на колѣняхъ лицомъ къ Россіи собираютъ въ тряпку горсточку родной земли, иные, плача, цѣлуютъ холодный камень, выливая въ этомъ поцѣлуѣ всю свою тоску по погибшей жизни, всю тяжесть вѣчной разлуки съ близкими родными, съ милыми сердцу... Но раздается суровая команда—„стройсь“, „маршъ“,—и толпа въ сѣрыхъ халатахъ, гремя кандалами, поспѣшно утирая слезы и занимая мѣста, трогается дальше, окруженная блестящими штыками.

„Партіи, оставляющія Томскъ въ іюлѣ и августѣ, еще на дорогѣ до Иркутска захватываются морозами и холодными осенними дождями. Люди, еще не снабженные зимнимъ платьемъ, могутъ противопоставить погодѣ только грубыя рубахи, да суконные халаты, промоченные до костей; женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, больныя, тщетно ищущія защиты въ вымоченномъ сѣнѣ, которымъ набиты телѣги,—идутъ по колѣна въ грязи со скоростью трехъ верстъ въ часъ. Идутъ

босыя, потому что мелкіе „коты" тонутъ въ грязи и обращаются черезъ нѣсколько часовъ въ рваную, ни къ чему негодную ветошь. Эти коты поставляются подрядчиками и дѣлаются изъ самаго дешеваго матеріала. Само начальство назначаетъ шесть недѣль, какъ срокъ ихъ носки. Естественно, что черезъ недѣлю ихъ остается только выбросить, поэтому чаще они висятъ въ видѣ украшенія за спиной, не исполняя своей прямой и единственной обязанности—защищать ноги отъ холода, грязи и пораненій. Когда партія, измоченная, усталая и голодная подходитъ къ одной изъ расположенныхъ по дорогѣ деревень, арестантскій староста проситъ у офицера разрѣшенія на сборъ подаянія. Если это разрѣшеніе дается, происходитъ самый важный для партіи и любопытный для наблюдателя моментъ этапнаго путешествія. Арестанты снимаютъ шапки и медленнымъ тянущимся шагомъ входятъ въ деревню, затягивая свою знаменитую „милосердную". Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня эта пѣсня въ первый разъ. Это не было ни пѣніемъ, ни стономъ, ни похороннымъ плачемъ, это было смѣсью всего этого, вырванной изъ человѣческой груди пыткой, но пыткой, не дошедшей еще до той степени мучительности, которая вызываетъ неудержимый вопль. Слова были приблизительно таковы: „Милосердные наши батюшки, пожалѣйте насъ, несчастныхъ странниковъ, не забывайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ. Накормите насъ, батюшки, помогите намъ. Накормите и помогите намъ, бѣднымъ нуждающимся. Пожалѣйте насъ, наши батюшки, пожалѣйте насъ, наши матушки" и т. д. Представьте себѣ,—говоритъ путешественникъ,—сотню-полторы человѣкъ, закованныхъ, съ открытыми полубритыми головами, двигавшихся медленнымъ шагомъ, окруженныхъ цѣпью солдатъ и по-

ющихъ эту жалобу однообразнымъ низкимъ тономъ, медленнымъ темпомъ подъ аккомпаниментъ звяканья цѣпей,—и вы будете имѣть нѣкоторое, очень слабое понятіе о „милосердной“. Какъ ни грубъ, безыскуственъ и негармониченъ этотъ призывъ, къ сожалѣнію, я никогда не слышалъ ничего болѣе мрачнаго и подавляющаго. Онъ казался мнѣ выраженіемъ всего того горя, всѣхъ страданій и отчаянія, которыя накопились въ поколѣніяхъ ссыльныхъ въ этапахъ, тюрьмахъ, на каторгахъ. На звуки этой пѣсни изъ всѣхъ воротъ выходятъ женщины и дѣти съ кусками хлѣба или мяса, съ яйцами и прочими продуктами, которые за деревнями, на привалѣ, распредѣляются между арестантами. Послѣ короткаго завтрака партія продолжаетъ путь и къ вечеру приходитъ на этапъ. Здѣсь арестанты должны ложиться спать въ томъ же мокромъ насквозь бѣльѣ, въ холодныхъ, почти нетопленыхъ камерахъ. У нѣкоторыхъ имѣется перемѣна бѣлья, но, пробывъ подъ дождемъ цѣлый день, эта перемѣна такъ же мокра, какъ и та, которая на тѣлѣ“.

При такихъ условіяхъ передвиженія многіе арестанты заболѣваютъ въ дорогѣ и умираютъ.

Больные, ожидающіе, какъ спасенія, госпиталя, могутъ надѣяться хоть и не на выздоровленіе, но все же на то, чтобы умереть мирно подъ кровлею; но далеко не на долю всѣхъ выпадаетъ и такое счастіе, такъ какъ госпитали на пути скорбнаго шествія „отверженныхъ“ были чрезвычайно рѣдки.

Это подтверждается и однимъ офиціальнымъ документомъ, относящимся къ 1885 г.

„До 1885 г.,—говорится въ этомъ документѣ,—для заболѣвшихъ на дорогѣ арестантовъ не имѣлось ни лазаретовъ, ни какихъ бы то ни было приспособленій для докторовъ или даже для фельдшеровъ. Согласно 5 пун-

кту 363 отдѣла „Устава о ссыльныхъ“ помощь больнымъ арестантамъ лежитъ на обязанности гражданскихъ и военныхъ врачей въ мѣстахъ, гдѣ распредѣлены этапные офицеры. Гражданскіе врачи не живутъ, однако, въ этапныхъ деревняхъ, а военные имѣются только на этапахъ Шарагульскомъ, Бирюсинскомъ и Тарецкомъ. Эти лазареты имѣютъ по 6 кроватей для солдатъ конвойныхъ командъ. Арестанты, заболѣвающіе на дорогѣ, оставляются на этихъ этапахъ, но не въ лазаретахъ, а въ этапныхъ камерахъ. Ихъ не только не раздѣляютъ сообразно ихъ полу, возрасту и характеру болѣзни, но здѣсь не имѣется никакихъ приспособленій, необходимыхъ для лазарета. Здѣсь нѣтъ ни сидѣлокъ, ни постельнаго бѣлья, ни кроватей, ни даже посуды для ѣды. Средняя смертность въ партіяхъ между Томскомъ и Иркутскомъ высчитывается отъ 12 до 15%“.

Ссыльные, идущіе въ Сибирь, дѣлятся на двѣ категоріи: ссылаемые по суду на каторгу и на поселеніе и такъ называемые административные ссыльные, ссылаемые въ Сибирь безъ суда по мірскимъ приговорамъ или по усмотрѣнію начальства Среди каторжниковъ и административныхъ ссыльныхъ не мало и такъ называемыхъ политическихъ или государственныхъ преступниковъ.

Ежегодно въ Сибирь ссылается, какъ мы говорили, до 20.000 человѣкъ. Изъ нихъ двѣ тысячи идетъ въ каторгу и отбываютъ ее въ Восточной Сибири: одни въ Иркутской губерніи, другіе въ Забайкальской области, и почти половина на островѣ Сахалинѣ.

Наименьшій срокъ каторги—4 года, а отъ наибольшаго освобождаетъ только смерть.

Первые годы отбываются въ каторжныхъ тюрьмахъ, а потомъ, по усмотрѣнію начальства, каторжнымъ раз-

рѣшается жить внѣ стѣнъ тюрьмы, обзаводиться домомъ на острожной землѣ, даже жениться. Такіе, не живущіе въ тюрьмахъ, каторжники называются „вольной командой“. Однако отъ урочныхъ каторжныхъ работъ вольнокомандцевъ еще не освобождаютъ. Безсрочныхъ каторжниковъ выпускаютъ изъ острога въ вольную команду лѣтъ черезъ десять; краткосрочныхъ—года черезъ два.

Каторжныя работы состоятъ, напримѣръ, въ Забайкальской области, въ добываніи золота и серебра въ рудникахъ; въ Иркутской каторжной тюрьмѣ каторжниковъ заставляютъ дѣлать кирпичи и молоть для себя хлѣбъ на ручныхъ жерновахъ.

Но тягота каторги не въ самой работѣ, а въ ея подневольности и въ острожной жизни.

Каковы условія острожной жизни, можно судить по книгѣ г. Орфанова „Вдали“. М., 1883 г.

Вотъ какъ онъ описываетъ, напримѣръ, Верхнеудинскій острогъ:

„Первый забайкальскій острогъ находится въ Верхнеудинскѣ. Онъ стоитъ за городомъ на высокомъ берегу Селенги. На берегу, въ 5—6 саженяхъ отъ тюрьмы, выбрасываются всѣ тюремные отбросы, которые свободно гніютъ и заражаютъ, особенно лѣтомъ, воздухъ до невозможности. Само зданіе крайне ветхо и разсчитано на 140 человѣкъ. За время моей службы не разъ приходилось бывать въ этой тюрьмѣ. Никогда я не заставалъ въ ней меньше 500 человѣкъ, иногда же число заключенныхъ доходило до 800. Я хорошо помню одно изъ моихъ посѣщеній. Я сопровождалъ тогда губернатора. Это было зимою, и губернаторъ пріѣхалъ въ тюрьму рано утромъ, такъ что дверь тюрьмы была отперта при немъ. Отвратительная вонь, пахнувшая на насъ изъ отворенной двери, была такъ сильна,

что губернаторъ, несмотря на все свое нежеланіе сознаться передъ арестантами, что ихъ помѣщеніе хуже собачьяго, не могъ войти въ тюрьму. Онъ приказалъ открыть противоположную дверь и вошелъ лишь послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сильный токъ сквозного вѣтра нѣсколько очистилъ атмосферу. Первое, что бросилось ему въ глаза, была стоящая въ углу переполненная „параша" (кадка, которую ставятъ на ночь для естественныхъ надобностей арестантовъ), сверху же, черезъ второй этажъ наръ просачивалась жидкость изъ другой „параши", тоже переполненной, стоявшей наверху. Тутъ же въ углу спали на полу человѣкъ шесть. Губернаторъ былъ пораженъ. „Какъ это возможно", воскликнулъ онъ и страшно распушилъ смотрителей и надзирателей; но и онъ ничего не могъ перемѣнить здѣсь" (стр. 220—222).

Я не буду рисовать здѣсь картины жизни каторжниковъ. Читатель найдетъ художественное и правдивое изображеніе каторжной жизни у Ѳ. М. Достоевскаго въ „Запискахъ изъ мертваго дома" и въ книгѣ г. Мельшина „Въ мірѣ отверженныхъ". Эти писатели имѣли несчастіе на себѣ испытать всю тяжесть каторжной жизни.

По отбытіи своего срока, частью въ тюрьмѣ, частью въ „вольной командѣ", каторжники освобождаются отъ острожныхъ работъ. Имъ назначается мѣсто для постояннаго поселенія, и только черезъ десять лѣтъ послѣ этого имъ разрѣшается селиться гдѣ угодно въ Сибири. Они могутъ тогда поселяться или въ городѣ или приписаться къ сельскому обществу. Не могутъ только вернутся на родину.

Ссыльныхъ въ Сибири очень много. Такъ, напримѣръ, въ Тобольской губерніи одинъ ссыльный приходится на 12 человѣкъ жителей, а въ Иркутской ихъ насчитываютъ около 50000.

Ссыльные изъ бывшихъ каторжниковъ и сосланные прямо въ Сибирь на поселеніе, обыкновенно, приписываются къ городамъ и селеніямъ—русскимъ и инородческимъ.

Гдѣ бы ссыльные ни поселились, они, обыкновенно, предоставляются самимъ себѣ. Со времени ихъ приписки къ обществамъ правительство прекращаетъ о нихъ свои заботы, хотя все время и оставляетъ подъ строгимъ надзоромъ; такъ ссыльнымъ запрещаются даже кратковременныя отлучки изъ мѣста приписки безъ особаго на то разрѣшенія начальства.

Крестьянскія общества сильно тяготятся приписанными къ нимъ ссыльными: и правда, среди нихъ много людей испорченныхъ, отвыкшихъ отъ труда; всѣ они безсемейные, бездомовные, какіе изъ нихъ, на самомъ дѣлѣ, могутъ выйти хозяева? И крестьяне чуждаются ссыльлыхъ, не роднятся съ ними, а землю имъ чаще всего отводятъ похуже и подальше отъ деревни.

Поселенцу гораздо труднѣе завести свое собственное хозяйство, чѣмъ самому несостоятельному переселенцу, такъ какъ у ссыльно-поселенца взяться нечѣмъ: у него нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ рукъ, часто непривыкшихъ къ физическому труду, или отвыкшихъ отъ него. Такъ, напримѣръ, въ Кимельской волости, Иркутской губерніи, на сто ссыльныхъ, проживающихъ въ волости, только 12 имѣютъ свое хозяйство. И это далеко не исключеніе.

Чтобы прокормиться, многіе изъ поселенцевъ идутъ въ батраки къ старожиламъ, но имъ, обыкновенно, платятъ мало и часто недобросовѣстно. Тогда ссыльно-поселенцы бѣгутъ съ мѣстъ водворенія и расходятся по Сибири въ поискахъ за заработками. По повѣркѣ чиновниковъ,—болѣе двухъ третей ссыльныхъ не живутъ въ мѣстахъ приписки.

Въ Иркутской губерніи изъ 45000 ссыльно-поселенцевъ только 14000 оказалось на мѣстахъ; около 10000 уволено на заработки, а остальные, 21 тысяча разошлись самовольно неизвѣстно куда.

Большинство ссыльныхъ уходитъ на заработки на золотые пріиски. Объ условіяхъ работы на пріискахъ г. Девель въ своей книжкѣ „Разсказы о Восточной Сибири“ разсказываетъ слѣдующее:

„Работа здѣсь почти вовсе безъ праздниковъ, до глубокой осени, часовъ по 15 въ сутки, въ лѣсной трущобѣ вдали отъ людныхъ мѣстъ. Въ ненастье работа не останавливается. Во время болѣзни рабочіе ничего не получаютъ; за отлучку безъ дозволенія съ пріисковъ и за опаздываніе взимается штрафа рубля три въ день. Помѣщенія для рабочихъ чаще всего тѣсныя, дурно защищенныя отъ погоды; харчи хозяйскіе—плохіе. Приходится прикупать или забирать въ счетъ заработка съѣстное, часто и обувь и одежду въ хозяйской лавкѣ, а въ ней все очень дорого.

„Водка въ большемъ ходу на пріискахъ. Ею тамъ и отъ болѣзни лѣчатся, и отъ скуки, и отъ холода. Кромѣ вина да задатковъ пріиски приманиваютъ возможностью заработать сверхъ наемной платы,—на работѣ въ неурочное время и на случайной находкѣ самородковъ, цѣльныхъ кусковъ золота; за самородки — особая приплата, по вѣсу. Эта надежда на случай, на находку заставляетъ тратить остатки силъ, дѣлаетъ человѣка „вольнымъ каторжникомъ“.

„Круглымъ счетомъ мѣсячный заработокъ пріискового рабочаго—рублей двадцать. Около того же приходится отдать хозяину за одежду, чай и прочую покупку изъ его лавки. Очистится только отъ сверхъурочной, „старательской“ работы да отъ счастливой находки. Но и этотъ остатокъ рѣдко кто утерпитъ донести до дому.

Послѣ глухой трудной пріисковой жизни воля хмелитъ человѣка. Является охота потѣшить душу, разгуляться во всю ширь. По дорогамъ же пріисковымъ не мало притоновъ для такой потѣхи. Тамъ и вино, и карты, и дѣвки, и все, чѣмъ можно задать, какъ говорится, форсу. Въ одномъ притонѣ дорогая одежда куплена, въ другомъ—пропита. И придетъ домой золотой добытчикъ въ отрепьѣ да на придачу съ запоемъ, а бываетъ— и съ худой болѣзнью. Такіе отъ крестьянства отвыкаютъ: ихъ тянетъ снова на пріиски. Здѣсь лѣтъ въ десять они уже выбиваются изъ силъ, дряхлѣютъ. Ихъ прозываютъ „богадѣльщиками“, „христарадниками“. Со страхомъ ждетъ „вольный каторжникъ“, съ году на годъ, какъ-то поглядитъ на него золотой наемщикъ; вдругъ скажетъ: „намъ такихъ не надо“. И вотъ пускаетъ онъ въ ходъ разныя хитрости: идетъ къ наемкѣ умытый да выбритый, въ новой одеждѣ, занятой у товарища; подвыпьетъ для храбрости и выступитъ ухаремъ. Лиха бѣда—задатка добиться, а тамъ ужъ его какъ ни на есть пристроютъ, свое выручить не забудутъ; онъ же вымолитъ себѣ хозяйскую милость покорностью, а пожалуй и предательствомъ. А было время, былъ и онъ не изъ послѣднихъ на пріискахъ: обиды отъ приказчиковъ не терпѣлъ, за правду стоялъ съ товарищами дружно“... (стр. 82—83).

На островѣ Сахалинѣ или на „соколиномъ островѣ“, какъ зовутъ его ссыльные, окончившихъ срокъ каторги и переведенныхъ на поселеніе заставляютъ заниматься земледѣліемъ. За лѣность, нерадѣніе и нежеланіе устроиться хозяйствомъ поселенецъ можетъ быть возвращенъ въ каторгу на одинъ годъ. Изъ поселенцевъ на Сахалинѣ составилось уже нѣсколько десятковъ деревень.

На новыя мѣста, обыкновенно болотистыя и покры-

тыя лѣсомъ, поселенцы являются, имѣя съ собой только топоръ, пилу и лопату. Они рубятъ лѣсъ, корчуютъ пни, роютъ канавы для осушки мѣста, строятъ себѣ избы. Но вслѣдствіе суроваго климата и неудобной почвы хозяйство идетъ здѣсь плохо; почти половина хозяевъ-поселенцевъ на Сахалинѣ не имѣтъ своихъ домовъ. Изъ каждыхъ ста хозяевъ—60 не имѣютъ вовсе скота. Сѣютъ очень немногіе своимъ зерномъ, — почти всѣ занимаютъ казенное. У многихъ слишкомъ мало земли для пашни. Часто на хозяйство здѣсь приходится менѣе полдесятины. Хлѣбъ родится самъ-три, а часто и вовсе не родится, сгниваетъ и прорастаетъ въ снопахъ. Дожди здѣсь льютъ почти безъ перерыва съ августа до зимнихъ заморозковъ и случается, что весь урожай яровыхъ остается въ полѣ. Картофель и огородныя овощи родятся здѣсь лучше и многіе только и питаются ими цѣлую зиму.

Сторонніе заработки на Сахалинѣ немногочисленны: работы въ каменноугольныхъ копяхъ (въ Дуэ), добываніе морской капусты, и, главное, ловля рыбы, китовъ, тюленей и морскихъ котиковъ, которыхъ здѣсь очень много. Но поселенцы почти не занимаются этими промыслами: они считаютъ себя непостоянными жителями, а только подневольными гостями на островѣ, и ждутъ не дождутся своего обязательнаго десятилѣтняго срока, по истеченіи котораго получается разрѣшеніе покинуть островъ.

Но многіе изъ поселенцевъ не выдерживаютъ и бѣгутъ съ острова раньше этого срока. Въ здѣшнихъ селеніяхъ не рѣдкость избы то недостроенныя и гніющія, то съ заколоченными окнами: хозяева этихъ избъ по большей части находятся въ бѣгахъ. Но больше всего бѣгутъ не съ поселенія, а съ каторги—и съ Сахалинской, и съ Нерчинской, и съ другихъ. Говорятъ, что

на Сахалинѣ изъ каждыхъ пяти каторжниковъ одинъ непремѣнно былъ въ бѣгахъ.

Каждое лѣто, какъ только раздается тоскливо-призывной крикъ кукушки, начинается повальное бѣгство изъ сибирскихъ тюремъ. Говорятъ, тоска по волѣ одолѣваетъ иныхъ, какъ запой, каждый годъ въ одно и то же время. Одни бѣгутъ въ надеждѣ добраться до родины, другіе—просто погулять мѣсяцъ, другой, даже нѣсколько дней по той же тайгѣ—на своей волѣ.

На Карѣ болѣе 300 человѣкъ ежегодно отзываются на зовъ „генерала Кукушкина", и по всей Сибири число бродягъ считаютъ каждое лѣто въ 30000 человѣкъ. Чаще другихъ бѣгутъ молодые и новички; долгосрочные—чаще краткосрочныхъ; живущіе по острогамъ—чаще живущихъ на волѣ, а каторжные—чаще выпущенныхъ на поселеніе.

Одни изъ бѣглыхъ погибаютъ въ тайгѣ отъ голода и истощенія; другіе попадаютъ подъ пули разыскивающихъ ихъ конвойныхъ солдатъ; но иные, болѣе счастливые, добираются до родины, но часто только затѣмъ, чтобы, повидавши „однимъ глазкомъ" свои мѣста и своихъ родныхъ и милыхъ сердцу, сейчасъ же опять попасться въ руки полиціи и вновь промѣрить Сибирь съ запада на востокъ. Обыкновенно же большинство бродягъ къ зимѣ возвращается назадъ, въ кандалахъ и подъ конвоемъ. Но что имъ до этого?

Они хоть нѣсколько мѣсяцевъ успѣли подышать чистымъ воздухомъ полей и лѣсовъ и нѣсколько мѣсяцевъ побыть на свободѣ, успѣли хоть „однимъ глазкомъ" взглянуть на дорогихъ, когда-то близкихъ людей.

У многихъ каторжниковъ стремленіе къ побѣгу доходитъ до болѣзненности. Они знаютъ, что ихъ поймаютъ, что въ теченіе мѣсяцевъ имъ придется вести жизнь гонимаго звѣря, питаться ягодами и кореньями,

спать на сырой землѣ и ежеминутно быть готовымъ къ смерти. Они знаютъ это, но стоитъ только кликнуть кличъ „генералу Кукушкину"—и истиннаго бродягу неудержимо потянетъ въ тайгу.

Разсказываютъ, что одинъ каторжникъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, бѣгалъ просто на сосѣднюю съ каторжнымъ поселеніемъ гору. Онъ бралъ кусокъ хлѣба, запиралъ свою избу и уходилъ на гору, сидѣлъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ на тайгу, на море. Посидитъ такъ дня три, сходитъ домой за харчами и опять на гору, и такъ безъ конца. Сначала его сѣкли, а потомъ надоѣло, и только посмѣивались.

Одному путешественнику по Сибири тюремный чиновникъ вотъ что разсказалъ о своемъ слугѣ изъ ссыльныхъ.

„Слуга мой принадлежалъ къ числу завзятыхъ бродягъ и былъ постоянно въ бѣгахъ лѣтомъ. Ему всегда приходилось выносить всевозможныя лишенія; онъ не надѣялся вырваться изъ Сибири и неизмѣнно возвращался къ намъ въ кандалахъ, на жестокое наказаніе; но ничто не могло остановить его. Когда онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ, онъ пришелъ разъ ко мнѣ раннимъ лѣтомъ и сказалъ:—Баринъ, сдѣлайте милость, посадите меня въ тюрьму.—Въ тюрьму? удивился я,—за что же? Ни за что, баринъ. Вы знаете, я—бродяга. Сколько разъ бѣгалъ и теперь убѣгу, коли не запрете. Прежде-то я былъ молодой, а теперь уже старъ и слабъ сталъ, не выдержу бродяжнической жизни, а коли генералъ Кукушкинъ позоветъ—безпремѣнно побѣгу. Сдѣлайте милость, ваше благородіе, заприте меня, чтобы я не могъ уйти.

Я заперъ его и продержалъ въ тюрьмѣ часть лѣта. И что же? Лихорадка его прошла, и онъ снова сталъ спокоенъ, доволенъ и смиренъ.

„Есть что-то трогательное, — прибавляетъ отъ себя путешественникъ по поводу этого разсказа чиновника, — въ этомъ неудержимомъ стремленіи слабаго, разбитаго старика къ вольной и полной опасностей жизни; въ этой невозможности для него бороться противъ обаянія завѣтнаго крика кукушки, зовущаго его на эту жизнь. Онъ знаетъ, что онъ старъ и слабъ, что онъ не сможетъ болѣе, какъ онъ могъ когда-то, бродить по лѣсамъ, переходить рѣки, питаться кореньями, спать на сырой землѣ. Но пусть только заслышитъ онъ призывные звуки, его съ прежней силой охватываютъ импульсы молодости, онъ снова живетъ въ воображеніи тою жизнью свободы и простора, которую, увы! онъ испыталъ лишь въ безлюдной тайгѣ; если ему не помѣшаютъ, онъ уйдетъ, онъ *долженъ* уйти. Какъ нѣкогда Уллисъ самъ связалъ себя, чтобы не поддаться очарованію пѣнія сиренъ, такъ этотъ бѣдный старикъ самъ просился въ тюрьму, чтобы не слышать крика кукушки, который такъ тѣсно связанъ въ его душѣ со всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ въ жизни свободнаго и счастливаго“.

О жизни административно-ссыльныхъ въ Сибири изъ политическихъ можно судить изъ слѣдующаго отрывка изъ письма одного такого ссыльнаго, помѣщеннаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ (XII, 1882 г.):

„Надзоръ за нами самый безцеремонный. Полицейскіе стараются перещеголять другъ друга въ рвеніи, надѣясь за это на отличія и повышенія; они по нѣскольку разъ въ день являются въ наши квартиры, заглядываютъ во всѣ комнаты, чтобы убѣдиться, дома ли мы и нѣтъ ли у насъ кого-либо чужого. Они постоянно ходятъ мимо нашихъ домовъ, заглядывая въ окна и подслушивая у дверей. Они ставятъ часовыхъ на углахъ нашихъ улицъ и заставляютъ нашихъ хозяевъ слѣдить за всѣми нашими движеніями“...

Вообще административноссыльные находятся подъ усиленнымъ надзоромъ: имъ не позволяется, подъ страхомъ суроваго наказанія, отлучаться никуда изъ мѣстъ своего поселенія (иногда даже на охоту въ окрестные лѣса); не позволяютъ также заниматься ни врачебной практикой, ни педагогической дѣятельностью; переписка ихъ находится подъ контролемъ полиціи.

По газетнымъ слухамъ, въ настоящее время въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о разрѣшеніи лицамъ, отбывшимъ срокъ наказанія въ тюремномъ заключеніи и находящимся подъ надзоромъ полиціи, оставаться на жительство и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пребываніе поднадзорнымъ воспрещено, если упомянутыя лица, по роду своихъ прежнихъ занятій, семейнымъ и инымъ условіямъ, всего легче могутъ найти средства къ существованію именно въ этихъ мѣстностяхъ. Нельзя не пожелать, чтобы слухи эти оправдались какъ можно скорѣе: ссыльные тогда будутъ пользоваться хоть нѣкоторой долей свободы, необходимой имъ въ ихъ тяжелой борьбѣ за существованіе.

V.

Условія жизни инородческаго населенія Сибири. Отношеніе центральнаго и мѣстнаго правительства къ инородцамъ. Эксплуатація инородческаго населенія чиновничествомъ и торгово-промышленнымъ классомъ. Положеніе дѣла образованія инородцевъ. Корейцы и китайцы Пріамурскаго края.

Въ своихъ первыхъ трехъ очеркахъ мы уже говорили, что инородческому населенію Сибири жилось очень плохо, какъ всякому завоеванному силой народу. Въ исторіи сибирскаго инородческаго населенія рѣзко раз-

личаются три періода: періодъ завоевательный, періодъ личнаго рабства и періодъ экономическаго рабства.

Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется присущими ему условіями жизни.

Для казака-завоевателя конца XVI-го и начала XVII-го столѣтія инородецъ былъ не больше какъ „басурманъ-непріятель“, съ которымъ церемониться не приходилось, котораго „объясачить“, „подвести подъ высокую государеву руку“ было не только заслугой, но и „государевой службой“.

О какомъ-нибудь человѣческомъ правѣ инородцевъ въ завоевательный періодъ сибирской исторіи, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ это время сила была правомъ; отъ нея исходили законы, ею же они и исполнялись. Разумѣется, законы, продиктованные силой, не отличались мягкостью и гуманностью. Поэтому-то завоевательный періодъ сибирской исторіи и характеризуется непрерывными войнами съ туземнымъ населеніемъ Сибири, военными грабежами, насиліями всякаго рода со стороны завоевателей и „бунтами“ со стороны завоеванныхъ, т.-е., иначе сказать, непрерывной борьбой инородцевъ за свою свободу и независимость.

Однако съ теченіемъ времени страсти улегались, острота борьбы проходила. Инородцамъ поневолѣ приходилось мириться съ совершившимся фактомъ потери своей свободы и независимости; систематическая борьба за независимость отходила въ область преданій и сказокъ. Сила, освобожденная отъ своихъ прямыхъ обязанностей, покоренія непокорныхъ съ оружіемъ въ рукахъ,—направила всю свою энергію на „мирную“ эксплуатацію завоеваннаго народа, т.-е. поспѣшила воспользоваться плодами своей побѣды.

Наступаетъ второй періодъ въ исторіи покоренія сибирскихъ инородцевъ. Этотъ періодъ характеризуется

личнымъ рабствомъ инородцевъ, которое является какъ естественное слѣдствіе, какъ продуктъ завоеванія.

Но здѣсь интересы непосредственныхъ завоевателей сибирскихъ инородцевъ сталкиваются съ интересами ценральнаго правительства, которое съ самаго начала завоеванія смотрѣло на вновь пріобрѣтаемыхъ подданныхъ исключительно съ податной точки зрѣнія. Естественно поэтому, что центральное правительство въ обращеніи инородцевъ въ рабство со стороны сибирскаго русскаго населенія и мѣстной сибирской администраціи увидѣло для себя конкуренцію.

И вотъ начинается продолжительная и упорная борьба между центральнымъ правительствомъ и мѣстными „господами края“ изъ-за права нераздѣльнаго обладанія инородцемъ.

Въ этой борьбѣ государственной власти съ своими подданными изъ-за поданныхъ же объектъ борьбы,—инородецъ,—часто совсѣмъ забывался. Его запросы, матеріальные и духовные, оставались безъ удовлетворенія, или почти безъ удовлетворенія; нѣкоторыя слабыя попытки въ этомъ отношеніи, дѣлавшіяся центральнымъ правительствомъ, обыкновенно глохли въ самомъ началѣ.

Центральное правительство боролось съ „господами края“, конечно, единственно пригоднымъ въ этомъ случаѣ оружіемъ—изданіемъ указовъ и законовъ. Всѣ относившіеся сюда указы и законы преслѣдовали, собственно, исключительно податные цѣли; путемъ этихъ указовъ и законовъ правительство всѣми силами стремилось сосредоточить въ своихъ рукахъ, точнѣе въ рукахъ своихъ агентовъ, сборъ податей съ инородцевъ и обезпечить правильное поступленіе этихъ податей въ государственную казну. Но новыя законоположенія наталкивались на прочно сложившійся жизненный укладъ

и разбивались о его твердые устои. Правительственные агенты, пользуясь отдаленностью края, пеклись больше о собственныхъ своихъ интересахъ, а не объ интересахъ казны. И центральному правительству, не имѣвшему возможности, по отдаленности края, контролировать дѣйствія своихъ агентовъ, приходилось вести борьбу, что называется, на два фронта: противъ русскаго населенія и противъ своихъ же агентовъ.

Къ тому же и законодательство объ инородцахъ шло чрезвычайно медленно и надолго отставало отъ жизни; этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняется въ значительной степени и тотъ фактъ, что злоупотребленія администраціи въ Сибири доходили до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ ни въ какой другой части нашего государства.

Правительство въ своей дѣятельности относительно сибирскихъ инородцевъ долго ограничивалось лишь административными указаніями по разнымъ частнымъ случаямъ, и до начала XIX в. спеціальнаго и систематическаго законодательства объ инородцахъ, собственно, не было. Инородцы, офиціально извѣстные подъ именемъ „ясачныхъ", „иновѣрцевъ" или „басурманъ", входили въ разнородную массу населенія Сибири и управлялись на основаніи общихъ законовъ. Лишь въ 1763 г. была сдѣлана первая попытка выдѣлить сибирскихъ инородцевъ въ особую группу. Въ этомъ именно году императрицей Екатериной II былъ изданъ манифестъ о переписи инородцевъ въ Сибири съ цѣлью опредѣлить ихъ число для внесенія въ новыя окладныя книги. Слѣдовательно и этотъ законъ преслѣдовалъ чисто податныя цѣли. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, кромѣ взиманія податей, инородцы оставались подчиненными дѣйствію общихъ законовъ.

Такое положеніе дѣла продолжалось до Сперанскаго

Выработанный имъ въ 1822 г. „Уставъ объ управленіи инородцевъ, входившій въ составъ „Учрежденія для управленія сибирскихъ губерній“, выдѣляетъ инородцевъ уже въ совершенно обособленную группу населенія и даетъ для нихъ спеціальное законодательство. Уставъ 1822 г. впервые, собственно, установляетъ опредѣленныя отношенія туземнаго сибирскаго населенія къ государству и проводитъ установленіе этихъ отношеній систематически по всѣмъ отраслямъ управленія. По Уставу 1822 г., развитому впослѣдствіи закономъ 1842 г., сибирскіе инородцы подраздѣлены были на три разряда: 1) осѣдлыхъ,—имѣющихъ осѣдлость, живущихъ въ деревняхъ и городахъ и занимающихся хлѣбопашествомъ; 2) кочевыхъ,—перемѣняющихъ мѣстожительство сообразно съ требованіями промысла, хотя бы они и имѣли временную осѣдлость (стойбища, улусы, наслеги), и 3) бродячихъ,—не имѣющихъ никакой осѣдлости и переходящихъ отдѣльными родами или семьями съ мѣста на мѣсто, по лѣсамъ, рѣкамъ и урочищамъ для звѣринаго и рыбнаго промысла.

Въ отношеніи уплаты податей инородцы также раздѣлены были на три категоріи: одни уплачивали подати звѣриными шкурами (ясакъ), другіе—частью шкурами, частью деньгами и, наконецъ, третьи—однѣми деньгами. Ясакъ поступалъ въ Кабинетъ Его Величества.

Податной окладъ состоялъ изъ сборовъ на земскія повинности и повинности внутреннія (по содержанію родового управленія) и изъ ясака. Какъ размѣръ ясака, такъ и самое обложеніе производилось черезъ особыя комиссіи, которыя черезъ извѣстный промежутокъ времени посылались въ инородческія кочевья для изслѣдованія ихъ экономическаго положенія. За податную единицу, обыкновенно, принимался родъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ ревизскихъ душъ, сообразно съ исчи-

сленіемъ по послѣдней ревизіи, при чемъ годными работниками, подлежащими обложенію, считались инородцы въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ.

Что же касается собственно управленія инородцами, то въ основу его было положено полное подчиненіе инородцевъ полицейской власти въ лицѣ земскаго засѣдателя.

Органы полицейской власти являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и органами финансоваго управленія: на ихъ обязанности лежало не только собираніе податей, но и предварительная оцѣнка ясака.

Въ податныхъ интересахъ регулировались и направлялись даже торговыя отношенія инородцевъ. Полиція должна была заботиться о возможно большемъ стеченіи инородцевъ на ярмаркахъ или базарахъ тамъ, гдѣ они существуютъ; тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ—устраивать мірскія собранія инородцевъ и ожидать появленія торговцевъ. Такимъ образомъ сибирское начальство бралось даже искусственно создавать рынокъ для сбыта продуктовъ инородческаго промысла, и все для того, чтобы инородецъ во-время могъ сбыть свой товаръ и во-время уплатить подати.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились инородческіе промыслы и торговля.

Вся торговля въ Сибири съ инородцами издавна была построена на двухъ началахъ: на ссудахъ и на спаиваніи инородцевъ водкой. Ссуды, даваемыя мѣстными торговцами инородцамъ, такъ затягивали этихъ послѣднихъ, что инородцы оказывались обыкновенно въ положеніи вѣчныхъ неоплатныхъ должниковъ.

Изъ своей ревизіи Сибири Сперанскій вынесъ убѣжденіе, что инородцы отягощаются невѣроятнымъ ростовщичествомъ, доходящимъ иногда до взиманія 200%, продажей товаровъ въ долгъ по чрезвычайно высо-

кимъ цѣнамъ, произвольно устанавливаемымъ купцами. Задатки, умножаясь годами, переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д.

При этомъ кромѣ того выяснилось, что торговлей завладѣли мѣстные чиновники, главнымъ образомъ засѣдатели. Они торговали своимъ товаромъ подъ видомъ казеннаго, а казенный хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ продавали за свой. Чтобы оформить сдѣлки, засѣдатели держали у себя печати инородческихъ старшинъ, которыя и прикладывали вмѣсто подписей подъ нужными имъ документами.

Въ притѣсненіи инородцевъ оказались виновными и нѣкоторые крестьяне, служившіе въ качествѣ посредниковъ при противозаконныхъ торговыхъ операціяхъ мѣстныхъ властей съ инородцами.

Причину всѣхъ этихъ безпорядковъ Сперанскій видѣлъ въ недостаткѣ капиталовъ, въ маломъ числѣ торгующихъ, но болѣе всего въ неправильныхъ дѣйствіяхъ волостной, земской и городской полиціи, „отъ недоразумѣнія, а большею частію отъ пристрастія происходящихъ“.

Устранить существовавшее зло правительство рѣшило изданіемъ устава 1822 г., т.-е. спеціальнаго законодательства объ инородцахъ, и указа 1828 г. объ отмѣнѣ инородческаго рабства въ Сибири.

Этими узаконеніями начинается послѣдній, третій, періодъ въ исторіи сибирскаго инородческаго населенія—періодъ экономическаго рабства.

Личное рабство, правда, пало. Но сибирское населеніе, — чиновники, казаки, а за ними торговые и промышленные люди,—не могло легко отказаться отъ легкой эксплуатаціи даровой силы и вступило въ глухую, но упорную борьбу съ центральнымъ правительствомъ за обладаніе инородцемъ. Рабство въ его чистой формѣ

исчезаетъ, но съ теченіемъ времени оно перерождается и вырождается въ форму полной зависимости инородца отъ русскаго на экономической основѣ; форма эта въ разныхъ мѣстахъ приняла различные оттѣнки, крайнимъ же выраженіемъ ея явилась кабала: рабство личное постепенно замѣнялось рабствомъ экономическимъ.

Уставъ 1822 г., призванный съ одной стороны уничтожить административный произволъ, а съ другой—развить въ Сибири свободу торговли и конкуренцію,—не оправдалъ, что называется, возлагавшихся на него надеждъ.

Правда, административный произволъ въ Сибири нѣсколько сократился, но далеко не исчезъ совсѣмъ въ виду того, что введеніе Устава 1822 г., а затѣмъ и самое управленіе инородцами, были ввѣрены той же администраціи, съ которой уставъ хотѣлъ бороться. Правда и то, что свобода торговли привлекла въ страну новые капиталы, не чиновническіе, но въ концѣ концовъ это привело не къ поднятію экономическаго быта инородческаго населенія,—какъ это ожидалось, — а къ закабаленію инородцевъ вновь народившимся въ Сибири торговымъ сословіемъ. Итакъ, съ введеніемъ спеціальнаго инородческаго законодательства борьба изъ-за инородцевъ не прекратилась. Противники государственной власти,—сибирская администрація и торговое сословіе, — только приспособились къ новому порядку вещей.

Въ результатѣ этой борьбы, ведущейся и до сихъ поръ, пострадавшей стороной оказались, какъ это всегда и бываетъ, не воюющія стороны, а тѣ изъ-за кого ведется война, т.-е. инородцы, очевидно, по пословицѣ, „паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ".

Положеніе инородцевъ самое безотрадное. Невозможная нищета, разнузданный развратъ, „неистовое" пьян-

ство, поголовная темнота—вотъ типичныя черты инородческаго быта.

Такія условія жизни неизбѣжно должны привести къ быстрому вымиранію этихъ пасынковъ природы и пасынковъ своего отечества. И на самомъ дѣлѣ, инородцы вымираютъ тысячами отъ свирѣпствующихъ среди нихъ заразительныхъ и заразныхъ болѣзней—оспы, кори, сифилиса и т. п.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о постановкѣ дѣла образованія сибирскихъ инородцевъ.

Не имѣя возможности, за отсутствіемъ полныхъ данныхъ, а также за отсутствіемъ мѣста въ краткомъ очеркѣ, дать полную картину постановки дѣла образованія инородцевъ, мы остановимъ вниманіе читателей на образованія инородцевъ Восточной Сибири, именно бурятъ Забайкальской области.

Интересныя данныя въ этомъ отношеніи даетъ статья М. К. „Изъ исторіи просвѣщенія сибирскихъ инородцевъ“, напечатанная въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1901 годъ.

Характеризуя состояніе начальнаго образованія въ Забайкальѣ, составитель „Обзора Забайкальской области“ за 1897 г. находитъ его весьма безотраднымъ: число училищъ въ области оказывается ничтожнымъ, и почти все тамошнее населеніе, и русское, и инородческое, коснѣетъ въ невѣжествѣ. Причина плохого состоянія начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ, по мнѣнію составителя „Обзора“, заключается въ томъ, что у бурятъ и тунгузовъ, составляющихъ $^1/_3$ всего населенія области, очень слабо распространено сознаніе необходимости обученія, а также въ томъ, что большинство изъ нихъ ведетъ кочевую или бродячую жизнь, съ которой несовмѣстимо устройство школы. Въ послѣдніе годы, оговаривается, впрочемъ, авторъ „Обзора“,

стало замѣтнымъ возрастаніе, какъ—у русскаго, такъ и у инородческаго населенія, запроса на начальное образованіе, но отсутствіе средствъ на учрежденіе новыхъ училищъ и на преобразованіе одноклассныхъ въ двухклассныя лишаетъ возможности удовлетворять вполнѣ этой одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей.

Однако эти причины далеко нельзя считать главными. Дѣло здѣсь гораздо сложнѣе, чѣмъ думаетъ авторъ „Обзора". Прежде считалось за аксіому, что инородцы тупы, неспособны къ ученію и къ тому же вымираютъ. Однако нѣкоторые наблюдатели, какъ, напр. Николай Бестужевъ, прожившій много лѣтъ среди бурятъ, даютъ совершенно другіе отзывы объ инородцахъ. Они находятъ ихъ и смѣтливыми и способными къ усвоенію высшей культуры. Инородцы также ничего не имѣютъ и противъ русской культуры, что подтверждается ихъ отзывчивостью, когда дѣло заходитъ о серьезномъ образованіи. Такъ, напр., забайкальскіе буряты съ радостью встрѣтили въ 60-хъ годахъ извѣстіе о предполагавшемся въ Читѣ открытіи пансіона и жертвуютъ въ его пользу огромныя деньги (одни хоринскіе буряты пожертвовали 38.000 руб.), а когда пансіонъ на самомъ дѣлѣ открылся—посылали въ Читу 30 мальчиковъ, ассигнувавъ на каждаго по 750 руб. въ годъ. При этомъ пансіонѣ открывались постепенно классы, въ которыхъ предметы проходились въ объемѣ гимназическаго курса. Въ 1868 г. было открыто четыре класса, бурятскіе мальчики оказывали весьма хорошіе успѣхи; и всѣ были увѣрены, что пансіонъ вскорѣ будетъ преобразованъ въ полную гимназію. Но въ 1869 г. пансіонъ неожиданно закрылся, такъ какъ была обнаружена огромная растрата денегъ, собранныхъ начальствомъ въ пользу этого учебнаго заведенія. На гимназію въ Читѣ буряты и тунгузы пожертво-

вали около 132.000 руб. изъ 182.000, собранныхъ вообще на это дѣло.

Отзываются буряты также и на потребности во внѣшкольномъ образованіи. Напримѣръ, въ 1864 г. ачинскіе буряты составили приговоръ объ основаніи при Николаевскомъ приходскомъ училищѣ библіотеки и отпускали по 100 руб. въ годъ на ея содержаніе.

Въ 1883 г. въ этой библіотекѣ уже имѣлось книгъ и учебныхъ пособій на 763 руб. Нуждается въ просвѣщеніи огромная масса, а учатся тамъ только единицы. Населеніе между тѣмъ быстро росло, кое-гдѣ удвоилось даже утроилось, а число школъ (5—6) оставалось все то же. Буряты не жалѣли денегъ, изъявляли готовность на пожертвованія, лишь бы имъ были открыты пути къ просвѣщенію, но въ отвѣтъ на подобныя ходатайства неизмѣнно получались или отказы, или формальныя отговорки, ничего не объяснявшія и откладывавшія разрѣшеніе этого назрѣвшаго вопроса на неопредѣленное время.

Такъ, напримѣръ, буряты, сознавая, что школьное дѣло не можетъ быть поставлено хорошо полуграмотными, неподготовленными учителями, неоднократно ходатайствовали о допущеніи бурятскихъ мальчиковъ въ иркутскую учительскую семинарію, выражая даже готовность содержать мальчиковъ на свой счетъ, но на всѣ ходатайства получали всегда одинъ отвѣтъ, — что въ иркутскую семинарію принимаются только лица православнаго вѣроисповѣданія.

Конечно, буряты никакъ не могли себѣ объяснить, зачѣмъ имъ, буддистамъ, имѣющимъ свою вѣру и желающимъ учиться и русскому языку, ариѳметикѣ, географіи и другимъ свѣтскимъ наукамъ, непремѣнно нуженъ православный учитель, — и оставались при прежнемъ положеніи.

Такимъ образомъ ясно, что застой въ школьномъ дѣлѣ у забайкальскихъ инородцевъ обусловливался совершенно ненормальной постановкой этого дѣла.

А между тѣмъ жизнь въ Забайкальѣ за эти 40—50 лѣтъ измѣнилась кореннымъ образомъ. Нужда въ просвѣщеніи, хотя бы элементарномъ, стала неотложна; жизнь новая, незнакомая, безпощадная обступаетъ со всѣхъ сторонъ забайкальскихъ инородцевъ; прежніе способы борьбы за существованіе устарѣли; надо устраивать новые, нужно знаніе новыхъ условій жизни, нужно умѣнье разобраться во вновь возникающихъ отношеніяхъ,—и постигнуть все это инородецъ могъ бы только тогда, если бы хоть нѣсколько поднялся умственно, хоть сколько нибудь просвѣтился. Процессъ жизни не ждетъ, онъ концентрическими кругами захватываетъ инородцевъ; обмѣнъ проникаетъ въ самые глухіе улусы,—обмѣнъ не по законамъ рынка и свободной конкуренціи, а безжалостно-хищническій, эксплуататорскій. Желѣзныя дороги ухитряются извлекать для себя „свободныя руки“ инородцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ, — изъ глубины степей и тайги. Къ чему можетъ привести инородцевъ безпощадная эксплуатація наѣзжихъ купцовъ и чему можетъ научить полудикаго тунгуза или степного бурята та пестрая толпа, которая работаетъ на пріискахъ или при желѣзной дорогѣ,—легко себѣ представить.

Между тѣмъ среди бурятъ очень распространена монгольская грамотность, что и указываетъ еще разъ на ихъ способность къ усвоенію „просвѣщенія“.

Такъ, не рѣдки улусы, гдѣ 25, 50 и даже 75% всего мужского населенія читаютъ и пишутъ по-монгольски. Но это богатое пріобрѣтеніе приноситъ имъ мало пользы. Монгольская свѣтская литература крайне бѣдна; религіозныя же сочиненія, составляющія большую

часть переводъ съ тибетскаго, мало кому доступны, и грамотный бурятъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ удовлетворить своей любознательности.

Къ тому же буддійское духовенство старается всѣми силами не пропустить ни единаго свѣтлаго луча въ безпросвѣтную жизнь инородцевъ, чтобы сохранить свою неограниченную власть надъ ними.

Вотъ какъ, напримѣръ, характеризуетъ тибетскихъ буддійцевъ съ этой стороны художникъ В. В. Верещагинъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", за 1901 г. въ № 185, носящей заглавіе „Изъ записной книжки". Характеристика его можетъ быть вполнѣ отнесена и къ другимъ инородцамъ-буддійцамъ, получающимъ свое „религіозное просвѣщеніе" изъ того же Тибета.

„Все ламаистское обученіе ведется въ долбяжку, и тупость, суевѣріе, граничащія съ дѣтской наивностью, полное. Современная наука совершенно пренебрежена, и вся буддійская мудрость обратилась въ буквоѣдство, строго опредѣленныя формы котораго совершенно застыли подъ пылью времени.

„Суевѣренъ тибетскій народъ такъ, какъ только можно себѣ представить, и въ этомъ отношеніи, конечно, нѣтъ ему равнаго: на все есть спеціальныя заклинанія, изъ которыхъ въ сущности и состоятъ молитвы; заклинаніями же лѣчатъ всякія болѣзни, съ заклинаніями рождаются и умираютъ.

„Въ буддійскихъ монастыряхъ заведены молитвенныя машинки, находящіяся обыкновенно въ рукахъ у ламъ и частныхъ лицъ, досугъ имѣющихъ: на стержнѣ, держимомъ въ рукѣ, вертится барабанъ, туго набитый заклинаніями и молитвами, тѣмъ вѣрнѣе дѣйствующими, чѣмъ усерднѣе повертывается „машинка".

„Эти машины устраиваются иногда въ колоссаль-

ныхъ размѣрахъ при быстринахъ горныхъ потоковъ или рукавовъ отъ нихъ, при чемъ вода вертитъ уже цѣлые милліоны строкъ молитвъ и, конечно, быстро замаливаетъ всякіе грѣхи, вольные или невольные.

„Духовная власть далай-ламы (главнаго буддійскаго священника), этого полу-бога, басня о его безсмертіи и прочія легенды тибетской теократіи (духовнаго начальства) поддерживаются лишь благодаря организованному обману со стороны заправилъ и организованному же невѣжеству массы народа, и, конечно, не въ интересѣ ламъ дать проникнуть лучу свѣта въ непроглядную тьму.

„И не одинъ далай-лама почитается безсмертнымъ: въ Тибетѣ, Ладакѣ и другихъ смежныхъ странахъ есть много другихъ безсмертныхъ духовныхъ лицъ, преимущественно заправилъ большихъ знаменитыхъ монастырей, послѣ смерти которыхъ немедленно отыскиваются младенцы, ихъ замѣстители. Всѣ эти ламы пользуются большимъ почетомъ у властей и паствы. Напримѣръ, при каждомъ выѣздѣ купченъ-ламы, народъ бросался ницъ и подъ страхомъ смерти, и ужъ навѣрное варварскаго наказанія, не смѣлъ поднимать головы для лицезрѣнія двигавшагося полу-бога“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что наши инородцы еще дожидаются настоящаго просвѣщенія.

Приводимое часто соображеніе, что кочевая жизнь мѣшаетъ правильному устройству школъ среди инородцевъ, не выдерживаетъ строгой критики. Огромное большинство инородцевъ теперь живетъ довольно большими улусами, да и разстояніе между этими послѣдними совсѣмъ не такъ велико. Стойбища инородцевъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ довольно неподвижные пункты и поэтому не представляетъ никакого труда основывать здѣсь школы и для дѣтей изъ нѣсколькихъ ближайшихъ улусовъ.

Все дѣло въ томъ, чтобы появились, наконецъ, среди инородцевъ свои „настоящіе учителя“, т.-е. образованные, преданные дѣлу образованія. А для этого слѣдуетъ не затруднять подготовку такихъ учителей различнаго рода формальностями, а всѣми силами способствовать облегченію доступа къ образованію. Тогда могли бы появиться и переводы нашей такъ называемой народной литературы на монгольскій языкъ, что дало бы возможность инородцамъ заполучить какъ гуманитарныя, такъ и практическія знанія, необходимыя имъ теперь для перехода отъ дикаго къ культурному состоянію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ условіяхъ жизни корейцевъ и китайцевъ, живущихъ въ Пріамурскомъ краѣ.

Въ первый разъ корейцы переселились въ Южно-Уссурійскій край въ 1813 г. въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ семействъ. Съ того времени число ихъ въ краѣ ежегодно стало увеличиваться, такъ что въ 1870 г. ихъ было здѣсь 9000 душъ, а въ 1896 г. уже 19000 душъ.

До 1893 г. начальство отводило имъ земли и даже ссужало небольшими суммами на первое обзаведеніе земледѣльческими орудіями и проч. Благодаря этому, въ 1885 г. корейцевъ-земледѣльцевъ и огородниковъ было уже 7029 человѣкъ, а въ 1896 г.—около 17000. Какъ земледѣльцы попреимуществу, корейцы въ первый же годъ переселенія стараются обзавестись земельными участками. Ихъ поселки находятся преимущественно въ Суйфунскомъ и Посьетскомъ участкахъ, съ населеніемъ приблизительно въ 15000 душъ. Остальныя 2000 душъ живутъ въ Амурской области. Нѣсколько сотъ ихъ, не имѣя возможности обзавестись собственной землей, берутъ въ аренду у крестьянъ небольшіе участки земли „исполу“, т.-е. уплачивая за аренду половину собирае-

мыхъ продуктовъ. Свои поля корейцы обрабатываютъ чрезвычайно тщательно: поля сначала удобряются, потомъ глубоко вспахиваются плугомъ, а комья разбиваютъ тяпкой; сѣмена не сѣютъ, а садятъ, какъ въ огородѣ, и сейчасъ же зарываютъ ихъ, выравнивая лопаткой землю; все это дѣлается одновременно, вслѣдствіе чего зерно не подвергается дѣйствію засухи, нерѣдко бывающей здѣсь вскорѣ послѣ всходовъ... Земля обрабатывается грядами, съ бороздами четверти въ двѣ шириною. По этимъ бороздамъ кореецъ ходитъ по полю, выпалывая сорныя травы и разрыхляя землю.

Благодаря такой тщательной обработкѣ земли, хлѣбъ у корейцевъ родится всегда хорошо, конечно, если только не помѣшаютъ этому какія-нибудь чрезвычайно неблагопріятныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, наводненія, иногда случающіяся здѣсь, которыя обыкновенно затопляютъ ихъ поля.

Корейцы—самый безобидный народецъ; они трезвы, скромны и трудолюбивы. Благодаря постоянному сношенію съ русскими, корейцы-земледѣльцы быстро усвоили и русскій языкъ, и нравы и обычаи русскаго населенія. Въ настоящее время около 14000 корейцевъ уже приняли православіе и русское подданство; они прекрасно знаютъ русскій языкъ, а нѣсколько сотъ ихъ и грамотны. Только около 3000 корейцевъ, живущихъ во Владивостокѣ, числятся иностранцами и имѣютъ заграничные паспорта. Но и они хлопочутъ уже о принятіи ихъ въ русское подданство, съ надѣленіемъ участками земли для хлѣбопашества и огородничества, въ чемъ имъ отказываютъ изъ политическихъ видовъ.

Между тѣмъ къ корейцамъ относятся съ презрѣніемъ и русскіе и китайцы: русскіе пользуются каждымъ малѣйшимъ поводомъ, чтобы помучить ихъ, а китайцы считаютъ ихъ за самую низшую расу.

Корейскія деревеньки не похожи на наши: онѣ сильно растянуты, неогороженныя поля находятся возлѣ фанзъ (избъ). Фанзы, безъ трубъ и безъ оконъ и представляютъ изъ себя не что иное, какъ плетушки изъ прутьевъ, раздѣленныя внутри на нѣсколько хлѣвушковъ, гдѣ помѣщаются и семья корейца, и работникъ, и домашнія животныя. Вмѣсто печи устраивается въ ямѣ, у задней стѣны, очагъ. Въ корейской фанзѣ вѣчный полумракъ и нестерпимое зловоніе. Стѣны и полъ совершенно черны отъ сажи, пыли и грязи. Не менѣе грязны и циновки, которыми покрыты стѣны и крыша въ хозяйскихъ апартаментахъ. Милліоны насѣкомыхъ, всевозможныхъ видовъ и родовъ, вездѣ и всюду. Воздухъ нестерпимо душенъ и отъ выдѣленій домашнихъ животныхъ, и отъ тухлой рыбы, и отъ невообразимо грязныхъ обитателей фанзы—корейцевъ. Во время дождя потоками его заливается вся фанза: ручьи воды текутъ и сверху, и снизу, и съ боковъ.

Несмотря на свое образцовое трудолюбіе и сравнительно хорошіе урожаи, корейцы живутъ страшно бѣдно.

Съ своимъ урожаемъ кореецъ обыкновенно распоряжается слѣдующимъ образомъ. Прежде всего онъ отвозитъ зерно мѣстному кулаку въ уплату за взятыя въ долгъ сѣмена на посѣвъ, обыкновенно въ два-три раза больше, чѣмъ было позаимствовано имъ. Остальные продукты, хлѣбъ и овощи дѣлитъ на двѣ половины. Одну часть оставляетъ для себя, другую везетъ на продажу. Изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ кореецъ уплачиваетъ подати, земскія повинности и дорожную повинность. Послѣдняя повинность лежитъ на корейцахъ тяжелымъ гнетомъ съ апрѣля по октябрь. Въ теченіе этого времени каждый домохозяинъ кореецъ долженъ держать на свой счетъ особаго рабочаго для исправленія старыхъ проселочныхъ дорогъ и для сооруженія

новыхъ. Въ настоящее время, напримѣръ, трудами корейцевъ и китайцевъ прокладывается почтовый трактъ отъ Владивостока до св. Ольги. Дорожная повинность ложится здѣсь всей своей тяжестью на корейцевъ и китайцевъ, такъ какъ крестьяне-переселенцы избавлены отъ всѣхъ податей и повинностей. Кромѣ того корейцу приходится платить около 3—5 р. на содержаніе обывательскихъ станцій, а также не мало на содержаніе священниковъ, школъ, имѣющихся почти въ каждой корейской деревнюшкѣ.

Поэтому естественно, конечно, что у корейца отъ урожая не только не остается на сѣмена къ будущему посѣву, но не хватаетъ даже и для продовольствія семьи. Поэтому то корейцу съ наступленіемъ зимы приходится идти въ „отходъ“ во Владивостокъ на черныя работы. Здѣсь они занимаются переноской тяжестей, чисткою отхожихъ мѣстъ, улицъ, дворовъ. За всѣ эти работы корейцы получаютъ крайне мало; напримѣръ, за носку вещей, тесу и даже бревенъ,—хотя бы ихъ требовалось перенести изъ одного конца города въ другой,—корейцамъ платятъ копеекъ 5, много 10; за чистку дворовъ и проч.—коп. 15—20.

Естественно, что на этотъ заработокъ кореецъ едва-едва можетъ только прокормить самого себя; домой же приходитъ съ пустыми руками, попрежнему оставаясь запутаннымъ въ неоплатные долги у своихъ благодѣтелей.

Не въ лучшихъ условіяхъ живутъ въ Пріамурскомъ краѣ и китайцы-фермеры и китайцы-звѣроловы.

Китайцы-земледѣльцы (манзы) также очень трудолюбивы и ухаживаютъ за своими полями какъ мать за любимымъ дѣтищемъ. „Няньчится, какъ манза съ полемъ“,—вошло даже въ поговорку у русскихъ переселенцевъ въ этомъ краѣ, далеко отставшихъ въ этомъ отношеніи отъ китайцевъ и корейцевъ.

Китайское поле на первый взглядъ кажется приготовленнымъ для посадки овощей: оно состоитъ изъ низкихъ грядъ, отдѣленныхъ, одна отъ другой продольными неглубокими бороздами-канавами, идущими вдоль покатости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти канавки заграждаются плотинками, для скопленія влаги. Эти плотинки задерживаютъ влагу хотя и въ небольшомъ количествѣ, но тѣмъ не менѣе она все-таки способствуетъ увлажненію окружающей почвы. Кромѣ этихъ плотинокъ китайцы въ цѣляхъ искусственнаго орошенія своихъ полей, устраиваютъ сзади полей особенныя водохранилища: небольшіе колодцы-ямы аршина полтора въ квадратѣ и не болѣе сажени глубины, наполняющіеся водой въ дождливое время. Чтобы сохранить воду въ этихъ водохранилищахъ, китайцы подбрасываютъ въ нихъ зимой снѣгу, а сверху прикрываютъ досками, соломенными ковриками, кошмой и проч. Когда влага изъ плотинокъ исчезаетъ, а дождей нѣтъ, китаецъ прибѣгаетъ къ своимъ водохранилищамъ. Онъ открываетъ одно изъ водохранилищъ, ближайшее къ мѣсту поливки, таскаетъ воду банками и пропускаетъ ее по канавкамъ.

Когда хлѣбъ убранъ, китаецъ начинаетъ удобрять поле для будущаго посѣва. Для этого онъ стаскиваетъ на поля всѣ нечистоты, отбросы, всю золу изъ очага и распредѣляетъ по полю ровнымъ слоемъ.

Живутъ китайцы въ такихъ же фанзанахъ, какъ и корейцы—темныхъ душныхъ и зловонныхъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ китайцевъ и русскихъ вотъ что разсказываетъ г. Муровъ въ своей книгѣ „Люди и нравы Дальняго Востока“. Томскъ, 1901 г.

„Хозяинъ фанзы, когда я вошелъ, нагло толкнулъ меня. „Русска худа есть человѣкъ!“—крикнулъ онъ раздражительно. — „Какъ такъ?“ — съ недоумѣніемъ спро-

силъ я. „Шибко худа есть русска ноенъ (начальникъ, чиновникъ)! Твое русска шибко обижай Китай—вотъ что!"—еще громче крикнулъ онъ, съ презрѣніемъ отвертываясь отъ меня. „Да въ чемъ дѣло!?"—крикнулъ я въ свою очередь, схвативъ его за плечо и повернувъ лицомъ къ себѣ. „Русска ноенъ много денга моя проси, говори дорога ладь (дорогу строй). А пошто моя посылай дорога ладь? Моя работай надо, шибко работай, хлѣбъ сѣй; денга сѣмена купи моя нѣтъ. Твоя ноенъ говори, продай быка—дорога плати, самъ иди дорога ладь. Хлѣбъ моя не сѣй, огорода не сади—пропадай есть (пропадать надо). А пошто русска хрестанъ (крестьянинъ) не проси денга дорогу ладь? Пошто не посылай ихъ дорога ладь? Хе! Твоя ноенъ шибко худа есть людя. Пошто обижай? Моя въ городѣ былъ, жалобился. Твоя ноенъ билъ меня, сильно билъ. Зачѣмъ обижай? Теперь боли есть!"—выкрикивалъ китаецъ со слезами на глазахъ, закрывая ладонями рукъ свои опухшія, красныя щеки" (стр. 75—76).

Разумѣется, какіе-либо комментаріи здѣсь излишни: этотъ китайскій вопль говоритъ самъ за себя краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

VI.

Администрація въ Сибири: сибирскіе крестьянскіе начальники, интендантскіе чиновники и сибирская полиція.

Скажемъ нѣсколько словъ о сибирской администраціи. По понятнымъ для читателей причинамъ, мы не будемъ касаться здѣсь представителей высшей сибирской администраціи.

Мы будемъ говорить лишь о низшихъ представителяхъ административнаго начала въ Сибири—сибирскихъ

крестьянскихъ начальникахъ и сибирской полиціи, да и то руководствуясь лишь тѣми свѣдѣніями, которыя могли проникнуть въ печать.

Должность *крестьянскихъ начальниковъ*,—однородная съ должностью *земскихъ начальниковъ* у насъ, въ Европейской Россіи,—введена въ Сибири не болѣе трехъ лѣтъ. Но, несмотря на такой короткій промежутокъ времени, къ сожалѣнію, приходится признать, что рѣзультаты этой реформы оправдали и даже можно сказать превзошли самыя худшія ожиданія и предсказанія, дѣлавшіяся печатью по поводу этой реформы при самомъ введеніи ея въ Сибири.

Случаи хищеній, присвоеній общественныхъ суммъ и превышеній власти со стороны крестьянскихъ начальниковъ, случаи, установленные судебными слѣдствіями и сдѣлавшіеся потому достояніемъ печати, были столь многочисленны, что почти перестаютъ быть исключеніями.

Дѣло въ томъ, что на должности крестьянскихъ начальниковъ,—этихъ „народныхъ опекуновъ", призванныхъ творить судъ и расправу, вѣдать просвѣщеніе и сельское хозяйство, словомъ вліять на всѣ формы народной жизни,—обыкновенно попадали интеллигентные отбросы изъ „дворянскихъ недорослей", не смогшихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ пристроиться къ административной машинѣ въ Европейской Россіи.

Чаще всего это были люди убогіе по образованію,—иногда не свыше юнкерскихъ школъ,—ретивые къ „порядку", съ большими аппетитами и чисто крѣпостническими замашками въ управленіи. Они тонко знали свои права, но свои обязанности представляли себѣ довольно смутно. Этому много способствовало и то обстоятельство, что имъ, какъ воеводамъ добраго стараго времени предоставлено было право вершить дѣла „по

своему высмотру, какъ покажется пригоже и какъ Богъ вразумитъ!"

Не удивительно поэтому, что въ результатѣ дѣятельности крестьянскихъ сибирскихъ начальниковъ получилось крестьянское разоренiе, а не упроченiе „благополучiя". Въ короткiй трехгодичный срокъ сибирскiе крестьянскiе начальники выдѣлили изъ своей среды не мало „дѣятелей", изъ которыхъ одни, въ силу только снисхожденiя, были просто удалены отъ „исполненiя своихъ обязанностей", другiе же попали на скамью подсудимыхъ.

Вотъ какъ объ этомъ разсказывается въ сообщенiи корреспондента журнала „Мiръ Божiй", № 5, за 1901 г.

„Со временъ Трескина и Лоскутова,—говоритъ корреспондентъ,—Сибирь не видала такихъ хищенiй, какiя обнаружились въ послѣднее время въ Тобольской губернiи. Обратимся къ фактамъ, установленнымъ судебными слѣдствiями: крестьянскiе чиновники Струве и Бектышевъ присвоили изъ крестьянскихъ и общественныхъ суммъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, сами въ этомъ сознались и посажены въ тюрьму; въ тюрьмѣ сидитъ и волостной писарь Гусевъ, правая рука бывшаго тюкалинскаго крестьянскаго начальника Низовца, уволеннаго отъ службы. Недавно въ омской судебной палатѣ разсматривалось дѣло тюкалинскаго же крестьнскаго чиновника фонъ-Мореншильда, извѣстнаго въ Омскѣ по устройству аѳинскихъ вечеровъ, который, присвоивъ себѣ болѣ 80.000 рублей *) крестьян-

*) Изъ нихъ около 25 тысячъ растрачено имъ изъ полученныхъ въ разное время денегъ на ссуды переселенцамъ, около 11 тысячъ изъ фонда Императора Александра III на постройку школъ и церквей. Растрачены также деньги, ассигнованныя обществомъ пособiя нуждающимся переселенцамъ, деньги сельскихъ обществъ, ассигнованныя на покупку книгъ и учебниковъ для школъ и проч.

Примѣчанiе автора книги.

скихъ денегъ, самъ на себя донесъ и бѣжалъ въ Америку, но былъ выданъ „свѣтской женщиной" и заключенъ въ тюрьму. Для этого дворянина не было препятствій, предъ которыми онъ могъ бы останавливаться; слѣдствіе обнаружило подлоги, поддѣлки документовъ, присвоеніе переселенческихъ ссудъ, расхищеніе крестьянскихъ сборовъ и грубый развратъ. За симъ слѣдуетъ цѣлая плеяда крестьянскихъ начальниковъ, до слѣдствія и суда временно уволенныхъ отъ должностей, единственно по добротѣ Л. М., каковы: Карновичъ, Оноре, Теселкинъ и проч. и проч. Утверждаютъ, что, по приблизительному расчету, за три-четыре года изъ общественныхъ суммъ расхищенно не мѣнѣе 300.000 руб.; но сюда входятъ только похищенные крестьянскіе мірскіе капиталы, а сколько денегъ присвоено, взято насильно и занято у зажиточныхъ крестьянъ—Ты, Господи, знаешь!

Кромѣ хищничества, институтъ крестьянскихъ чиновниковъ познакомилъ Тобольскую губернію и съ пережитками крѣпостного права. Разсказываютъ, что одни изъ крестьянскихъ начальниковъ по наряду отъ общества пользовались безплатными кормилицами, кухарками, горничными, скотницами и даже, странно сказать, живымъ товаромъ; другіе—заставляли въ каникулярное время сельскихъ учительницъ безплатно исполнять при своихъ дѣтяхъ обязанности нянюшекъ и боннъ; третьи, какъ, напримѣръ, Струве, держали, по наряду отъ крестьянъ, тетеревятниковъ, жавороношниковъ, куропатниковъ для охоты на птицу, когда устраивались во время съѣздовъ парадные рауты для сослуживцевъ.

Наконецъ, были шутники, которые изъ писарей, сельскихъ учителей и ссыльныхъ интеллигентовъ составляли труппы *артистовъ* и давали, напримѣръ, въ деревнѣ Муромцевой, Тарскаго округа, для развлеченія кресть-

янъ трагедію Шекспира и отрывки изъ „Жизни за Царя“. Такія проявленія барства старыхъ помѣщиковъ не были секретомъ; они оглашались по всей губерніи, но на нихъ смотрѣли съ снисходительною улыбкой, какъ на невинное развлеченіе въ глуши крестьянской деревни. Одинъ чудакъ—начальникъ, ожидая изъ Петербурга жену, приказалъ, чтобы въ теченіе двухъ часовъ были выметены всѣ деревенскія улицы. Когда крестьяне принялись за дѣло, надъ деревней поднялся такой столбъ черной пыли, что изъ сосѣднихъ деревень прибѣжали съ бочками воды тушить пожаръ. Всѣ вышепоименованные и непоименованные крестьянскіе чиновники стояли какъ бы внѣ закона.

Въ началѣ мѣстнымъ властямъ дѣйствія ихъ провѣрять не предоставлялось, а когда были введены ревизіи крестьянскихъ суммъ, то крестьянскіе начальники относились къ нимъ, какъ къ пустой формальности. Если въ сундукахъ волостныхъ правленій денегъ не было, тогда начальники отыскивали на время ревизіи необходимую сумму и чудеснымъ образомъ, подобно аракчеевскому поросенку, пересылали ее, впереди ревизующаго изъ одной волости въ другую, такъ что къ пріѣзду ревизора деньги всегда были въ томъ сундукѣ, въ которомъ имъ и быть надлежало. Словомъ, крестьянскія суммы всюду были въ наличности и въ то же время ихъ нигдѣ не было.

Чтобы продѣлывать такой чудный фокусъ и дурачить ревизоровъ, нужны были опытные фокусники и такими являлись волостные писаря изъ поселенцевъ, сосланныхъ за грабежи и подлоги, стало быть, прошедшіе огонь и воду. Однако, и эти лица, несмотря на профессіональную подготовку въ необходимомъ искусствѣ, чтобы поступить писаремъ, должны были подвергнуться нѣкоторой дрессировкѣ, пробывъ годъ или два у кресть-

янскаго чиновника въ должности кучера, лакея или письмоводителя“.

Едва ли нужно добавлять что-нибудь къ этой прекрасной характеристикѣ сибирскихъ крестьянскихъ начальниковъ.

Насколько добродушно относятся сами крестьяне къ явнымъ злоупотребленіямъ многочисленныхъ сибирскихъ властей вообще и ко взяточничеству въ частности, видно, напримѣръ, изъ разсказа г. Мурова о дѣятельности интендантства въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ г. Муровъ.

„Въ настоящее время интенданствомъ скупается часть излишка зерна у крестьянъ. Закупъ хлѣба для казны происходитъ такъ. Комиссіонеръ, получивъ распоряженіе о закупкѣ зерна, напримѣръ, въ количествѣ 200.000 пудовъ, сначала ѣдетъ въ какое-нибудь многолюдное село, гдѣ и ведетъ переговоры съ сельскимъ старостой. Начинаются эти переговоры съ офиціальнаго запроса: кто именно изъ крестьянъ сельскаго общества и сколько именно можетъ продать зерна казнѣ къ такому-то числу. Староста собираетъ сходъ, гдѣ и объявляетъ о подрядѣ на поставку зерна. Здѣсь же, на сходѣ выясняется общая цифра зерна, которое могутъ поставить крестьяне. Составляется общій списокъ всѣхъ поставщиковъ съ показаніемъ передъ каждымъ количества зерна, продаваемаго казнѣ. Затѣмъ поставщиками выбирается довѣренный, который и ведетъ переговоры съ комиссіонеромъ. Комиссіонеръ заключаетъ съ нимъ контрактъ на поставку зерна подъ круговую поруку, выдаетъ задатки и ѣдетъ въ другое село, гдѣ продѣлываетъ то же самое. Къ извѣстному числу зерно доставляется поставщиками на одну изъ ближайшихъ къ селу военныхъ мукомоленъ. При пріемѣ зерна на мельницѣ исключается съ каждой сотни по 10 фунтовъ

на утрусъ и упылъ. „Какой тутъ утрусъ и упылъ, коли ни одно зерно не выскочитъ изъ мѣшка. Потому наши бабы всѣ крошечныя дырки заштопываютъ. На этотъ счетъ у насъ безъ сомнѣнія:—никогда не бываетъ ни утруса, ни упыла",—толкуютъ по этому поводу мужики поставщики. Тѣмъ не менѣе они безропотно принимаютъ эту жертву. „Надо же и барину дѣтишкамъ на молочишко",—говорятъ одни. „Міръ отъ этого не бѣднѣетъ, а баринъ придираться не станетъ",—говорятъ другіе. „Съ міру по ниткѣ,—голому барину штаны",—говорятъ третьи. Послѣ перемола мука сдается въ продовольственный магазинъ. Принимая муку отъ поставщиковъ, смотритель магазина также исключаетъ съ каждаго пуда по 3 фунта на упылъ и утрусъ (не считая скидки на мѣшокъ). Что касается до комиссіонера, то казна сама даетъ ему взятку въ видѣ 3% съ каждаго купленнаго имъ для казны пуда. Три копейки съ пуда сущій пустякъ, но въ общей массѣ всего закупа, напримѣръ, въ 300.000 или 500.000 пудовъ—это не пустякъ. Нѣсколько лѣтъ по такому куску деньжищъ,—и комиссіонеръ становится капиталистомъ и бросаетъ службу" (стр. 138—139).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нравахъ сибирской полиціи.

Принимая во вниманіе громадность сибирской территоріи, малонаселенность ея, разбросанность поселковъ и удаленность ихъ отъ административныхъ центровъ, а также малокультурность населенія и разносоставность его, можно предположить a priori, что низшія административныя исполнительныя власти чувствуютъ себя царьками по отношенію къ окружающему ихъ населенію.

И дѣйствительно въ сибирской прессѣ приведено не мало фактовъ разнаго рода злоупотребленій со стороны, главнымъ образомъ, полицейской власти.

Напримѣръ, разсказываютъ, какъ одинъ изобрѣтательный становой (засѣдатель) ознакомлялъ крестьянъ своего стана съ законами Россійской Имперіи, чтобы никто послѣ этого „не могъ отговариваться незнаніемъ законовъ“.

Онъ вызвалъ всѣхъ крестьянъ одной деревни къ себѣ на квартиру. Крестьяне явились и нашли станового сидящимъ въ полной формѣ за столомъ, на которомъ лежало нѣсколько громадныхъ томовъ „Свода Законовъ“. Становой объяснилъ крестьянамъ, что ему предписано ознакомить ихъ съ законами Россійской Имперіи и что онъ тотчасъ же намѣренъ приняться за исполненіе предписанія. Онъ развернулъ одинъ изъ томовъ и началъ читать несчастнымъ жертвамъ непонятные имъ параграфы закона, одинъ за другимъ. Спустя нѣсколько часовъ онъ распустилъ свою оригинальную школу, но на завтра приказалъ снова явиться для продолженія чтенія. Конечно, въ этотъ же вечеръ къ остроумному становому явилась депутація отъ крестьянъ, чтобы узнать, сколько надо заплатить, чтобы избавиться отъ „юридическаго просвѣщенія“. За 20 коп. съ души свобода отъ „законовъ“ была получена, и „юристы“ получили возможность заниматься присвоенными ихъ положенію дѣлами.

Въ „Восточномъ Обозрѣніи“ сообщенъ былъ одинъ случай, когда мертвое тѣло оставлено было въ тюремной камерѣ съ живыми арестантами до тѣхъ поръ, пока они не заплатили извѣстнаго выкупа.

Вообще съ „мертвыми тѣлами“, которыхъ въ Сибири, вслѣдствіе обилія бродягъ, находятъ довольно часто, полиція дѣлаетъ прекрасныя дѣла.

Разсказываютъ, напримѣръ, что одинъ становой изъ дома въ домъ велѣлъ носить найденное имъ около деревни „мертвое тѣло“, желая оставить его гдѣ-либо для вскрытія до пріѣзда врача. Конечно, никому не

хотѣлось имѣть такого „постояльца“ и всякій съ радостью давалъ посильный „выкупъ“. Обойдя всю деревню, бѣдный „скиталецъ мертвецъ“ оставленъ былъ на ночь въ какомъ-то пустомъ амбарѣ, давъ возможность своему начальству и послѣ смерти заработать на себѣ кое-что „дѣтишкамъ на молочишко“.

Другой становой совершилъ такое же прибыльное путешествіе съ „мертвымъ тѣломъ“ въ избахъ трехъ деревень.

Поэтому то сибирскіе крестьяне пуще огня боятся „мертваго тѣла“. Они всѣми силами стараются скрыть такую находку, не донося о ней по начальству. Зная, во что имъ иногда обходится слѣдствіе, они или зарываютъ найденный трупъ тайкомъ, или относятъ его ночью къ околицѣ какой-нибудь другой деревни.

Мы не будемъ приводить—отчасти за недостаткомъ мѣста, отчасти по независящимъ отъ насъ причинамъ,—другихъ примѣровъ, характеризующихъ нравы сибирскихъ „верховъ“ въ пореформенный періодъ; скажемъ только, что сибирскій административный строй такъ же ждетъ еще реформы, какъ и другія стороны сибирской жизни.

VII.

Число учебныхъ заведеній въ Сибири въ дореформенную эпоху. Число учебныхъ заведеній въ Сибири и учащихся въ нихъ въ настоящее время. Общественныя, учительскія и ученическія библіотеки въ Сибири. Грамотность сибирскаго населенія. Грамотность переселенцевъ въ Тобольской губерніи. Умственный и нравственный уровень развитія сибирскаго населенія. Положеніе дѣла церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири въ настоящее время.

Одними изъ самыхъ вѣрныхъ показателей степени культурности той или другой страны, того или другого

народа, несомнѣнно, служатъ показатели — положенія дѣла народнаго образованія и состоянія народнаго здоровья.

На этихъ двухъ главныхъ показателяхъ культурности населенія мы и остановимъ теперь вниманіе читателей.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ—въ какомъ положеніи находится въ Сибири дѣло народнаго образованія.

Въ концѣ второго очерка мы уже упоминали, что начало низшаго образованія въ Сибири слѣдуетъ отнести, собственно, къ началу нынѣшняго столѣтія.

На самомъ дѣлѣ, въ Сибири до 1744 года, даже въ Томскѣ, не существовало еще ни одного училища и первое народное училище было открыто тамъ только въ 1789 г. Въ 1816 г., по настоянію Словцова, бывшаго тогда директоромъ иркутской гимназіи, открывается 18 начальныхъ училищъ. Мѣстная сибирская администрація продолжала однако смотрѣть на народное образованіе очень недружелюбно и, благодаря этому, оно развивалось въ Сибири крайне туго вплоть до 50-хъ годовъ. Въ 1820 г. въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ учреждается должность визитатора для постояннаго осмотра училищъ. Вслѣдъ затѣмъ и сибирскимъ инородцамъ дозволено было отдавать своихъ дѣтей для обученія въ учрежденныя правительствомъ учебныя заведенія или же заводить собственныя школы.

О томъ, какъ поставлено было дѣло образованія инородцевъ, мы говорили уже выше, а теперь посмотримъ, сколько же было всего школъ въ Сибири ко времени освободительной эпохи.

Въ самомъ концѣ дореформенной эпохи, именно въ 1856 г., центральнымъ статистическимъ комитетомъ сдѣланъ былъ подсчетъ числа начальныхъ училищъ во всей Россіи.

Правда, достовѣрность этихъ цифръ находится подъ большимъ сомнѣніемъ, такъ какъ правильной регистраціи школъ въ то время не велось, а въ отчетахъ о числѣ школъ встрѣчались часто дутыя цифры (много школъ числилось лишь на бумагѣ), однако все же цифры эти могутъ хотя до нѣкоторой степени характеризировать тогдашній образовательный уровень сибирскаго населенія.

По числу учащихся, приходящихся на каждую сотню жителей, Сибирь стояла на самомъ послѣднемъ мѣстѣ: на каждыя 10.000 жителей тамъ приходилось всего 63 ученика, а мѣстами даже только 3 ученика, т.-е. отъ 0,63 до 0,03%.

Къ 1863 г. число училищъ возрастаетъ до 593 (изъ нихъ низшихъ общеобразовательныхъ училищъ—33, приходскихъ — 86, войсковыхъ — 453, заводскихъ—14, частныхъ—2 и дѣтскихъ пріютовъ—5) съ 14.395 учащихся (изъ которыхъ дѣвочекъ было всего—1171).

По даннымъ изданія министерства народнаго просвѣщенія,—„Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ" С.-Петербургъ, 1898 г.,—собственно въ Сибири (безъ Степного края и Туркестана) насчитывалось начальныхъ училищъ разныхъ наименованій—1134 (уѣздныхъ и городскихъ по Положенію 1872 г.—35, городскихъ, приходскихъ и начальныхъ—97, сельскихъ—1002). Большая часть изъ этихъ училищъ были одноклассныя, именно—689.

Слѣдовательно одно училище приходилось вообще на 5050 жителей; при чемъ въ городахъ—на 3501 жителей, а въ селахъ—на 5254 жителей *).

*) Въ Томской губерніи, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, оказывается, что въ среднемъ выводѣ одно одноклассное училище приходится на 6 населенныхъ мѣстъ и на 1200 кв. верстъ. По уѣздамъ—въ Томскомъ

Большинство изъ этихъ училищъ содержится на общественныя средства, именно 59,7%.

Въ этихъ школахъ число учащихся равняется—73.929 человѣкъ обоего пола, что составляетъ всего 1,2% къ общему числу населенія Сибири.

Въ Степномъ краѣ Сибири всего 156 училищъ (уѣздныхъ и городскихъ по Положенію 1872 г.—15, городскихъ приходскихъ и начальныхъ—35 и сельскихъ—106). Большая часть изъ этихъ училищъ одноклассныя, именно—133. Одно училище въ Степномъ краѣ приходится такимъ образомъ вообще на 22.124 жителей (въ городахъ—на 5.239, въ селахъ—на 30.089).

На общественныя средства здѣсь содержится всего 37,7% всѣхъ школъ. Въ школахъ Степного края учится всего 8.380 человѣкъ обоего пола (изъ нихъ 6.669 мальчиковъ и 1.711 дѣвочекъ), что составляетъ 0,2% къ общему числу населенія.

Въ Туркестанѣ — 133 училища (уѣздныхъ и городскихъ по Положенію 1872 г.—11, городскихъ, приходскихъ и начальныхъ — 49, сельскихъ — 73). Большая часть изъ нихъ одноклассныя—102. Одно училище приходится вообще на 32.108 жителей (въ городахъ—на 11.178, въ селахъ—на 49.310 жителей).

На общественныя средства здѣсь содержится 63,1% всѣхъ училищъ. Въ школахъ Туркестана всего учащихся въ 1896 г. было только 5.473 человѣкъ обоего пола (4.015 мальчиковъ и 1.458 дѣвочекъ), что составляетъ—0,1% по отношенію къ населенію всего края.

одно училище приходится на 1332 жителя, въ Марьинскомъ—на 1844, въ Каинскомъ—на 3000, въ Барнаульскомъ—на 5287, въ Кузнецкомъ—на 3500, въ Бійскомъ—на 4030, въ Змѣиногорскомъ—на 3500 жителей. Вслѣдствіе такого недостатка училищъ, въ 1901 г., по вычисленію дирекціи училищъ Томской губерніи, 100000 дѣтей школьнаго возраста остались за порогомъ школы.

Изъ общаго числа школъ въ Сибири казною содержатся—852; изъ нихъ въ Западной Сибири—139, въ Восточной Сибири—200, въ Приамурскомъ краѣ—408 и въ Туркестанскомъ—105.

Въ послѣднее время, впрочемъ, замѣтна нѣкоторая перемѣна къ лучшему.

По даннымъ г-на Латкина, положеніе народнаго образованія въ Сибири въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Высшихъ учебныхъ заведеній въ Сибири всего одно—Томскій университетъ. Онъ открытъ былъ только въ 1888 г.,—т.-е. спустя 10 лѣтъ послѣ изданія повелѣнія объ его учрежденіи и спустя 85 лѣтъ послѣ возникновенія вопроса о сибирскомъ университетѣ,—да и то въ составѣ лишь одного медицинскаго факультета, вмѣсто предполагавшихся четырехъ — историко - филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго.

Среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ наименованій въ Сибири въ настоящее время насчитывается—45, спеціальныхъ—27, низшихъ школъ—4108 (въ томъ числѣ магометанскихъ и киргизскихъ—46, еврейскихъ—2, буддистскихъ—1).

Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось 131510 человѣкъ,—около $^3/_4$ мужского пола и $^1/_4$ женскаго пола; въ иныхъ областяхъ съ сильно инородческимъ населеніемъ дѣвочки составляли всего $^1/_8$ часть общаго числа учащихся.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ Сибири учебныя заведенія и учащіеся въ нихъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

Въ Акмолинской области числилось 170 учебныхъ заведеній; въ томъ числѣ среднихъ -- спеціальныхъ—3, казачьихъ —97, магометанскихъ — 27, прочихъ сель-

скихъ и городскихъ начальныхъ школъ—37. Въ городахъ числилось учебныхъ заведеній—43; изъ нихъ въ одномъ Омскѣ—25. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ области обучалось дѣтей обоего пола—9.166, въ томъ числѣ $^1/_3$ дѣвочекъ.

Въ Семипалатинской области — учебныхъ заведеній 105, изъ нихъ въ городахъ—17; среднихъ учебныхъ заведеній—2, магометанскихъ—17, еврейскихъ—1. Обучалось дѣтей 4.000 ($^1/_5$ дѣвочекъ).

Въ Тобольской губерніи—учебныхъ заведеній 588, изъ нихъ въ городахъ—69; среднихъ—9, спеціальныхъ—5. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось дѣтей 21.000; въ томъ числѣ: въ городахъ—5.650, въ уѣздахъ—12.350 ($^1/_4$ дѣвочекъ).

Въ Томской губерніи—2.015 учебныхъ заведеній, изъ нихъ въ городахъ—70, остальныя въ уѣздахъ; высшихъ заведеній—1 (университетъ); среднихъ учебныхъ заведеній—9, спеціальныхъ—5, еврейскихъ—1, магометанскихъ—2; обучалось всѣхъ дѣтей—48.125.

Въ Енисейской губерніи — учебныхъ заведеній 235, изъ нихъ въ городахъ—35, остальныя въ уѣздахъ; среднихъ учебныхъ заведеній—7, спеціальныхъ—2; обучалось—9.330 человѣкъ, изъ нихъ 6.520 мужского пола и 2.800 женскаго пола.

Въ Иркутской губерніи — учебныхъ заведеній 412, изъ нихъ 70 въ городахъ, остальныя въ уѣздахъ; среднихъ учебныхъ заведеній—7, спеціальныхъ—6; обучалось дѣтей всего 13.755, изъ нихъ 9.420 мужского пола и 4.335 женскаго пола.

Въ Якутской области — учебныхъ заведеній 77, изъ нихъ 12 въ городахъ, 4 на золотыхъ пріискахъ и остальныя въ уѣздахъ; среднихъ учебныхъ заведеній—3, остальныя низшія; обучалось дѣтей всего 1.507, изъ нихъ 1.191 мальчиковъ и 316 дѣвочекъ.

Въ Забайкальской области—учебныхъ заведенiй 375, считая казачьи и военныя училища; изъ нихъ въ городахъ—45; среднихъ учебныхъ заведенiй—4, спецiальныхъ—6; обучалось дѣтей 12.760 (дѣвочекъ $^1/_4$).

Въ Амурской области — учебныхъ заведенiй 73, изъ нихъ въ городѣ—15, казачьихъ—31, среднихъ учебныхъ заведенiй 3, спецiальныхъ—1; обучалось дѣтей обоего пола—4.600, въ томъ числѣ $^1/_4$ дѣвочекъ.

Въ Приморской области—учебныхъ заведенiй 106, изъ нихъ въ городахъ—20; среднихъ—3, спецiальныхъ—1; обучалось дѣтей 3.470 человѣкъ (дѣвочекъ $^1/_4$ часть).

На островѣ Сахалинѣ—28 школъ, въ которыхъ обучалось 720 дѣтей обоего пола, изъ нихъ $^1/_6$ часть дѣвочекъ.

Итакъ, мы видимъ, что учебныхъ заведенiй всѣхъ разрядовъ въ Сибири чрезвычайно мало и значительная часть ихъ находится въ городахъ; въ общемъ они такъ рѣдки, что не могутъ, конечно, удовлетворить самой насущной потребности населенiя. Слѣдовательно, дѣло народнаго образованiя въ Сибири, находится еще въ зачаточномъ состоянiи и еще ждетъ своего лучшаго будущаго. Оно еще не можетъ быть пока важнымъ факторомъ въ культурной жизни Сибири.

Общественныхъ и другого рода библiотекъ въ Сибири также очень мало, всего 20, и при томъ онѣ имѣются главнымъ образомъ въ крупныхъ городскихъ центрахъ и недоступны для пользованiя массъ сельскаго населенiя, наиболѣе нуждающагося въ просвѣщенiи *).

---

*) Въ сентябрѣ 1901 г. въ Томскѣ состоялось открытiе новаго просвѣтительнаго общества — „Общества содѣйствiя устройству сельскихъ безплатныхъ библiотекъ-читаленъ въ Томской губернiи". Такiя общества, разъ дѣйствiя ихъ не будутъ стѣсняемы узкими рамками, могли бы много сдѣлать на пользу просвѣщенiя Сибири. Яркимъ доказательствомъ возможности такой продуктивной дѣятельности служитъ у насъ примѣръ бывшаго С.-Петербургскаго комитета грамотности.

Учительскія, педагогическія, центральныя педагогическія и ученическія библіотеки существуютъ въ Сибири далеко не при всѣхъ училищахъ и при томъ онѣ располагаютъ самымъ ограниченнымъ количествомъ учебнаго матеріала.

Учительскихъ библіотекъ собственно въ Сибири (безъ Степного края и Туркестана) было въ 1896 г. всего—198 съ 82097 томами, а ученическихъ—257 съ 127.890 томами. Центральная педагогическая библіотека имѣлась на всю Сибирь—1.

Въ Степномъ краѣ—учительскихъ библіотекъ въ томъ же году было 143 съ 38.692 томами, а ученическихъ—145 съ 56.819 томами. Центральныхъ педагогическихъ библіотекъ было 4.

Въ Туркестанѣ было—106 учительскихъ библіотекъ съ 67.512 томами и 30 ученическихъ съ 17.930 томами. Центральныхъ педагогическихъ библіотекъ въ Туркестанѣ совсѣмъ нѣтъ.

Ознакомившись съ количествомъ существующихъ въ Сибири училищъ и библіотекъ, можно сказать a priori, что грамотность сибирскаго населенія чрезвычайно низка. И на самомъ дѣлѣ, процентъ учащихся по отношенію къ населенію собственно въ Сибири былъ всего 1,6%, въ Степномъ краѣ 0,3% и Туркестанѣ—0,1%, противъ 5,7%, напримѣръ, въ Прибалтійскомъ краѣ и 2,9% въ земскихъ губерніяхъ Европейской Россіи.

Болѣе подробныя данныя о грамотности въ Сибири, полученныя въ результатѣ послѣдней переписи, къ сожалѣнію, еще необработаны для всѣхъ мѣстностей и намъ приходится освѣтить этотъ вопросъ только косвеннымъ образомъ.

До извѣстной степени показателемъ грамотности населенія, кромѣ процента учащихся, можетъ служить также и грамотность новобранцевъ. Для Сибири та-

кія данныя имѣются за два десятилѣтія, съ 1876 по 1896 г.

Вотъ эти данныя.

Въ призывѣ 1876 г. изъ общаго числа—7.006 человѣкъ новобранцевъ, набранныхъ собственно въ Сибири, неграмотныхъ было 6.219 или 88,8% общаго числа, а въ Степномъ краѣ—изъ 103 человѣкъ новобранцевъ неграмотныхъ было 55 человѣкъ или 53,4%.

Черезъ 10 лѣтъ, въ 1886 г., процентъ неграмотныхъ новобранцевъ нѣсколько понизился.

Изъ 7.120 человѣкъ навобранцевъ въ Сибири неграмотныхъ въ этомъ году было 5.966 человѣкъ или 83,8% общаго числа; въ Степномъ краѣ—изъ 170 человѣкъ 65, т.-е. 38,2%. Въ 1896 году процентъ неграмотныхъ новобранцевъ въ Сибири еще понизился, именно до 77,3% (изъ 10.160 человѣкъ 7.851), въ Степномъ же краѣ процентъ неграмотныхъ новобранцевъ въ этомъ году былъ—56,1% (изъ 456 человѣкъ 256), т.-е. онъ повысился противъ 1866 г. на 17,9%.

Не вдаваясь въ излишнія сравненія процента неграмотныхъ сибирскихъ новобранцевъ съ такимъ же процентомъ въ болѣе образованныхъ иностранныхъ государствахъ, изъ которыхъ есть такія, гдѣ почти всѣ новобранцы поступаютъ въ службу грамотными,—напримѣръ, въ Германіи,—скажемъ только, что неграмотность сибирскихъ новобранцевъ высока даже по сравненію съ земскими губерніями Европейской Россіи, гдѣ она выражалась слѣдующими цифрами: въ 1876 году—79,1%, въ 1886 году — 69,6% и въ 1896 году — 55,1%, а въ Прибалтійскихъ губерніяхъ падала даже до 16,5%.

Итакъ, сопоставляя данныя призывовъ 1876 и 1896 гг. получимъ, что за истекшее двадцатилѣтіе процентъ новобранцевъ, получившихъ школьное образованіе, въ

земскихъ губерніяхъ увеличился на 11,1%, а въ Сибири всего на 4,2%.

Относительно Приморской и Амурской областей и острова Сахалина приведемъ недавно опубликованныя данныя о грамотности населенія, полученныя въ результатѣ первой всеобщей переписи населенія въ 1897 г.

Грамотность населенія въ Приморской области выразилась въ 24,7%. Однако по отдѣльнымъ мѣстностямъ процентъ этотъ сильно колебался.

Въ этой области есть мѣста, гдѣ царствуетъ еще почти поголовная беграмотность, такъ въ гижигинскомъ округѣ грамотные составляютъ едва 1,7% всего населенія, а въ анадырскомъ—только 1,2%. Грамотность городского населенія гораздо значительнѣе и выражается въ 48,8%. Еще бо́льшая разница въ грамотности мужского и женскаго населенія. Грамотные мужчины составляютъ здѣсь 33,7% всего мужского населенія, въ то время какъ грамотныя женщины лишь 8,3%.

Грамотныхъ въ Амурской области оказалось 24,8%.

Между мужчинами и женщинами грамотность распредѣлилась слѣдующимъ образомъ: грамотныхъ мужчинъ оказалось 33,5%, а грамотныхъ женщинъ всего 12,7%.

По отношенію къ городскому и сельскому населенію грамотность и здѣсь стоитъ гораздо выше (въ городахъ 39,5% грамотныхъ), чѣмъ въ населеніи, взятомъ вообще.

Превышеніе процента грамотныхъ въ городахъ по сравненію съ селеніями объясняется отчасти скопленіемъ въ городахъ лицъ привиллегированныхъ сословій,—грамотныхъ по преимуществу, за рѣдкими, вѣроятно, исключеніями,—а отчасти перевѣсомъ мужского городского населенія надъ женскимъ.

На самомъ дѣлѣ, лицъ привиллегированныхъ сословій (потомственные и личные дворяне, чиновники и

лица, имѣющія право на личное дворянство, а также почетные потомственные граждане и купцы) въ Приморской области составляютъ 14,5% въ городахъ и 1,3% въ селеніяхъ, а въ Амурской—9,4% въ городахъ и 1,3% въ селеніяхъ.

Что же касается перевѣса въ городахъ мужского населенія надъ женскимъ, то въ этомъ отношеніи сибирскимъ городамъ должна быть отдана пальма первенства.

Мы уже знаемъ, что Сибирь издавна терпѣла недостатокъ въ женскомъ полѣ. Недостатокъ этотъ съ теченіемъ времени, очевидно, не восполнился. „Въ нѣкоторыхъ, между прочимъ и въ сибирскихъ городахъ,—по справедливому замѣчанію статистика Ю. А. Бунина, обработавшаго предлагаемыя здѣсь данныя о грамотности названныхъ сибирскихъ мѣстностей,—отношеніе женскаго населенія къ мужскому принимаетъ прямо уродливыя формы несоотвѣтствія; такъ, въ г. Хабаровскѣ на 11.730 мужчинъ приходится 3.241 женщина, въ г. Николаевскѣ на 4.400 мужчинъ—1.284 женщинъ, въ г. Владивостокѣ на 24.433 мужчинъ всего 4.500 женщинъ“. („Вѣст. Восп.“ 1901, IX, стр. 129).

Поэтому-то и грамотность женскаго населенія въ городахъ значительно выше, чѣмъ въ селеніяхъ. Такъ въ Приморской области процентъ грамотныхъ женщинъ въ городахъ—35,8% (противъ 58,3% грамотныхъ мужчинъ), а въ селеніяхъ—всего 4,3% (противъ 27% грамотныхъ женщинъ); въ Амурской—въ городахъ процентъ грамотныхъ женщинъ составляетъ 27,5% (противъ 48,9% грамотныхъ мужчинъ), а въ селеніяхъ—7,3% (противъ 32,2% грамотныхъ мужчинъ).

Высота процента городской грамотности выступитъ еще рельефнѣе, если мы разсмотримъ грамотность въ центральныхъ городскихъ поселеніяхъ. Такъ г. Благовѣщенскъ (при 32.000 жителей) имѣетъ грамотныхъ—

39,5%, а Владивостокъ (при 29.000 жителей)—56,7%, т. е. больше половины общаго числа жителей.

Эти соображенія относительно причинъ высоты процента грамотности въ городахъ подтверждаются отчасти состояніемъ грамотности на о. Сахалинѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ городскихъ поселеній.

Грамотныхъ на о. Сахалинѣ—26,8% всего населенія, при чемъ мужчины даютъ—25,1%, а женщины—лишь 9,7%. Вѣроятно, что одной изъ причинъ низкой грамотности какъ всего населенія о. Сахалина вообще, такъ и женскаго въ частности слѣдуетъ считать отсутствіе здѣсь городскихъ поселеній.

Такова грамотность сибирскаго населенія въ трехъ обслѣдованныхъ мѣстностяхъ по даннымъ всеобщей переписи 1897 г.

Если, для точности, выкинуть изъ общаго числа населенія дѣтей до 6-тилѣтняго возраста, среди которыхъ число грамотныхъ совершенно ничтожно, то общій процентъ грамотныхъ опредѣлится слѣдующими цифрами—для Амурской области—въ 32,1%, для Приморской—въ 28,5% и для о. Сахалина—въ 29,9%.

Что касается грамотности собственно переселенцевъ, то изслѣдованіе въ этомъ направленіи произведено было лишь въ Тобольской губерніи.

Данныя о грамотности переселенцевъ этой губерніи были обработаны гг. Кушемъ и Станкевичемъ.

Данныя г. Куша касаются одного Ялуторовскаго округа, Тобольской губерніи; данныя, обработанныя г. Станкевичемъ, охватываютъ всю губернію. Въ виду этого мы приведемъ здѣсь данныя только изъ книги г. Станкевича, такъ какъ данныя по Ялуторовскому округу входятъ, какъ часть, въ работу г. Станкевича.

Для большей наглядности сгруппируемъ эти данныя въ таблицу.

Грамотность переселенцевъ Тобольской губерніи.

У переселенцевъ, прибывшихъ въ Тобольск. губ.	Число зарегистрированныхъ дворовъ.	Число населенія.			Число дворовъ съ грамотными.	Число грамотныхъ.			%-ное отношеніе къ общему числу дворовъ и населенія.			
		Мужч.	Женщ.	Об. п.		Мужч.	Женщ.	Об. п.	Двор.	Мужч.	Женщ.	Об. п.
Въ 1882 г. и раньше	714	2157	1997	4154	205	278	8	286	28,1	12,8	0,4	6,8
„ 1883 — 1885 гг.	401	1183	1067	2250	80	108	2	110	19,9	9,1	0,1	4,9
„ 1886 — 1888 гг.	588	1945	1694	3639	172	214	7	221	29,2	11,1	0,4	6,1
„ 1889 — 1891 гг.	1168	3435	3088	6523	382	510	14	524	32,8	14,8	0,4	8,1
„ 1892 и 1893 гг.	1293	3987	3561	7548	503	691	13	704	38,9	17,3	0,3	9,3
Итого . . .	4164	12707	11407	24114	1342	1801	44	1845	32,2	14,1	0,3	7,6

Изъ этой таблицы мы видимъ, что изъ 4.164 обслѣдованныхъ дворовъ переселенцевъ, переселившихся въ Сибирь въ періодъ времени приблизительно съ 1882 г. по 1894 г., число дворовъ съ грамотными оказалось лишь 1.342, т.-е. всего около 1/3 (32,2%); при этомъ число грамотныхъ обоего пола было 7,6% (изъ 24.114 человѣкъ обоего пола—1.845).

Грамотныхъ мужчинъ, какъ и повсюду, оказалось болѣе чѣмъ женщинъ (грамотныхъ мужчинъ — 14,1%, женщинъ—0,3%, именно изъ 12.707 мужчинъ грамотныхъ было—1.801, а изъ 11.407 женщинъ—грамотныхъ всего—44).

Самыми грамотными переселенцами оказались пришедшіе въ 1892 г. и 1893 г.; именно—изъ 1.293 дворовъ съ грамотными было 503, т.-е. 38,9%; изъ общаго числа переселенцевъ этого періода — 7.548 человѣкъ грамотныхъ оказалось—704 человѣка, т.-е. 9,3%; но

процентъ грамотныхъ женщинъ и среди этихъ переселенцевъ не только не повысился, а даже нѣсколько понизился противъ переселенокъ, пришедшихъ раньше 1892—1893 гг. (за исключеніемъ пришедшихъ въ 1883—1885 гг.); грамотныхъ оказалось только 13 изъ 3.561 женщины, тогда какъ изъ 3.987 мужчинъ грамотныхъ было—691, т.-е. 17,3%.

Сравнительно большая грамотность переселенцевъ 1892 и 1893 гг. объясняется, вѣроятно, увеличеніемъ числа народныхъ школъ въ Европейской Россіи въ пореформенный періодъ нашей исторіи.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что дѣло образованія сибирскаго населенія, какъ русскаго, такъ и инородческаго, находится еще въ зачаточномъ состояніи.

При отсутствіи смягчающаго вліянія образованія, суровая сибирская природа и полудикій укладъ жизни сибирскихъ инородцевъ вырабатываютъ въ сибирякахъ угрюмый, недовѣрчивый характеръ. Сибирякъ не такъ добродушенъ, какъ русскій крестьянинъ. Онъ сухъ въ обращеніи, насмѣшливъ. Все, что онъ имѣетъ, добыто путемъ тяжелой борьбы съ суровой дикой природой; поэтому онъ очень привязанъ къ собственности, эгоистиченъ и чужая бѣда его не трогаетъ. Жизненную неудачу своихъ собратьевъ-крестьянъ, въ особенности изъ переселенцевъ, онъ всецѣло объясняетъ ихъ лѣнью, отсутствіемъ энергіи, неумѣньемъ приспособиться къ жизни, и не жалѣетъ ихъ за это, а презираетъ. Но въ то же время сибирякъ, какъ мы уже говорили выше, смѣлѣе русскаго крестьянина; въ немъ нѣтъ такой приниженности и раболѣпства, которыя такъ свойственны нашимъ великороссамъ.

Однако сибирскій крестьянинъ не такъ работоспособенъ, какъ нашъ великороссъ; всякій сколько-нибудь зажиточный сибирякъ нанимаетъ уже себѣ работника.

Такъ какъ сибиряку приходится постоянно сталкиваться съ различнаго рода иновѣрцами,—католиками, лютеранами, буддистами, евреями, магометанами,—то онъ и самъ сталъ какъ-то равнодушнѣе къ своей вѣрѣ. Одинъ сибирякъ, напримѣръ, такъ разсказывалъ о своихъ землякахъ: „Идешь иной разъ утромъ по деревнѣ; звонятъ къ обѣднѣ, а у кабачка ужъ довольно завсегдатаевъ, между тѣмъ какъ въ церкви только бабы да ребята. А лѣтомъ и то бываетъ, что весь молящійся людъ въ церковной оградѣ воркуетъ про себя".

При этомъ сибиряки очень суевѣрны; и много суевѣрій они переняли отъ окружающихъ ихъ инородцевъ. Такъ, напримѣръ, иркутскіе охотники передъ промысломъ брызгаютъ „для фарту" (для удачи) водкой на землю. Это перенято ими отъ бурятъ, которые передъ началомъ дѣла приносятъ въ жертву водку „хозяину земли" Гарунъ-Зину.

По разсказамъ одного путешественника, застигнутые бурей въ горахъ Забайкальской области, казаки-проводники просили его позволить имъ принести жертву горному духу. Иные изъ русскихъ боятся шаманскихъ могилъ и дѣлаютъ приношенія на нихъ. Нѣкоторые держатъ у себя въ божницѣ инородческихъ божковъ; такъ, напримѣръ, въ Иркутской губерніи сибиряки рядомъ съ иконой часто держатъ мѣднаго бурятскаго идола съ четырьмя руками и глазами на всѣ четыре стороны. Приглашаютъ иногда и шамановъ поколдовать въ разныхъ случаяхъ жизни. Все это, конечно, имѣетъ мѣсто большею частью въ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ центра.

Къ спеціально, такъ сказать, сибирскимъ суевѣріямъ, присоединяются и великороссkія, перекочевавшія сюда вмѣстѣ съ переселенцами. Отмѣтимъ хоть только два изъ нихъ изъ массы, зарегистрированныхъ сибирской

и русской печатью. Это суевѣріе, такъ сказать, ограрнаго характера.

Двухлѣтній неурожай въ Сибири, разорившій многія крестьянскія семьи, естественно, заставилъ задуматься надъ причинами его и отысканіемъ „исхода". И вотъ какой „исходъ" былъ найденъ крестьянами.

Чтобы вызвать дождь, крестьяне въ одной изъ сибирскихъ деревень отправляются толпою на могилу самоубійцы, вбиваютъ осиновый колъ, который и поливаютъ затѣмъ водой.

Въ Алтайскомъ округѣ первые же признаки неурожая нынѣшняго года связаны были народной молвой съ развившимся здѣсь въ послѣднее время маслодѣліемъ. Рѣшено было, что засуха—дѣло рукъ маслодѣловъ, потому что въ засуху масло бываетъ лучше, жирнѣе. Доискались и какимъ способомъ маслодѣлы предотвращаютъ вредный имъ дождь. Въ с. Колманскомъ прошелъ слухъ, что съ этой именно цѣлью владѣльцы и мастера маслодѣльныхъ заводовъ обстригаютъ перья пѣтушиныхъ хвостовъ, жгутъ ихъ и пепломъ, съ помощью какой-то невѣдомой, но очевидно нечистой силы, разгоняютъ тучи. Вслѣдствіе этихъ слуховъ составился сходъ, на которомъ крестьяне потребовали немедленнаго же закрытія всѣхъ маслодѣленъ, а для того, чтобы запретъ этотъ не былъ кѣмъ-нибудь нарушенъ, постановили выставить у заводовъ стражу, въ лицѣ десятскихъ и сотскихъ. Долго мѣстныя власти убѣждали крестьянъ, что страхи ихъ совершенно напрасны, что приговоръ ихъ незаконенъ, но всѣ эти убѣжденія не приводили ни къ чему. Наконецъ, у кого-то явилась мысль достать, такъ сказать, вещественное доказательство правдивости ходившихъ слуховъ на счетъ пѣтушиныхъ перьевъ, и рѣшено было съ этой цѣлью осмотрѣть деревенскихъ пѣтуховъ, точно ли у нихъ обстрижены

маслодѣлами хвосты. И вотъ весь сходъ двинулся по деревнѣ, заглядывая во дворы и осматривая пѣтуховъ. Какъ на бѣду, оказалось, что у нѣкоторыхъ пѣтуховъ хвосты обдерганы, и въ результатѣ осмотра крестьяне еще больше укрѣпились въ мысли о справедливости легенды и въ правотѣ своихъ требованій.

Враждебное отношеніе крестьянъ къ маслодѣльнямъ и маслодѣламъ приняло массовый характеръ. Крестьяне многихъ деревень начали постановлять приговоры, запрещающіе подъ страхомъ крупнаго штрафа и другихъ наказаній продажу маслодѣламъ молока, требующіе уничтоженія ненавистныхъ населенію „молоканокъ" (маслодѣльныхъ машинъ), изгнаніе изъ деревень маслодѣловъ и проч. Движеніе это быстро распространялось и переходило изъ деревни въ деревню, угрожая владѣльцамъ маслодѣленъ весьма серьезными послѣдствіями. Кое-гдѣ сложилась увѣренность, что разстроить козни маслодѣловъ и вызвать дождь можно только однимъ способомъ,—убивъ изъ трехъ ружей и приколовъ къ землѣ виновника засухи; кое-гдѣ подобные проекты были очень близки къ осуществленію, и несчастные маслодѣлы подвергались жестокимъ побоямъ.

Путешественникъ по Приамурскому краю г. Муровъ говоритъ о казакахъ Уссурійскаго края, что они „вѣрятъ въ порчу и въ колдовство, страшатся водяного и баннаго, домового и запечнаго и другихъ разныхъ наименованій чертей и чертовыхъ старичковъ и старушекъ (кикиморъ); всѣ говорятъ, что земля плоска, какъ столъ, что она стоитъ на 12-ти китахъ и т. д. и т. д. „Впрочемъ, крестьяне-переселенцы,—говоритъ дальше г. Муровъ,—въ этомъ отношеніи за поясъ заткнутъ уссурійцевъ—казаковъ. Есть также среди уссурійцевъ и интеллигентные люди, вѣрящіе во всю эту чертовщину. Такъ, въ бытность мою во Владивостокѣ я былъ ежедневнымъ

свидѣтелемъ, какъ чиновникъ среднихъ лѣтъ, передъ обѣдомъ, лилъ въ подполье по рюмкѣ водки и бросалъ туда же по кусочку говядины. На мой вопросъ, для чего онъ ежедневно льетъ туда водку, Его Высокоблагородіе таинственно отвѣтилъ мнѣ: „домовой у насъ что-то пошаливаетъ"... За обѣдомъ супруга этого барина призналась, что они дѣлаютъ это по совѣту одного гольдскаго шамана" (стр. 159).

Равнодушное отношеніе сибиряковъ къ религіи и ихъ суевѣрность объясняются вообще низкимъ уровнемъ ихъ умственнаго развитія, являющагося слѣдствіемъ рѣдкости школъ и церквей въ Сибири.

Сибирскіе приходы часто бываютъ такъ велики, что священники не успѣваютъ даже справляться съ обычными требами. Дѣти въ такихъ приходахъ остаются часто некрещенными, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ; случается, что и покойниковъ хоронятъ безъ священниковъ. Священникъ обыкновенно изрѣдка наѣзжаетъ въ такіе удаленные уголки своего прихода и тутъ уже за разъ отправляетъ всѣ накопившіяся требы—и креститъ, и вѣнчаетъ, и отпѣваетъ, и служитъ молебны, и панихиды и т. д. Школы, какъ мы видѣли, также очень рѣдки въ Сибири; но и въ существующихъ школахъ постановка дѣла оставляетъ желать очень и очень многаго.

На крайнюю малочисленность церквей въ Сибири правительство уже давно обратило вниманіе; а за послѣднее время стало обращать вниманіе и на недостаточное число школъ.

Государь Императоръ Николай II-й, еще въ бытность свою Наслѣдникомъ престола, прежде всего обратилъ вниманіе, при проѣздѣ своемъ въ 1891 г. черезъ Сибирь, на крайнюю малочисленность церквей на пути своего слѣдованія отъ Владивостока до Уральска. И впослѣдствіи Государь неоднократно выражалъ свое вниманіе къ

дѣлу церковнаго просвѣщенія сибирскихъ новоселовъ въ Высочайшихъ отмѣткахъ по данному вопросу. Такъ, напримѣръ, на всеподданнѣйшемъ рапортѣ о состояніи Томской губерніи за 1895 г. противъ упоминанія о недостаткѣ въ церквахъ и школахъ для переселенческихъ селеній Государемъ было собственноручно отмѣчено: „Вопросъ о постройкѣ церквей въ Сибири, въ особенности въ новыхъ поселкахъ, очень близокъ моему сердцу“. Въ 1898 г. на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Акмолинской области за 1896 г. противъ объясненія о ходѣ сооруженія церквей и школъ въ переселенческихъ поселкахъ области послѣдовала такая отмѣтка: „Желаю, чтобы при каждой церкви была школа. Обращаю на это вниманіе Статсъ-Секретаря Куломзина“.

Въ виду этого въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги еще въ 1893 г. былъ поднятъ вопросъ о необходимости постройки церквей въ районѣ Сибирской желѣзной дороги. Сначала было предположено строить церкви на станціяхъ желѣзной дороги на остатки отъ суммъ, назначенныхъ на ея сооруженіе; но за неполученіемъ такихъ остатковъ, намѣреніе это осуществлено не было и покрытіе расходовъ по постройкѣ церквей было отнесено къ другому источнику. Въ 1894 г. при Канцеляріи Комитета министромъ былъ открытъ пріемъ пожертвованій на образованіе капитала, которому присвоено было названіе фонда имени Императора Александра III для постройки въ районѣ Сибирской желѣзной дороги церквей и школъ.

Притокъ такихъ пожертвованій какъ денежыми средствами, такъ и предметами церковнаго обихода начался съ апрѣля 1894 г. и доставилъ къ 1-му января 1900 г. весьма значительную сумму въ 1.211.176 руб.

Фондъ этотъ былъ усиленъ 100.000 руб., переведен-

ными въ 1896—1899 гг. изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій сибирской дороги.

Завѣдываніе этимъ фондомъ поручено подготовительной комиссіи, организованной, какъ мы уже знаемъ, при комитетѣ сибирской желѣзной дороги.

На средства, собранныя главнымъ образомъ путемъ пожертвованій, до 1900 г. была предпринята постройка 166 церквей, изъ нихъ 73 уже освящены, а также приступлено къ постройкѣ 106 школъ, изъ которыхъ 33 еще строились.

Сначала церкви и при нихъ дома для причта и школы строились преимущественно при главнѣйшихъ станціяхъ сибирской желѣзной дороги, гдѣ въ такихъ сооруженіяхъ ощущалась особенная потребность какъ переселенцами окрестныхъ поселковъ, такъ и болѣе или менѣе многочисленными рабочими, служащими на означенныхъ станціяхъ. Затѣмъ постройка церквей и школъ стала производиться и въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ желѣзной дороги, захвативъ и такія мѣстности, какъ Забайкальская область, гдѣ еще не наблюдается значительнаго притока переселенцевъ и гдѣ возведеніе церквей и школъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ поддержаніе и распространеніе православія и русской культуры среди языческихъ инородческихъ племенъ этого края—бурятъ и тунгусовъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ Сибири число устраиваемыхъ на средства Александровскаго фонда церквей распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Тобольской губерніи окончены постройкой и освящены 17 церквей и строится 12; въ Томской губерніи освящены 13 и строится 17; въ Енисейской—изъ 9 освящена 1; въ Амурской области освящена 1 церковь и приступлено къ постройкѣ еще одной; въ Приамурской области освяще-

но 8 церквей и строится 10. Наибольшее число церквей выстроено въ Акмолинской области,—19 построено и 22 строятся; здѣсь въ постройкѣ церквей много содѣйствовали переселенцы какъ личнымъ трудомъ такъ и денежными пожертвованіями. Затѣмъ при станціяхъ западо-сибирской желѣзной дороги освящено 6 церквей и строится 1; на средне-сибирской желѣзной дорогѣ освящено 9 и строится 1; на Забайкальской дорогѣ и соединительной вѣткѣ между этой дорогой и восточно-китайской освящена 1 церковь и сооружается 7; и на Уссурійской желѣзной дорогѣ освящена 1 и находится въ постройкѣ 3 церкви.

Большая часть церквей выстроена изъ дерева, но есть среди нихъ и каменныя. Число такихъ церквей достигаетъ 6 освященныхъ и 11 строящихся. Постройка нѣкоторыхъ изъ этихъ каменныхъ церквей обошлась въ десятки тысячъ рублей. Такъ въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ, близъ станціи Обь, средне-сибирской желѣзной дороги, постройка церкви обошлась до 47.000 руб. а церковь при станціи Петропавловскъ, западно-сибирской желѣзной дороги, стоила до 50.000 руб.

Такимъ образомъ постройка только двухъ церквей обошлась около 100.000 руб.

Для сибирскихъ церквей Государемъ было пожаловано серебро на утварь, и матерія на облаченія и повелѣно было отпустить изъ артиллерійскихъ складовъ около 20.000 пудовъ мѣди латуни, изъ которой и было отлито 93 звона колоколовъ.

Что касается того, въ какомъ положеніи находится дѣло постройки школъ въ Сибири, то, къ сожалѣнію, въ офиціальномъ изданіи канцеляріи комитета министровъ,—„Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ движеніемъ“,—откуда мы заимствовали свѣдѣнія о постройкѣ церквей, мы никакихъ данныхъ

не нашли. Есть только указаніе, что въ Алтайскомъ округѣ предположено устроить 12 церквей и 30 школъ. А между тѣмъ такія свѣдѣнія были бы очень интересны.

Изъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что сибирская желѣзная дорога содержитъ на свой счетъ по линіи 23 начальныхъ школы и три параллельныхъ отдѣленія, въ которыхъ преподавателями, кромѣ законоучителей и преподающихъ искусства и ремесла, состоитъ 50 челов.,—11 учителей и 39 учительницъ. Почти 50% наличнаго состава преподавателей принадлежатъ къ обладающимъ удовлетворительнымъ образовательнымъ цензомъ, а именно: окончившихъ учительскую семинарію—7 человѣкъ, женскую гимназію—17, высшіе женскіе курсы—2; остальные преподаватели окончили курсъ въ духовной семинаріи, женскомъ епархіальномъ училищѣ, женской прогимназіи и, наконецъ, нѣсколько человѣкъ, державшихъ экзаменъ на званіе учителя народной школы. Содержаніе, ими получаемое, колеблется между 300 руб. въ годъ и 600 рублей; больше всего лицъ, получающихъ по 360 рублей въ годъ,—22 преподавателя, а затѣмъ—по 480 рублей,—15 человѣкъ. Въ этомъ году принято за правило давать мѣста завѣдующихъ двухкласными школами только окончившимъ учительскія семинаріи или высшіе женскіе курсы, а мѣста учителей предоставлять исключительно окончившимъ учительскую семинарію или восьмикласную женскую гимназію, лицъ же съ меньшимъ спеціальнымъ педагогическимъ образовательнымъ цензомъ не принимать вовсе, исключая особыхъ случаевъ. Желѣзнодорожныя начальныя школы обращаютъ на себя вниманіе превосходными зданіями, свѣтлыми, просторными, спеціально для школъ построенными, снабженными въ достаточной степени необходимою школьною мебелью и учебными пособіями.

Учительскій персоналъ пользуется при школахъ готовыми квартирами. Дла удобства школъ съ этого года проектировано установить сосредоточеніе въ школьномъ отдѣлѣ дороги картинъ для волшебнаго фонаря, которыя и разсылать по школамъ такъ, чтобы онѣ переходили изъ одной въ другую, что позволитъ имѣть при однѣхъ и тѣхъ же затратахъ большее число разнообразныхъ картинъ. Точно такъ же организуется летучая библіотека, книги которой могли бы пересылаться изъ школьно-библіотечнаго комитета по школамъ. Нужно сказать также объ организуемомъ школьномъ музеѣ, правильнѣе — школьныхъ музеяхъ: рѣшено устроить при каждой школѣ музей по предметамъ объяснительнаго въ школѣ чтенія, для чего собрать въ каждой школѣ всѣ предметы или ихъ изображенія, понятія о которыхъ даются при объясиительномъ чтеніи. Для составленія коллекцій въ такихъ школьныхъ музеяхъ рѣшено привлечь преподавателей и самихъ учащихся дѣтей, которыми будутъ дѣлаться учебныя экскурсіи для собиранія коллекцій минераловъ, почвъ, насѣкомыхъ, составленія гербаріевъ культурныхъ и дикихъ растеній и т. п. Кромѣ того рѣшено при школьно-библіотечномъ комитетѣ устроить образцовый педагогическій музей, коллекціи котораго позволяли бы преподавателямъ желѣзнодорожныхъ школъ знакомиться съ новѣйшими и лучшими учебными пособіями. Все это выдѣляетъ желѣзнодорожныя школы изъ ряда другихъ сибирскихъ школъ, бѣдныхъ и заброшенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Манчжуріи,—черезъ которую, какъ извѣстно, сооружается теперь Россіей желѣзная дорога, предназначенная соединить великую сибирскую линію съ новымъ нашимъ портомъ—Портъ-Артуромъ,—въ г. Харбинѣ, въ ноябрѣ 1898 г., также была открыта первая русская

школа, предназначенная главнымъ образомъ для обученія дѣтей служащихъ на строящейся желѣзной дорогѣ. Въ 1899—1900 учебномъ году въ школѣ образовано было три нормальныхъ отдѣленія. Скоро школа такъ переполнилась учащимися, что туда могли попасть далеко не всѣ желающіе. Тогда рѣшено было открыть на ст. Сунгари, въ 7-ми верстахъ отъ Харбина, другую школу. Теперь тамъ открыта еще и третья школа.

Такимъ образомъ и въ далекую Манчжурію проникли не только русскіе солдатскіе штаты, но и русская грамотность.

Нельзя не порадоваться этому. Нѣтъ болѣе богатой благими послѣдствіями побѣды, какъ безкровная побѣда, одержанная знаніемъ. Побѣда съ оружіемъ въ рукахъ покоряетъ людей, но не объединяетъ, не умиротворяетъ ихъ, а раздѣляетъ, поселяетъ между ними вражду и озлобленіе. Культурная же побѣда всегда несетъ съ собой миръ и любовь. Знаніе разрушаетъ національныя преграды и заключаетъ въ себѣ зерно будущаго общечеловѣческаго братскаго союза, который не будетъ нуждаться ни въ пушкахъ, ни въ штыкахъ, ни въ политикѣ „крови и желѣза“.

VIII.

Организація врачебно-санитарной помощи въ Сибири. Данныя о положеніи дѣла обезпеченія населенія врачебной помощью въ 1897 г. въ губерніяхъ и областяхъ Сибири. Условія дѣятельности врачей въ мѣстахъ ссылки. Заключительные выводы.

Что касается организаціи врачебно-санитарной помощи, то система устройства этой помощи въ Сибири со-

отвѣтствуетъ типу организаціи, принятой для губерній Европейской Россіи, въ которыхъ не введены земскія учрежденія.

Въ городахъ больницы состоятъ въ вѣдѣніи административныхъ органовъ общественнаго призрѣнія; въ уѣздахъ, для поданія помощи сельскому населенію, учреждены пріемные покои и фельдшерскіе пункты; для оказанія помощи роженицамъ въ каждомъ уѣздѣ назначено по одной повивальной бабкѣ. При значительныхъ эпидеміяхъ въ помощь мѣстому врачебному персоналу назначаются командируемые для этой цѣли медицинскимъ департаментомъ врачи и фельдшера.

Санитарный надзоръ находится въ вѣдѣніи администраціи и городскихъ управленій; при послѣднихъ организованы санитарные совѣты и такъ называемые санитарныя комиссіи. На обязанности этихъ санитарныхъ учрежденій лежитъ главнымъ образомъ надзоръ за чистотою въ городѣ и за доброкачественностью продаваемыхъ съѣстныхъ припасовъ.

Словомъ, организація санитарно-врачебнаго дѣла въ Сибири теперь такова, какой была она и въ Европейской Россіи до введенія въ ней земскихъ учрежденій.

Общій надзоръ за медицинской, санитарной, ветеринарной и фармацевтической частями въ каждой изъ областей или губерній Сибири находится, обыкновенно, въ вѣдѣніи такъ называемаго областного врача или врачебнаго инспектора. Врачебная помощь населенію оказывается уѣздными и городовыми врачами; уѣздные—обязаны оказывать врачебную помощь сельскому населенію (каждый населенію своего уѣзда), а городовые — городскому населенію. Въ деревняхъ кое-гдѣ имѣются амбулаторные пункты, гдѣ помоіщь оказывается уже фельдшерами или фельдшерицами.

Въ распоряженіи врачей, кромѣ фельдшеровъ или фельдшерицъ, имѣется еще нѣсколько оспопрививателей и повивальныхъ бабокъ.

По даннымъ медицинскаго департамента за 1892 г. врачей на Сибирь приходилось всего 299 мужчинъ и 9 женщинъ; кромѣ того, на Среднеазіатскія владѣнія—64 мужчинъ и 10 женщинъ.

Въ 1897 г. рѣшено было нѣсколько реформировать врачебно-санитарную организацію Сибири. Съ этой цѣлью, для опыта, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, установленъ былъ опредѣленный штатъ участковыхъ сельскихъ врачей, которые и замѣнили собой уѣздныхъ врачей; должность же этихъ послѣднихъ была упразднена. Однако эта реформа проведена была не во всей Сибири, а только въ нѣкоторыхъ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ.

Но насколько дѣло оказанія врачебной помощи населенію обстоитъ плохо и послѣ реформы, видно на примѣрѣ Тобольской губерніи, гдѣ сельско-врачебная помощь выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: на каждаго изъ всѣхъ 36 сельскихъ врачей, числившихся въ этой губерніи въ 1897 г., приходилось въ среднемъ 29,3 селеній, раскинувшихся на пространствѣ въ 16.947,9 квадр. верстъ, съ числомъ жителей въ нихъ—9199,3. Цифры эти ясно говорятъ, что при такомъ положеніи вещей не можетъ быть и рѣчи о правильно организованной медицинской помощи.

Всѣхъ врачей въ *Тобольской* губерніи въ 1897 г. было только 60 (на 1 врача приходилось около 30000 человѣкъ), а низшаго медицинскаго персонала,—фельдшеровъ, фельдшерицъ, фельдшерицъ-акушерокъ, повивальныхъ бабокъ, лѣкарскихъ учениковъ,—173. Лѣчебныхъ заведеній въ этомъ же году было всего 51; изъ нихъ 27 въ городахъ на 697 кроватей, и 24 въ

округахъ на 173 кровати, и 13 фельдшерскихъ пунктовъ; кромѣ того имѣлось 7 богадѣленъ и 20 благотворительныхъ обществъ. Ветеринарныхъ врачей было 20 и фельдшеровъ ветеринарныхъ — 34. И это на 1217460,3 кв. верстъ, т.-е. на территорію, составляющую 7,1% всей Россійской имперіи, 9,5% всей Азіатской Россіи, 6,3% Западной Сибири, территорію, равную по пространству Персидскому государству, Германской и Австрійской имперіямъ вмѣстѣ, наконецъ, 42 такимъ губерніямъ, какъ Московская.

Въ *Томской* губерніи, которая въ 25 разъ больше Московской, всѣхъ врачей въ томъ же 1897 г. было 89, женщинъ-врачей — 3 и дантистовъ — 5. Низшаго медицинскаго персонала съ вольно-практикующими—271 человѣкъ; фармацевтовъ при аптекахъ—29, аптекарскихъ учениковъ — 10 и оспопрививателей — 98.

Ветеринарныхъ врачей было здѣсь 14 и фельдшеровъ—37.

Въ *Енисейской* губерніи въ томъ же году врачей всѣхъ вѣдомствъ было 52, ветеринарныхъ—4, при 4-хъ фельдшерахъ; повивальныхъ бабокъ — 16, фельдшеровъ—30, аптекъ—9.

Во всѣхъ городахъ Енисейской губерніи имѣлось 5 больницъ вѣдомства общественнаго призрѣнія, въ общемъ съ 280 кроватями на 559.902 человѣкъ всего гражданскаго населенія, т.-е. на каждую койку приходилось почти 2.000 жителей и на 1 сельскаго врача около 50.000 человѣкъ. На золотыхъ пріискахъ есть нѣсколько благотворительныхъ больницъ, при 3-хъ врачахъ, 4-хъ акушеркахъ и 20-ти фельдшерахъ.

Въ *Иркутской* губерніи было больничныхъ учрежденій 59 съ 1.151 кроватями, аптекъ—6, врачей гражданскаго вѣдомства—63 (изъ нихъ въ уѣздахъ—28), фельд-

шеровъ, фельдшерицъ и лѣкарскихъ учениковъ—97, повивальныхъ бабокъ—21.

Въ *Семипалатинской* области всѣхъ врачей состояло 24, повивальныхъ бабокъ—19, фельдшеровъ—72. Лѣчебныхъ заведеній (безъ военныхъ)—6, аптекъ—6. На одного врача гражданскаго вѣдомства приходилось населенія 96.000 челов., на 1 казачьяго врача—9.000 чел. Ветеринарныхъ врачей было 8 и при нихъ 20 фельдшеровъ.

Въ *Акмолинской* области—28 врачей, повивальныхъ бабокъ—11, фельдшеровъ—52, ветеринарныхъ врачей— и фельдшеровъ—20.

Въ *Забайкальской* области,—гдѣ теперь также предположено въ скоромъ времени реформировать организацію медицинской помощи на основаніи правилъ 1897 г.,—врачей—56, повивальныхъ бабокъ—63, фельдшеровъ—133.

Въ *Якутской* области врачебная часть поставлена хуже всего; здѣсь на всю огромную территорію области приходилось врачей (не считая золотыхъ пріисковъ, гдѣ врачебное дѣло поставлено нѣсколько лучше)—10, ветеринаровъ—1, повивальныхъ бабокъ—5, фельдшеровъ—16; лѣчебныхъ заведеній—7, аптекъ—1, богадѣленъ—2.

Въ *Амурской* области гражданскихъ врачей—9, военныхъ—10, ветеринарныхъ—2, повивальныхъ бабокъ—7, фельдшеровъ—23; больныхъ и пріемныхъ покоевъ—23, военныхъ лазаретовъ—4.

Въ *Приморской* области—29 врачей, 83 фельдшера, 7 повивальныхъ бабокъ, 15 ветеринарныхъ фельдшеровъ; кромѣ того, 9 фельдшеровъ на золотыхъ пріискахъ и 27 на желѣзныхъ дорогахъ, аптекъ—6.

На *островѣ Сахалинѣ* — 9 врачей, 15 фельдшеровъ, 3 повивальныя бабки; больницъ—3, богадѣленъ—1.

Не будемъ больше утомлять читателя рядомъ цифръ, скажемъ только, что положеніе въ общемъ приблизительно вездѣ одинаково, т.-е. что въ Сибири почти повсюду отсутствуетъ не только организованная, но и какая бы то ни была врачебная помощь населенію.

Такъ, напримѣръ, Удская округа Приморской области до 1897 г. была совершенно лишена медицинской помощи, такъ какъ окружной врачъ и 3 фельдшера жили въ Николаевскѣ, а вольно-практикующихъ врачей совсѣмъ не было.

Въ какихъ условіяхъ иногда приходится работать сибирскимъ врачамъ, видно, напримѣръ, изъ статьи, помѣщенной нъ № 41-мъ „Врачебной Газеты“ подъ заглавіемъ „О дѣятельности врачей въ мѣстахъ ссылки“, рисующей тѣ порядки, которые существовали „въ самомъ недавнемъ прошломъ“,—по словамъ автора статьи,—на Сахалинѣ. Данныя, на которыхъ основана названная статья, сообщены бывшимъ завѣдующимъ медицинской частью на Сахалинѣ докторомъ Поддубскимъ и поэтому имѣютъ, такъ сказать, почти офиціальную достовѣрность.

Вотъ, между прочимъ, что разсказывается въ газетѣ.

„Можно подумать,—говоритъ газета,—что тюремный врачъ на Сахалинѣ тоже лишенъ какихъ бы то ни было правъ, потому что онъ почти такъ же, какъ и ссыльные, поступаетъ въ полное распоряженіе администраціи. Считая присутствіе врача въ своей средѣ за неизбѣжное зло, администрація не только не внимаетъ его голосу даже въ чисто спеціальныхъ вопросахъ, но и стремится совершенно обезличить его и лишить возможности добросовѣстно исполнить врачебное призваніе... Чиновники, считая всякое вмѣшательство врача за проявленіе его непочтительности къ начальству, мстятъ не только самому врачу, но и тѣмъ несчаст-

нымъ, за коихъ онъ считаетъ своимъ долгомъ заступиться. Одинъ сахалинскій врачъ сообщилъ начальнику тюрьмы списокъ каторжныхъ, которые здоровы, но быстро устаютъ на работахъ, а потому если имъ изрѣдка давать отдыхъ, то они будутъ вполнѣ полносильными и здоровыми; результатъ сообщенія былъ тотъ, что каторжные, ни въ чемъ неповинные, получили по 30-ти розогъ за добросовѣстно исполненную врачомъ свою обязанность... Самыя работы, назначаемыя ссыльно-каторжнымъ, не систематизированы ни по отношенію къ существу дѣла, ни по отношенію къ рабочей силѣ. Надзиратель, завѣдующій отдѣльной работой, заявляетъ о необходимомъ числѣ рабочихъ на извѣстный день; рабочіе отпускаются безъ обращенія вниманія на ихъ силы и способности къ труду, почему слабосильные, отстающіе отъ своихъ товарищей, преслѣдуются какъ ими, такъ и надзирателемъ. Люди больные и слабосильные, о которыхъ сообщаетъ по начальству врачъ, подвергаются наказанію розгами, а между тѣмъ надзиратель изъ отданнаго въ его распоряженіе числа рабочихъ освобождаетъ желающихъ отъ работы за 3, 5, 10 копеекъ, и арестантъ отправляется куда ему нужно или на частный заработокъ. Если таковой арестантъ, освобожденный благодаря любезности надзирателя, попадется на глаза начальству, то надзиратель приписываетъ свою любезность врачу, объявляя, что арестантъ освобожденъ по болѣзни... Стремленіе администраціи быть безусловнымъ хозяиномъ лѣчебницы и полное пренебреженіе къ законнымъ служебнымъ требованіямъ врачей всего ярче выразились въ Корсаковскомъ округѣ въ 1897 г. Начальникъ тюрьмы, обходя палаты лазарета, кричалъ, отдавалъ распоряженія, касающіяся существа лѣчебнаго дѣла,—напр., несмотря на приказаніе врача не выливать безъ разрѣшенія его или

фельдшера выдѣленій больныхъ (мокроты, мочи), начальникъ тюрьмы самолично приказывалъ служителямъ убирать ихъ. Въ присутствіи больныхъ онъ предлагалъ перевести психическихъ больныхъ въ карцеръ, требовалъ выписки четвертой части больныхъ. Результатомъ этого начальническаго обхода являлось усиленіе бреда у лихорадочныхъ, возбужденное состояніе душевно-больныхъ, изъ которыхъ одинъ пытался убѣжать съ цѣлью удавиться, другой сталъ требовать немедленной выписки, и вообще тревожное состояніе всѣхъ больныхъ, конечно, не способствующее скорѣйшему выздоровленію ихъ, не говоря уже о безчеловѣчности подобнаго образа дѣйствій. Тотъ же начальникъ тюрьмы приказывалъ старшему полицейскому надзирателю дѣлать ночью обходъ женскаго отдѣленія безъ спроса у врача или фельдшера: обходъ состоялъ въ томъ, что больныхъ застигали раздѣтыми при высокой температурѣ и лишали ихъ ночного покоя... На заявленіе врача о недостаткѣ дровъ въ лѣчебницѣ начальникъ отвѣчалъ, что не дѣло врача заботиться о дровахъ; каторжныхъ, помѣщенныхъ врачомъ въ околотокъ на излѣченіе, посылалъ на работы; одного больного, поселенца Яцкевича, находившагося на излѣченіи, подвергнулъ тѣлесному наказанію; больного поселенца Гуркевича также изъ лазарета взялъ въ карцеръ и выпустилъ только послѣ жалобы врача начальнику округа. Въ томъ же Корсаковскомъ округѣ подверглись наказанію двое душевно-больныхъ при прогнѣвившемъ начальника повторномъ ухудшеніи ихъ болѣзни: одинъ, Сокольскій, былъ наказанъ розгами, другого, Попова, преслѣдовали съ ремнемъ въ рукахъ и, нанося побои, связывали веревками. Вышесказаннаго достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о той жалкой роли, которую приходится играть врачамъ на Сахалинѣ. Для

полноты картины можно, пожалуй, прибавить, что такимъ же безправнымъ врачъ оказывается и въ санитарныхъ вопросахъ, относительно которыхъ онъ совершенно лишенъ какой бы то ни было самостоятельности. Если врачъ видитъ гнилую рыбу или солонину, онъ не имѣетъ права не только уничтожить ее, но даже и просить о назначеніи комиссіи для осмотра съѣстныхъ припасовъ. Врачъ можетъ только сообщить о своемъ открытіи письменно начальнику округа, и уже отъ сего послѣдняго зависитъ назначить или не назначить комиссію. Нерѣдко случается, что комиссія созывается уже послѣ того, какъ весь испорченный продуктъ израсходованъ.“

Такимъ образомъ мы видимъ, въ какомъ безпомощномъ положеніи находится населеніе Сибири и въ отношеніи обезпеченія медицинской помощью *).

Послѣ этого, конечно, не приходится удивляться тому, что населеніе Сибири крайне невѣжественно, суевѣрно и подчасъ жестоко, что разнаго рода болѣзни преждевременно разрушаютъ его организмъ, что такіе бичи человѣчества, какъ холера, оспа, сифилисъ сво-

*) Для сравненія приведемъ данныя, относящіяся до обезпеченія населенія медицинской помощью въ Московской губерніи и во всѣхъ земскихъ губерніяхъ за тотъ же 1897 г. Такъ, число разнаго рода лѣчебныхъ заведеній въ Московской губерніи въ 1897 г. было 149 на 2.421 кровати. По всѣмъ же земскимъ губерніямъ, по приблизительному подсчету Е. А. Осипова, къ 1897 г. было:

Число медиц. участковъ	1.931
„ лѣчебныхъ завед. съ кроват.	1.287
„ больничныхъ кроватей	30.203
„ амбуляторій	424
„ фельдшерскихъ и акушерскихъ пунктовъ	2.454
„ земскихъ врачей	2.492
„ вспомогательнаго медицинскаго персонала	8.046

дять здѣсь ежегодно десятки тысячъ людей въ преждевременную могилу *), что, наконецъ, эпизоотіи чумы и сибирской язвы губятъ множество скота, обезсиливая тѣмъ крестьянскія хозяйства.

Административная организаціи Сибири, какъ мы видѣли выше, также оставляетъ желать еще очень многаго.

Правда, Сибирь и въ этомъ отношеніи ушла уже далеко впередъ отъ тѣхъ временъ, когда судьбами ея безконтрольно распоряжались „сатрапы" въ родѣ Гагариныхъ, Пестелей, Трескиныхъ и т. д., ничѣмъ не отличавшихся въ „образѣ правленія" отъ азіатскихъ деспотовъ. Тѣлесныя наказанія, кнуты, темницы и пытки, заточеніе и казни личностей, имѣнія которыхъ приглянулись „сатрапамъ"—всѣ эти орудія деспотическаго образа правленія отошли въ область исторіи.

Отошли, пожалуй, въ область исторіи и такіе исполнители власти, какъ знаменитый нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ. Теперь на ихъ мѣсто пришелъ чистенькій, аккуратненькій чиновникъ, у котораго не только вицъ-мундиръ, но и душа застегнута на всѣ пуговицы. Для этихъ новыхъ господъ Сибири формальная законность выше всего на свѣтѣ, а бумага за номеромъ существеннѣе требованій живой жизни. Своимъ холоднымъ формализмомъ они замораживаютъ живой ключъ общественной жизни, заключая его въ тѣсный футляръ всякаго рода „предначертаній", чаще всего имѣющихъ своей цѣлью „предотвратить" и „пресѣчь" и т. п.

Мы видѣли, какъ эта бюрократическая опека гибель-

*) По другому поводу мы уже упоминали, что смертность въ Сибири (безъ средне-азіатскихъ владѣній) въ 1892 г. достигла, напр., громадной величины—44,5°/₀₀; въ среднемъ же смертность въ Сибири выражается—35°/₀₀.

но отразилась на переселенческомъ движеніи. По той же причинѣ и общественная инціатива въ Сибири чрезвычайно слабо развита. Земскихъ учрежденій въ Сибири нѣтъ, а немногочисленныя общества—ученыя (всего 18, считая съ отдѣленіями) и благотворительныя только влачатъ свое существованіе. Нѣкоторыя изъ нихъ въ теченіе года и больше не имѣли ни одного засѣданія.

Пресса также мало развита въ Сибири. Въ 1893 г., напримѣръ, было всего 19 газетъ и 6 періодическихъ журналовъ, выходившихъ большею частью съ предварительной цензурой.

А по даннымъ г. Латкина, въ настоящее время въ Сибири имѣется всего 11 газетъ, не считая „Епархіальныхъ Вѣдомостей".

Словомъ, сибирякъ и теперь, въ началѣ XX вѣка, въ правѣ сказать то же самое, что нѣкогда въ IX вѣкѣ сказали варягамъ славянскіе послы, думавшіе упорядочить свою жизнь призваніемъ къ себѣ князя: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ".

Заключеніе.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какія бы мѣры, по нашему мнѣнію, слѣдовало принять правительству и обществу въ цѣляхъ, во-первыхъ возможно лучшаго удовлетворенія нужды нашего населенія въ переселеніяхъ въ Сибирь, во-вторыхъ, вообще къ поднятію культуры этого края.

Но сначала вспомнимъ вкратцѣ все сказанное нами о переселеніяхъ и переселенцахъ.

Итакъ, главной причиной переселеній крестьянъ въ Сибирь слѣдуетъ считать прежде всего несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами на-

селенія; зародыши этого ненормальнаго явленія кроются въ неудовлетворительно проведенной земельной реформѣ при освобожденіи крестьянъ. Вліяніе малоземелья усиливается: 1) большой неравномѣрностью распредѣленія земель между отдѣльными хозяевами; 2) высотою купчихъ и арендныхъ цѣнъ на земли; 3) невыгодностью мѣстныхъ земледѣльческихъ заработковъ и отхожихъ промысловъ, и 4) тяжестью налогового бремени по отношенію къ платежнымъ силамъ населенія.

Пріобрѣтеніе земель крестьянами при помощи крестьянскаго банка не можетъ служить достаточнымъ коррективомъ по отношенію къ малоземелью, какъ въ виду того, что покупка земли чрезъ посредство банка обставлена цѣлымъ рядомъ разнаго рода стѣснительныхъ формальностей, такъ въ виду и вообще недостатка въ средствахъ для покупки земли у нуждающихся въ ней крестьянъ.

Если къ этому прибавить еще, что для крестьянина, часто нуждающагося въ кредитѣ, не имѣется никакихъ учрежденій, которыя бы могли доставить ему дешевый и льготный кредитъ, то намъ будетъ понятно, что слѣдствіемъ всего этого неизбѣжно является обѣднѣніе крестьянъ, доводящее ихъ постепенно до полнаго разоренія.

Упадокъ крестьянскаго хозяйства могъ бы остановиться только тогда, когда исчезли бы причины его обусловливающія т.-е. когда бы увеличилось крестьянское землевладѣніе, уменьшилась бы налоговая тяжесть, былъ бы организованъ мелкій дешевый кредитъ, распространилась бы грамотность вообще и сельско-хозяйственныя знанія въ частности, была бы дана большая самосостоятельность въ веденіи общественныхъ дѣлъ,— словомъ осуществлены были бы всѣ условія, необходимыя для поступательнаго движенія крестьянства въ общей и сельскохозяйственной культурѣ.

Пока же этого нѣтъ, пока причины, разлагающія крестьянское хозяйство, не устранены, неизбѣжно будетъ разлагаться и само крестьянское хозяйство, и единственнымъ выходомъ изъ этого тяжелаго положенія всегда являлись и впредь будутъ являться переселенія на новыя мѣста, и это стремленіе сохранится и будетъ расти и крѣпнуть до тѣхъ поръ, пока коренныя экономическія роформы не остановятъ процесса разложенія крестьянскаго хозяйства.

Нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ не сочувствуютъ такому стремленію нашего крестьянина, стремленію развивать свое хозяйство, такъ сказать, вширь, вмѣсто улучшенія его путемъ болѣе интенсивной обработки земли.

Они говорятъ, что разрѣженіе населенія, являющееся въ результатѣ переселеній, не въ интересахъ самого народа, такъ какъ большая плотность населенія содѣйствуетъ скорѣйшему промышленному и общественному развитію страны, что она составляетъ необходимое условіе какъ для возникновенія въ странѣ интенсивнаго земледѣлія, такъ и для большаго развитія обрабатывающей промышленности, что, въ концѣ концовъ, она способствуетъ и улучшенію дорогъ и умноженію больницъ, школъ и т. д., словомъ, ведетъ за собой улучшеніе культуры во всѣхъ ея формахъ.

Такимъ образомъ, говорятъ эти экономисты, переселенія, способствуя разрѣженію населенія въ Европейской Россіи, съ одной стороны—являются одной изъ причинъ культурнаго застоя въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда происходитъ отливъ населенія, а съ другой,—благодаря своей сравнительно незначительной численности и малокультурности переселяющихся, не имѣютъ большого значенія и для культуры Сибири.

Однако среди нашихъ экономистовъ есть и противники такого взгляда на переселенія.

Такъ извѣстный экономистъ г. Исаевъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ IV книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1890 г. слѣдующимъ образомъ доказываетъ несостоятельность вышеизложенныхъ доводовъ противниковъ переселеній.

Онъ говоритъ, что „общая слабая населенность Сибири можетъ нисколько не мѣшать ни возрастанію въ ней народнаго богатства, ни измѣненіямъ къ лучшему другихъ условій культуры.

„И абсолютно рѣдкое населеніе,—говоритъ г. Исаевъ,—вовсе не исключаетъ необходимости эмигрировать. Плотность населенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ 23 души на квадратную версту. Для отдѣльныхъ губерній она получается значительно высшая; въ Орловской и Рязанской на одну квадратную версту живетъ уже 57 душъ, въ Курской—до 68, въ Тульской—59, въ Кіевской—74“.

„Въ губерніяхъ, откуда направляются главные потоки переселенцевъ населенность въ 4—6 разъ выше, чѣмъ въ Швеціи, и въ 8—10 разъ, чѣмъ въ Норвегіи, а эти страны, кромѣ того, что населены значительно рѣже нашихъ губерній, являютъ болѣе усовершенствованные пріемы труда, а все-таки выселяютъ отъ себя больше эмигрантовъ, чѣмъ мы“.

„Чтобы вѣрнѣе относиться къ размѣру плотности населенія въ данной мѣстности,—продолжаетъ г. Исаевъ,—нужно принимать въ расчетъ собственно ту площадь, на которой сидитъ сельское населеніе, такъ какъ только на этой землѣ, по близости отъ усадьбы, оно можетъ прилагать ту раціональную культуру, какая извѣстна русскому поселянину. Земли сосѣднихъ владѣльцевъ, отдаваемыя крестьянамъ въ аренду, обрабатываются, какъ извѣстно, способомъ самымъ первобытнымъ, въ большинствѣ случаевъ не видя удобренія. Но какъ же велика у насъ плотность населенія, отне-

сенная къ крестьянскимъ надѣльнымъ землямъ? Въ любой общинѣ, гдѣ по выкупному договору, заключенному 25 лѣтъ назадъ, приходилось по 3 десятины на ревизскую душу, теперь приходится не болѣе 2-хъ, или не болѣе 1-й на жителя вообще. А это составляетъ уже выше 104 душъ на квадратную версту. На земляхъ же тѣхъ общинъ, которыя получили сиротскій или низшей нормы надѣлъ, плотность населенія мы найдемъ несравненно значительнѣйшую, въ 3 и 4 раза большую“.

На этихъ основаніяхъ г. Исаевъ считаетъ доказаннымъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ густота населенности, такъ и несовершенство техники дѣлаютъ эмиграцію необходимой.

По отношенію къ Сибири, главному полю для нашей колонизаціи въ настоящемъ и будущемъ, г. Исаевъ находитъ, что успѣхи культуры тамъ вполнѣ возможны, если новоселы осѣдаютъ довольно значительными деревнями; въ довольно большой группѣ уже возможно раздѣленіе труда—условіе дальнѣйшаго матеріальнаго и духовнаго прогресса.

При такомъ населеніи ближайшія къ усадьбѣ земли могутъ быть полемъ для развитія болѣе или менѣе интенсивнаго хозяйства, а отдаленные отъ лѣса выгоны должны служить тѣмъ даровымъ, доступнымъ фондомъ, который будетъ выручать въ черный день и удовлетворять нужды нарождающихся поколѣній.

„Не слѣдуетъ страшиться того,—говоритъ дальше г. Исаевъ,—что выставляютъ на видъ противники выселеній, будто непрерывная погоня за новыми, еще дѣвственными, землями послужитъ легкимъ и доступнымъ выходомъ для небрежности русскаго поселянина, потачкой его косности и нежеланію усвоить болѣе совершенные земледѣльческіе пріемы; что на новыя мѣста будутъ занесены неминуемо и трехполье и неурожай,

малосильный скотъ, соха, неизмѣнная рожь и гречиха. Все это необходимо, какъ начало. Какъ для отдѣльнаго хозяйства естественно и благоразумно извлекать поначалу наиболѣе доступный доходъ съ наиболѣе удобныхъ частей помѣстья съ помощью дешевыхъ извѣстныхъ и не требующихъ затратъ пріемовъ, а уже позднѣе переходить къ болѣе сложнымъ и дорогимъ нововведеніямъ, такъ же точно и для цѣлаго народа ближайшей и простѣйшей задачей будетъ планомѣрное размѣщеніе по всей территоріи и занятіе тѣхъ земель, которыя обѣщаютъ обильнѣе вознаградить трудъ. Затѣмъ пойдутъ и крупныя, коренныя улучшенія въ земледѣльческой техникѣ“...

Мы съ своей стороны вполнѣ раздѣляемъ этотъ взглядъ на переселеніе и думаемъ, что плотность населенія только тогда можетъ служить толчкомъ къ улучшенію способовъ добыванія средствъ, когда размноженіе населенія идетъ въ уровень съ увеличеніемъ средствъ существованія. Если же для новыхъ поколѣній, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, не хватаетъ запасовъ въ природѣ, къ которымъ бы они могли приложить свой трудъ или, если общество не даетъ имъ этихъ запасовъ, то передъ ними неизбѣжно предстанетъ дилемма или умереть съ голоду или идти отыскивать новые запасы.

Вполнѣ естественно, если люди выбираютъ послѣднее, а не первое. Къ тому же, по свойству человѣческой природы, люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это необходимо; если же обстоятельства принуждаютъ ихъ затрачивать слишкомъ много энергіи на добываніе средствъ, то организмъ не сможетъ долго вынести напряженія и за такимъ напряженіемъ неминуемо послѣдуетъ реакція.

Всѣ эти соображенія вполнѣ приложимы къ переселеніямъ въ Россіи. Подъ вліяніемъ малоземелья, кре-

стьянину приходится страшно напрягать свои рабочія силы, чтобы остаться на высотѣ своего исключительнаго податного положенія. Интенсифицировать свое хозяйство онъ не можетъ за недостаткомъ средствъ, порвать окончательно съ землей ему препятствуютъ традиціи,— вѣковая „власть земли",—вотъ поэтому-то нашъ крестьянинъ естественно и стремится развить свое хозяйство вширь, т.-е. ищетъ земельнаго простора.

У насъ совершается, собственно, еще первобытный историческій процессъ, давнымъ давно закончившійся въ Западной Европѣ, процессъ планомѣрнаго распредѣленія населенія по территоріи съ цѣлью использованія естественныхъ богатствъ ея вообще и земельныхъ запасовъ въ частности. Поэтому-то наши переселенія и носятъ еще исключительно земледѣльческій характеръ и при томъ характеръ внутренней колонизаціи страны.

И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не истощится запасный земельный фондъ.

Съ истощеніемъ же этого фонда переселенія примутъ иной характеръ. Такъ было и въ Западной Европѣ. Въ настоящее время западно-европейская эмиграція уже не носитъ исключительно земледѣльческаго характера, какъ у насъ. Тамъ, напримѣръ, изъ 7.500.000 человѣкъ, эмигрировавшихъ изъ Западной Европы въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, съ земледѣльческими цѣлями ушли всего 997.000 человѣкъ, т.-е. только 13,3%.

При томъ наши переселенія не такъ интенсивны, какъ западно-европейскія.

Мы видѣли, что за 15 лѣтъ, начиная съ 1885 и по 1899 г., переселилось изъ Европейской Россіи въ Сибирь всего 1.288.000 душъ обоего пола; если сюда прибавить еще и число прошедшихъ въ Сибирь въ 1900 г. около 225.000 душъ обоего пола (по предварительному

подсчету), то все же получимъ цифру только не многимъ больше $1^1/_2$ милліона человѣкъ обоего пола, что не превышаетъ даже ежегоднаго прироста населенія Европейской Россіи. Правда, цифры эти имѣютъ неуклонную тенденцію къ возрастанію, въ особенности за послѣднее время, съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги. Мы видѣли, что переселенческое движеніе въ послѣднее семилѣтіе, съ 1894 по 1901 г., выросло до цифры въ 1.124.424 душъ обоего пола, т.-е. увеличилось почти втрое по сравненію съ числомъ переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь за предшествовавшій девятилѣтній періодъ времени, съ 1885 по 1894 г., когда еще не было открыто движеніе по желѣзной дорогѣ.

Но все же ростъ этотъ не на столько быстръ, чтобы внушить какія бы то ни было серьезныя опасенія.

Если бы переселенія въ Сибирь поглощали ежегодно весь приростъ населенія Европейской Россіи, то даже и тогда нечего бы было опасаться какихъ-нибудь серьезныхъ осложненій.

Мы глубоко увѣрены, что чѣмъ скорѣе будетъ использованъ запасный земельный фондъ въ Азіатской Россіи, тѣмъ проще будетъ разрѣшить сложный вопросъ поземельнаго устройства крестьянъ и въ Европейской Россіи, тѣмъ скорѣе и само государство выйдетъ на путь культурнаго усовершенствованія.

Поэтому-то въ интересахъ государства необходимо возможно быстрѣе осуществить переселеніе для тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ оставаться долѣе на мѣстѣ. Въ быстротѣ этой надо видѣть самый существенный залогъ улучшенія матеріальнаго положенія нашего крестьянства.

Въ этихъ цѣляхъ надо прежде всего привести въ извѣстность количество людей, нуждающихся въ переселеніи, а также запасы удобныхъ для колонизаціи

казенныхъ земель, и содѣйствовать переселеніямъ, не останавливаясь передъ второстепенными, большею частью мнимыми, затрудненіями. Нельзя въ этомъ случаѣ,— а это часто дѣлается, — давать одной рукой то, что отнимаетъ другая; нельзя ставить въ необходимость переселяться, а само переселеніе обставлять такими условіями, что крестьяне поставлены въ невозможность ими пользоваться. Разъ если признанъ за этимъ явленіемъ характеръ экономическій и неизбѣжный, правительственная власть должна поставить своей задачей—придти на помощь нуждающимся и употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы переселенческое движеніе было обставлено возможно благопріятными условіями. Всякаго рода излишнія формальности окажутся вредными, а задержки поведутъ къ еще большему пониженію уровня экономической обезпеченности крестьянскихъ массъ.

Какъ быстро разлагается крестьянское хозяйство и понижается уровень обезпеченности крестьянъ въ послѣднее время, въ особенности подъ вліяніемъ неурожаевъ, мы можемъ видѣть на примѣрѣ Херсонской губерніи, недавно пережившей голодовку.

Въ изданномъ Херсонскимъ уѣзднымъ земствомъ хозяйственно-статистическомъ обзорѣ рисуется яркая картина упадка экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія подъ вліяніемъ послѣднихъ недородовъ. За неурожайнымъ 1899 г. послѣдовалъ такой же бѣдственный годъ, который далъ въ среднемъ по уѣзду сбора зерноваго хлѣба 18,2 милліоновъ пудовъ, т.-е. менѣе половины нормальнаго (40 милліоновъ). Населенію была оказана помощь въ видѣ продовольствія и ссудъ на обсѣмененіе изъ общественныхъ и сословныхъ продовольственныхъ капиталовъ, всего на сумму 525.504 р.; изъ этой суммы 206.547 р. приходятся на капиталъ, по-

заимствованный у *ненуждавшихся* обществъ. Но какъ нуждавшіяся, такъ и ненуждавшіяся общества, при израсходованіи всѣхъ сбереженій и запасовъ, полномъ отсутствіи кормовыхъ средствъ для скота, топлива и проч. въ настоящее время въ конецъ разорены, что особенно рѣзко выразилось въ уменьшеніи количества скота. Изъ данныхъ волостныхъ правленій о численности скота видно, что его убавилось на 22%, т.-е. болѣе чѣмъ на $^1/_5$. Спеціальныя подворно-экономическія изслѣдованія, произведенныя статистическимъ бюро съ цѣлью выясненія послѣдствій неурожая, показали, что число хозяйствъ, не имѣющихъ вовсе рабочаго скота, увеличилось на 22%, а число хозяйствъ, принужденныхъ прибѣгать къ найму, увеличилось на 26%. Затѣмъ, въ отчетномъ году населеніе принуждено было прибѣгать къ частнымъ займамъ, уплачивая за нихъ высокіе проценты, или отдавая кредиторамъ въ пользованіе свои надѣлы. Въ общемъ число землевладѣльцевъ-крестьянъ, сдающихъ свои земли, увеличилось за послѣдній годъ на 16%.

Такимъ образомъ „царь-голодъ“ приготовилъ уже и здѣсь, среди *ненуждавшихся* прежде обществъ, не мало новыхъ кандидатовъ на переселеніе.

Но въ чемъ же, однако, должна выражаться правительственная помощь переселеніямъ?

Прежде всего, конечно, по нашему мнѣнію, на правительствѣ должна лежать чисто организаціонная работа. Въ этомъ дѣлѣ въ задачи правительства должно входить прежде всего выясненіе наличности свободныхъ земель въ Сибири, пригодныхъ для сельскохозяйственной культуры, и своевременное заготовленіе этихъ земель для переселенческихъ цѣлей.

Затѣмъ задачей правительства должно быть устраненіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя происхо-

дятъ отъ невѣжества крестьянъ-переселенцевъ и отъ слабости ихъ денежныхъ средствъ. Говоря другими словами, на правительствѣ должна лежать обязанность по изысканію способовъ возможно широкаго и полнаго, а главное, своевременнаго, ознакомленія населенія съ количествомъ и качествомъ имѣющихся въ Сибири свободныхъ земельныхъ участковъ, а также и по облегченію способовъ передвиженія переселенцевъ.

Первая задача могла бы быть удовлетворительно разрѣшена изданіемъ ежегодно, передъ началомъ переселенческаго сезона, широко распространяемыхъ бюллетеней о мѣстонахожденіи свободныхъ земельныхъ участковъ и ихъ естественныхъ условіяхъ, а также изданіемъ популярныхъ книгъ, въ которыхъ бы просто, ясно и обстоятельно трактовалось объ условіяхъ жизни въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ Сибири.

Вторая задача могла бы быть разрѣшена путемъ сформированія спеціальныхъ переселенческихъ поѣздовъ, обыкновенной пассажирской скорости, и пониженіемъ до минимума проѣздной платы.

Кромѣ того необходима организація переселенческихъ справочныхъ конторъ, хотя бы по одной въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ бы желающіе переселиться могли навести точныя справки, какъ о мѣстонахожденіи свободныхъ земель и ихъ естественныхъ свойствахъ, такъ и о стоимости переселенія въ тотъ или другой районъ, кратчайшемъ пути, болѣе удобномъ времени для выхода и т. п.

Такія же конторы могли бы быть организованы и по путямъ слѣдованія переселенцевъ для руководительства во время пути.

Затѣмъ въ задачи правительства должна входить и правильная организація санитарно-врачебнаго надзора

за переселенцами, какъ въ пути, такъ и въ пунктахъ наибольшаго ихъ скопленія.

Хорошо организованные путевые санитарно-врачебные отряды и достаточное количество продовольственно-врачебныхъ стаціонарныхъ пунктовъ, расположенныхъ по пути слѣдованія переселенцевъ, могли бы, по нашему мнѣнію, удовлетворительно разрѣшить задачу санитарно-врачебнаго надзора.

Но самое широкое развитіе въ дѣятельности правительства по переселенческому дѣлу должно получить оказаніе матеріальной помощи переселяющимся въ Сибирь крестьянамъ, въ формѣ или денежныхъ, безвозвратныхъ пособій и долгосрочныхъ безпроцентныхъ ссудъ, или же въ формѣ снабженія новоселовъ въ достаточномъ количествѣ сѣменами, лѣсными матеріалами, живымъ и мертвымъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, смотря по обстоятельствамъ.

Широкое развитіе этой стороны дѣятельности правительства, вмѣстѣ съ освобожденіемъ новоселовъ на болѣе продолжительные сроки отъ различнаго рода повинностей,—натуральной, воинской и податной,—могло бы значительно содѣйствовать упроченію и развитію хозяйствъ сибирскихъ новоселовъ-переселенцевъ.

Что же касается сложнаго вопроса—выясненія нужды въ переселеніяхъ, то это могло бы быть съ пользою предоставлено земскимъ учрежденіямъ, какъ закономѣрнымъ органамъ самодѣятельности мѣстнаго населенія. Дѣло въ томъ, что вопросъ о переселеніяхъ имѣетъ наряду съ обще-государственнымъ и первостепенное мѣстное значеніе, значеніе для населенія того или другого опредѣленнаго района; а заботиться о нуждахъ мѣстнаго населенія и призвано законодателемъ именно земство. Это прямая обязанность земства; а между тѣмъ оно совершенно устранено отъ участія въ дѣлѣ, кото-

рое близко затрагиваетъ даже его матеріальные интересы. Безпорядочное массовое выселеніе крестьянъ изъ какого-либо района, — часто не вызываемое нуждой, а являющееся въ результатѣ циркуляціи какихъ-либо нелѣпыхъ слуховъ, — наноситъ большой вредъ всему мѣстному населенію, приводя иногда къ увеличенію налогового бремени. Между тѣмъ участіе въ переселен ческомъ дѣлѣ земства, хорошо знакомаго съ нуждами мѣстнаго населенія, несомнѣнно, придало бы этому дѣлу иную, болѣе правильную постановку, и могло бы если не предупредить, то во всякомъ случаѣ направить въ законное русло возникшее движеніе.

При томъ же выясненіе нужды въ переселеніяхъ земству гораздо доступнѣе, нежели правительственнымъ органамъ, такъ какъ большинство нашихъ земствъ располагаетъ цѣннымъ статистическимъ матеріаломъ (полученнымъ иногда въ результатѣ подворнаго обслѣдованія), характеризующимъ до мелочей экономическій бытъ мѣстнаго населенія.

И обладаніе такими матеріалами тѣмъ болѣе цѣнно, что нужда въ переселеніи часто вызывается не однимъ только малоземельемъ (которое въ глазахъ правительства является почти единственной уважительной причиной переселенія), а вообще обѣдненіемъ крестьянъ данной мѣстности. Причины же этого обѣдненія, какъ мы видѣли, чрезвычайно разнообразны.

Такими причинами могутъ быть то малоземелье, то полное безлѣсье мѣстности, то крайнее истощеніе почвы, обусловливающее необходимость временнаго перехода отъ системы трехпольнаго хозяйства къ переложному; причиной обѣдненія можетъ быть также и упадокъ какихъ-либо мѣстныхъ промысловъ, которые въ свое время служили крестьянамъ подспорьемъ при земледѣліи. А это разнообразіе причинъ, вызывающихъ

переселеніе, сильно затрудняетъ опредѣленіе числа крестьянъ, на самомъ дѣлѣ въ немъ нуждающихся, а вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняется и принятіе какихъ-либо нормъ для правительственныхъ мѣропріятій.

Ближе всего, конечно, разобраться во всѣхъ этихъ *мѣстныхъ* причинахъ и *мѣстному же* земству, часто изучавшему въ подробностяхъ условія хозяйственнаго быта населенія своего района.

И земство, разумѣется, могло бы не ограничиваться только разсмотрѣніемъ того, кому изъ желающихъ переселиться можно разрѣшить такое переселеніе, а кому нельзя; вмѣстѣ съ признаніемъ нужды въ переселеніи, земство, въ интересахъ своей мѣстности, могло бы изыскать и средства, чтобы сдѣлать самое переселеніе возможнымъ.

Эта сторона дѣла помогла бы, въ свою очередь, пробудить общественный интересъ къ дѣлу переселеній. Общество тогда могло бы поспособствовать образованію, напр., спеціальнаго переселенческаго фонда съ цѣлью оказанія нуждающимся переселенцамъ, въ той или другой формѣ, матеріальной помощи, что повело бы къ сокращенію затратъ на дѣло переселенія изъ государственныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, съ привлеченіемъ земскихъ учрежденій и общества къ активной работѣ въ переселенческомъ дѣлѣ, правительство всецѣло могло бы отдать свои силы на организаціонную работу.

Правительствомъ, правда, и въ настоящее время предпринимается рядъ мѣръ, ведущихъ къ упорядоченію переселенія; но всѣ эти мѣропріятія пока находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Такъ, выясненіе наличности свободныхъ участковъ земель, пригодныхъ для культуры, и обмежеваніе ихъ постоянно отстаетъ отъ переселенческаго движенія; ознакомленіе населенія

о количествѣ и качествѣ заготовленныхъ переселенческихъ участковъ почти совершенно отсутствуетъ; организація передвиженія переселенцевъ и оказаніе имъ въ пути продовольственно-врачебной помощи оставляетъ желать еще очень и очень многаго.

Оказаніе пособія въ пути и на мѣстахъ водворенія въ настоящее время производится только тѣмъ переселенцамъ, которые получили разрѣшеніе на переселеніе; самовольные же переселенцы не пользуются такого рода пособіями. А между тѣмъ эта послѣдняя категорія переселенцевъ довольно значительна по числу и наиболѣе нуждается въ правительственной помощи.

Мы видѣли, что изъ 76½ тысячъ семей, прошедшихъ въ Сибирь за четыре послѣдніе года, съ 1895 по 1899 г., самовольныхъ переселенцевъ насчитывалось 40%, а изъ 87½ тысячъ ходоковъ даже 47%.

Такимъ образомъ довольно значительная группа наиболѣе нуждающихся въ помощи переселенцевъ находится въ настоящее время внѣ сферы самаго существеннаго правительственнаго воздѣйствія. Въ такомъ же положеніи по отношенію къ правительственной помощи находится и другая группа переселенцевъ — „обратные“. Группа эта также довольно значительна по своей численности—въ 1897 г. она, напримѣръ, составила 18% прямого движенія, а въ 1901 г. даже 25%. По своему тяжелому матеріальному положенію группа эта, какъ мы видѣли выше, наиболѣе другихъ нуждается въ продовольственной помощи.

Наконецъ, правительству предстоитъ громадная задача—это забота о поднятіи общаго культурнаго уровня Сибири.

Мы видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находится Сибирь въ отношеніи обезпеченія населенія—образованіемъ, санитарно-врачебной помощью, хорошими

путями сообщенія, экономическими мѣропріятіями и т. п. На все это необходимо обратить серьезное вниманіе, чтобы поднять хоть нѣсколько культурный уровень сибирскаго населенія.

Въ противномъ случаѣ надвигающійся на Сибирь капитализмъ застанетъ населеніе такимъ же неподготовленнымъ для организованной борьбы съ худшими своими проявленіями, какимъ онъ засталъ и населеніе Европейской Россіи.

Нуждается Сибирь и въ административныхъ реформахъ. Изъ реформъ, какими пользуется въ настоящее время Европейская Россія, въ Сибири введены далеко не всѣ: тамъ введено городовое положеніе (съ 1894 г. упрощенное), осуществленъ частью институтъ мировыхъ судей, распространенъ законъ о всеобщей воинской повинности, введено крестьянское общественное управленіе (въ 1898 г. преобразованное введеніемъ института крестьянскихъ начальниковъ); но отсутствуютъ еще земскія учрежденія, гласное судопроизводство, относительная свобода печати.

Правительство само не разъ поднимало вопросъ о введеніи реформъ въ Сибири. Такъ въ 1872 г. въ министерство юстиціи представленъ былъ проектъ о преобразованіи судебной части въ западной Сибири; впрочемъ, проектъ этотъ такъ и остался проектомъ.

Желаетъ этихъ реформъ и само сибирское общество. Лучшіе представители интелигентной Сибири не разъ высказывались и въ печати и въ различнаго рода собраніяхъ за введеніе реформъ въ Сибири.

Такъ, напримѣръ, Енисейская дума, по предложенію гласнаго, нѣкоего г. Скорнякова, первая возбудила въ 1881 г. ходатайство, по случаю исполнившагося трехсотлѣтія Сибири, о введеніи въ Сибири реформъ, какими пользуется Европейская Россія.

Такія ходатайства возбуждались многими учрежденіями и впослѣдствіи.

Самыми насущными первоочередными реформами, по нашему мнѣнію, являются для Сибири—введеніе земскихъ учрежденій по Положенію 1864 г., и гласнаго судопроизводства*), а также предоставленіе печати большаго простора въ дѣлѣ обсужденія вопросовъ мѣстной жизни, болѣе чѣмъ гдѣ-либо нуждающейся въ спасительномъ свѣтѣ гласности.

Съ изданіемъ новаго закона 8-го іюля 1901 г. о насажденіи въ Сибири частнаго, по преимуществу дворянскаго землевладѣнія, отпадаютъ и формальныя соображенія, выставлявшіяся до сихъ поръ противниками введенія земскихъ учрежденій въ Сибири — отсутствіе въ Сибири дворянскаго элемента. Съ изданіемъ новаго закона, въ Сибири, несомнѣнно, въ самомъ непродолжительномъ времени образуется достаточный контин-

*) По газетнымъ извѣстіямъ, въ настоящее время министромъ юстиціи вносится на разсмотрѣніе государственнаго совѣта окончательный проектъ новой редакціи Судебныхъ Уставовъ, измѣненной подъ вліяніемъ замѣчаній разныхъ вѣдомствъ и отзывовъ печати. По отношенію къ Сибири проектъ высказывается за введеніе суда присяжныхъ,—на одинаковыхъ основаніяхъ съ внутренними губерніями,—въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской. Судопроизводство въ остальныхъ частяхъ Сибири оставляется проектомъ на прежнихъ основаніяхъ т.-е. судъ предполагается производить тамъ одними коронными судьями безъ участія представителей отъ общественнаго элемента. Судъ съ присяжными не найдено возможнымъ ввести даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Иркутская и Енисейская, которыя по культурности населенія, въ сущности, очень мало отличаются не только отъ областей Акмолинской и Семипалатинской, но даже и отъ Тобольской и Томской губерній.

Будемъ надѣяться, что правительствомъ въ настоящее время предпринимается лишь первый опытъ и что въ ближайшемъ же будущемъ и остальныя части Сибири будутъ сравнены въ формахъ судопроизводства съ губерніями и областями, въ которыхъ предположено теперь произвести безусловно желательную реформу въ этомъ направленіи.

гентъ дворянства, которое и могло бы войти въ составъ земства, какъ нивеллирующій элементъ.

Говоримъ по формальнымъ соображеніямъ, такъ какъ изъ исторіи земскихъ учрежденій въ Европейской Россіи извѣстно, что такія, напримѣръ, исключительно крестьянскія земства, какъ Вятское и отчасти Пермское, заявили себя, какъ самыя дѣятельныя и прогрессивныя.

Введеніе земскихъ учрежденій въ Сибири значительно облегчило бы правительству разрѣшеніе и довольно сложной задачи по поднятію культурнаго уровня сибирскаго населенія и вообще по упорядоченію сибирской жизни.

Народное образованіе, организація санитарно-врачебнаго и ветеринарнаго надзора, улучшеніе путей сообщенія, часть экономическихъ мѣропріятій и переселенческаго дѣла—могло бы быть возложено на попеченіе земскихъ учрежденій.

Что дѣло это было бы въ надежныхъ рукахъ, въ этомъ намъ можетъ служить порукой дѣятельность земскихъ учрежденій въ Европейской Россіи, гдѣ ими такъ много сдѣлано, въ особенности въ области народнаго образованія и обезпеченія населенія врачебно-санитарной помощью.

И мы глубоко увѣрены въ томъ, что правительство, идя рука объ руку съ обществомъ, легче разрѣшило бы свою сложную задачу по отношенію къ Сибири и, несомнѣнно, скорѣе пріобщило бы эту нашу далекую окраину къ западно-европейской культурѣ вообще и къ культурѣ Европейской Россіи въ частности.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Заселеніе Сибири отъ покоренія Сибирскаго царства до начала XIX-го вѣка.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

Стр.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Заселеніе Сибири съ начала XIX в. по 1861 г.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

Стр.

ГЛАВА VI.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Заселеніе Сибири въ пореформенный періодъ нашей исторіи (съ 1861 г. по 1900 г. включительно).

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

Стр.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хозяйственный бытъ сибирскихъ переселенцевъ и вообще культурныя условія жизни сибирскаго населенія въ пореформенный періодъ нашей исторіи.

ГЛАВА I.

Стр.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

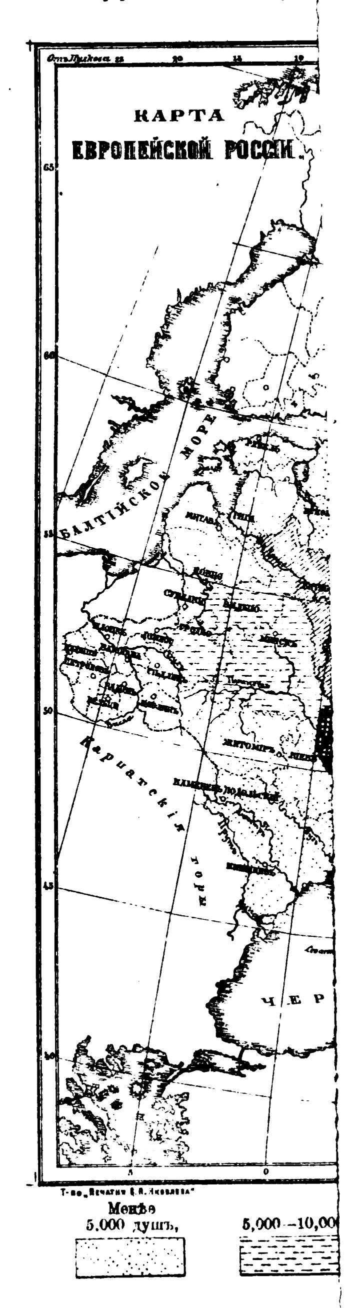
ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

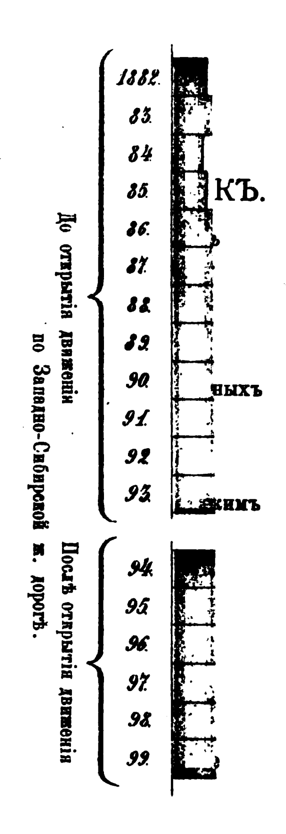
Движеніе перес

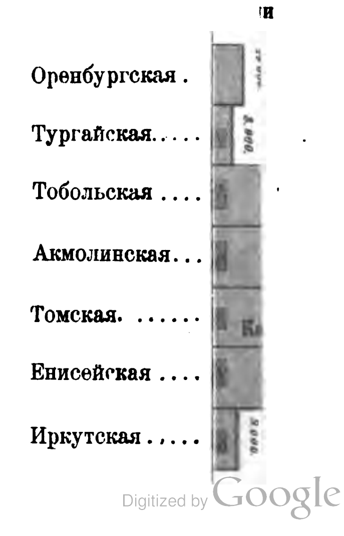


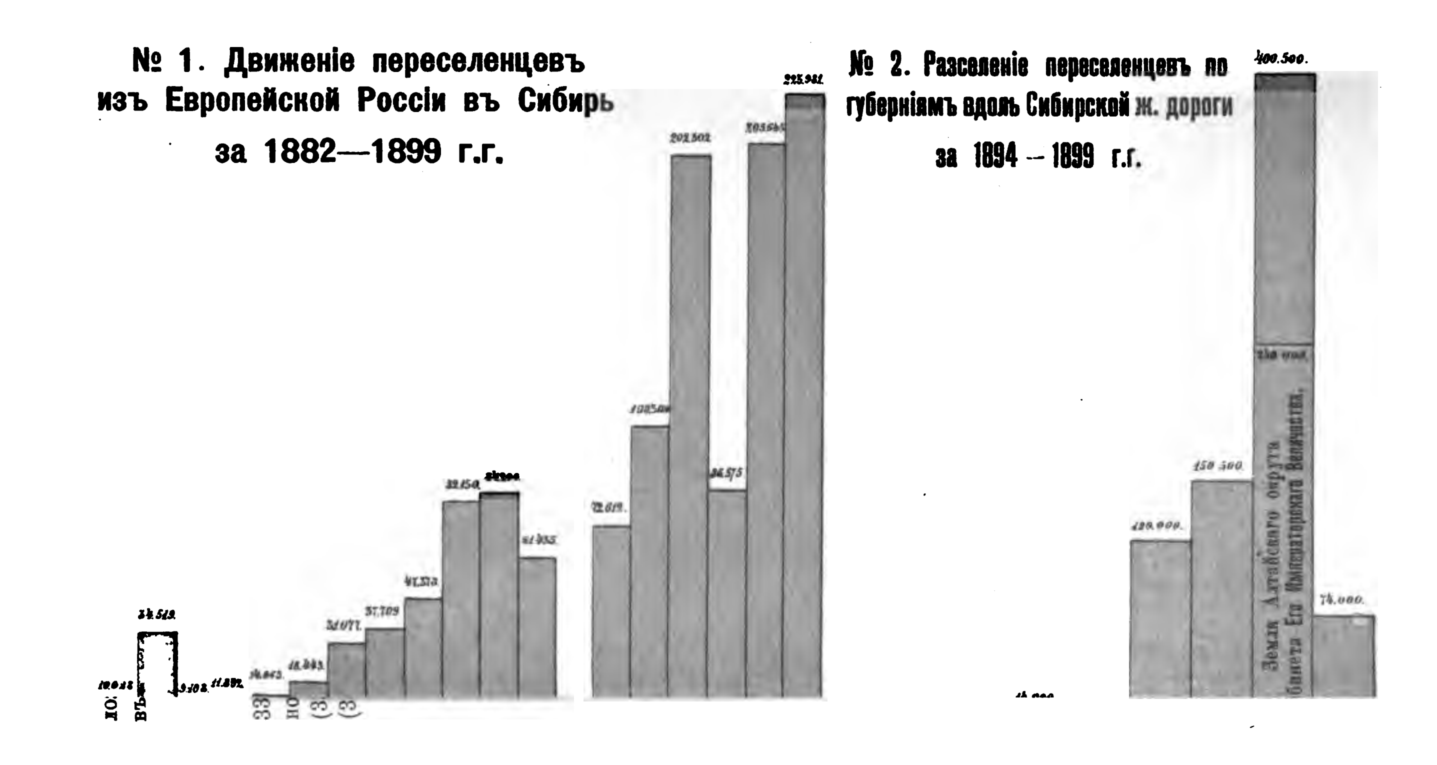
Т-во „Печатни С. П. Яковлева"

Менѣе 5.000 душъ,

5,000 –10,00

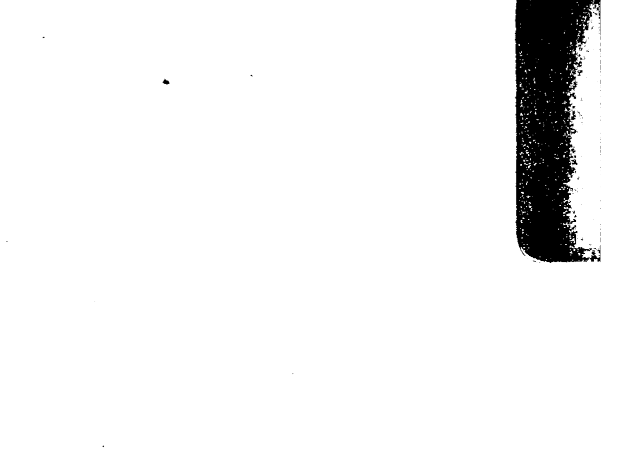


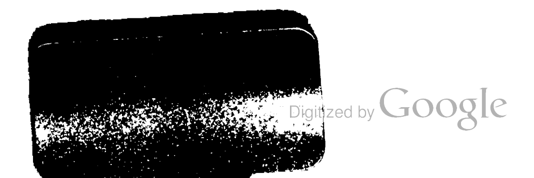


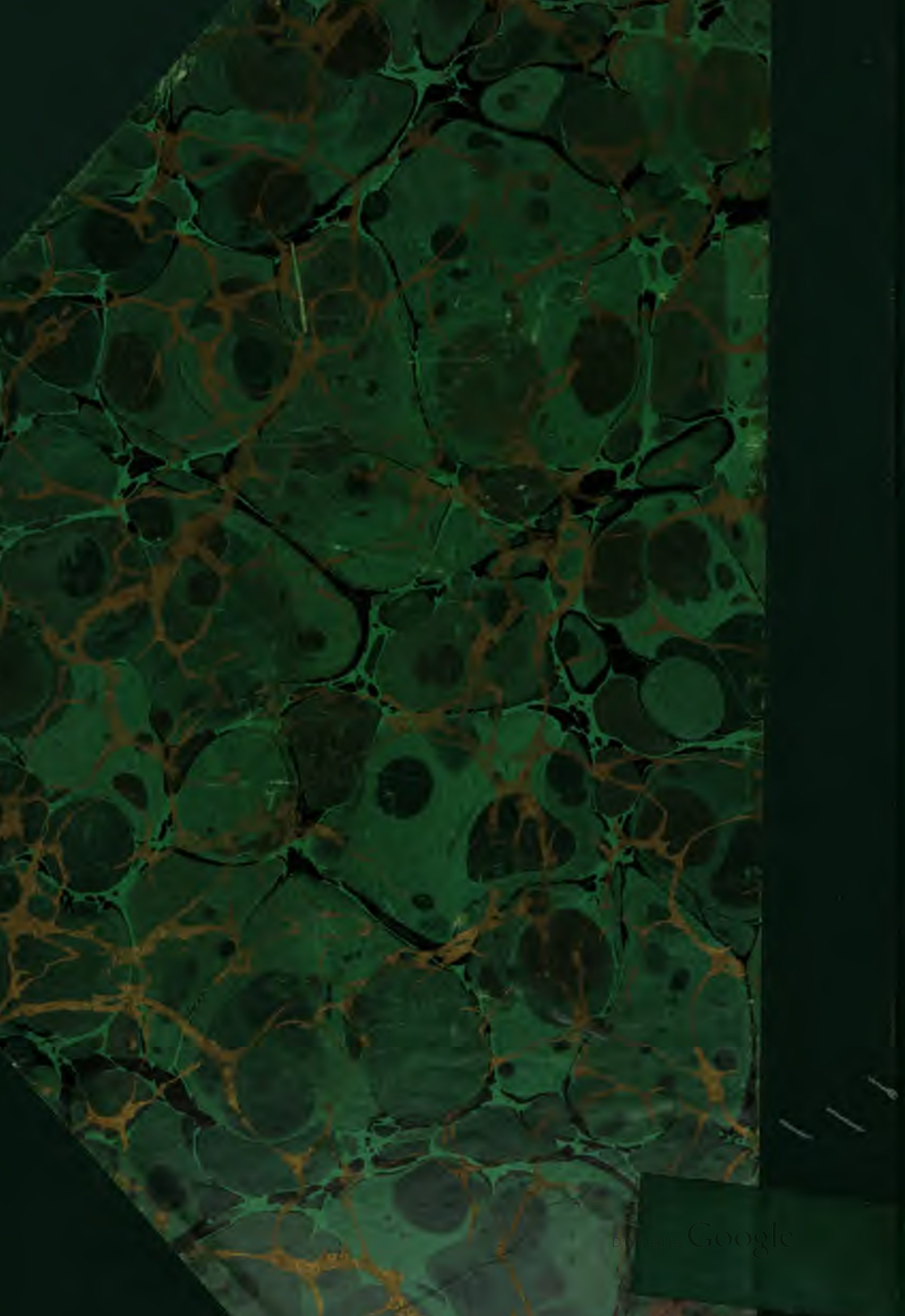

№ 1. Движеніе переселенцевъ
изъ Европейской Россіи въ Сибирь
за 1882—1899 г.г.
37.709
41.370
72.619.
202.502
225.981
№ 2. Разселеніе переселенцевъ по
губерніямъ вдоль Сибирской ж. дороги
за 1894 — 1899 г.г.
400.500.
150 500
120.000.
Земля Алтайскаго округа
бинета Его Императорскаго Величества.
74.000.

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть напечатано.*
VI (предисл.)	13 сверху	95 г.	1895 г.
12	7 „	половивы	половины
25	10 „	странъ	частей
56	7—8 „	государственнымъ крестьянамъ	государственныхъ крестьянъ
59	13 снизу	00.000	300.000
69	7 „	Уставы	Уставъ
76	4 сверху	преселенческимъ	переселенческимъ
113	16 „	рабочикъ	рабочихъ
125	12 снизу	угрожала	угрожалъ
128	3 сверху	4, 1/2	4 1/2
154	17 снизу	которыо	которые
174	1 „	составили	составила
188	13, 19, 20 сверху	іюля	іюня
195	4 снизу	іюля	іюня
196	1 сверху	іюля	іюня
209	14 снизу	Хозяйственный бытъ	Экономическое положеніе
221	3 „	сравиеію	сравненію
261	5 „	здѣть	здѣсь
278	5 „	вернутся	вернуться
279	2 „	соыльныхъ	ссыльныхъ
282	12 „	непостоянными	не постоянными
294	15 сверху	образованія	образованіи
320	5 „	учебнаго	чтебнаго
321	11 „	навобранцевъ	новобранцевъ
328	1—2 „	огранаго	аграрнаго
335	2 „	дла	для
345 (прим.)	1—2 снизу	выражаетя	выражается
362	10 сверху	іюля	іюня
368 (оглавл.)	12 снизу	іюля	іюня






Google